

И. Р. ЧИКАЛОВА

**ПРОФЕССОР ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЖУЕВ:
РОССИЙКИЙ АНГЛОВЕД И ЛИБЕРАЛ**

В статье предпринята попытка осмыслить место П. Г. Мижуева (1861–1932) в российском англоведении, его вклад ученого в изучение британского общества, включая проблемы парламентаризма и разделения властей, расширения гражданских прав, развития системы образования, подходы к градостроительству, решению проблем бедности и повышения благосостояния населения, взаимоотношений Англии с переселенческими колониями, а также усилий П. Г. Мижуева в транслировании передового опыта Великобритании и ее доминионов в российскую интеллектуальную среду и массовое сознание.

Ключевые слова: П. Г. Мижуев, Англия, доминионы, российское англоведение.

Имя Павла Григорьевича Мижуева, последователя умеренно-либеральной и позитивистской школы Н. И. Кареева, на долгие годы было фактически забыто официальной историографией. В Новом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона имеется краткая прижизненная биографическая справка:

«Мижуев Павел Григорьевич – писатель. Родился в 1861 г.; образование получил в Морском училище (ныне Морской корпус). Главные труды: «Современная школа в Западной Европе и Америке» (М., 1912), «Средняя школа в Англии» (Петроград, 1914), «Средняя школа во Франции» (1902), «Школа и общество в Америке» (1902); «Главные моменты в развитии школы в Западной Европе» (М., 1912), «Политическая история Англии в XIX в.» (1908), «История колониальной империи Англии» (2-е изд., 1909), «История Великой Американской демократии» (1906), «Великий раскол англосаксонской расы» (Американская революция; 1901), «Восьмичасовой рабочий день» (1907), «История одной стачки» (1907), «Парламентаризм» (1906), «Главные федерации современного мира» (1907), «Передовая демократия» (Новая Зеландия, 4-е изд., 1906); «Крестьянское Царство» (Канада, 2-е изд., 1907), «Социологические этюды» (1904), «Счастливая Австралия» (1909), «Сады-города Англии» (1916). Составил ряд учебников французского языка»¹.

Уже эта заметка выделяет главные сферы научных занятий Мижуева: эволюция политических систем англосаксонских стран и развитие народного образования в Западной Европе и Америке. Педагогиче-

¹ *Мижуев Павел Григорьевич* // Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 1916. Т. 26.

ская энциклопедия (1965 г.) разместила биографическую справку даже чуть более объемную, чем у Брокгауза и Ефрона:

«Мижув Павел Григорьевич [16 (28).2. 1861, Севастополь, — 1932, (?)] – рус. педагог, специалист по истории западноевропейской и американской школы конца 19 – начала 20 в. В 1885–1902 – преподаватель франц. языка в 6-й петербургской гимназии. С 1902 по 1924 – гл. библиотекарь Петербургского технологического института. С 1906 преподавал также в различных вузах Петербурга. М. принимал активное участие в журн. “Русская школа”, “Педагогический сборник”, “Естествознание в школе” и вёл хронику по вопросам просвещения за рубежом. М. – автор ряда небольших популярных биографий замечательных людей в серии “Нашему юношеству рассказы о хороших людях”, популярных книг по экономике, государственному праву, женскому движению»². Российская педагогическая энциклопедия 1993 г. добавляет: «...профессор. После Октябрьской революции продолжал преподавательскую работу»³.

Вот, собственно, и вся информация, которую можно найти о Мижуеве в энциклопедиях, справочниках и словарях. Дополнительно удалось выяснить, что в 1917–18 гг. он был избран в преподавательский состав трех факультетов Петроградского университета (историко-филологического, юридического и факультета восточных языков) – факт, не имеющий аналогов в истории российских университетов⁴.

История, политическая система, социальное устройство, народное образование Великобритании – эти сюжеты П. Г. Мижув изучал долгие годы:

«В течение нескольких десятков лет мы изучаем все стороны английской жизни, бывали в Англии несколько раз, встречались там с представителями разных общественных классов, бывали в домах разных лиц, главным образом, однако, в домах учителей народных школ и профессоров университетов. Мы не имели лишь случая – и не искали его – видеть, как живут в Англии люди богатые, как живет высшая английская буржуазия»⁵.

Интерес к его работам вызывался не только их актуальностью для того времени, но и высокой степенью достоверности и научности. Определяя подходы к методам исследования общественного и политического строя, например, Новой Зеландии, Мижув декларировал:

² *Зиневич*. 1965. Т. 2. С. 826.

³ Российская педагогическая энциклопедия. 1993. Т. 1. С. 573.

⁴ На это указывает сам Мижув в письме В. И. Вернадскому от 01.04.1929 г. // Архив РАН. Личный архив академика В. И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 2. На историко-филологическом факультете он читал лекционный курс «История англосаксонского мира в XIX и XX вв.». *Дунаевский*. 1974. С. 332.

⁵ *Мижув*. Образцовые рабочие поселки... С. 9.

«Мы исходим в описании современного состояния Н. Зеландии по преимуществу из официальных данных, редко покидая сферу достоверных фактов, текста законов и извлекаемых из официальных изданий цифр. В тех случаях, когда мы позволяем себе общую характеристику той или иной сферы общественной жизни, мы большею частью говорим словами лиц, близко наблюдавших описываемые нами явления, а иногда и принимавших деятельное участие в созидании той или иной отрасли социального законодательства колонии»⁶.

Немногие могли бы сравниться с Мижуевым по вкладу в популяризацию в российской среде английских демократических институтов и успехов британских доминионов в социально-политической сфере. В фокусе внимания Мижуева находился широкий круг проблем: политическая история Англии; парламентаризм, проблема разделения властей и права человека; колониальная империя и становление доминионов; социальные аспекты жизни (бедность, минимальная заработная плата, восьмичасовой рабочий день, профессиональная самоорганизация рабочих, движение за женское равноправие); градостроительство и быт; народное образование от начального до университетского. Но эти темы интересуют Мижуева не сами по себе, он постоянно адресует к российскому читателю, проводит аналогии и сравнения с российской действительностью. Рабочие поселки в Англии в описаниях Мижуева выступают тем образцом, который полезно перенять и в России:

«...идеалы жилищных условий для рабочих были у нас всегда очень низки. То немногое, что было раньше сделано, пришло теперь в совершенную негодность. При таком положении дела нельзя не считать в высшей степени важным и своевременным познакомиться с тем, что делается или что еще недавно делалось в этом отношении в разных странах»⁷. Сообщая данные об арендной плате за двух- и трехкомнатные коттеджи для новозеландских рабочих, замечает: «Мы уверены, что обыкновенный русский читатель, прочтя эти строки, усомнится, что он их прочел правильно, перечтет вторично, убедится, что прочел верно: но сомневаться в правильности сообщаемых нами сведений не перестанет, хотя бы мы его уверяли, что эти строки взяты из официального издания, вышедшего в Англии, назначенного для англичан и подлежащего ничем не стесняемой критике всех слоев английского общества и в том числе английских рабочих. Нет, этих рабочих должно быть просто вводят в заблуждение, хочется думать русскому читателю, привыкшему к совершенно иной обстановке жизни...»⁸. Зарботки в Канаде, «мера их европейским масштабом, очень велики, и для нас – русских, представляются просто-таки невероятными»⁹. Говоря об успехах народного образования в Австралии, отмечает: «благодаря системе стипендий, выдаваемых к экзамену более даровитым детям

⁶ *Он же*. Передовая демократия современного мира. 1905. С. 3.

⁷ *Он же*. Образцовые рабочие поселки... С. 3.

⁸ *Он же*. Передовая демократия современного мира. С. 2-3.

⁹ *Он же*. Крестьянское царство. С. 96.

мало обеспеченных классов, рабочие Австралии и в этом отношении оказываются в лучших условиях, чем рабочие любого из государств Зап. Европы, не говоря уже, конечно, о России»¹⁰.

Одной из ключевых тем в творчестве Мижужева стало осмысление исторического опыта преобразования государства и общества на принципах демократии. Основную задачу труда «Политическая история Англии в XIX в.» он усматривал в изложении «политической истории Англии в 19 веке, когда сложились окончательно некоторые из наиболее важных конституционных традиций» <...> благодаря которым <...> «м о н а р х и е с к а я Англия сделалась фактически одной из наиболее замечательных д е м о к р а т и й нашего времени, – демократий не по форме, а по существу, то есть одним из таких государств, где общественное мнение составляет самую значительную по своему влиянию силу, и где народное сочувствие и одобрение, выражаемое на выборах и тысячами иных способов (пресса, собрания и митинги и т.д.), является фактически главным источником всякого авторитета и всякой власти»¹¹. К раскрытию многообразных направлений и результатов процесса демократизации Мижуев обращался в ряде трудов. Даже выбор персоналий написанных им биографических очерков – Уильяма Гладстона (1893)¹², Ричарда Кобдена (1894)¹³ и Генри Бродгерста (1902)¹⁴ – призван показать преимущества строя, открывавшего выходцам из народных низов перспективы успешной политической самореализации. Гладстон родился в семье коммерсанта, Кобден – в семье фермера, а Бродгерст – в семье рабочего. Последний окончил народную школу, был в молодости каменщиком, много странствовал по Англии; в качестве члена союза каменщиков был избран членом его правления, потом секретарем парламентского комитета союза тред-юнионов, принимал деятельное участие в политической жизни в качестве оратора на митингах и члена Лиги реформы, добивавшейся расширения избирательного права. В 1880 г. Бродгерста избрали в Палату общин от либеральной партии. Как член парламента он успешно отстаивал интересы рабочих и в 1880 г. добился рассмотрения билля об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве. В третьем кабинете Гладстона получил пост товарища министра внутренних дел – в Великобритании это был первый случай участия рабочего в кабинете.

¹⁰ *Он же*. Счастливая Австралия. С. 200.

¹¹ *Он же*. Политическая история Англии в XIX в. С. 9.

¹² *Он же*. Вильям Гладстон...

¹³ *Он же*. Ричард Кобден...

¹⁴ *Он же*. Генри Бродгерст...; *Он же*. Министр-каменщик...

Мижуев был среди первых отечественных популяризаторов парламентаризма, разделения законодательной и исполнительной властей. В 1906 г. в обстановке острой политической борьбы вокруг созыва Государственной думы он опубликовал несколько брошюр о парламентской системе: «Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы», «Народное представительство и законодательные собрания в главных странах современного мира», «Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира», «О формах и сущности государственного строя», «Права человека и гражданина». Каждая из них сравнительно невелика по объему – автор стремился донести свои идеи до массового читателя, – но вместе они давали достаточно законченное представление о политической системе и институтах европейских стран, прежде всего, Великобритании. Характеризуя сущность представительной формы правления, Мижуев определял ее как «такую организацию государственного управления или, точнее, такие отношения между законодательным собранием и исполнительной властью, в которых парламенты играют доминирующую роль»¹⁵. Именно современная парламентская система исходит из того, что «народные представители, являясь более авторитетными и более правильными, чем кто-либо другой, выразителями народных нужд и желаний, могут с наибольшим основанием решать государственные дела, а также претендовать на выбор тех лиц, которым поручается непосредственное управление»¹⁶. Мижуев разделял взгляды английского философа и общественного деятеля Дж. С. Милля, который полагал, что подлинное народное представительство, власть народа, включает не только право на свободные выборы депутатов, но и право контроля над деятельностью правительства. Мижуев отмечал, что от народных представителей «естественнее всего ожидать бдительного контроля над действиями министров, почему и желательно предоставить им возможность лишать власти министров, как только они, то есть министры, окажутся не на высоте своих трудных и высоких обязанностей»¹⁷. Этот подход был чрезвычайно важен для формирования концепции российского парламентаризма. По Мижуеву, степень влияния народных представителей на высшие органы исполнительной власти, с одной стороны, отношение власти к институту парламентаризма, с другой, дают наилучший критерий для общей оценки по-

¹⁵ Мижуев. Парламентаризм и представительная форма правления... С. 6.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 4-5.

литического режима страны с точки зрения его соответствия демократическим принципам. К темам политических свобод Мижуев вновь возвращается в революционном 1917 г., опубликовав отдельными изданиями брошюры «Политическая свобода и народное богатство», «Основы пропорционального избирательного права», «Права человека и гражданина», «Равноправие женщин: права женщины и ее обязанности».

В 1901–1907 гг. Мижуев публикует цикл работ, объединенных общей темой – история Великобритании и ее колониальной империи. Это не был случайный выбор. После наделения Канады, а за ней и других самоуправляющихся колоний статусом доминиона, эти бывшие колонии приобретали все больше черт независимых и – что представлялось еще более важным – демократических государств. В начале XX в. доминионы достигли впечатляющих успехов в экономике и социальной жизни, а в сфере взаимоотношений с метрополией наметилась тенденция к установлению федеративных отношений вместо прямого подчинения. Социально-политическое развитие Британской империи являло пример эффективности политики преобразований, что с успехом и показал Мижуев в таких работах (в порядке выхода в свет), как: «Передовая демократия современного мира. Английская колония “Новая Зеландия”»¹⁸, «Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция»¹⁹, «История колониальной империи и колониальной политики Англии»²⁰, «Как образовались Соединенные Штаты Австралии»²¹, «Образование Соединенных Штатов Австралии»²², «Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады»²³, «Счастливая Австралия»²⁴. Востребованность этих трудов у российского читателя была высока – большинство из них вышли повторными изданиями.

Труды по колониальной тематике многогранны, дают описание природы, раскрывают судьбы коренного населения, прослеживают процесс колонизации и в то же время акцентируют внимание на политической и социальной эволюции колоний. В его интерпретации Новая Зеландия предстает как страна передовой демократии, которая по многим направлениям развития превзошла метрополию. Мижуев, детально раз-

¹⁸ *Мижуев*. Передовая демократия современного мира. 1901; 2-е изд., испр. и доп. 1905; Изд. третье. 1905; 4-е изд. 1907.

¹⁹ *Он же*. Великий раскол англо-саксонской расы...

²⁰ *Он же*. История колониальной империи...

²¹ *Он же*. Как образовались Соединенные Штаты Австралии...

²² *Он же*. Образование Соединенных Штатов Австралии...

²³ *Он же*. Крестьянское Царство...

²⁴ *Он же*. Счастливая Австралия...

бираясь в развитии политических институтов Новой Зеландии, с полным основанием заостряет внимание на проблеме всеобщего избирательного права. Он называет «смелым шагом» дарование в 1893 г. всем женщинам избирательного права.

«Ничего ужасного от этого не произошло. Женщины охотно воспользовались данными им правами; при первых выборах, бывших при их активном участии (1893), 90% всех женщин, значащихся в избирательных списках, подали свои голоса, тогда как из мужчин голосовали только 70%»²⁵. Демократический характер государственного строя Новой Зеландии «самым существенным образом отразился и на постановке вопроса о нормальных функциях правительственной власти или вопроса о границах «вмешательства» и «невмешательства» правительственных властей в то, что считается нормальной, естественной, и, что скорее следовало называть, традиционной организацией общественных отношений»²⁶.

Мижуев имеет в виду, что сложившаяся парламентская система устранила противостояние законодательной и исполнительной властей, обеспечила возможность согласованного решения социальных проблем. В Новой Зеландии создали систему арбитража для урегулирования трудовых конфликтов и фабричное законодательство, гарантировавшее защиту прав рабочих от произвола работодателей, установили 8-часовой рабочий день, ввели пенсионное обеспечение. Была обеспечена всеобщая грамотность, университеты давали образование по европейским стандартам.

Не меньше привлекает Мижуева социально-политическая история австралийских колоний Великобритании, во второй половине XIX в. представлявшая «непрерывно развивающийся процесс демократизации всех общественных учреждений. Право голоса, принадлежавшее прежде только лицам, удовлетворявшим известному имущественному цензу, было в одной колонии за другой распространено на всех совершеннолетних мужчин, а затем в большинстве колоний (ныне штатов) и на совершеннолетних женщин»²⁷. Разрешив многие политические вопросы, а к ним, кроме введения всеобщего избирательного права, следует добавить официальное учреждение с 1 января 1901 г. Австралийской Федерации, австралийские власти и общество сконцентрировали внимание на решении экономических и социальных вопросов. Расценивая проблему разрешения трудовых конфликтов как одну из наиболее актуальных (видимо, с учетом социально-политической обстановки в России),

²⁵ *Он же*. Передовая демократия современного мира... С. 110-111.

²⁶ Там же. С. 13.

²⁷ *Мижуев*. Счастливая Австралия. С. 25-26.

Мижув детально рассматривает пути ее решения в Австралии. В штате Виктория, например, в 1896 г. учредили «Специальные комиссии» для установления минимальной заработной платы в отдельных производствах. В 1903 г. создали апелляционный суд в составе члена Верховного суда и по одному представителю от предпринимателей и рабочих для пересмотра постановлений «Специальных комиссий». Парламенты штата Западная Австралия в 1900 г., Нового Южного Уэльса в 1902 г. и Австралийской Федерации в 1904 г. приняли законы об арбитраже для разрешения производственных конфликтов. Значение этих законов двойное. Во-первых, рабочие могли воспользоваться услугами арбитража только будучи организованными в профессиональный союз, а следовательно, создавались законодательные предпосылки для объединения рабочих в профсоюзы. Во-вторых, во время разбирательства дела в арбитражном третейском суде стачки запрещались под угрозой уголовного преследования. Решения третейского суда признавались обязательными для всех промышленных и торговых предприятий данной отрасли. Принятие этих законов привело, с одной стороны, к резкому росту профессиональных рабочих союзов, а с другой – к предупреждению стачек, предпосылки к которым устранялись возможностью применения арбитражной процедуры: «благодаря постановлениям третейского суда уменьшилось применение женского и детского прекратилась эксплуатация труда взрослых, продолжительность рабочего дня уменьшилась, воскресная работа исчезла совершенно»²⁸. Оценивая австралийскую социальную политику, Мижув заключает: «Штаты Австралийской Федерации, производя свои смелые социальные опыты, не только... создают у себя более справедливый социальный уклад, но и своим примером содействуют осуществлению тех же идей в учреждениях других стран современного культурного мира»²⁹.

Мижув полагал условием укрепления государства и роста благосостояния нации народное просвещение. Общий подъем образовательного уровня народа он считал основой модернизации страны:

«Школа должна одних... приобщить к современной культуре, то есть сделать их способными, во-первых, сколько-нибудь ясно и правильно понимать тот мир, среди которого им придется жить, и, во-вторых, способными действовать в этом мире, хотя бы в роли... более или менее сознательных участников общей работы. Других... подготовить к тому, чтобы они при наличии соответственных стремлений и способностей – а отыскать молодых людей,

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Там же. С. 28.

имеющих для этого надлежащие данные, составляет также одну из важнейших задач той же школы – могли содействовать дальнейшему прогрессу человечества, прогрессу его материальной и духовной культуры»³⁰.

В главных европейских странах вопрос об обязательном начальном образовании (а в некоторых – и среднем) был успешно решен, в то время как в России к нему надо было еще подступиться. Мижуев констатировал: «Россия занимает одно из последних мест среди культурных стран как по (относительному) количеству, так и в особенности по качеству народных школ, а равно и по размерам затрат на содержание их, и следовательно, вообще по состоянию просвещения народа»³¹. Он отмечал негативные последствия, вытекавшие из низкого уровня состояния народного просвещения в России, в числе которых гораздо менее производительный труд и объясняемая этим крайняя бедность народа. Как следствие, России принадлежит «одно из последних мест среди культурных народов по средней продолжительности жизни, и, следовательно, одно из первых по смертности... Невежество и вообще малокультурность русского народа крайне затрудняют управление им и вообще регулирование жизни большей части русского крестьянства, нигде в других странах не наблюдающиеся... ставит непреодолимые препятствия для развития так называемой “общественной нравственности”, то есть сознания своих обязанностей по отношению не только к людям, с которыми вступаешь в непосредственные, близкие отношения, но и по отношению ко всем согражданам вообще»³². Только в 1907 г. законопроект о введении всеобщего начального обучения в России был внесен Министерством народного просвещения в Государственную думу второго созыва. Министр П. М. фон Кауфман в выступлении перед депутатами подчеркивал недопустимость низкого уровня грамотности населения, особенно женщин, поскольку «женщина – это мать, которая самой природой назначена быть первой учительницей своего ребенка. Очевидно, что откладывать далее, если не обязательное, то общедоступное начальное обучение нельзя»³³. Однако законопроект так и не приняли.

С учетом состояния народного образования в России пример образовательной политики зарубежных государств должен был сослужить воспитательную роль как для управляющей элиты, так и для управляемых граждан России. В этих целях Мижуев познакомил русскую обще-

³⁰ Мижуев. Современная школа в Европе и Америке... С. 8.

³¹ Мижуев. Влияние народного образования... С. 143.

³² Там же. С. 143-147.

³³ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. С. 60, 68.

ственность с эволюцией образовательных учреждений во Франции, Германии, Швеции, Норвегии, США, в других странах, где этот вопрос успешно решался³⁴. Вот его общий вывод:

«<...>во всех более культурных государствах прохождение курса начальной школы стало *обязанностью*, и притом обязанностью важнейшей, не допускающей никаких изъятий, для всякого подрастающего члена общества. <...> основанием для нее послужило глубокое убеждение в крайней важности для всего общества, чтобы в среде его не было лиц, лишенных всех тех благ образования и воспитания, которые может и должна давать людям школа, и потому способных сделаться впоследствии обузой, вследствие неумения заниматься ничем иным, кроме простейших видов физического труда, все более и более заменяемого в наше время машиной, и даже угрозой для всего общества – вследствие развращающего влияния праздного шатания в годы ранней молодости, вследствие способности невежественных людей верить самым нелепым слухам и возможности с их стороны самых нелепых форм протеста при разнородных общественных бедствиях»³⁵.

Более десяти работ Мижуев посвятил развитию образовательных учреждений в Англии³⁶. Особый интерес к этой теме объяснялся поучительностью английского опыта реформирования системы образования, обнаружившей в середине XIX в. отставание Великобритании в этой области. Даже в школах, получавших государственные субсидии, обучение сводилось к заучиванию наизусть некоторых правил веры и нрав-

³⁴ Мижуев. О подготовке учителей для средней школы в Северной Америке...; *Он же*. Образование во Франции: низшее, среднее и высшее...; *Он же*. Средняя школа в Германии...; *Он же*. Начальное и среднее образование в Швеции...; *Он же*. Народное образование и реформа средней школы в Норвегии по Отто Андерсену и другим источникам...; *Он же*. Вопрос о реформе средней школы во Франции...; *Он же*. Современная школа в Европе и Америке...; *Он же*. Главные моменты в развитии Западно-Европейской школы. XVI– XVIII вв...; *Он же*. Средняя школа во Франции и ее реформа в XX в...; *Он же*. Вопросы средней школы в Европе...

³⁵ *Он же*. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность... С. 111-113.

³⁶ *Он же*. Очерк развития и современного состояния народного образования в Англии. 1896; *Он же*. Взгляды и деятельность национальной ассоциации для распространения технического и реформы среднего образования в Англии. 1897; *Он же*. Очерк развития и современного состояния среднего образования в Англии. 1898; *Он же*. Лондонские школы и начальное образование в Англии. 1902; *Он же*. Среднее образование в Англии. 1906; *Он же*. Народные университетские дома в Лондоне. 1907; *Он же*. Вечерние дополнительные школы и курсы в Англии. 1908; *Он же*. Вопрос об обязательном образовании подростков в Англии...; *Он же*. Главные моменты в развитии Западно-Европейской школы. 1913; *Он же*. Средняя школа в Англии и ее реформа в XX в. 1914; *Он же*. Лондонские школы экономических и политических наук. 1914; *Он же*. Оксфордский и Кембриджский университеты...; *Он же*. Английские университеты: Действительность и идеалы... 1915.

ственности. Если дети и умели читать, то часто плохо понимали прочитанное. В 1861 г. из 2,5 млн детей только 1,5 млн получали хоть какое-то образование. Задачей национального масштаба стало обеспечение всеобщего начального образования как инструмента воспитания трудолюбивых и законопослушных граждан, подготовки работников, способных трудиться в условиях фабричного производства. Мижуев в деталях рассматривает содержание проведенной парламентом школьной реформы, явившейся одним из наиболее значимых социальных мероприятий своего времени. По принятому в 1870 г. Акту Форстера всю Великобританию разделяли на школьные округа, в которых налогоплательщики, включая женщин, избирали школьные советы. Они пользовались широкими полномочиями: там, где недоставало школ, открывать новые, делать представление местным властям о взимании школьного налога, решать, должно ли быть посещение школ детьми в возрасте от 5 до 13 лет обязательным и бесплатным, утверждать учебный план, назначать учителей. Определили требования к школьному обучению, касавшиеся доступности, благоустроенности помещения, состава учителей и предметов обучения. Школы получили государственные субсидии. В 1876 г. парламент повысил возраст обязательного обучения до 14 лет. На основании закона родители, не заботившиеся о посещении детьми начальных школ, и работодатели, принимавшие детей без учета школьных законов, наказывались штрафом. В системе мер по развитию начального образования особое внимание Мижуева привлекают гарантии, обеспечивающие обязательность обучения: «в одном только Лондонском школьном комитете служит свыше 300 лиц, следящих за аккуратным посещением школ детьми»³⁷. С 1891 г. все школы стали получать субсидии в размере 10 шилл. в год на каждого ребенка. Это сделало начальное обучение фактически бесплатным. Более того, Мижуев счел важным подчеркнуть, что «ученики, совершенно закончившие нормальный курс начальной школы, могут продолжать далее посещение начальной школы и заниматься с учителями такими предметами, которые не входят в курс элементарного образования, при чем правительство выдает школам за эти занятия субсидии, если только таким детям не больше 16 лет. Таким образом, образование в Англии для желающих учиться бесплатно до 16 лет»³⁸.

Мижуев обращается и к проблеме среднего образования, система которого не была унифицирована в Англии, перестала на определенном

³⁷ Мижуев. Современная школа в Европе и Америке... С. 14.

³⁸ Там же. С. 147.

этапе отвечать потребностям времени. Даже наиболее престижные школы в Итоне, Винчестере, Регби, Харроу, как и небольшое число других, доступных лишь для аристократической элиты, давали совершенно недостаточное образование. Мижуев приводит заключение созданной в 1861 г. комиссии, которая пришла к выводу, что молодой человек «проучившись в школе 4 или 5 лет и окончив ее 19 лет, ... почти не знает ни географии, ни истории своей родной страны, который не знает ни одного нового языка, едва умеет правильно писать на своем родном языке, не вполне тверд ни в четырех действиях арифметики, ни в элементарной геометрии, не знает совершенно физики, не умеет ни рисовать, ни чертить, не знаком совершенно с музыкой, умственно мало развит, не приобрел любви или привычки к чтению или наблюдению»³⁹. Констатация уровня обучения в средней школе потребовалась Мижуеву, чтобы обозначить исходное состояние, мотивы и масштабы проведенной реформы среднего образования. В 1868 г. парламент принял закон о средних школах, предусмотрев, что стипендии и бесплатные места в них должны предоставляться по результатам экзамена, к которому допускались выходцы из разных социальных слоев. В средних школах наряду с классическими стали создавать т.н. «новые» отделения. Если в первых главными предметами были древние языки, то во вторых доминирующее место заняли новые языки, математика и естественные науки. Дух реформ затронул привилегированные учебные заведения. В школы уровня упоминавшихся Итона, Винчестера и Харроу стали принимать детей не только из аристократических, но и из буржуазных кругов.

Индустриализация промышленного производства и механизация сельского хозяйства требовали специалистов, компетентных в технической сфере, способных сохранить и приумножить английскую промышленную гегемонию. Другого пути, как расширение в рамках среднего образования цикла естественно-математических дисциплин и даже открытия профилированных школ, не было. В 1889 и 1891 гг. парламент принял законы о техническом образовании, под которым понималось не получение узкой профессии, а обучение естественным наукам, математике, техническому рисованию, современным языкам, необходимым для освоения высокотехнологичного производства. Органы самоуправления, советы графств и городов получили право собирать налоги для финансирования преподавания этих предметов, а также выплаты стипендий и оплаты обучения. Но школ, дававших выпускникам качест-

³⁹ Мижуев. Средняя школа в Англии и ее реформа в XX в. С. 5.

венное образование, все еще было недостаточно даже в крупных городах. В 1902 г. парламент принял новый закон о народном образовании: он упразднил школьные советы и передал дело просвещения в руки советов графств, которые создавали комитеты по народному образованию. Их компетенция распространялась на все начальные и средние школы.

Впервые в истории Англии вся система школьного образования стала сферой ведения государства, которое взяло на себя дополнительные функции по субсидированию школьников из малообеспеченных семей. Перешедшие из начальной школы в среднюю в зависимости от доходов родителей могли получить стипендию в виде освобождения от платы за обучение, предоставления бесплатных учебников, возмещения расходов на транспорт, денежной помощи на питание и одежду. Мижуев отмечает и масштабы предоставлявшейся помощи: «Если мы возьмем *все число учеников, обучающихся в средних школах бесплатно*, то мы увидим, что в 1911–1912 гг. (по данным министерского отчета), их считывалось... почти 35% всего числа учащихся в средних школах, субсидируемых Министерством»⁴⁰. Социальные последствия этого выразились в возможности для менее обеспеченных людей дать детям с меньшими расходами или даже бесплатно такую же общеобразовательную подготовку, какую получали дети джентри и буржуа. В этой связи Мижуев счел уместным процитировать выводы английского министерства народного просвещения: «Имеются полные основания рассчитывать, что с течением времени объединение в одну, живущую одной жизнью, организацию детей разных социальных классов будет происходить гораздо легче и даст благотворные результаты как для школ, так и для самих детей»⁴¹. Мижуев противопоставляет эту политику курсу российского министра просвещения Делянова, который в 1887 г. циркуляром «о кухаркиных детях», одобренным Александром III, предписал школьным властям допускать в гимназии и прогимназии только обеспеченных детей и оградить от поступления в них «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Английский опыт, писал Мижуев, «заслуживает самого серьезного внимания, самого серьезного изучения со стороны педагогов, школьных администраторов и других общественных деятелей всех культурных стран»⁴².

Выход на авансцену общественной жизни «женского вопроса», ставшего предметом острых дискуссий, побудил Мижуева посвятить

⁴⁰ Там же. С. 81.

⁴¹ Там же. С. 95.

⁴² Там же. С. 97.

несколько публикаций равноправию женщин и движению за его осуществление⁴³. Он полагал, что причины неравного положения мужчин и женщин носят исторический характер, а не коренятся в природе человека. Мижуев видел основной путь к решению женского вопроса в организации доступа женщин к образованию:

«Если даже, как это бывает в большинстве случаев, сами женщины не имеют политических прав, они все-таки могут сильно влиять на политические взгляды и деятельность своих мужей и на политическое развитие и направление своих детей. Это влияние, конечно, будет отрицательным, если женщины будут значительно уступать мужчинам по образованию или даже совсем останутся без образования»⁴⁴.

Мижуев знакомил русскую общественность с развитием женского образования в разных странах⁴⁵. Он приветствует то обстоятельство, что «в Англии нет коренного различия между женским и мужским (средним) образованием, какое наблюдается в странах континентальной Европы. Мальчики и девочки учатся там нередко по одним и тем же программам; случается даже, что они обучаются совместно, – к немалой пользе для детей обою пола»⁴⁶.

Равным образом Мижуева привлекает вопрос о высшем женском образовании, которое интенсивно развивалось в континентальной Европе и США, и с не меньшими успехами в Великобритании, университеты которой принимали женщин на одинаковых условиях с мужчинами и давали им степень бакалавра. Благоприятная для женщин ситуация за рубежом контрастирует с положением в России, где женщины «ни под каким видом не допускаются к слушанию лекций в университетах». В то время как двери российских университетов с 1863 г. оказались полностью закрытыми для женщин даже в качестве вольнослушательниц, в Европе они для них открываются. С 1860-х гг. принимать женщин стал Цюрихский и другие швейцарские университеты, быстро превратившиеся в международные центры европейского женского образования. К концу 1860-х гг. женщины получили доступ в высшую школу Франции, в 1870 г. – Швеции, в 1875 г. – Дании. Женщин стали принимать круп-

⁴³ Мижуев. Женский вопрос и женское движение. 1904; *Он же*. Женский вопрос и женское движение. 1906; *Он же*. Женский вопрос и женское движение. 1915; *Он же*. Равноправие женщин: права женщины и ее обязанности. 1917.

⁴⁴ *Он же*. Женский вопрос и женское движение. 1904. С. 5.

⁴⁵ *Он же*. Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных штатах Северной Америки. 1893; *Он же*. Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии. 1905.

⁴⁶ *Он же*. Женский вопрос и женское движение. 1904. С. 18-19.

нейшие университеты Англии: в 1878 г. Лондонский, в 1881 г. Кембриджский и в 1884 г. Оксфордский.

Успехи женского образования Мижуев противопоставляет приниженному положению женщин в гражданской и политической сферах. Но и здесь он пытается найти примеры позитивных сдвигов:

«Если англичанкам не удалось пока добиться участия в парламентских выборах, то, по крайней мере, в выборах разных учреждений местного управления (городских и приходских или сельских управлений, советов графства), женщины, удовлетворяющие известным условиям, участвуют наравне с мужчинами. Кроме того, женщины сами могут быть избираемы членами советов графства, приходских советов, советов по общественному призрению бедных, которое, как известно, поставлено в Англии лучше, чем где либо в Европе»⁴⁷.

На протяжении XIX – начала XX в. организованный в профессиональные союзы пролетариат составлял наиболее активную часть рабочего класса. В России после короткой легализации под влиянием революции 1905–1907 гг. деятельность профессиональных организаций была запрещена. В этом контексте обращение Мижуева к теме профсоюзного движения было более чем актуально. Английским тред-юнионам Мижуев посвятил отдельную работу⁴⁸. В ней он акцентировал внимание на функциях рабочих союзов, как «учреждений, идущих на помощь рабочим во все трудные минуты их жизни: во время болезни, в старости, во время безработицы, в случае потери жены и связанных с этим расходов на погребение и т.д. ... Не слыша ничего в обычное время о рабочих союзах и зная о них, вообще говоря, очень мало, обыватель склонен впадать в ошибку, представляя себе рабочие союзы в качестве организаций, существующих исключительно для борьбы с предпринимателями»⁴⁹. Отрицая навязываемую революционными марксистами профсоюзам роль активных участников классовой борьбы (экономической и политической), Мижуев скрупулезно описывает разнообразные формы деятельности рабочих союзов Англии, направленной «на всякого рода помощь, не имеющую никакого отношения к стачкам или имеющую к ним весьма отдаленное отношение»⁵⁰. Он подчеркивает, что «рабочие союзы с сильно развитыми страховыми операциями и с значительными денежными средствами не только не обнаруживают никакого стремления к необдуманному, недостаточно обоснованному стачкам, но наобо-

⁴⁷ Там же. С. 40.

⁴⁸ Мижуев. Английские рабочие союзы... как союзы взаимопомощи трудящегося люда...

⁴⁹ Там же. С. 4.

⁵⁰ Там же. С. 56.

рот, начинают их лишь в случаях крайней необходимости»: из огромной суммы в 160 млн. рублей, израсходованных главными рабочими организациями за десять последних лет, на стачки ушло всего 23 млн.⁵¹ Мижуев не мог не учитывать и количественные показатели забастовочных выступлений. В 1900–1907 гг. в каждом из годов указанного периода бастовали от 0,84 до 2,1% промышленных, строительных и транспортных рабочих Великобритании⁵². Это означает, что рабочие в своей массе не развернули забастовочную борьбу так же широко, как на континенте. Это обстоятельство явилось для Мижуева сильнейшим мотивом расставлять акценты в своих трудах на освещении патерналистской деятельности тред-юнионов, согласительно-арбитражных процедур и фактически оставлять вне внимания забастовочную борьбу как инструмент реализации экономических требований силовыми методами.

Мижуев обращал пристальное внимание на различные стороны социального благополучия: наличие необходимых для достойной жизни заработной платы, жилья, полноценного отдыха:

«Мы не можем оставаться равнодушными к тому, что более или менее значительная часть – иногда даже более или менее значительное большинство – нации остается бедным, невежественным, живет, как говорится, впроголодь, имеет тесное, грязное, антигигиеническое помещение и в то же время работает свыше меры, почти не имеет досуга, а в немногие часы досуга лишено возможности проводить его в здоровых, доступных формах развлечения. ... Указанные нами отрицательные стороны жизни народной массы недопустимы, невыгодны самому обществу в его целом, невыгодны государству и даже для него опасны»⁵³.

В поисках путей излечения социальных язв Мижуев заметное место уделил проблемам ограничения рабочего времени, борьбы за установление более гуманных его границ⁵⁴. Оптимальный рабочий день, стремился убедить своих читателей Мижуев, необходим с гуманистической, экономической и политической точек зрения:

«По мере того, как английский рабочий все в большей и большей мере получал возможность вести человеческое существование при достаточном досуге для удовлетворения не одних только физических потребностей, но и потребностей умственной и духовной жизни, по мере того, как тому же рабочему открыва-

⁵¹ Там же. С. 61, 56.

⁵² Подсч. по: *Забастовочная борьба трудящихся...* С. 64, 69.

⁵³ *Мижуев*. Национальный минимум. 1916. С. 6-7.

⁵⁴ *Мижуев*. Восьмичасовой рабочий день. 1907; *Он же*. Восьмичасовой рабочий день в Англии. 1917; *Он же*. Восьмичасовой рабочий день и производительность труда. 1917; *Он же*. Восьмичасовой рабочий день в Америке и Австралии. 1917; *Он же*. Почему желателен восьмичасовой рабочий день? 1917.

лась возможность удовлетворять свои социальные инстинкты путем более тесного общения как с собственной семьей (на что у него прежде почти не могло быть времени), так и со своими сотоварищами по занятию путем участия в так называемых профессиональных союзах, по мере всего этого английский рабочий становился дороже не только для самого себя, – так как жизнь его становилась краше, – но и для предпринимателя, так как труд его становился более производительным. Мало того: наряду со всем этим рабочий становился более полезным и более сознательным гражданином своего отечества, так как оказывалось время для того, чтобы следить за главными политическими вопросами, которые ставила на очередь общественная жизнь страны. Наконец, благодаря последовательным сокращениям рабочего дня рабочий получил возможность быть не только мужем, но и другом своей жены и воспитателем своих детей, которых при прежних условиях работы он почти не видел»⁵⁵.

Мижуев в английской действительности увидел и пути создания более комфортных условий труда. Один из наиболее эффективных – сокращение рабочего дня, сопровождающееся повышением производительности труда, в чем оказываются заинтересованными не только рабочие, но и предприниматели. Опираясь на конкретные примеры, Мижуев приходит к выводу, что введение восьмичасового рабочего дня во многих отраслях производства не только не уменьшает, но даже способствует увеличению количества вырабатываемого продукта. Он приводит мнение владельцев одной из фирм, которые пришли к выводу, что переход на восьмичасовой рабочий день содействует «увеличению суммы производства в данную единицу времени путем поднятия физического и умственного развития рабочих», влечет «сокращение расходов производства», облегчает «благодаря большей умственной живости рабочих» применение «усовершенствований в машинах и во всем, что может содействовать сокращению человеческого труда», наконец, способствует «улучшению взаимных отношений между предпринимателями и рабочими»⁵⁶. В годы, когда писались эти строки, сокращение рабочего дня рабочих-мужчин всецело зависело от доброй воли предпринимателей. Тем не менее, сложившийся в Англии более короткий рабочий день, по мнению Мижуева, представлялся «идеалом не только для России, но даже для большинства западноевропейских стран»⁵⁷.

В 1901 г. в Англии вышла книга С. Раунтри «Бедность: исследование городской жизни». Ее выводы опирались на проведенное в 1899 г. изучение условий жизни рабочего класса 75-тысячного города Йорка. Поскольку этот труд был неизвестен российскому читателю, Мижуев

⁵⁵ *Он же*. Восьмичасовой рабочий день. С. 6-7.

⁵⁶ Там же. С. 8.

⁵⁷ Там же. С. 72.

взялся за резюмирование почти 440-страничного сочинения Раунтри с тем, чтобы сделать его доступным для всех, «кто сколько-нибудь серьезно интересуется великими социальными проблемами нашего времени». Результат был представлен в брошюре «Причины и следствия бедности»⁵⁸. Мижуев старается говорить чаще словами самого автора («Каково истинное мерило бедности и степень ее распространения в Йорке? Какую часть бедности можно приписать вине самих рабочих классов? Сколько семейств испытывают такую бедность...? Если в результате существующего положения рабочих классов оказывается их физическое вырождение и высокая смертность, то можно ли определить этот результат с некоторой точностью?»)⁵⁹, «ограничивая свою роль там, где представлялась к тому малейшая возможность, выбором наиболее важных фактов, цифр и суждений английского ученого», которые он дополнил вставками и пояснениями, которые находил «необходимыми для русских читателей»⁶⁰. В 1917 г. Мижуев публикует еще одну популярную брошюру «Как живут рабочие в Англии»⁶¹, материал которой тоже почерпнут в основном из исследования Раунтри. Мижуев завершает текст словами: «Теперь, когда читатель видел, как живет более бедная часть рабочего класса в Англии, он присоединится, конечно, к нашему пожеланию, чтобы поскорее наступило время, когда у нас, в России, станет так жить хотя бы более обеспеченная часть рабочего люда»⁶². Он полагал, что необходимым условием стабильного существования как отдельного труженика, так и общества в целом является установленный в национальном масштабе минимум заработной платы: «Рабочие должны, во всяком случае, получать установленную для них минимальную заработную плату, будет ли предприятие давать 100% дохода или не приносить ни одной копейки барыша»⁶³.

Сосредоточение населения в городах (и преимущественно в больших) обострило к середине XIX в. жилищный вопрос⁶⁴. Но уже к концу XIX в. внешний вид промышленных городов, населенных в основном рабочими, резко изменился. Осознание важности решения жилищного

⁵⁸ Мижуев. Причины и следствия бедности...

⁵⁹ Там же. С. 66.

⁶⁰ Там же. С. 64.

⁶¹ Мижуев. Как живут рабочие в Англии...

⁶² Там же. С. 48.

⁶³ Мижуев. Национальный минимум. С. 27.

⁶⁴ Например, «в знаменитом морском порте Ливерпуле, прославленном по всему свету за величину и богатство, от 35 до 40 тысяч населения живет ниже уровня почвы — в погребках, не имеющих вовсе стока...». Джонстон. 1925. С. 46.

вопроса как одной из основ социального мира побуждало городские власти к расширению муниципального строительства. Улицы избавлялись от лачуг, на месте которых возводили большие каменные дома. Все больше жилищ концентрировалось в руках муниципалитетов, которые, в отличие от частных владельцев, следили за их благоустройством. В начале XX в. в градостроительстве возникла идея возведения городских домов с палисадником и садом на одну семью не только для зажиточных горожан, но и для рабочих. Теорию соединения преимуществ города и деревни разработал английский экономист и социолог Э. Говард. В Европе (включая Россию) возникло движение за создание «городов-садов». В Англии это движение получило государственную поддержку и стало делом муниципальных властей. Благоприятные условия жизни англичан, домашние удобства и комфорт, изобилие садов в центральных частях городов и их окрестностях поразили Мижуева. Желание перенести этот опыт в Россию побудило его в 1916 г. написать книгу «Сады-города и жилищный вопрос в Англии», а в 1925 г. вернуться к этой теме изданием работы «Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке». В монографии «Сады-города...» он исследует зародившееся в Англии новое движение, отмечая, что появление первых городов-садов и садов-предместий сильно повлияло на образ жизни сотен тысяч людей. Одно из главных мест в названных работах занял анализ нового явления в решении жилищного вопроса – строительства поселков для рабочих самими фабрикантами: промышленники поняли преимущества сохранения стабильной рабочей силы и патерналистского подхода к рабочим. Мижуев приводит ряд примеров. Владельцы шоколадной фабрики в Бирмингеме братья Кэдбери в 1879 г. перенесли производство за город, где построили фабричное здание и рабочий поселок Баурнвиль. В основу планировки был положен новые принципы градостроения: заводским зданиям и службам отвели не более 1/15 площади поселка; общественные скверы, площадки для игр (футбол, теннис, крикет) заняли 1/10 площади; по обеим сторонам улиц высадили деревья; дома не были выше 2-х этажей; каждый дом занимал не более 1/4 земельного участка, остальные 3/4 отвели под сад и огород. Имелась начальная школа с детским садом, спортивный зал, здание для кружков и классов для взрослых. Вместе с тем Мижуев подчеркивает, что «Баурнвиль представляет собой отнюдь не типичное, а, напротив, нечто совершенно исключительное, даже в Англии»⁶⁵. Это не означает,

⁶⁵ Мижуев. Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке. С. 37.

что в Англии не было других рабочих поселков, хотя и уступавших Баурнвиллю, но также слывших образцовыми. Владельцы фабрики по производству мыла братья Леверы в 1887 г. перенесли свое предприятие в окрестности Ливерпуля и построили для рабочих поселок «Порт Санлайт» из домов коттеджного типа. Промышленники руководствовались не столько филантропическими побуждениями, сколько трезвым расчетом: лучшее жилье привязывало рабочих к фабрике, сдача домов внаем сама по себе приносила прибыль. Сами Леверы признавали, что отношение фирмы к рабочим следует назвать разумным, или «просвещенным эгоизмом». О его глубинных основах Левер говорил: «Нельзя вести успешно промышленное предприятие с рабочими невежественными, физически слабыми, как нельзя вести успешно войну с такими солдатами. Иначе говоря, даже одна только забота о коммерческом успехе предприятия должна побуждать предпринимателей обеспечивать своим рабочим возможно лучшие жизненные условия»⁶⁶. Примеры названных и некоторых других «образцовых поселков», по логике изложения, Мижуева, должны подвести читателя к выводу о том, что «даже в капиталистических государствах фабриканты в своей совокупности и отчасти даже в отдельности в значительной степени заинтересованы – притом заинтересованы *материально* – во всем том, что поднимает здоровье, повышает интеллигентность, сохраняет жизнерадостность народных масс вообще и промышленной армии страны в частности»⁶⁷.

Позитивное отношение к опыту создания таких поселений Мижуев основывал не только на коммерческих соображениях, но и на гуманистических побуждениях – показать возможности и пути преобразования промышленных центров, обделенных благами естественной природной среды, в поселения нового типа, позволяющие совместить удобства жизни в городе и деревенскую близость к природе. Рабочие поселки в Англии в описаниях Мижуева выступали образцом, который полезно перенять и в России, для которой жилищный вопрос оставался (и по-прежнему остается) актуальным: «Вопрос об устройстве жилищ не сходит со столбцов нашей столичной и провинциальной прессы. Это особенно справедливо в отношении домов для рабочих ... Дело в том, что и прежде в этом отношении делалось очень мало, так как идеалы жилищных условий для рабочих были у нас всегда очень низки. То небольшое, что было раньше сделано, пришло теперь в совершенную негодность.

⁶⁶ Там же. С. 44.

⁶⁷ Там же. С. 47.

При таком положении дела нельзя не считать в высшей степени важным и своевременным познакомиться с тем, что делается или что еще недавно делалось в этом отношении в разных странах»⁶⁸.

* * *

Борьба с дореволюционными научными кадрами началась сразу после установления власти большевиков. В сентябре 1919 г. Мижуев был арестован вместе с группой профессуры петроградских и московских университетов. К счастью, вскоре он был отпущен на свободу и продолжил популяризировать зарубежный опыт. В частности, между 1920 и 1925 гг. отдельными изданиями вышли его работы «Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки» и «Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке», а также брошюра «Как другие народы стали грамотными»⁶⁹. В момент, когда в СССР развернулась борьба с неграмотностью, в ней он разъясняет российскому читателю, как понимают в разных странах термины «грамотность» и «неграмотность» и устанавливают степень грамотности; характеризует состояние грамотности и законодательство об обязательности начального образования в странах Нового и Старого Света. На примере английского, американского и русского опыта он сравнивает школьный возраст, продолжительность учебного дня и учебного года; показывает осуществление принципа бесплатности начального образования; дает оценку культурного состояния народа и производительности труда в связи с уровнем образования. Однако впервые в издательской практике Мижуева его работе было предпослано предисловие. Написал его Г. Бергман:

«Книжку проф. Мижуева наш просвещенец, особенно работник по ликвидации неграмотности в городе и деревне прочтет, бесспорно, с интересом... В книжке Мижуева есть вообще множество интересных материалов. Впрочем, книжка в целом будет полезна уже потому, что дает картину того, насколько далеко мы отстали в грамотности от Европы, Америки, Японии, Австралии и т.д. ... Однако, изучая опыт буржуазных государств, мы обязаны относиться к нему *критически*. Чужие образцы мы не можем перенимать целиком и безоговорочно. ... В этом отношении книжка проф. Мижуева страдает значительными недостатками. Автор, очевидно, не владеет оружием марксизма – отсюда его ошибки, отсюда неспособность разобраться в действительных «пружинах» общественного развития»⁷⁰.

⁶⁸ Там же. С. 3.

⁶⁹ Мижуев. Как другие народы стали грамотными...

⁷⁰ Бергман. 1925. С. 3-5.

Наступление на академические свободы совпало с переходом Мижужева в 1924 г. на академическую пенсию. Тем не менее, он не оставлял творческую деятельность, ему удалось опубликовать еще несколько работ педагогической и просветительской направленности⁷¹. Как знаток английского языка, он публикует «Новый англо-русский словарь с указанием произношения»⁷², пишет статьи о развитии образования в зарубежных странах для «Педагогической энциклопедии» под редакцией А. Г. Калашникова⁷³. Последняя его публикация датирована 1929 годом.

С конца 1920-х гг. развернулось полномасштабное наступление против старой интеллигенции. В 1929–31 гг. был сфабрикован политический процесс, известный как «Академическое дело», жертвами которого стала большая группа ученых Ленинграда. В Москве и Ленинграде прошла дискуссия по теме «Буржуазные историки Запада в СССР», в ходе которой жесточайшему разгрому подверглись либеральные взгляды крупнейших ученых, составивших научное имя до Октябрьской революции 1917 г., но продолжавших активно работать в СССР. П. Г. Мижув не был арестован – его имя не проходит по спискам «Академического дела» и спискам жертв репрессий, составленных «Мемориалом». Однако происходящее, без сомнения, не могло не отразиться негативным образом на его дальнейшей судьбе.

К сожалению, биографические сведения о Павле Григорьевиче крайне скупы. Мне не удалось обнаружить его личного фонда в государственных хранилищах Российской Федерации. Можно надеяться, что его личное дело или какие-либо материалы, имеющие к нему отношение, не затерялись в архивных фондах Технологического института и Ленинградского университета. Мне же удалось отыскать лишь одно письмо, написанное в 1929 г. его рукой, в личном фонде академика В. И. Вернадского в архиве РАН. Дата ухода из жизни этого выдающегося представителя российской научной мысли известна только приблизительно. Если верить Н. А. Зиневич – автору статьи о Мижуже в Педагогической энциклопедии – он умер в 1932 г. в Севастополе. Павлу Григорьевичу Мижужеву шел 72-й год...

⁷¹ Мижув. Практика и теория Дальтон-плана в Англии. 1926; *Он же*. Томас Эдисон. 1926.

⁷² *Он же*. Новый англо-русский словарь с указанием произношения. 1928.

⁷³ *Он же*. Система народного образования Германии; Система народного образования Франции; Система народного образования Англии; Образовательные системы скандинавских стран; Система народного образования Сев.-Американских Соединенных Штатов. 1929. Т. 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив РАН. Личный архив академика В. И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 2. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия 2. Т. 2. Заседания 31–53 (с 1 мая по 2 июня). СПб.: Гос. типография, 1907.
- Джонстон У.* Англия в политическом, социальном и промышленном отношении в половине XIX века // *Лавровский В.* Английский капитализм во второй половине XIX века. М., 1925. С. 44–48.
- Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада. 1917–1941 гг. М.: Наука, 1974. 375 с.
- Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в. – 70-е годы XX в. (Статистика). М.: Наука, 1980. 502 с.
- Зиневич Н. А.* Мижуев Павел Григорьевич // Педагогическая энциклопедия / Под ред. И. А. Каирова и Ф. Н. Петрова. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 2. С. 826.
- Мижуев Павел Григорьевич // Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1911–1916. 1916. Т. 26.
- Мижуев П. Г.* Английские рабочие союзы, как союзы взаимопомощи трудящегося люда. СПб.: Гос. типография, 1909. 62 с.
- Мижуев П. Г.* Английские университеты: Действительность и идеалы: по поводу трудов Королевской комиссии о реформе Лондонского университета // Журнал Мин-ва народного просвещения. 1915. № 2. С. 164–205; № 3. С. 1–50.
- Мижуев П. Г.* Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1901. 252 с.
- Мижуев П. Г.* Вечерние дополнительные школы и курсы в Англии. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1908. 87 с.
- Мижуев П. Г.* Взгляды и деятельность национальной ассоциации для распространения технического и реформы среднего образования в Англии. СПб.: Изд. ред. журнала «Техническое образование», 1897. 80 с.
- Мижуев П. Г.* Вильям Гладстон. СПб.: Изд. кн. магазина М. М. Ледерле, 1893.
- Мижуев П. Г.* Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность и другие стороны общественной жизни. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1901. С. 143.
- Мижуев П. Г.* Вопрос о реформе средней школы во Франции. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1902. 115 с.
- Мижуев П. Г.* Вопрос об обязательном образовании подростков в Англии // Известия по народному образованию. 1910. № 10. С. 84–125; № 12. С. 285–324.
- Мижуев П. Г.* Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки. М.: «Книга», 1922. 130 с.
- Мижуев П. Г.* Восьмичасовой рабочий день в Америке и Австралии. Пг.: Ясный-Попов, 1917. 24 с.
- Мижуев П. Г.* Восьмичасовой рабочий день в Англии. Пг.: Ясный-Попов, 1917.
- Мижуев П. Г.* Восьмичасовой рабочий день и производительность труда. Пг.: Ясный-Попов, 1917.
- Мижуев П. Г.* Восьмичасовой рабочий день. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1907. 130 с.
- Мижуев П. Г.* Генри Бродгерст, министр-каменщик // Образование. Журнал литературный, научно-популярный и педагогический. 1903. № 8. С. 29–50; № 9. С. 24–51.

- Мижуев П. Г.* Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. 96 с.
- Мижуев П. Г.* Главные моменты в развитии Западноевропейской школы. XVI – XVIII вв. М.: «Польза», 1913. 216 с.
- Мижуев П. Г.* Женский вопрос и женское движение // Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1915. Т. 17. С. 772-783.
- Мижуев П. Г.* Женский вопрос и женское движение // Образование. Журнал литературный, научно-популярный и педагогический. 1904. № 12. С. 1-44.
- Мижуев П. Г.* Женский вопрос и женское движение. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906.
- Мижуев П. Г.* Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных штатах Северной Америки. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1893. 70 с.
- Мижуев П. Г.* Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1905. 118 с.
- Мижуев П. Г.* История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб.: Изд. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1902. 215 с.
- Мижуев П. Г.* История колониальной империи и колониальной политики Англии. Изд. 2-е доп. СПб.: Изд. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1909. 216 с.
- Мижуев П. Г.* Как другие народы стали грамотными. М., 1925. 77 с.
- Мижуев П. Г.* Как живут рабочие в Англии. Пг.: Ясный-Попов, 1917. 48 с.
- Мижуев П. Г.* Как образовались Соединенные Штаты Австралии // Образование. СПб., 1902. № 1. С. 24-42; № 2. С. 51-77; № 3. С. 33-52.
- Мижуев П. Г.* Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1905. 118 с.
- Мижуев П. Г.* Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады. 2-е изд. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1907. 119 с.
- Мижуев П. Г.* Крестьянское Царство. Очерки истории и современного состояния Канады // Образование. Журнал литературный, научно-популярный и педагогический. СПб., 1904. № 1. С. 19-49; № 2. С. 24-48; № 3. С. 74-103.
- Мижуев П. Г.* Лондонские школы и начальное образование в Англии. СПб.: Изд. журнала «Образование», 1902. 100 с.
- Мижуев П. Г.* Лондонские школы экономических и политических наук. СПб.: Изд. курс. Побединского, 1914.
- Мижуев П. Г.* Министр-каменщик. Жизнь и деятельность английского рабочего, впоследствии члена министерства Генри Броджерста. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. 90 с.
- Мижуев П. Г.* Народное образование и реформа средней школы в Норвегии по Отто Андерсену и другим источникам. СПб.: Изд. ред. журнала «Техническое образование», 1903. 66 с.
- Мижуев П. Г.* Народное представительство и законодательные собрания в главных странах современного мира. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906. 162 с.
- Мижуев П. Г.* Народные университетские дома в Лондоне. Со статьей Сиднея Вебба «Лондонские политехникумы». 2-е издание. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 133 с.
- Мижуев П. Г.* Национальный минимум. Заработная плата. Пг.: Тип. «Сила», 1916. 27 с.

- Мижуев П. Г.* Начальное и среднее образование в Швеции. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1903. 44 с.
- Мижуев П. Г.* Новый англо-русский словарь с указанием произношения. М.-Л., 1928.
- Мижуев П. Г.* О подготовке учителей для средней школы в Северной Америке // Образование. Педагогический и научно-популярный журнал. 1899. № 11. С. 56-75; № 12. С. 41-55.
- Мижуев П. Г.* О формах и сущности государственного строя. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906. 36 с.
- Мижуев П. Г.* Образование во Франции: низшее, среднее и высшее. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1900. 203 с.
- Мижуев П. Г.* Образование Соединенных Штатов Австралии // *Мижуев П. Г.* Социологические этюды. СПб.: Тип. Крайз, 1904. С. 3-93.
- Мижуев П. Г.* Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке. Л.: «Время», 1925. 102 с.
- Мижуев П. Г.* Оксфордский и Кембриджский университеты // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Новая серия. Ч. XLIII. № 1. С. 1-26; № 3. С. 58-103.
- Мижуев П. Г.* Основы пропорционального избирательного права. Пг., 1917.
- Мижуев П. Г.* Очерк развития и современного состояния народного образования в Англии. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1896. 62 с.
- Мижуев П. Г.* Очерк развития и современного состояния среднего образования в Англии. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1898. 170 с.
- Мижуев П. Г.* Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906. 167 с.
- Мижуев П. Г.* Передовая демократия современного мира. Английская колония «Новая Зеландия». СПб.: Изд. Ц. Крайза, 1901. 209 с.
- Мижуев П. Г.* Передовая демократия современного мира. Английская колония Новая Зеландия. Изд. третье. – СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1905. 256 с.
- Мижуев П. Г.* Передовая демократия современного мира. Новая Зеландия. 4-е изд. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1907. 224 с.
- Мижуев П. Г.* Передовая демократия современного мира: Английская колония Новая Зеландия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1905. 215 с.
- Мижуев П. Г.* Политическая история Англии в XIX в. СПб.: Изд. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1908. 280 с.
- Мижуев П. Г.* Политическая свобода и народное богатство. Пг., 1917.
- Мижуев П. Г.* Почему желателен восьмичасовой рабочий день? – М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1917. 52 с.
- Мижуев П. Г.* Права человека и гражданина. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906. 115 с.
- Мижуев П. Г.* Практика и теория Дальтон-плана в Англии. Л.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1926. 208 с.
- Мижуев П. Г.* Причины и следствия бедности // Социологические этюды. СПб.: Изд. Ц. Крайз, 1904. С. 163-237.
- Мижуев П. Г.* Равноправие женщин: права женщины и ее обязанности. М., 1917. 54 с.
- Мижуев П. Г.* Ричард Кобден. СПб.: Изд. кн. магазина М. М. Ледерле, 1894.
- Мижуев П. Г.* Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг.: Изд. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 496 с.

- Мижусев П. Г.* Система народного образования Германии; Система народного образования Франции; Система народного образования Англии; Образовательные системы скандинавских стран; Система народного образования Сев.-Американских Соединенных Штатов // Педагогическая энциклопедия. Под ред. А. Г. Калашникова. М.: «Работник просвещения», 1929. Т. 3. С. 689-742.
- Мижусев П. Г.* Современная школа в Европе и Америке. М.: «Польза», 1912. 247 с.
- Мижусев П. Г.* Современная школа в Европе и Америке. СПб.: «Польза», 1912. 247 с.
- Мижусев П. Г.* Современная школа в Западной Европе и Америке. М.: «Польза», 1913. 247 с.
- Мижусев П. Г.* Среднее образование в Англии. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1906.
- Мижусев П. Г.* Средняя школа в Англии и ее реформа в XX в. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1914. 132 с.
- Мижусев П. Г.* Средняя школа в Германии. СПб.: Изд. журнала «Русская школа», 1903. 105 с.
- Мижусев П. Г.* Средняя школа во Франции и ее реформа в XX в. Пг.: журнал «Русское слово», 1917. 131 с.
- Мижусев П. Г.* Счастливая Австралия (Социальное законодательство Австралии и его результаты). 2-е изд. Пг.: Изд. «Товарищества А. Ф. Маркс», 1918. 218 с.
- Мижусев П. Г.* Счастливая Австралия // Образование. Журнал литературный и общественно-политический. СПб., 1907. № 7-12.
- Мижусев П. Г.* Счастливая Австралия. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 227 с.
- Мижусев П. Г.* Томас Эдисон. Его жизнь и достижения. Л.: «Время», 1926. 132 с.
- Российская педагогическая энциклопедия. Гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 1.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета; irina_chikalova@mail.ru.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

Ф. В. Николаи, И. И. Кобылин

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Д. ЛАКАПРЫ КОНТЕКСТ И МЕТОД

В статье рассматривается эволюция взглядов известного представителя американской интеллектуальной истории Доминика ЛаКапры. Сравнительный анализ его работ позволяет утверждать, что, несмотря на изменение тематики, стремление к «транзитивному» диалогу как с самим прошлым, так и с наиболее сильными вариантами его интерпретации, – дерридианской деконструкцией в 1970-х гг., новой социальной историей в 1980-х гг. и исследованиями травмы в 1990-х – начале 2000-х гг. – сохранялось на протяжении всех периодов его творчества.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекст, исследования травмы, пределы репрезентации, диалог, проработка.

Становление и развитие интеллектуальной истории в качестве самостоятельного академического тренда неразрывно связано с ее теоретическим и институциональным самоопределением, невозможным без проблематизации границ устоявшейся дифференцированной системы исторического знания. В чем интеллектуальная история пересекается и чем отличается от таких, казалось бы, близких областей как история идей, история интеллектуалов или культурная история? Очевидно, что постановка этих вопросов выступает в качестве стимула для саморефлексии как самих представителей интеллектуальной истории (не превращаясь при этом в маркер исключения), так и ученых, работающих в смежных сферах. Более того, пограничные конфликты между различными (порой чрезвычайно близкими) дисциплинарными направлениями и борьба за признание могут давать интересные теоретические результаты, провоцируя появление новых перспектив и оптик исследовательской работы. В этом контексте представляется важным обратиться к текстам известного американского историка Доминика ЛаКапры, для которого проблема институциональных границ интеллектуальной истории играет ключевую роль в определении и предмета, и метода исследования. При этом стратегическая ориентация ЛаКапры не столько на «сильные» интерпретации и радикальные обобщения, сколько на взвешенный, нюансированный и осторожный анализ, критически дистанцированный по

отношению к интеллектуальному «мэйнстриму», позволяет лучше артикулировать «смысл и назначение» интеллектуальной истории.

Безусловно, взгляды Д. ЛаКапры невозможно рассматривать вне контекста историографической полемики последней трети XX – начала XXI вв. Сам исследователь в работе «История и ее пределы: человек, животное, насилие» даже придает этому контексту определяющее значение. По его формулировке, знаковые конференции «Современная европейская интеллектуальная история» (1980 г.) и «Исследуя пределы репрезентации» (1990 г.), в работе которых он принял активное участие, условно делят его творчество на три периода. В рамках первого он в 1970-х гг. исследует переплетения истории и литературы в духе лингвистического поворота: «Некоторое время я считался последователем Ж. Деррида или неким аналогом Х. Уайта, как бы различны ни были их представления. Я действительно усматривал – и усматриваю до сих пор – большую ценность в их работах и пытался обеспечить более тесное критическое взаимодействие между ними»¹. Однако, отдавая должное Уайту в деле пробуждения историков от «догматического сна» и сравнивая тем самым его роль с ролью Юма из знаменитого кантовского высказывания, ЛаКапра замечает, что как Кант не был во всем согласен с Юмом, так и он не во всем согласен с Уайтом. Значение работ Уайта для ЛаКапры заключается скорее в «отступлениях и оговорках», нежели в самом построении формальной системы тропов, структурирующих исторический дискурс и определяющих инфраструктуру исторических текстов. Отсюда и определение «Метаистории» как «великолепного барочного сооружения, ошибочно выдаваемого за систему»². Кодифицированная в качестве системы концепция Х. Уайта становится моделью для подражания, а не стимулом для творческого развития. С точки зрения ЛаКапры, та же судьба во многом постигла и наследие Деррида, чьи тексты на «уровне стиля давали возможность их миметической апроприации, порой в ненамеренно самопародийном ключе». Вспоминая о своей наиболее дерридианской работе – книге о Сартре – ЛаКапра пи-

¹ LaCapra. 2009. P. 209.

² Ibid. P. 210. Напомним, что сам Уайт позже признавал излишне структуристский характер своего *opus magnum*. «“Метаистория” принадлежит определенному “структуралистскому” этапу развития западной гуманитарной науки. Сегодня я писал бы ее иначе», – пишет он в предисловии 2001 г. *Uaim X*. 2002. С. 7. Более того, уже на упомянутой конференции 1980 г. «Современная европейская интеллектуальная история», организованной С. Капланом и Д. ЛаКапрой, Уайт утверждает: «Я считаю идеологию центральной проблемой интеллектуальной истории, поскольку последняя имеет дело со значением, его производством, распространением и, так сказать, потреблением в разные исторические эпохи». – White. 1987. P. 190.

шет: «моя книга не имитировала и не подражала манере письма Деррида, она сознательно предполагалась как мыслительный эксперимент, провоцирующий контр-прочтения»³. Поэтому представляется вряд ли оправданным полностью приравнять позиции ЛаКапра к идеям Уайта и Деррида, как делает это, например, Рассел Джейкоби⁴.

Выстраивая сложные отношения притяжения/отталкивания с ключевыми фигурами лингвистического поворота, ЛаКапра стремится показать, что аргументы и стратегии лингвистического формализма и литературной критики не совпадают с исторической интерпретацией напрямую (что и определяет самостоятельность интеллектуальной истории). «Текст не имеет чистого девственного “внутри”, сакрализованного в формалистской интерпретации. Его “внутри” всегда уже отравлено внешним – внешним или внутренним самовопрошанием, другими текстами и текстом самой жизни»⁵. Для ЛаКапра процессы письма и чтения всегда содержат социальный момент⁶. По его мнению, мысль «институционализируется» в текстах⁷, которые становятся социальными фактами посредством публичного обсуждения и включения в традицию.

³ *LaCapra*. 2009. P. 209-210. Однако, как с горечью отмечает ЛаКапра, этот провокативный пласт работы был проигнорирован, и подражатели Деррида квалифицировали его как «дерридианца-неудачника». И поясняет изменение своих взглядов: «Важно отметить, что лингвистический поворот надо отделять от нарративного поворота. Нарратив предполагает сложные отношения между историографией и литературой. Но признание нарратива первичным источником человеческой мысли, как это делают Лиотар, Джеймисон, Рикер или Уайт означает замыкание лингвистического поворота. Нельзя редуцировать не-нарративные элементы (лирику, статистический анализ, полемику, пародию, сатиру, диалог и т.д.) к нарративу. Эссе сочетает нарратив и иные формы дискурса. Именно в этом ключе нужно рассматривать мои работы». – *Ibid*. P. 220.

⁴ *Jacoby*. 1992. P. 413-419.

⁵ *LaCapra*. 1978. P. 20.

⁶ Именно поэтому ЛаКапра ссылается на М. М. Бахтина и П. Рикера, противопоставляя их структуралистской линии Ф. де Соссюра. *LaCapra*. 2004. P. 21, 36. Однако, по его мнению, нельзя и преувеличивать значение социальных факторов для исследований текста. Более того, ЛаКапра выступает против «слабого» или механического их сочленения: тексты и социальный контекст всегда находятся в подвижном и активном взаимодействии. *LaCapra*. 1978. P. 19.

⁷ Важность институционализации как научных школ, так и отдельных идей ЛаКапра в значительной степени воспринял из работ Э. Дюркгейма, которому посвящена его диссертация и первая монография. Особенно важным ЛаКапра считает попытку Дюркгейма реализовать в социальных отношениях идею солидарности, начав это движение с французского академического сообщества и собственной школы. Забегая вперед, отметим, что отчасти с влиянием Дюркгейма связан и интерес к границам истории и современных общественных норм (противопоставляемый подходу «все-или-ничего») у ЛаКапра. *LaCapra*. 2001. P. X.

Показательным примером здесь могут служить тексты Ж.-П. Сартра, неразрывно связанные со средой своего появления и эволюцией социальной позиции их автора, когда даже «отказ от нобелевской премии не способствовал его де-институционализации. В дальнейшем этот жест даже институционализировал Сартра как писателя-отказавшегося-от-нобелевской-премии»⁸. Радикальный же конструктивизм, наиболее характерным примером которого для ЛаКапры выступает «Метаистория» Х. Уайта, нивелирует социальное измерение текста и наделяет историографа «квази-божественной» силой, «даруя» прошлому трансцендентальное значение вне временного контекста⁹.

В 1980-х гг. круг чтения и полемическая направленность работ ЛаКапры существенно меняются: он пытается установить диалог интеллектуальной истории и критической теории, отстаивая их самостоятельность перед экспансионистским напором новой социальной истории и теории практик. «В 1970-х и начале 1980-х гг. интеллектуальная история оказалась в тени более активной социальной истории. <...> Поворот к Клиффорду Гирцу, а позднее к Пьеру Бурдьё, несмотря на все свои преимущества, часто служил для создания более тонких формулировок прежних стратегий избыточной стилизации, “социологического” редукционизма и недостаточно дифференцированного соединения культурных и социальных категорий»¹⁰. Поэтому в 1980-х гг. ЛаКапра подчеркивает отличие интеллектуальной истории от истории социальной и культурной. Так, выступая против универсализации «пороговых» фигур представителей народной культуры у К. Гинзбурга и Р. Дарнтон, он утверждает, что подобные генерализации неосознанно наследуют линии

⁸ *LaCapra*. 1978. P. 41.

⁹ *LaCapra*. 2001. P. 57.

¹⁰ *LaCapra*. 2009. P. 208. Несколько парадоксальным в контексте борьбы со слишком широкими генерализациями новой социальной истории может показаться обращение ЛаКапры к марксизму и критической теории. Здесь он также выступает против генерализаций в духе утопических ожиданий Ф. Джеймисона и С. Жижека. Подлинный марксизм для него олицетворяет М. М. Бахтин, в полемике с формализмом обратившийся к перформативному измерению языка и карнавала. По его мнению, именно лингвистическая критика идеологии способна изменить мир. Особенно проблематичным в этом ключе представляется прочтение ЛаКапрой «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», где дискурс в его праксиологическом измерении выходит на первое место: «В “Восемнадцатом брюмера” Маркс использует карнавальный стиль – нечто, что выходит за пределы любой нарративно продуктивной или дидактической цели. Посредством такого использования языка Маркс противостоит миру, в котором критика, несмотря на стремление к полному господству, никогда не свободна от мифологизации, – отсюда необходимость противоядий (таких как пародия), чья эффективность никогда не является бесспорной». *LaCapra*. 1983. P. 288.

инквизиции и господствующих классов, заинтересованных в приговоре, а не анализе¹¹. Однако эта критика не мешает ему самому делать серьезные институциональные обобщения: «Долгое время интеллектуальные историки пытались приспособиться к процедурам других сфер историографии, и в какой-то момент они в целях самозащиты обратились за руководством к социальной истории. <...> Я уверен, что существует огромное пространство взаимодействия интеллектуальной и социальной истории. Но для того, чтобы это взаимодействие было эффективным, оно должно идти между равными по силе и настойчивости перспективами, – перспективами, которые могут бросить стимулирующий вызов друг другу»¹². Согласно ЛаКапре, тексты нельзя рассматривать как «готовый продукт» культуры: они сами во многом влияют на своего автора и на общество в целом. Именно это перформативное измерение текстов подталкивает исследователя к поиску диалога с критической теорией и неомарксизмом, которые переносят акцент с социально-экономических преобразований на культурное сопротивление «одномерному обществу». Можно предположить, что если в 1970-х гг. в рамках полемики со структурализмом ЛаКапра стремился подчеркнуть социальное измерение, присущее работам Дюркгейма, Сартра, Флобера, то теперь, наоборот, он стремится найти в этих текстах самостоятельные и гетерогенные голоса их персонажей в близком литературной критике ключе.

В 1990-х гг. исследователь обращается к полемике о Холокосте, пытаясь рассмотреть ее через призму психоаналитических категорий (травма и трансфер, «аффективное повторение» и «проработка»¹³, траур и меланхолия, репрессия и замещение, и т.д.). Этот этический поворот проявился в таких работах, как «Репрезентируя Холокост: история, теория, травма» (1994 г.), «История и память после Аушвица» (1998 г.), «Описывая историю, описывая травму» (2001 г.). Их общей направленностью стало стремление снять сложившееся в современной историографии противопоставление двух основных (по мнению ЛаКапры) стратегий объяснения Холокоста: его тривиализации (приравниванию к другим геноцидам и формам политического террора) и преувеличению

¹¹ Более того, ЛаКапра считает редукционизмом даже само отнесение Менюккио исключительно к народной культуре.

¹² *LaCapra*. 1985. P. 10.

¹³ Само понятие «проработки» (*working-through*) Д. ЛаКапра заимствует у З. Фрейда (*durcharbeiten*). Однако к 1980-м гг. спектр интерпретаций этого термина различными школами и отдельными представителями психоанализа оказался уже достаточно широк (см.: *Лаплани, Понталис*. 1996. С. 387-389), что дало возможность исследователю частично переосмыслить его содержание.

его исключительности (вплоть до отказа от каких-либо рациональных объяснений). Скорее эта сравнимость/уникальность зависит от контекста и участников диалога. Во время дебатов второй половины 1980-х гг., когда преобладала тенденция к нормализации, утверждение об уникальности Холокоста могло быть оправдано, особенно когда оно делалось немцами. Собственная же позиция ЛаКапры предполагает специфическую уникальность Холокоста именно в его «не-индивидуальности»: после достижения некоего предельного порога нашего восприятия не только Холокост, но и другие катастрофические события не могут сравниваться непосредственно между собой¹⁴. Оппозиция между сравнимым и уникальным здесь не имеет смысла: «Специфичность теряется между крайностями уникальности и генерализации»¹⁵.

В этом плане показательным отношением ЛаКапры к знаменитому проекту К. Ланцмана «Шоа». Если для таких исследователей, как Ж. Деррида, Ш. Фелман и Д. Лауб, фильм устанавливает диалог между внешним и внутренним, являясь эстетическим свидетельством «несвидетельствуемого», «следом отсутствия следа» или «абсолютным симулякром уцелевшего» (Ж. Деррида), то ЛаКапра, отдавая должное огромному значению «Шоа», считает жест Ланцмана как художника недостаточным. Режиссер не просто, как бывший участник событий, некритично вовлечен в их воспроизведение в настоящем, но и склонен к неправомерной *сакрализации* случившегося. Последняя, безусловно, имеет право на существование как фрагмент личного опыта, но, в то же время, она сокращает пространство критического отношения к принципиально гетерогенному полю свидетельств. Важен не столько повтор аффекта эстетическими средствами, сколько кропотливый труд «транзитивного» диалога. Предлагаемый ЛаКапррой концепт «проработки» как напряжения между самостоятельными исторической, эстетической и литургической позициями и призван, выстраивая дистанцию, препятствовать некритическому воспроизведению «травматического опыта» события¹⁶.

¹⁴ Подробнее см.: *LaCapra*. 1998. P. 6-7.

¹⁵ *LaCapra*. 1994. P. 124. «Само отношение между возвышенным и диалогическим ставит вопрос, в котором предел понимания <...> не может быть установлен раз и навсегда». – *Ibid*. P. 15-16.

¹⁶ Подробнее см.: *LaCapra*. 1998. P. 138. Правда, как отмечает давний оппонент ЛаКапры, не менее известный представитель интеллектуальной истории М. Джей, здесь происходит некое наложение двух разных фрейдовских оппозиций: траур vs меланхолия и «проработка» vs аффективное повторение. Подобно ЛаКапре подчеркивая взаимовлияние полюсов этих оппозиций, Джей, в отличие от своего коллеги, усматривает больший потенциал (как терапевтический, так и когнитивный) и в меланхолии, и в аффективном повторении. В значительной степени эти последние вы-

Стратегия «проработки» травм прошлого ведет к их осознанию и смягчению – «примирению» с прошлым. Речь идет не о полном избавлении от травмирующего груза истории (такая попытка стала бы репрессией и вела бы к вытеснению травмы на неосознанный уровень), но о существенном смягчении травмы в настоящем и будущем. Интеллектуальная история ЛаКапры неразрывно связана с психоанализом именно через этот акцент на «проработку» травм, нанесенных предельными историческими событиями, что не всегда получает должное освещение¹⁷.

В этом пункте возникает закономерный вопрос о статусе психоаналитических теорий и концептов в проекте ЛаКапры. Насколько корректным является само наделение историографии (чья задачи обычно понимаются как познавательные) определенной терапевтической функцией? Исчерпывающий ответ на этот вопрос предполагает отдельное детальное исследование. В рамках же настоящей статьи следует отметить, что психоанализ выступает у ЛаКапры в весьма специфическом виде. Он рассматривается «не как индивидуальная психология или основа для обобщенно-терапевтического этоса, но как внутренне историзированный способ мышления, тесно связанный с социальными, политическими и этическими отношениями»¹⁸. Такая трактовка весьма отдаленно связана с классическими представлениями о фрейдизме и ориентирована гораздо более исторически, чем французский пост-лакановский психоанализ. Вслед за Э. Сантнером можно описать обращение ЛаКапры к психоаналитическому дискурсу как попытку деконструкции жесткой оппозиции когнитивного и аффективного измерений историописания. Исследователь, пишущий о травматических событиях должен «дифференцировать и дистанцировать собственные моральные, политические и психологические установки от тех, которые связаны с травматическим событием»¹⁹. Особенности этой работы выступают в качестве знаков отношений трансфера, чья динамика во многом детерминирована конкретной «субъектной позицией» историка. Таким образом, не абсолютизируя терапевтический эффект аналитической «проработки», ЛаКапра

ступают в качестве основы жизненного опыта (Erlebnis). Подробнее см.: Jay. 2003. P. 59; 12-24 (гл. 1. «Против утешения: Вальтер Беньямин и отказ от траура»).

¹⁷ См., напр.: *Dintenfass*. 2000. P. 8-12.

¹⁸ *LaCapra*. 1994. P. xi-xii. Подчеркнем, что ЛаКапра стремится к самостоятельному (временами критическому, временами продолжающему традицию) диалогу с текстами и отдельными понятиями разных версий психоанализа: фрейдистской, лакановской, исследованиями пост-травматического синдрома у Б. ван дер Колка и т.д., в основном сохраняя независимость позиций интеллектуальной истории.

¹⁹ *Сантнер*. 2009. С. 393.

настаивает на ее необходимости в определении (взвешенном и отрефлексированном) «субъектной позиции» пишущего. На общем фоне интереса к феномену «воображаемого» в 70–90-х гг. подход ЛаКапры важен тем, что не просто отвергает радикализм эстетического, этического и нарративного поворотов, но критически проясняет особенности конкретной субъектной зоны их представителей.

Работы 2005–2009 гг. сам Д. ЛаКапра оценивает как начало нового самостоятельного периода, хотя и связанного с этическим поворотом 1990-х гг. Акцент в его последних работах смещается на понятия идентичности и опыта²⁰. Оспаривая неподвижность границ и «объективность» идентичности, ЛаКапра делает акцент на их мобильности, связанной с изменениями контекста, часто несущей политические функции даже в таком предельном случае, как разделение людей и животных²¹.

Что же касается интереса современной историографии к опыту, то и здесь ЛаКапра чрезвычайно осторожен. Призывы выйти из «тюрьмы языка» ради непосредственного, «опытного» контакта с прошлым (Ф. Р. Анкерсмит), своеобразный «постлингвистический поворот» в сторону «нередуцируемого опыта» (Дж. Тэйвз) как привилегированной позиции в постижении истории, интерес к трансцендентальному опыту «детства/немоты» как к истоку языка и самой историчности (Дж. Агамбен), критика возможностей репрезентации в современной философии, литературной критике и историографии – все это приводит к «возвышенной» мистификации самого опыта, становящегося нерепрезентируемым истоком всякого представления. Несколько упрощая, но не искажая суть, можно сказать, что делая акцент на «некодируемом» современная теория ставит под вопрос собственный критический потен-

²⁰ Возможно, ключевыми факторами, повлиявшими на смещение интереса исследователя, стала активизация полемики о наследии Ж. Деррида после смерти мэтра в 2004 г., а также «девальвация» исследований травмы после событий 11 сентября 2001 г. Борьба Д. ЛаКапры за наследие Деррида с другими ветвями деконструкции – последователями П. де Мана, новым историзмом и пр. – представляется самостоятельной и весьма интересной проблемой для исследования (см., напр.: *LaCapra*. 1994. P. 111-136), равно как и влияние событий 9/11, а также последующей войны в Ираке на *trauma studies* (см.: *Seeley*. 2008; *The trauma of terrorism...* 2005; *Wirth*. 2005). Кроме того, именно критика ЛаКапрой непосредственности опыта еще с конца 1980-х гг. вызывала возражения Дж. Тэйвза, так что исследователь в значительной степени был вынужден уточнить некоторые аргументы и более развернуто обосновать свою позицию. Подробнее см.: *Toews*. 1987. P. 879-907.

²¹ Более всего ЛаКапру интересует фигура «козла отпущения» (и стоящий за ней социально-психологический механизм) с его квази-сакральной жертвенностью. Подробнее см.: *LaCapra*. 2009. P. 159.

циал, застывая в священном ужасе перед лицом «предельного» и предлагая в качестве решения либо этическое смирение, либо постсекулярные аналоги религиозного чуда Избавления²². Именно это возвращение ложных богов после «смерти Бога», неразличающая обратимость возвышенного и нуминозного в переживании (и последующем осмыслении) травматического события и заставляет ЛаКапру предпринять «критику опыта», заново проблематизируя взаимоотношения «испытывания» и свидетельствования: «Как критически определить возможности и пределы опыта <...> в расширяющемся пространстве исторических изысканий – от микроистории до использования свидетельств – вот задача для исторических исследований (и для интеллектуальной истории в частности) на обозримое будущее, включая важный и спорный вопрос об отношении между опытом, травмой и означающими практиками»²³.

Лишь обозначив контуры общей эволюции взглядов историка, а также признавая сложность разделения текста и контекста, подчеркнем, однако, что саморефлексия ЛаКапра касается скорее предмета исследования и внешних обстоятельств историографической полемики (маркером которых выступают конференции 1980 и 1990 гг.), но не его метода. Кроме того, следует отметить, что предлагаемые самим исследователем периоды предпочтительно рассматривать как продолжающиеся векторы его размышлений. Границы и различия между ними гораздо слабее континитета исследовательской оптики. Сложная взаимосвязь литературных текстов и социальной активности их авторов, которой ЛаКапра занимался в 1970-х гг. («Пролог к Сартру»), сохраняется и в последующих работах – «Переосмысливая интеллектуальную историю»²⁴, «История,

²² В наиболее артикулированном виде эта тенденция выражена в эстетике возвышенного Ж.-Ф. Лиотара. (*Lyotard*. 1988). Один из главных французских оппонентов лиотаровской философии «непредставимого» Ж. Рансьер так формулирует предостерегаемый ею выбор: «Либо “катастрофа” возвышенного, каковая есть “жертвенное” извещение об этической зависимости по отношению к незапамятному закону Другого; либо катастрофа, рождающаяся из забвения этой катастрофы, катастрофа обещания освобождения, которое реализуемо лишь в неприкрытом варварстве советских или нацистских лагерей или в мягком тоталитаризме мира рыночной культуры и коммуникации» (*Рансьер*. 2007. С. 133). С точки зрения Рансьера, проблема не в «непредставимом» как таковом, а в том, чтобы полностью осознать «что ты хочешь изобразить, и какой способ изображения нужно для этой цели избрать» (Там же. С. 148).

²³ *LaCapra*. 2009. P. 221-222.

²⁴ Посвященная Сартру гл. 6, фактически повторяет «Пролог к Сартру» (1978). Гл. 9 о М. М. Бахтине в том же ключе (хотя и не столь последовательно) рассматривает замещение политической и субъективно-личностной проблематики у этого русского философа понятием «карнавала». *LaCapra*. 1983. P. 184-233; 291-324.

политика, роман»²⁵, «Истории и памяти после Аушвица»²⁶ др. Диалог с критической теорией (включая упоминавшееся прочтение «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» Маркса) становится более тонким, но не менее значимым для работ 1990-х гг.²⁷, «Истории в движении»²⁸, а также «Истории и ее пределов»²⁹. Не отказывается ЛаКапра в последних

²⁵ Каждая глава рассматривает «проработку» социально-политических взглядов Стендаля, Ф. М. Достоевского, Дж. Элиот, Г. Флобера, Т. Манна, В. Вулф в их текстах. По мнению ЛаКапры, так же, как Сартр в «Тошноте» выносит на суд и деконструирует культ чистого искусства, вытесняя и изживая в себе Антуана Рокантена, – каждый из этих писателей ведет сложный диалог и полемику со своими героями: Жюльеном Сорелем, Человеком из Подполья, Казабоном, Эммой Бовари. Текст романа каждый раз корректирует биографическое измерение авторской идентичности. Однако со временем оптика исследования меняется. Несколько забегаю вперед, отметим, что теперь отношения авторов, рассказчиков и героев у ЛаКапры в большинстве случаев затрагивают не только интеллектуальный, но и телесный уровень (эпилепсия Достоевского, эротические фантазии Элиот и т.д.). Но еще более важно смещение акцента с авторской «проработки» текста на его воздействие на *читателя*, соединяющее прямую и косвенную референцию. Например, глава о Достоевском завершается следующим выводом: «Желание читателя идентифицировать себя с главным героем и найти катартическое избавление или заменяющий его “смысл” через чтение художественной литературы является неполноценным замещением, поскольку читатель и рассказчик сталкиваются по ряду вопросов, и читатель, действительно, ставится в положение рассказчика, когда он (или она) должен интерпретировать роман и охарактеризовать его следствия, включая идеологическое, социальное и политическое значение. В этом смысле последние несколько глав [“Красного и черного” Стендаля] делают явным вопрос о восприятии романа как символического и индивидуального решения проблем, тематически и формально поставленных в романе». – *LaCapra*. 1987. P. 33-34.

²⁶ Здесь третья глава – «Перечитывая “Падение” Камю после Аушвица и Алжира» – исследует контекст полемики по алжирской проблеме во второй половине 1950-х гг. и специфическую саморефлексию А. Камю (как алжирского француза, левого интеллектуала, одного из лидеров послевоенного поколения) через сложную полемику со своим героем Ж.-Б. Клямансом. – *LaCapra*. 1998. P. 73-94.

²⁷ Под влиянием неоконсервативной волны 1980-х гг. полемика о Холокосте изначально включала социально-политические коннотации, возможно, даже усилившиеся после распада ОВД и объединения Германии. Диалог с критической теорией принципиально важен для ЛаКапры в этом отношении именно как способ выявления идеологического подтекста полемики: «Ни один текст не может полностью преодолеть не критические импликации современных предрассудков и идеологий. Ни один текст не обходится без некоторых “слепых пятен”. Но некоторые тексты полностью погружены в эту слепоту, – они воспроизводят идеологию почти без изменений или даже усиливают ее». – *LaCapra*. 1994. P. 25.

²⁸ Этой проблеме посвящена первая, теоретическая глава «История, психоанализ и критическая теория» и четвертая глава о Дж. Агамбене – одном из лидеров современной левой мысли. – *LaCapra*. 2004. P. 35-71; 144-194.

²⁹ Особенно в первой теоретической главе «Артикулируя интеллектуальную историю, культурную историю и критическую теорию». – *LaCapra*. 2009. P. 13-36.

работах и от проблематики травмы³⁰. Можно отметить и то, что обращение к психоанализу важно уже для текстов 1970–1980-х гг.³¹

Но помимо преемственности в предметной линии анализа для работ ЛаКапры на всем протяжении 1970–2000-х гг. характерно сохранение специфической методологии чтения (хотя и несколько изменяющейся). В ее основе лежит понятие диалога³², понимаемого одновременно как интеллектуальное и социальное взаимодействие «на равных» между исследователем и объектом его изучения, а также между разными исследователями. Поэтому даже если участники диалога – «собеседники» ЛаКапры – меняются, сам его метод остается почти без изменений.

В 1970-х гг. акцент на социальной вовлеченности текстов не означает нивелирования роли их лингвистической структуры и жанровой специфики. Скорее речь идет об устойчивом и самостоятельном диалоге с объектом исследования. Отсюда и подчеркнутая несводимость чтения «великих текстов» к их социальной основе в изменившихся условиях 1980-х гг. В 1990-х гг. – в период преобладания убеждения о нерепрезентируемости травмы – ЛаКапра также стремится доказать возможность диалога на основе психоаналитической модели «трансфера»³³. При этом деконструкция бинарного противопоставления аффективного повторения и «проработки» снова не предполагает создания гомологичной итоговой модели, превращающей диалог в единственно верное пророчество. Признавая, что полностью преодолеть травму невозможно, ЛаКапра

³⁰ См., например, третью главу его «Истории в движении» – «Исследования травмы: их критики и злключения» (*LaCapra*. 2004. Р. 106-143), а также раздел «Травматропизм: от травмы через свидетельство к возвышенному?» в «Истории и ее пределах». – *LaCapra*. 2009. Р. 59-89.

³¹ См., напр.: *LaCapra*. 1985. Р. 72, 80.

³² ЛаКапра неоднократно оговаривается, что понятие диалога (и диалогического обмена) по-разному разрабатывалось Бахтиным, Хайдеггером, Гадамером и Деррида: «В своей работе я пытаюсь выборочно и критически исследовать релевантность их подходов применительно к историографии, соотносить их с проблемой контекстуальности» (*LaCapra*. 1994. Р. 39). Понятие диалога выступает у него как несколько идеализируемая практика, объединяющая социальное и интеллектуальное, текст и контекст, имманентное и трансцендентное, т.е. любые бинарные оппозиции (*LaCapra*. 2004. Р. 21).

³³ Отношения трансфера позволяют, если и не полностью, то в весьма значительной степени объяснить феномен «вторичного свидетельства». Эту более продуктивную по сравнению с молчанием или «возвышенным историческим опытом» модель во многом поддерживает М. Джей: «Историописание, как в последнее время подчеркивает Доминик ЛаКапра, неизбежно несет значимый элемент трансфера. Мы всегда переносим на свой анализ прошлого те желания, фантазии и воспоминания, которые формируют наше повседневное отношение с современниками» (*Jay*. 2003. Р. 44).

утверждает далее: «Но функция критической мысли состоит не в том, чтобы рационализировать предписания для любой ситуации или извлекать выгоду из необоснованной власти, иногда связанной с чьим-то прошлым. Она призвана задавать угол зрения относительно субъект-позиций и помогать прийти к их пониманию, не только тематизируя их и прослеживая их “голоса”, но и помогая трансформировать их взаимодействия и артикуляции желательным способом»³⁴. Вместо построения абстрактных моделей «проработки» ЛаКапра настаивает на ситуативности диалога и его неотделимости от социокультурных практик (в том числе, в контексте борьбы интеллектуальной истории за самостоятельность в рамках *trauma studies*). «Все мои тексты <...> – скорее приглашение к диалогу и дискуссии» – пишет он в последней книге³⁵. Фрейдский психоанализ, идеи нарративного поворота, эстетическая теория с ее интересом к возвышенному не должны становиться неким оракулом или философским камнем, дающим ответ на любые вопросы. Их использование должно быть ограничено смысловой оправданностью и продуктивностью в решении определенных вопросов³⁶.

Таким образом, акцент на диалог и стремление отстоять институциональную и методологическую самостоятельность интеллектуальной истории можно считать устойчивой основой построений ЛаКапры, несмотря на изменение предмета исследований. При этом сфера репрезентируемого в его текстах постепенно сокращается. Если в «Прологе к Сартру» это пространство весьма значительно³⁷, то в работах 1990-х гг. оно уже минимально (хотя ни в коем случае не сводимо к нулю³⁸). Даже такие предельные события, как Холокост, могут быть репрезентированы

³⁴ LaCapra. 1994. P. 13.

³⁵ LaCapra. 2009. P. 217.

³⁶ LaCapra. 1998. P. 34. В этом контексте увлечение ЛаКапры психоанализом представляется лишь как чуть более продуктивный шаг в рамках современной гуманитаристики, но не как магистральный путь дальнейших исследований.

³⁷ В частности, ЛаКапра рассматривает «улыбку парка» у Сартра и саму тошноту как «оседание смысла» в вещах и в опыте, который может быть лишь весьма ограниченно репрезентирован или зафиксирован, не являясь ни чисто физическим, ни чисто ментальным. – LaCapra. 1978. P. 112. Отметим также, что ЛаКапра отвечает лишь на незначительную часть поставленных им же самих вопросов. Это связано с тем, что даже косвенная референция не всегда срабатывает в процессе смыслообразования.

³⁸ ЛаКапра признает существование «трансисторической» или структурной травмы – некоего предельного события, представить и репрезентировать которое в принципе невозможно, поскольку оно не имеет позитивных характеристик. « – LaCapra. 2009. P. «Никто не может дать полную, адекватную дефиницию проработки. Любое полное определение искажает это понятие». – LaCapra. 1998. P. 54.

(хотя и не полностью), если не сводить «проработку» к прямой референции и простому каузальному объяснению. ЛаКапра признает: «Конвенциональные техники отчасти неадекватны в отношении предельных событий. В нашем к ним обращении язык может ломаться, и наиболее подходящей формой репрезентации оказывается минимализм. Тем не менее, я утверждаю, что скорее возможно показать то, что не работает, чем узаконить какой-то единый подход в высказываниях и текстах о Холокосте. Кроме того, молчание здесь не идентично немоте, а ломка языка значима сама по себе и даже является говорящим процессом»³⁹. Молчание во многом выполняет ритуальные функции траура (во фрейдовском его понимании), граничащие с определенным использованием языка.

Подводя итогу, еще раз подчеркнем, что интеллектуальная история в понимании ЛаКапры выступает как опыт транзитивного диалога с прошлым. Она не исключает отличие «другого» или ограниченности языка, но стремится расширить границы «территории историка». При этом его методология и «институциональная политика» в сфере историографии, с одной стороны, неразрывно связаны с европейской интеллектуальной традицией, а с другой, – гибко и эффективно работают в контексте современной полемики о репрезентации и травме в американском академическом сообществе. Диалог как критическое сохранение и трансформация традиции представляется исследователю важным в социальном и интеллектуальном плане одновременно, поскольку предполагает осознанный выбор альтернатив развития в настоящем и будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лаплани Ж., Понталис Ж. Б.* Словарь по психоанализу / Пер. Н. С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. 663 с.
- Рансьер Ж.* Разделяя чувственное / Пер. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 264 с.
- Сантнер Э.* История по ту сторону принципа наслаждения: размышление о репрезентации травмы // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 389–407.
- Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
- Dintenfass M.* Truth's other: ethics, the history of Holocaust, and historiographical theory after the linguistic turn // *History and theory*. 2000. Vol. 39. No. 1. P. 1–20.
- Jacoby R.* A new intellectual history? // *The American historical review*. 1992. Vol. 97. No. 2. P. 405–424.

³⁹ *LaCapra*. 1994. P. 47.

- Jay M. Refractions of violence. New York: Routledge, 2003. 225 p.
- LaCapra D. A preface to Sartre: a critical introduction to Sartre's literary and philosophical writings. Ithaca: Cornell University Press, 1978. 255 p.
- LaCapra D. Emile Durkheim: sociologist and philosopher. Aurora, Colorado: The Davies Group Publishers, 2001. 290 p.
- LaCapra D. History and criticism. Ithaca, Cornell University Press, 1985. 148 p.
- LaCapra D. History and its limits: human, animal, violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 230 p.
- LaCapra D. History and memory after Auschwitz. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1998. 214 p.
- LaCapra D. History in transit: experience, identity, critical theory. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 282 p.
- LaCapra D. History, politics, and the novel. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 220 p.
- LaCapra D. Representing the Holocaust: history, theory, trauma. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 230 p.
- LaCapra D. Rethinking intellectual history: texts, contexts, language. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 351 p.
- LaCapra D. Writing history, writing trauma. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p.
- Lyotard J.-F. L'Inhumain. Paris: Galilee, 1988. 216 p.
- Seeley K. M. Therapy after terror: 9/11, psychotherapists, and mental health. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. 240 p.
- The trauma of terrorism: sharing knowledge and shared care / Ed. by Yael Danieli, Danny Brom. New York: Routledge, 2005. 807 p.
- Toews J. E. Intellectual history after the linguistic turn: the autonomy of meaning and the irreducibility of experience // The American historical review. 1987. Vol. 92. No. 4. P. 879-907.
- White H. Content of the form: narrative discourse and historical representation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 244 p.
- Wirth H. J. 9/11 as a collective trauma: and other essays on psychoanalysis and society. Hillsdale, New Jersey: The Analytic Press, 2005. 200 p.
- Кобылин Игорь Игоревич**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской Государственной Медицинской Академии; kigor55@mail.ru.
- Николай Федор Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fntik@list.ru.

М. А. КУКАРЦЕВА

КРАЙ ВОЗМОЖНОГО, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОЙ КНИГЕ Д. ЛАКАПРЫ

В статье дан обзор книги Д. ЛаКапра «История и ее пределы. Человек, животное, жестокость». Рассматривается предложенное ЛаКапрой соотношение интеллектуальной истории, культурной истории и критической теории в контексте исследований феномена травмы. Выявлены некоторые плюсы и минусы его позиции в вопросах исторического исследования биополитики, дистрикции человеческого/нечеловеческого, постсекулярного общества, а также ряд особенностей методологии исследований Д. ЛаКапра.

Ключевые слова: травма, биополитика, интеллектуальная история, виктимизация, жестокость.

Доменик ЛаКапра – известный историк США, работающий в жанре интеллектуальной истории. Его работы всегда отличаются высоким рангом рефлексии и неоднозначностью суждений. Разделяя общую интенцию постмодернистского дискурса, ЛаКапра, тем не менее, верит в рациональность историографии, в референциальный детерминизм и акцентирует в связи с этим внимание на категориях единства, порядка, тождества. Как заметил Тимоти Хэмптон: «В языке, изъятном у Деррида и натурализованном в историческом самосознании Домеником ЛаКапра, совершился макиавеллев подход к истории...»¹.

Новая книга мэтра «История и ее пределы. Человек, животное, жестокость»², вышедшая в издательстве Корнеллского университета, привлекла внимание профессионалов предложенным в ней переосмыслением отношений между интеллектуальной историей, культурной историей и критической теорией. Это переосмысление осуществлено автором в контексте размышлений о границах исторического исследования. По его мнению, история слишком часто понимается как наука, призванная своими занимательными нарративами и даже анекдотами, поддержанными «надежными» фактами, «мягкими» аналогиями и «воображаемыми» интерполяциями, заполняющими лакуны в документальных источ-

¹ Hampton. 1996. P. 71. ЛаКапра неоднократно подчеркивал, что хотя он и не дерридарианец, но относится к идеям Деррида с большим уважением. Он утверждает, что если кто-то не принимает позиции Деррида, то, значит, он просто ее не понимает, но если понимает, то волей-неволей принимает.

² LaCapra D. 2009.

никах, доставлять читателю удовольствие. Однако «благо никогда не дается людям в чистом виде, к нему всегда присоединяется зло; успехам сопутствуют неудачи, удовольствиям-огорчения...» (Диакон. 1988. С. 9), поэтому к числу вечных тем исторической дисциплины также принадлежат исследования жестокости и насилия. Интерес к злу, как полагала Х. Аренд, навсегда останется фундаментальным для интеллектуальной жизни, и не только Европы. Примерно с начала XX в. историческая наука сосредоточилась на изучении конечности человеческой экзистенции, на анализе феномена смерти в его разных аспектах и дискурса смерти как одного из ключевых вариантов исторического дискурса.

Системные сдвиги XX века (национализм – Первая мировая война, коммунизм – Октябрьская революция, фашизм – Вторая мировая война) породили убеждение в том, что «без смерти не было бы никакой истории. История вскармливает смерть. История начинается в могиле»³. Этот тезис вызывает огромный интерес историков к практически бездонному запасу семантических вариантов интерпретации феноменов «ужаса» и «жуткого», при одновременно крайне ограниченном методологическом репертуаре их анализа. Этот интерес сосредоточен в специальной области исследований – *trauma studies*, во многом возникшей в связи с событиями 11 сентября 2001 г.⁴ Вопрос, среди прочего, упирается в следующую дилемму: как репрезентировать ближайшее прошлое, которое – все еще наша собственная жизнь, и одновременно выразить чувство вины, не нарушая баланса между самим историческим событием и любым отношением к нему⁵. Один из основных источников методологических приемов историки увидели в психоанализе и, в частности, в работах Фрейда, который в эссе 1919 года «Жуткое» (*Unheimlichkeit*)

³ Domanska. 2005. P. 59. О философских исследованиях «ужасного» см., напр.: Делюмо, Фрезер. 2009.

⁴ См., напр.: Мир в войне...

⁵ Исследования подобного рода инспирировали этические соображения, касающиеся теории и истории историографии. Х. Уайт, например, полагал, что в основном эстетические и этические регулятивы, а не эпистемологические нормы определяют познание истории, а К. Гинзбург утверждал обратное. Развитие указанных идей привело к углублению границы между фактом и вымыслом во многих исторических исследованиях второй половины XX в., особенно в работах постмодернистской направленности. Это оскорбило тех людей, которые считали, что фикцию и вымышленную безнравственность сторонники *эстетического поворота* слишком близко поместили к исторической действительности Холокоста. В итоге ЛаКапра призвал к *этическому повороту* в исторических исследованиях, что совпало с концом постмодернистского историописания // LaCapra. 1998. Conclusion: Psychoanalysis, Memory, and the Ethical Turn. P. 180-210. См. также: The Ethics of History. 2004.

описал чувство беспокойства, опасения, и ужаса, вызываемого при определенных обстоятельствах привычными предметами: «Жуткое – разновидность пугающего, которое имеет начало в давно известном, издавна привычном... Впечатление жуткого возникает, когда стирается грань между фантазией и действительностью, когда перед нами предстает нечто реальное, что до сих пор мы считали фантастическим»⁶.

К идеям Фрейда об *Unheimlichkeit* не раз обращались многие историки и философы истории: М. де Серто, М. Фуко, Ф. Анкерсмит, П. Рикер и др. ЛаКапра тоже размышляет об этом, в фокусе его интереса находятся проблемы исторического понимания и репрезентации неоднозначных исторических событий эпохи, говоря языком Ю. Хабермаса, *постсекулярного общества*⁷. ЛаКапра задается вопросом, можно ли (и каким образом) показать в истории феномен травмы одновременно и как реальность, жуткое, и как образец негативного возвышенного? Отсюда лейтмотив его книги – как надо (и как не надо) в исторической науке размышлять о границах познания, которые задаются, во-первых, нормами научного исследования, а во-вторых, экстремальностью чрезвычайных событий и переживаний, которые трансgressируют или даже временно приостанавливают действие нормативных ограничений. «В последнем случае мы сталкиваемся с важным моментом – каким образом историография доходит до своего предела, пытаясь исследовать крайности. Парадигматическим случаем такого рода является жестокость, связанная с травматизацией. И тем интереснее, почему жестокость и насилие очаровывали западное мышление и практику. Это особенно важно, когда жестокость не является необходимым условием достижения некоего результата (свершения революции, принесения жертвы во имя спасения от страшных эпидемий и пр.), а сакрализуется в фундаменталистских понятиях, становится возвышенной и искупительной»⁸.

Каким образом критическая историография может ответить на вызовы деструктивных сил, играющих столь важную роль в так называемых пограничных событиях истории? Следует ли из такого рода попытки то, что исследователь с необходимостью становится соучастником объекта исследования, фиксируясь на жестокости, путая жалость с идентификацией жестокости; что он целиком проецируется на объект своего исследования и критики? Каким вариантам доступа к таким объ-

⁶ Фрейд. 1995. С. 265-266, 277.

⁷ См.: Хабермас, Ратцингер (Бенедикт XVI). 2006. Краткий обзор концепций постсекулярного общества см.: Узланер. 2009.

⁸ LaCapra. 2009. P. 7.

ектам ему нужно следовать (абсолютное отрицание, идеализированная меланхолия, эстетика возвышенного, предчувствие апокалипсиса, признание феномена «творения из ничего», утопическая надежда на лучшее). Как вообще понимать недавние, часто жуткие, мольбы «постсекулярного» общества и отношений человек-животное? Что вообще нужно для того, чтобы попытаться «мыслить» историю в контексте сложной проблемы границ и пределов ее исследования? По мнению ЛаКапры, ответы на эти вопросы требуют сотрудничества разных жанров истории – интеллектуальной истории, разных форм культурных исследований и критической теории, вместе реализующих трансгрессивные и одновременно захватывающие научные подходы, разрушающие границы академических дисциплин: «Фокус моего внимания в этой книге сосредоточен на интеракции интеллектуальной истории и критической теории, причем критическая теория понимается главным образом в терминах исследования и анализа базовых допущений в практиках и формах мышления. Эти допущения задают границы исследования, которые могут остаться непроанализированными, особенно если они встроены в габитус или в то, что как бы само собой разумеется»⁹.

Книга содержит семь эссе, понимаемых как научный обзор релевантных дискуссий в области интеллектуальной истории с анализом их ключевых тем и идей. Такой подход, по мнению ЛаКапры, позволяет выстроить убедительную аргументацию и общую линию размышлений об искомом объекте и в то же время сохранить его как предмет дальнейшего обсуждения. Все эссе выстроены в форме диалога и, в сущности, представляют собой, как говорит ЛаКапра, «метакритику» интеллектуальной истории, исследовательские допущения, определяющие основные направления поисков базовых форм ее концептуализации.

Идея диалога не случайно возникает в книге. Диалог – важный методологический прием ЛаКапры. Он всегда подчеркивал, что познание в истории осуществляется через постижение смыслов, отыскиваемых в диалоге текстов историка и его читателя. Свое понимание диалогизма ЛаКапра основывает на работах Бахтина: как внутреннюю форму диалога культурных миров, как диалог сил языка и социальных агентов в различных исторических контекстах. По мнению ЛаКапры, диалогический подход к историописанию основан на различии между точной реконструкцией объекта изучения и обменом этим реконструированным объектом с другими историками. Обмен информацией с другими исследователями необходим для формирования современного контекста объ-

⁹ Ibid. P. 2.

екта исследования, что особенно важно в отношении таких объектов, как Холокост, например. Комбинация точной реконструкции и диалогического обмена предоставляет важное место «голосам» других и одновременно оставляет место для голоса автора текста.

В первых двух эссе («Артикулируя интеллектуальную историю, культурную историю и критическую теорию» и «Перипетии практики и теории») ЛаКапра рассматривает возможности кооперации указанных жанров исследования истории, соотношение в них эмпирических и теоретических методов анализа. Он указывает на то, что кафедра интеллектуальной истории всегда приписана к историческим факультетам, но историки, работающие в ее жанре, ощущают себя в исторической дисциплине маргиналами. Это происходит потому, что интеллектуальная история не предлагает читателю очаровательных и захватывающих нарративов, не открывает новых поразительных архивных фактов, не наполняет ими описания неких интригующих исторических событий и переживаний. «В качестве основной формы своего исследования интеллектуальная история рассматривает тщательный критический анализ сложных текстов и артефактов, фокус ее интереса сосредоточен на способах *концептуализации* и *аргументации* – методах, которыми материал продуман или не продуман до конца, «осюжетен», переработан и изложен»¹⁰. Интеллектуальная история анализирует сложные понятия, выработанные в ходе развития познания, и разнообразные представления о способах мышления. Когда историк обращается к множественным смыслам и импликациям прошлого, настоящего и будущего, сомнению должна подвергаться любая признанная дата или периодизация той или иной исторической эпохи или события. Критико-теоретическая ориентация интеллектуальной истории, реализуемая комбинацией вопрошания, самовопрошания, проблематизации избранных тем, делает ее своего рода мета-уровнем исследования. При этом интеллектуальная история также изучает и традиционные методы исследования, сопоставляя их допущения и смыслы с теми, что уже дали результаты или пока еще их не дали. Мышление в интеллектуальной истории приобретает форму диалога, открытого поискам истины, выявлению спорных допущений и аргументов, движению к более интересным альтернативам.

У интеллектуальной истории непростые отношения с научными подходами к истории (социологическим, экономическим, политическим и пр.), и с *культурной историей*. ЛаКапра замечает, что особенность культурной истории заключается в том, что она не связана ни с какими

¹⁰ Ibid. P. 3.

традиционными канонами и соотносится с самыми разными социальными и политическими процессами и феноменами, в том числе такими как квир-движение и отношения человека и животных. В интеллектуальной истории подобные темы являются маргинальными. Кроме того, культурная история ограничена своей практикой или методологией и сопротивляется теоретическому осмыслению своих допущений. Но «теорию нельзя идентифицировать исключительно с теоретизмом или мышлением, оперирующим на уровне спекулятивных, чисто концептуальных, часто самореференциальных абстракций, основывающихся на них самих и конструирующих историю как источник неких иллюстраций и знаков, как хранилище несоизмеримых уникальностей и единичностей или как трансисторическую абстракцию (травму, например)»¹¹. Так, по ЛаКапра, видят сущность теории Дж. Агамбен и С. Жижек. Однако нельзя допустить, чтобы культурная история элиминировала интеллектуальную историю, и наоборот – чтобы интеллектуальная история заменила собой культурную, основываясь на а-теоретичности или анти-теоретичности последней. Понятие границ и пределов, безусловно, спекулятивный элемент в исторической рефлексии. Но он должен быть рассмотрен и до известной степени отрегулирован эмпирическими исследованиями, которые, конечно, никогда не смогут полностью доказать или подтвердить определенные точки зрения, но могут сделать их более надежными. Эмпирическое исследование, хотя и не самодостаточное, весьма продуктивно тогда, когда оно кооперируется с критическим исследованием и рассматривается как «проверка на реальных данных», когда оно способствует выявлению специфических особенностей объекта исследования и предохраняет свободный полет теоретической мысли историка от избыточно-длительного зависания в воздухе. Однако без спекулятивного измерения история ограничивается узкими рамками методов социальных наук, отрезающих доступ к междисциплинарным инициативам, столь необходимым интеллектуальной истории.

Задача совместных усилий интеллектуальной истории и культурной истории, по мнению ЛаКапры, заключается в выработке таких подходов к теории, которые были бы провокативны и частично непредсказуемы в решении исторических и социально-политических вопросов. Для этого к интеллектуальной и культурной истории должна быть добавлена и определенная *критическая теория*. Это может быть, например психоанализ (к нему ЛаКапра всегда испытывал методологическую и вообще эвристическую симпатию), теория травмы, деконструкция (по

¹¹ Ibid. P. 30.

справедливому мнению ЛаКапры, главной заслугой теории деконструкции является трансгрессия бинарных оппозиций или тотальных дихотомий, ведущая к «постсекулярному миру»), критическая теория Франкфуртской школы и др.¹² ЛаКапра подчеркивает, что любая критическая теория детально исследует определенный габитус, для того, чтобы эксплицировать его и сделать открытым для анализа, причем методами, которые одновременно проверяют достоверность его компонентов и создают возможность их последующих изменений. Вооружившись некоей критической теорией, история начинает пересекаться с другими дисциплинами самыми неожиданными и временами просто дезорганизирующими способами, грозящими перевести историю за ее привычные границы и одновременно дезавуировать критерии выделения других академических дисциплин. Такие кросс-дисциплинарные темы исследования, как травма, жестокость, смерть, феномен постсекулярного и пр., выходят из предполагаемо-единственной области, где они могут быть исследованы. ЛаКапра считает, что интеллектуальная история служит своего рода плацдармом, где критическая теория в ее разных вариантах может развернуться во всем поле исторической дисциплины, и в определенной степени, во всей академической науке вообще: «Интеллектуальные историки постоянно сталкиваются с проблемой того, где они могут “сгодиться”, и вправе ли они “перенять обычаи и образ жизни туземцев”, восприняв исследовательские теории (включая психоанализ) достаточно серьезно, чтобы преодолеть уже объективированные концептуализации и конвенциональные нарративы и осуществить новый критико-теоретический дискурс»¹³. Кроме того, в исторической профессии интеллектуальная история сама является источником различных форм критической теории: «Интеллектуальная история, тесно связанная с критической теорией, может быть рассмотрена одновременно как дефляционная вероятность и как вдохновляющая критика в области историографии, которая без этого могла бы и не увидеть необходимости (и норм) определенных форм исследования и концептуализации»¹⁴. В результате совместных усилий интеллектуальной истории, культурной истории и критической теории может быть создано особое поле конвенциональной истории. Тремя столпами последней с давних пор считаются контекстуализация, архивные исследования и нарративы. Но эти три

¹² Ibid. P. 34. При этом симпатии ЛаКапры принадлежат критической теории франкфуртцев. Как на блестящее исследование последней он ссылается на книгу известного представителя интеллектуальной истории Мартина Джей: *Jay*. 1973.

¹³ Ibid. P. 11.

¹⁴ Ibid. P. 4.

элемента должны находиться в постоянном переосмыслении. Одним из направлений такого переосмысления и является анализ феноменов насилия, травмы, жестокости, смерти, объединенные в отношении «животное – человек – природа», полагает ЛаКапра.

Интеллектуальная история ограничена *контекстом* объекта своего исследования, что в значительной мере снижает ее когнитивные возможности и сужает репертуар ее методов и предметов анализа. Базовый принцип интеллектуальной истории требует считать важными только те идеи и теории мыслителей прошлого, которые отражают или иллюстрируют *ключевые дискурсы* исследуемого времени, выражающие *Zeitgeist*. Предполагается, что без реконструкции такого «дискурса» невозможно понять прошлое, поэтому исторического исследования заслуживает только тот мыслитель, который является примером осуществления такого дискурса¹⁵. Заметим, что *как методолог*, ЛаКарпа давно включен в обсуждение проблем взаимоотношения текста и контекста, понимаемых, соответственно как текст нарратива и текст источника, документа прошлого – «образа реальности» (*LaCapra*. 1983). Он много писал о том, что историк работает преимущественно с контекстом и во многом на его основе строит текст, поэтому важно правильно «собрать контекст», превратить его в определенность, предотвращающую ощущение «разлома» текста; крайне важно найти правильный баланс текста и контекста, определить верную стратегию прочтения контекста, выяснить, что именно может служить контекстом. ЛаКапра отрицает понятие контекста как некоего неизменного целого, расположенного в определенном месте и времени. Он настаивает на «интерактивном контексте», то есть на преимущественном отношении «текст – читатель». Ему очевидна вся сложность взаимодействия текста и его контекстов, и он видит основной вопрос в том, как именно текст приходит к соглашению со своим контекстом. Ему ясно, что каузальные структуры не должны выстраиваться в направлении «контекст – текст», объект исторического исследования не может целиком помещаться в контекст исторической работы. Как раз здесь уместно «интертекстуальное» прочтение, чуждое редуccionистского всеупрощения, конвергирующего контекст в доминантную структуру текста, или наоборот¹⁶. ЛаКапра предполагает, что феномен травмы – тот объект исследования, который позволяет радикально

¹⁵ В этой связи примечательна книга А. Мегилла «Карл Маркс: бремя разума» (*Megill*. 2002), где Маркс показан как ученый, опередивший свое время, мыслитель, не вполне вписывающийся в его ключевые дискурсы. В результате книга Мегилла вызвала неприятие многих представителей самого жанра интеллектуальной истории.

¹⁶ *LaCapra*. 1985. P. 117.

преобразовать контекстуальность интеллектуальной истории, возможно даже выйти за пределы этой контекстуальности, за границы целей репрезентации к задачам реконфигурации значений и тем исследования. Травма становится своего рода *всепоглощающим «контекстом»*, стирающим эмпирическую релевантность других контекстов, поскольку открывает историю для непредсказуемости и жуткого.

Связанная с определенной критической теорией интеллектуальная история, формулирует относящиеся к феномену травмы *гипотезы*. Например, как в истории понимался феномен травмы и как он ассоциировался с жестокостью? Это была физическая или психологическая проблема? Как критико-теоретическая конструкция интеллектуальная история также ставит вопрос о *методах* артикуляции проблем: исходя из какой позиции пишется тот или иной нарратив травмы? Насколько адекватны выражающие ее понятия? Может ли кто-нибудь «олицетворять» собой травму и отделить себя от возникающих в связи с этим проблем трансференции? Интеллектуальная история купно с культурной историей и критической теорией исследуют «взаимную вовлеченность» наблюдателя и наблюдаемого: может ли чей-то дискурс контролировать травму и ее воздействие, преобразуя ее в исследовательскую проблему? Ответы на этот вопросы инспирирует интенсивный «взаимообмен» между прошлым и настоящим, с целью очерчивания контуров будущего.

В следующих трех эссе книги («Травмотропизм: от травмы через свидетельство к возвышенному?», «Об исследовании жестокости» и «Хайдеггер, жестокость и исток художественного творения») ЛаКапра рассматривает, как он говорит, «проблемы “элитарной” культуры», возникающие в ходе анализа феномена травмы и насилия. В этих эссе он разбирает тексты М. Бахтина, З. Фрейда, М. Хайдеггера, Ж. Батайя, С. Жижека, В. Беньямина, Ж. Деррида и других авторов. В эссе «Травмотропизм» ЛаКапра рассуждает о восприятии жертвами насилия последствий травмы и о возможной квалификации травмы¹⁷. Рассматривая травматический опыт узников концлагерей, речи вождей Третьего рейха и другие свидетельства проявления жестокости в истории, он соотносит между собой понятия возвышенного и жуткого, рассмотренные в контексте травмотропизма. По его мнению, они представлены разными способами. Возвышенное тяготеет в сторону трансцендентности, проявляясь через некий радикальный, апокалиптический перелом, и относится к надеждам или тревогам всего секулярного просвещения, все-таки

¹⁷ Травмотропизм (от греч. *trauma* — рана и *tropos* — поворот), «способность растущих органов растений изгибаться под влиянием поранения» (БСЭ).

испытывающего уважение к «сакральному и суеверному». Жуткое относится к области имманентных форм возвышенного, к сублимации как интимному, внутреннему процессу и ассоциируется со сферой «примитивного» и «анимистического». Возвышенное и жуткое по-разному соотносятся с феноменом травмы. Последний может быть преобразован в возвышенное в ситуации абсолютного разрыва с прошлым: в ходе попыток реализации какой-нибудь утопической идеи; перехода от «града земного» к «граду божьему», символизированного убийством Каином Авеля; казни Людовика XVI; краха нацизма; и пр. Соотношение жуткого и травмы иное. Жуткое выступает в качестве причины или результата травмы, или проявляется в виде ее симптомов. Возвышенное может быть рассмотрено как жуткое – как репликация репрессированного, подавленного или дезавуированного сакрального. Кроме того, возвышенное само по себе может обладать эффектом жуткого, а жуткое, в свою очередь, может стимулировать попытки рассматривать трансцендентность с точки зрения маниакально повторяющихся ситуаций «ужасной путаницы» (тыква как отрубленная голова и пр.).

Замечу, что о подобной диалектике возвышенного и жуткого в контексте исследования трагического опыта, а также об ее иллюстрации в историческом дискурсе много писал Ф. Анкерсмит. Например, в статье «Травма и страдание. Забытый источник западного исторического сознания» он рассуждает о том, что западный исторический дискурс вообще детерминирован драматическими событиями истории Запада¹⁸. Коллективный опыт ужаса и страха, пережитый Европой в эпоху гибели Римской империи, эпидемии чумы 1348 года, Столетней войны, Французской революции и пр. наделил прошлое Запада непреходящей болью. Тень этих страданий отразилась на народах Европы гораздо сильнее, чем периоды счастья и радости. Конечно, и не-западные цивилизации, не-западные локальные миры тоже пережили не одну войну, эпидемию и геноциды, но именно западный человек приобрел *опыт* трагедии, в котором и раскрывается подлинная сущность истории. Чем объяснить особую чувствительность к травмам, которой обладает западный человек? – спрашивает Анкерсмит. Травма присуща западному сознанию из-за его неспособности абсорбировать травматический опыт *внутри* истории. Коллективное страдание стало внешней частью западной культуры, чем-то, что могло быть выражено в идиоме культуры, о чем можно говорить и писать. И в этой «пустоте» между страданием и языком, возник новый тип дискурса – историописание, имеющее своей целью связать

¹⁸ *Ankersmit*. 2002. См. также: *Анкерсмит*. 2009; *Он же*. 2007.

описание страдания и само страдание. Для западной цивилизации исторический дискурс стал, с одной стороны, медиатором между *травмой* и *страдающими* от нее, а с другой – объективацией того и другого.

В своей книге ЛаКапра, обращаясь к иному исследовательскому материалу, оппонирует идеям Анкерсмита. Он рассуждает, например, о том, чем является «терроризм... как систематическая травматизация населения правительственными или неправительственными группами» – феноменом возвышенного, феноменом жуткого или «особой» смесью того и другого?¹⁹ В конечном итоге, ЛаКапра приходит к выводу, что жестокость не есть нечто, противоположное Западу и аккумулярованное в «Других», в исламском фундаментализме, например. Она – «другое» внутри любого, и «восточного», и «западного»²⁰. По мнению ЛаКапры, необходимо ясно различать стратегическое и контекстуальное оправдание жестокости и ее сакральные, возвышенные или искупительные толкования. Существуют разные формы, модальности и конструкции феномена жестокости, так же как и разные силы, способные ее ограничить, или даже нейтрализовать совсем. В этой связи рассуждениям ЛаКапра весьма релевантны соображения Й. Рюзена о «логике этноцентризма» как логике националистической концептуализации исторической идентичности (особенно если принять во внимание, что вопросы формирования и сущности идентичности всегда находятся в центре интересов ЛаКапры, включая и исследование проблемы репрезентации травмы).

Й. Рюзен выделил три базовых момента логики этноцентризма (Rusen. 2006): 1. *Асимметричность* в установлении различий между своими и чужими. Исторически образ «нас» всегда наполнен позитивными ценностями: «мы – дети Бога; мы достигли высоких стандартов цивилизационного развития; мы – истинно верующие и пр.». Образ «других», напротив, наполнен негативными ценностями: «они» – варвары, неверные и пр.». Правило одно – чтобы высветлить одних, необходимо зачернить других. Характеризуя «других» как агрессивных, доминантных, жестоких, аморальных и пр., «свои» наделяют себя прямо противоположными чертами. Рюзен предлагает назвать эту модель этноцентризма «негативным этноцентризмом». Позитивная самооценка «нас» выглядит весьма правдоподобной, только если «мы» позиционируем себя в роли жертвы насилия со стороны других. ореол безвинного страдания как бы наделяет «нас» бесспорным моральным превосходством.

¹⁹ LaCapra. 2009. P. 92.

²⁰ Рассуждения ЛаКапры о причинах жестокости террористов близки социопсихологической концепции современного терроризма. – См.: *Пятигорский, Алексеев*. 2008. С. 133-157.

вом над «другими». Отсюда – общий тренд **виктимизации** в исторической культуре нашего времени. 2. *Генетически-ориентированная телеология*. История нации начинается с некоего замечательного источника, отмеченного светлым, позитивным смыслом. Дальнейшая ее история иллюстрирует возрастание этого светлого начала, его сохранение, приумножение и трансляцию в будущее. 3. *Пространственный моноцентризм*: «мы» живем в центре мира, а «другие – маргиналы». Рюзен полагает, что логике этноцентризма следуют практически все этносы: «мы» помещаем «других» на темную сторону, а «другие» помещают туда «нас», и это неизбежно порождает проблемы и конфликты, жестокость и страдания. Народы всегда нуждаются в позитивной самооценке как конститутивном элементе их идентичности, и они добиваются этого через дискредитацию других народов, через предвзятое распределение ценностей, через насилие. Вопрос в следующем: можно ли минимизировать риски? Можно ли преобразовать эту логику этноцентризма? Можно ли изменить в исторической культуре общие установки формирования идентичности, ведущие к катастрофам? Можно ли сформулировать новый подход к идентичности, учитывающий другие культуры мира? Все эти вопросы остаются открытыми, но есть и серьезные попытки сформулировать на них вменяемые ответы. Например, по мнению Рюзена, в Европе на глубинном уровне переоценки своей исторической культуры, бесспорно, формируется тенденция к объективности во взаимоотношениях с культурами «других», в результате чего логика этноцентризма постепенно трансформируется. 1. Асимметричность в установлении различий между своими и чужими сменяется *анти-триумфализмом* в отношении к своему прошлому. Этот анти-триумфализм, сопровождаемый элементами сожаления и скорби по поводу содеянного в прошлом, постепенно становится ключевой чертой исторической культуры Европы. Старая моральная дистинкция «разбойник/жертва» сменена более сложными механизмами, регулирующими отношениями «своих и чужих» так, что разбойник тоже может интерпретироваться как жертва. 2. Генетически-ориентированная телеология сменяется *футуристически ориентированной реконструкцией прошлого*, т.е. идеей непрерывного исторического и социокультурного развития всей Европы от ее генезиса в Греции до создания ЕС. Рюзен вообще убежден в том, что эта реконструкция – новый структурный сдвиг в исторической культуре Европы и в логике этноцентризма. 3. Пространственный моноцентризм сменяется *полицентризмом*. В исторической культуре это означает мультиперспективизм, плюрализм исторических перспектив в формировании европейской идентичности.

Но вернемся к книге ЛаКапры. В ее пятом очерке («Хайдеггер, жестокость и исток художественного творения») он размышляет о статье М. Хайдеггера «Исток художественного творения», в частности рассуждая о причинах симпатии Хайдеггера к нацизму²¹. Эту симпатию он объясняет тем, что Хайдеггер рассматривал идеологию нацизма как носителя неких высших регенеративных сил, которые положат конец неподлинности современной цивилизации и возродят в новом облике величие цивилизации древних греков. В этом контексте, с точки зрения ЛаКапра, и надо читать указанную работу Хайдеггера – как попытку преодоления (пусть даже и через жестокость, принесение жертвы) обветшалого языка нашего времени, превратившегося в болтовню, ради Истины, ради того, чтобы она «нашла себя в себе».

В шестом эссе («Пересматривая вопрос о человеке и животном») и седьмом («Тропизмы интеллектуальной истории») ЛаКапра обращается к известным идеям поворота к «не-человеческому» или постгуманизму (non-human turn; post-humanities studies), произошедшему в западном социогуманитарном дискурсе последней трети XX в. и связанному с именами Ж. Батая, позже Б. Латура, Д. Харауэй, Э. Пикеринга и др. В этом повороте *humans* открыты для диалога с *non-humans*, причем последние понимаются как техносубъекты, *homo cyborg*. В рамках этого поворота имел место еще один, так называемый «биополитический поворот». Его мотивы были очерчены исследованиями К. Шмиттом феномена «суверенной власти» и введением М. Фуко в научный оборот понятия «биовласть»²². Частью этого поворота являются исследования отношения человек/животное (animal studies). По мнению ЛаКапры, указанный «биополитический поворот» может стать той критической теорией, с помощью которой интеллектуальная и культурная история могли бы плодотворно рассмотреть отношения человек/животное. Кроме того, ЛаКапра полагает, что интерес к исследованию указанного отношения, если и не стал пока альтернативой культурному и лингвистическому поворотам в историческом знании, но уж точно является приоритетной темой многих исторических исследований начала XXI века.

²¹ В нем Хайдеггер мыслит отношение народа к бытию через уникальность языка: «Начало произведения искусства, т.е., одновременно творящего и хранящего себя в Истине, а это значит, исторического бытия определенного народа, есть истина. Это так, потому что искусство в своем существе есть начало и ничто иное: отличный способ, каким истина становится существующей и тем самым сбывается в истории». – Цит. по: *Хайдеггер*. 1993.

²² См., напр.: *Шмитт*. 2010.

ЛаКапра рассматривает отношение человек/животное в философском, политическом и экзистенциальном аспектах. Особенно тщательно он анализирует идеи известной работы Дж. Агамбена «Открытое. Человек и животное», обращая внимание на нюансы негативной антропологии Агамбена, суть которой в числе прочего заключается в том, что Агамбен, вслед за А. Кожевым и Ж. Батайем утверждает, что в пост-историческом мире человек вернется в свое исходное, животное состояние, сохраняя человечность как негативность – в виде эротизма, смеха и пр. (Agamben. 2004). Агамбен полагает, что в своем чисто физическом существовании, «голой жизни» (*la nuda vita*) человек равен любому животному, здесь человека и животное объединяет греческое понятие «зоэ» («*zoe*»). Оно противопоставляется «биосу» – образу жизни, характеризующему отдельного человека или группу людей. ЛаКапра фиксирует внимание на введенном Агамбеном различии между *zoe* и *bios* как различии политики и права. Получается, что различие между животным и человеком есть различие в отношении к правам. Исходя из этого *правового дискурса*, ЛаКапра утверждает, что выделение животных в отдельную от человека группу живых существ редуцирует их анализ к двум взаимосвязанным аспектам. В первом животные рассматриваются как сырой материал, чисто «инструментальные» формы бытия, находящиеся на суб- (или даже *инфра-*) -этическом уровне. Второй возвышает животных до уровня *сверх-этического*, придавая им статус жертвы, потерпевшего, в конечном итоге, чего-то сакрального. Анализируя плюсы и минусы указанных аспектов ЛаКапра подчеркивает, что главное в исторических исследованиях отношения человек/животное – избежать избыточного антропоцентризма, выявить «естественные» права и человека, и животного в интерактивной сети их взаимодействий, лишить суверенитета и тех и других. Он вводит фигуру «козла отпущения» как некую квази-сакральную жертву и призывает проанализировать ее социопсихологический смысл и назначение в отношениях человек/животное. С его точки зрения, главное различие между животным и человеком всегда концептуализировалось в тезисе о присущей человеку «бесчеловечности» как его трансисторической, структурной травме. ЛаКапра полагает, что выяснение того, является ли эта травма имманентной особенностью человека вообще или следствием принятия им неких допущений и традиций культуры, является задачей объединенных усилий интеллектуальной истории, культурной истории и критической теории²³.

²³ Например, не стал ли постулат «тварности», пришедший в Европу вместе с христианством и отказывающий животным в обладании душой, причиной их жесто-

В последнем эссе книги («Тропизмы интеллектуальной истории») ЛаКапра подводит итоги своих размышлений, очерчивает контуры своей «интеллектуальной ориентации» вообще. Имея в виду вышеуказанную идею Анкерсмита о травматическом опыте, которым будто бы обладает западная цивилизация, ЛаКапра утверждает, что в «западной культуре существует нечто, что можно назвать трансисторической или структурной травмой. В работах разных авторов она определяется по-разному: как первородный грех, как результат перехода от природы к культуре, как отделение от матери, как вхождение в язык и пр.»²⁴. ЛаКапра полагает, что задача теоретически мыслящего историка заключается в тщательном объяснении того, каким образом частицы травматического опыта человечества вписаны в конкретный исторический опыт людей, в такие события, например, как войны и геноциды. Эта задача экстраполируется и на индивидуальное измерение трансисторического опыта травмы: историк должен помочь людям понять, что избыточная историзация этого опыта, стремление переложить его на плечи «Других» и сделать их ответственными за этот опыт, бессмысленны и опасны.

Книга Д. ЛаКапры, на мой взгляд, для рядового *практикующего* историка, работающего в традиционной парадигме архивных исследований, избыточно «философизирована», утяжелена ссылками и размышлениями на малознакомые и малопонятные этому (а нередко и не только этому) историку тексты Хайдеггера, Батайя, Жижека, Беньямина, анализом постнеклассических, пост-постмодернистских интеллектуальных трендов. Для историков, склонных размышлять над теоретическими проблемами своей дисциплины, книга провокативна, поскольку ЛаКапра мыслит метаисторически, взламывая границы между научными дисциплинами и одновременно помещая историю в центр современного академического дискурса. Для философов эта книга интересна тем, что в ней профессионально, в контексте социальной и исторической эпистемологии, обсуждаются феномены, оказывающие непосредственное влияние как на повседневные структуры жизни, так и на образы науки, на формирование и воспроизведение последних. Так или иначе, но очевидно – в новой книге ЛаКапры предложена тема для размышлений, объединяющая философию, историю, искусство и даже естествознание. Она написана в столь широком диапазоне тем и проблем современного социально-гуманитарного знания, что ее появление, вне всякого сомнения, является большим событием в мировой интеллектуальной жизни.

кого истребления во все последующие столетия.

²⁴ *LaCapra*. 2009. P. 192.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
- Анкерсмит Ф.* История и тропология: взлет и падение метафоры». М., 2009.
- Деломо Ж., Фрезер Дж.* Мистификация ужаса. М., 2009.
- Диакон Лев.* История. М., 1988.
- Мегилл А.* Карл Маркс: бремя разума. М., 2010.
- Мир в войне. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов (М. Сюриа, А. Бадью, Ж. Рансьер, Ж.-Л. Нанси и др.). М., 2003.
- Пятигорский А., Алексеев О.* Размышляя о политике. М., 2008.
- Фрейд З.* Жуткое (о новелле Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек») // *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М., Республика, 1995.
- Хабермас Ю., Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии Москва, 2006.
- Хайдеггер Мартин.* Бытие и время. М., 1993.
- Шmitt К.* Государство и политическая форма. М., 2010.
- Agamben G.* The Open Man and Animal. Stanford: St Univ. Press, 2004.
- Ankersmit F.* Trauma and Suffering: A Forgotten Source of Western Historical Consciousness // *Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / Ed. Jorn Rusen.* Berghahn Books: New York; Oxford, 2002.
- Domanska Ewa.* Toward the Archaeontology of the Dead Body// *Rethinking History.* V. 9. 2005. № 4.
- Hampton T.* Writing of History: The Rhetoric of Exemplarity in Renaissance Literature. N.Y., 1996.
- Heidegger M.* Holzwege. Frankfurt a.M., 1963.
- Jay M.* The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, (1923–1950). Boston: Little, Brown and Company, 1973.
- LaCapra D.* History and Criticism. Ithaca; N.Y., 1985.
- LaCapra D.* Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. Ithaca, 1983.
- LaCapra D.* History and Its Limits. Human, Animal, Violence. Ithaca and London: Cornell University press, 2009.
- LaCapra D.* History and Memory after Auschwitz, Ithaca and London: Cornell University Press, 1998.
- Megill A.* Karl Marx: The Burden of Reason (Why Marx Rejected Politics and the Market. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2002.
- Rusen J.* Future Directed Elements of a European Culture // II International Congress for Philosophy of History. Rewriting Social Memory. Universidad de Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Catedra de Filosofía de la Historia. Buenos Aires, 11–12 October, 2006.
- The Ethics of History / L. Carr, T. R. Flynn and R.A. Makkreel ed. Northwestern University press Evanston, Illinois, 2004.

Кукарцева Марина Алексеевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, истории и культуры Дипломатической Академии МИД РФ; mkukartseva@gmail.com.

А. Ю. СЕРЕГИНА

АНГЛИЧАНЕ ИЛИ КАТОЛИКИ?

КАТОЛИЧЕСКИЕ ПАМФЛЕТИСТЫ XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ*

Статья посвящена истории изучения католических текстов в рамках истории английской политической мысли. В ней показано, что вплоть до последних десятилетий работы католических памфлетистов, имевшие большой общественный резонанс в свое время, игнорировались исследователями, с трудом преодолевающими конфессиональные и идеологические стереотипы.

Ключевые слова: *политическая мысль, английские католики, Контрреформация, орден иезуитов, Роберт Парсонс. история историографии, история идей.*

Конец XVI – начало XVII в. представляет собой период высокой политической активности английских католиков, в особенности эмигрантов, стремившихся к смене режима и возвращению Англии в лоно «истинной веры». Именно в этот период были опубликованы многочисленные памфлеты, затрагивавшие основные политические проблемы эпохи. В них рассматривался вопрос о взаимоотношении папы Римского и светских властей, проблемы религиозной терпимости и преследования иноверцев, лояльности государству и теории сопротивления тирану; в них говорилось о происхождении светской власти и ее пределах.

Созданный английскими католиками корпус текстов являет собой своеобразный сплав католической мысли и английской политической традиции. Памфлеты и политические трактаты демонстрируют влияние континентальной католической мысли – в частности, испанских и итальянских иезуитов XVI столетия, французских теологов и полемистов. В то же самое время эти сочинения, безусловно, являются английскими: все рожденные на континенте идеи переведены на язык английской политической традиции. Английские католики – как весь политический класс Англии – оперировали понятием «смешанной монархии»; они впитали представление о том, что королевская власть ограничивается законом и правами парламента вогировать налоги и одоб-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта № 10–01–00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

рять новые статуты. Идея ограниченной власти была ими применена к власти папы. В отличие от многих континентальных богословов-католиков англичане обычно признавали, что папа в принципе обладает высшей властью в светских делах (вытекающей из долга главы церкви заботиться о спасении души своей паствы), однако тут же оговаривали, что при определенных обстоятельствах католики имеют право не повиноваться приказам папы, касающимся политических дел¹.

Это уникальное соединение католической мысли и английской традиции делает роль сочинений английских католиков XVI – XVII веков столь важной для истории развития собственно английской политической мысли XVII столетия. Католические тексты можно рассматривать как каналы, благодаря которым английская мысль осваивала континентальные идеи. Особенно верно это применительно к теориям сопротивления тиранам, к идеям народного суверенитета и т.п.

Показательным примером могут служить труды английского иезуита Роберта Парсонса (1546–1610). Его «Рассуждение о наследовании английского престола» (1594), соединение злободневного памфлета и политического трактата – представляет собой блестящую комбинацию английской традиции «смешанной монархии» и теорий сопротивления тирану, истоки которых можно проследить до сочинений французских богословов начала XVI в. Эти труды оказали воздействие на многочисленные версии теорий сопротивления, католические и протестантские, например, на Дж. Бьюкенена, французских монархомахов всех конфессий, а также и англичан, причем английские католические памфлеты оказываются здесь важным связующим звеном. Трактат Парсонса был переиздан трижды в XVII столетии (в 1648, 1655 и 1681 гг.), и каждый раз его публикация провоцировала полемику относительно происхождения и природы монархии, а также теории народного суверенитета. Текст был хорошо известен в Англии, он дошел до нас во множестве копий, печатных и рукописных (своего рода конспектов). Почти на всем протяжении XVII века запрещенную книгу Парсонса можно было приобрести из-под полы в книжных лавках у Собора Св. Павла в Лондоне, что говорит об устойчивом спросе. Интересовались им и политические мыслители. Один из экземпляров последнего издания (1681 г.) был приобретен Джоном Локком и до сих пор находится в его книжном собрании, хранящемся в библиотеке Бодлейн Оксфордского университета.

Тем не менее, на протяжении долгого времени историки, изучавшие развитие английской политической мысли, не могли найти для анг-

¹ Серегина. 2006. С. 196-198.

лийских католиков места ни в каноне национальной мысли, ни в европейской истории идей. Они испытывали явное затруднение, пытаясь примирить английскую и католическую составляющие сочинений авторов данного круга. Такой подход можно было бы объяснить традиционным для пост-Реформационной Англии предвзятым отношением ко всему католическому. Однако этого объяснения недостаточно. Решающую роль, на наш взгляд, сыграла внутренняя полемика между католиками начала XVII в., задавшая параметры, согласно которым рассматривались католические компоненты английской истории и культуры.

Чтобы оценить это влияние, стоит обратиться к началу XX века. В своих публичных лекциях, читавшихся в колледже Биркбек (1900) Джон Невилл Фиджис² уделил внимание католической мысли. Помимо упоминаний «больших имен» – то есть, представителей «Второй схоластики», испанских доминиканцев и иезуитов, Франсиско де Витории, Доминго де Сото, Хуана де Марианы, Франсиско Суареса и др., он также обратился к наследию французской Католической Лиги. Но труды английских католиков этого периода он не анализировал, так как, по его мнению, их легко было сопоставить (и полностью отождествить) с сочинениями французских памфлетистов³. Соответственно, английские католики не заслуживали особого внимания.

Даже в разделе о веротерпимости нет ни одного упоминания о католических текстах, хотя за рассматриваемый автором период (вторая половина XVI – начало XVII в.) английские католики обнародовали несколько петиций с обоснованиями веротерпимости, не говоря уже о памфлетах, в которых эта тема рассматривалась более подробно.

Джон У. Аллен, чуть позднее исследовавший историю европейской политической мысли XVI века (1928) и английской политической мысли (1935)⁴, упоминал в своих трудах английских католиков. Однако он, скорее, пытался списать их со счетов, связав с той или иной школой континентальной политической мысли. Труды иезуитов были расценены как простое воспроизведение средневековых теорий (то есть, было, по мнению автора, как минимум, анахронизмом в XVI в.). Другие группы католических текстов Аллен считал воспроизведением идей французских галликанских авторов, или же кардинала Роберто Беллармино. Даже в тех случаях, когда английские католики высказывали некие идеи рань-

² Джон Невилл Фиджис (1866–1919) – английский историк, политический философ. Монах англиканской общины Воскресения (Мирфилд) с 1896 г.

³ *Figgis*. 1916. P. 180-189, 191.

⁴ Джон Уильям Аллен (1865–1944) – исследователь елизаветинской Англии и истории политической мысли XVI столетия.

ше, чем их предполагаемые континентальные источники, никакого объяснения этому Аллен не давал. Указания (порой весьма поверхностного) на сходство определенных идей, казалось, было достаточно⁵.

Таким образом, было достаточно указать на соответствующую континентальную параллель, поскольку, будучи католиками, данные авторы, не могли рассматриваться как англичане. Некоторые ученые не стеснялись выражать эту мысль в печатном виде. В своей работе, посвященной веротерпимости в Англии раннего Нового времени (1932–40) У. К. Джордан⁶ писал, что католическая мысль в елизаветинский период «во-первых, становилась все более не-английской, а в кризисные годы правления была также и анти-английской»⁷. Формулировка Джордана важна не только своей откровенностью. Он сам изучал сочинения английских католиков. Согласно его выводам, существовало две группы английских католиков. Одна из них – иезуитская, или миссионерская партия – состояла из религиозных фанатиков. Они описывались как противники веротерпимости, погруженные в политические интриги, направленные на реставрацию католицизма. Противостояла им «духовная партия», или группа католиков-мирян, лоялистов и добрых англичан, не связанных с политикой⁸. Именно по этой причине они были столь важны для истории идей веротерпимости. «Отвергнув заговоры иезуитов, ...они тем самым дали серьезное основание считать, что нация может безопасно существовать, несмотря на принадлежность составляющих ее субъектов к различным духовным течениям»⁹.

Итак, существовало две группы католиков. Одна – иезуиты – породила большую часть политических текстов, которые, однако, можно было списать как не-английские, или, в крайнем случае, упомянуть походя в контексте европейской мысли. Другая же была аполитичной по определению, так что вряд ли могла создать многое, если речь идет о политической мысли. Таким образом, и ее легко было убрать из общей картины. Откуда же взялся этот образ внутреннего разделения католиков?

Его нельзя объяснить просто антикатолическими предрассудками историков. Образ расколотого католического сообщества имеет долгую

⁵ *Allen*. 1961. P. 199-209, особ. 205-208. *Idem*. 1967. P. 153-157.

⁶ Уилбур Китченер Джордан (1902–1980), американский историк, глава колледжа Рэдклиф (1943-1960), специализировавшийся на истории Англии раннего Нового времени и истории английской политической мысли.

⁷ *Jordan*. 1932. P. 372: '[Catholic thought] became, in the first place, increasingly un-English, and was disposed to be in the crisis of the reign anti-English as well'.

⁸ *Ibid*. P. 373.

⁹ *Ibid*. P. 420.

историю, и многие историки XIX–XX вв. его заимствовали, даже не задумавшись о том, где он появился и как транслировался.

Чтобы найти его истоки, необходимо обратиться к полемике, которую вели между собой английские католики в самом начале XVII столетия. Тогда и в самом деле существовали две группы католических авторов – иезуиты и их оппоненты (тоже, впрочем, духовные лица); они в 1600–1602 гг. обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Подлинной причиной полемики стала борьба за контроль над католической миссией в Англии. В период, когда католики в Англии подвергались преследованиям, эта полемика не могла не приобрести политическую окраску.

Оппоненты иезуитов, известные как апеллянты (из-за их апелляции в Рим, к папе) обвиняли противников в разжигании мятежа и других изменнических деяниях. Заявляя, что большинство католиков (за исключением фанатиков-иезуитов) лояльно королеве, апеллянты старались убедить английское правительство изгнать всех иезуитов из страны, желая таким образом избавиться от соперников. Конфликт зачастую был очень личным; некоторые споры (например, полемика между Робертом Парсонсом и апеллянтом Кристофером Бэгшоу) коренились в старом соперничестве оксфордских преподавателей. Что же касается политических идей, то апеллянты недалеко ушли от иезуитов. В их числе тоже есть заговорщики, осужденные за измену. Священники Уильям Уотсон и Уильям Кларк, планировали свергнуть с престола Якова I в 1603 г., так как король отказался от своих обещаний отменить карательные законы против английских католиков. При этом Уотсон – один из самых непримиримых противников Роберта Парсонса – использовал его идею о том, что государь до коронации (т.е. до принесения им клятвы и до принятия присяги на верность) еще не является полноправным монархом.

Тем не менее, памфлеты апеллянтов оказались бесценным источником для анти-иезуитской пропаганды. Многие аргументы апеллянтов (в частности, Уотсона и Бэгшоу) были использованы в полемических трудах богослова-протестанта Мэтью Сатклиффа в 1601–1602 гг., а также и несколькими годами позднее, в ходе полемики о лояльности католиков, развернувшейся в 1605–1610 гг., после раскрытия Порохового заговора и убийства в Париже Генриха IV.

К данным сюжетам обратились вновь в конце XVII века, в контексте споров о наследовании престола (1679–1681), когда протестанты-радикалы пытались лишить брата короля Карла II, католика герцога Йоркского права наследовать престол, а также после Славной революции (1689). Анти-иезуитская полемика теперь использовалась протестантами, чтобы оправдать государственный переворот, а выпады католи-

ков-апеллянтов начала XVII века перекочевали в труды использовавших их историков-протестантов – Гилберта Бёрнета¹⁰ и Джона Страйпа¹¹.

В конце XVIII в. сочинения апеллянтов вновь привлекли внимание, на этот раз в контексте полемики вокруг эмансипации католиков в Англии, поскольку в это время вопрос о лояльности католиков был весьма актуален. В 1778 г. был принят Первый статут об улучшении положения католиков, выведивший из-под действия антикатолических законов всех католиков, которые пожелали бы принести присягу, в тексте которой, помимо прочего, содержалось отрицание права смещать отлученных от церкви государей и отрицание власти папы в светских делах – те самые вопросы, какие обсуждались католиками еще в XVI – начале XVII в. К началу 1790-х гг. католикам позволили заниматься юриспруденцией, иметь собственные церкви и школы и не платить за это огромные налоги. В этих условиях многие либеральные католики стремились показать, что соотечественникам нечего бояться в том случае, если католиков вновь допустят к участию в политической жизни страны.

Одним из таких либералов был Джозеф Берингтон¹². Его перу принадлежит немало памфлетов, посвященных истории английских католиков. Берингтон не признавал власть папы в светских делах и не слишком любил схоластику. В 1793 г. Берингтон опубликовал «Мемуары Грегорио Панцани» (папского посланника при дворе Карла I)¹³. В книге имеются предисловие и историческое приложение, написанные Берингтоном. Как многие католические авторы конца XVIII в., он сконцентрировал внимание на XVI – начале XVII в. и представил читателю образ лояльного католического большинства, репутация которого пострадала от действий кучки заговорщиков-иезуитов и ряда священников. Роберт Парсонс, самый известный иезуит рассматриваемого периода и самый плодовитый памфлетист, превратился у Берингтона в главного злодея.

По словам Берингтона, Парсонс был «человеком, имя которого ассоциируется со школой Макиавелли... Вся его жизнь была серией интриг, направленных против независимости родной страны, наследования престола и интересов секулярного священства – его единоверцев... Его сочинения, защищавшие самые экстравагантные претензии Римской курии, ...помогали распространять обман, и сделали нас по сей день разде-

¹⁰ Гилберт Бёрнет (1643–1715) – шотландский богослов и историк Реформации; советник Вильгельма Оранского, после 1689 г. – епископ Солсберийский.

¹¹ Джон Страйп (1643–1737) – английский историк Реформации и биограф.

¹² Джозеф Берингтон (1743–1827) – английский католический философ и журналист, прославившийся во время кампании за эмансипацию католиков.

¹³ *Berington*. 1793.

ленным народом»¹⁴. Чтобы подтвердить свои выводы, Берингтон сослался на памфлет апеллянта Уильяма Уотсона¹⁵, «честного человека», проигнорировав тот факт, что присутствующие в данном памфлете выпады против Парсонса имеют пропагандистское значение, а автор его всего через год был казнен за организацию заговора против Якова I). Для самого Берингтона имело значение лишь то, что некогда существовала (как считалось) некая группа католиков-ультрамонтан, персонифицировавшая все то, что ему не нравилось в современном ему католицизме.

Либеральные католики 1790-х гг. считали, что позиция Римской курии, отвергавшей все попытки достичь соглашения с английским правительством по поводу статуса католиков¹⁶, была главной преградой для ре-интеграции католиков в английское общество. Поэтому использование Берингтоном прецедентов из истории английских католиков начала XVII в. преследовало очевидные полемические цели. Хотя в последние годы жизни Берингтон был вынужден отказаться от того, что ранее высказал против власти папы, его взгляд на католическое прошлое предопределил подход последующих поколений историков, изучавших английских католиков. Их история была историей лояльного – и по большей части безмолвного – большинства и нескольких радикалов-эмигрантов. Благодаря этому подходу политические сочинения английских католиков чаще всего игнорировались учеными XIX и первой половины XX в. Но изменился ли подход к вопросу в позднейший период?

В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны значительно возрос интерес к проблеме веротерпимости. Это было связано как с дебатами о Холокосте, так и с возрождением экуменического движения и подъемом либерального движения в рамках католической церкви (в преддверии II Ватиканского собора).

На волне этого интереса в 1955 г. появилась двухтомная монография французского иезуита Жозефа Леклера¹⁷, посвященная истории идеи веротерпимости в эпоху Реформации и Контрреформации¹⁸. В этом

¹⁴ Ibid. P. 25-28: 'a man with the sound of whose name are associated policy of the Machiavellian school, ... whose whole life was a series of machinations against the sovereignty of his country, the succession of its crown, and the interests of the secular clergy of his own faith... Devoted to the most extravagant pretensions of the Roman Court ... his work has helped to perpetuate dissensions, and to make us, to this day, a divided nation'.

¹⁵ Ibid. P.29.

¹⁶ Камнем преткновения здесь долго время оставался вопрос о назначении католических епископов.

¹⁷ Жозеф Леклер – французский иезуит, историк церкви и европейской политической мысли, преподаватель Парижского Католического университета.

¹⁸ *Lecler*: 1955. Т. 1-2. Я пользовалась английским переводом: *Lecler*: 1960.

издании присутствует раздел, в котором рассматриваются сочинения английских католиков. Сам Леклер, правда, не работал с текстами напрямую: он полагался на изложение их содержания в уже упоминавшихся исследованиях Уилбура Джордана. Однако у Леклера акценты расставлены совсем по-другому. Будучи иезуитом, Леклер преуменьшил значение конфликта между иезуитами и другими группами католического духовенства в Англии, а также и влияние разработанных иезуитами теорий сопротивления монарху. Его в первую очередь интересовала отстаивавшаяся в католических памфлетах идея свободы совести, и борьба католиков за свободу отправления культа¹⁹.

В своей работе Леклер представил масштабную картину истории развития идеи веротерпимости: от нетерпимого Средневековья к терпимости гуманистов, а затем к периоду преследований и религиозных конфликтов, принесенных Реформацией. Преследование вызвало реакцию в форме трудов в защиту веротерпимости, опубликованных богословами и политическими мыслителями XVI века. В рамках данной концепции английские католики были важны для Леклера, так как они персонифицировали католическое обоснование веротерпимости. Таким образом, католиков следовало рассматривать не только как преследователей, но и как защитников принципа свободы совести²⁰.

Труд Леклера помещал английских католиков в европейский контекст. Он не оказал заметного влияния на то, каким образом их труды анализировались в контексте развития английской политической мысли.

Католики, впрочем, были представлены в монографии Кристофера Морриса, посвященной английской политической мысли XVI века (1953). Моррис воспроизвел уже знакомый по предыдущему периоду образ лояльного большинства и кучки эмигрантов, сторонников теории сопротивления монарху. Он, правда, отметил, что в некоторых католических текстах (например, в трудах Парсонса) «использовались идиомы естественного права»²¹, а сами эти сочинения «почти предвосхитили вигскую теорию гражданского правления»²², но даже не попытался объяснить, каким образом это произошло.

Моррис также обратил внимание на представленные парламенту петиции католиков, отстаивавшие свободу совести человека и религиозную терпимость. Но, в отличие от Леклера, ему трудно было признать

¹⁹ *Lecler*. 1960. P. 354-379.

²⁰ *Ibid.* P. 379.

²¹ *Morris*. 1953. P. 133: 'using the idiom of Natural Law'.

²² *Ibid.*: '[Catholics] half anticipated the Whig theory of civil government'.

эти идеи католическими²³. Таким образом, здесь вновь возникла старая проблема примирения двух сторон: если католиков начинали считать хотя бы отчасти принадлежащими английской традиции, они вдруг переставали быть вполне католиками.

Или же они оказывались не совсем англичанами. Этот подход демонстрирует исследование Джона Сэлмона²⁴ (1959), в котором анализировалось влияние французской публицистики времен гражданских войн XVI века на английскую политическую мысль²⁵. Монография представляет читателю интересный материал, указывающий на влияние французской мысли на английских протестантов. Что же до католиков, они были упомянуты; кроме того, в книге рассказывалась и история памфлетных войн, в которые они были вовлечены в начале XVII в.²⁶ Однако анализ их текстов оказался весьма поверхностным. Конечно, Сэлмон уделял основное внимание французской мысли. Другой причиной было его стремление рассматривать английских католиков, прежде всего, как католиков и, следовательно, авторов по определению близких памфлетистам круга французской Католической Лиги, более того, находившихся под серьезным влиянием последних²⁷. В результате, Сэлмон свел английских католиков к группе второстепенных имитаторов.

Такой подход к английским католическим текстам, однако, подвергся пересмотру после того, как появилось несколько исследований, специально посвященных католической мысли.

Монография Томаса Клэнси²⁸ (1964) сфокусирована на «группе фанатиков» (кардинал Аллен, Роберт Парсонс). В ней содержится интересный анализ их сочинений и прослеживаются некоторые параллели и возможные источники из континентальной католической мысли (сред-

²³ Так, например, он считал идеи Парсонса о свободе совести «не вполне католическими».

²⁴ Джон Херси Макмиллан Сэлмон (1925–2005) – новозеландский историк, учившийся в Кембридже и преподававший в Сиднее и колледже Брин Мор (Веллингтон). Исследователь французской истории XVI–XVII в., французской и английской политической мысли.

²⁵ *Salmon*. 1959.

²⁶ *Ibid.* P. 69-78.

²⁷ Сэлмон считал, что Парсонс заимствовал свои идеи у автора французского католического памфлета «О справедливом праве христианского общества» (1592), скрывавшегося под псевдонимом Россеус (Rosseaeus). См.: *Salmon*. 1959. P. 35-6. *Idem*. 1987. P. 136-154, 174. Однако данный памфлет и сочинения Парсонса относятся к разным течениям католической мысли. См.: *Серегина*. 2006. С. 145, 185.

²⁸ Томас Клэнси (1924–2009) – американский историк, иезуит, преподававший в Католическом университете Чикаго. Провинциал новоорлеанской провинции ордена иезуитов в 1971–1977 гг.

невековой и ренессансной)²⁹. В то же самое время Клэнси принимает образ противостоящих группировок католиков, хотя в том, что касается политической мысли, он являет собой оптический обман. Более того, Клэнси подчеркивает близость Парсонса к континентальной католической мысли, а не к тому, что он именует «новым течением мысли, сформированным общим правом»³⁰. Таким образом, Парсонс оказывается исключенным из английской традиции. Непонятным остается и то, какое воздействие английские католические тексты оказали на собственно английские политические дебаты³¹.

Исследование Арнольда Притчарда (1979) рассматривает так называемых католических лоялистов. Эта работа предлагает читателю ряд интересных выводов, однако Притчард, как и его предшественники, склонен разделять католических памфлетистов на группы и рассматривать их вне контекста английской политической мысли³².

Питер Холмс в своей монографии 1982 г.³³ попытался нарушить традицию. Он показывает не столько разделение, сколько общие основания английской католической мысли: «Я не согласен с тем мнением, что елизаветинский католицизм можно рассматривать в понятиях разделения, в частности деления на клириков и мирян. В печатных изданиях этого периода нет свидетельств разногласий между священниками и мирянами в области политических идей»³⁴.

Его концепция, тем не менее, не лишена серьезных недостатков. Холмс справедливо указывает на изменения в подходах католических памфлетистов, обусловленные изменениями политической конъюнктуры, но преувеличивает их значение. Существовал ряд идей и концептов, которые принимали все английские католики, и которые почти не менялись со временем. В качестве примера можно привести идею пассивного сопротивления религиозным законам Елизаветы и первых Стюартов. Но Холмс не замечал их. Не попытался он и связать английских католиков с современными им политическими дискуссиями в Англии³⁵. Причиной тому отчасти отсутствие хороших исследований английской по-

²⁹ *Clancy*. 1964.

³⁰ *Ibid.* P. 124.

³¹ Клэнси утверждает, что виги (конец XVII в.) многое заимствовали у Парсонса, однако не удосуживается объяснить, ни что именно заимствовалось, ни каким образом это происходило.

³² *Pritchard*. 1979.

³³ *Holmes*. 1982.

³⁴ *Ibid.* P. 6-7.

³⁵ Подробнее об этом см.: *Серегина*. 2009. С. 210-211.

литической мысли XVI века: историки идей склонны концентрироваться на более позднем периоде. Отчасти же причина заключается в том, что католиков по-прежнему рассматривают отдельно от прочих англичан.

Неудивительно поэтому, что классические труды по истории политической мысли вообще не упоминают имен английских католических авторов. Квентин Скиннер³⁶ не приводит ни одно из них в своем труде «Основания современной политической мысли»³⁷. Не делает этого и Ричард Так³⁸ в исследовании, посвященном естественно-правовым идеям³⁹. Конечно, оба они выбирали самые известные имена и анализировали тексты наиболее влиятельных теоретиков. Тем не менее, в их трудах присутствуют ссылки на французских памфлетистов и некоторых англичан-протестантов, например, Джона Понета. Английским католикам повезло меньше. Их по-прежнему считали чужаками, или второразрядными авторами, или и тем, и другим сразу.

С работами последних двадцати лет – и общими трудами по истории политической мысли, и тематическими монографиями – английским католикам повезло больше.

В «Кембриджской истории политической мысли раннего Нового времени» (1991) есть раздел, посвященный английским католикам. Его автор – Джон Сэлмон, который к тому времени готов был признать за ними определенную оригинальность и отделить их от французских лигеров. Этот обзор включает в себя самые актуальные на тот момент выводы историков, изучавших английские католические памфлеты⁴⁰.

В последнем по времени публикации труде (2004) – монографии Харро Хёпфля⁴¹, посвященной иезуитской политической мысли – содержится большой блок «английского» материала. На нынешний момент этот труд представляет, пожалуй, лучший анализ идей самого значимого автора данного круга – Роберта Парсонса, в частности, его взглядов на политическую власть, ограниченную монархию, естественное право, государственный интерес, общее благо, права индивида и др.)⁴². Но ис-

³⁶ Квентин Скиннер (р. 1940) – английский историк, специализирующийся в области интеллектуальной истории, и истории европейской политической мысли. Почетный профессор Лондонского университета (колледж Квинз Мэри).

³⁷ *Skinner*. 1978. Vol. 2. Parts 2-3.

³⁸ Ричард Так – историк европейской философии и политической мысли, теорий государства и права. Профессор Гарвардского университета.

³⁹ *Tuck*. 1979.

⁴⁰ *Salmon*. 1991.

⁴¹ Харро Хёпфль работает в области истории экономической и политической мысли Европы раннего Нового времени. Преподает в университете Эссекса.

⁴² *Höpfl*. 2004.

следование сфокусировано на иезуитах, труды которых рассматриваются в контексте средневековой и континентальной ренессансной мысли; английские иезуиты, таким образом, снова изымаются из собственно английской истории, хотя стоит признать, что они наконец-то стали признанной частью общеевропейского канона истории политической мысли.

Существует лишь одна работа, в которой тексты английских католиков рассматриваются как важная часть английских политических дискуссий начала XVII в. Это – исследование Джохана Sommerwayла⁴³ по политической мысли Англии начала XVII в.⁴⁴ Но даже и здесь это включение оказывается неполным. Анализируя полемические кампании начала XVII в., Sommerwayл склонен рассматривать всех католиков – английских и не-английских – как гомогенную группу. Однако в настоящий момент это единственная (и лишь отчасти успешная) попытка вернуть английских католиков в историю английской политической мысли.

Вполне возможно, что за этой попыткой вскоре последуют другие. В недавних статьях, посвященных трактату Парсонса и другим католическим памфлетам, Питер Лейк⁴⁵ анализирует эти сочинения в контексте английских и шотландских политических дебатов конца XVI века. В частности, Лейк склонен рассматривать известный трактат Якова VI Шотландского «Закон свободных монархий» как полемический ответ не только и не столько протестанту Джорджу Бьюкенену (как это принято было считать), сколько иезуиту Роберту Парсонсу, поставившему под сомнение не только права Якова на английский престол, но и саму возможность наследования престола лишь в силу родственных связей с предыдущей династией, без согласия подданных, выраженного через представительные органы⁴⁶.

Примечательно, что это исследование – плод труда ученого, занимающегося, прежде всего, политической историей, а не историей политической мысли. Западным исследователям истории политической мысли пока лишь предстоит признать английских католиков в полной мере англичанами и католиками.

⁴³ Джохан Sommerwayл – историк, исследователь английской политической мысли XVII в. Профессор университета Висконсина.

⁴⁴ *Sommerville*. 1999; *Idem*. 2005. P. 162-184.

⁴⁵ Питер Лейк один из ведущих исследователей в области политической истории Англии XVI–XVII вв., а также религиозной и политической мысли этого периода. Преподавал историю в Принстоне в 1982–2009 гг. Сейчас – профессор истории в университете Вандербилт (Нэшвилл, Теннесси).

⁴⁶ *Lake*. 2004. P. 223-242.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Серегина А. Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006.
- Allen J. W.* A History of Political Thought in the Sixteenth Century. London, 1961.
- Allen J. W.* English Political Thought, 1603–1644. London, 1967.
- Berington J.* The Memoirs of Gregorio Panzani giving an account of his agency in England ... to which are added an Introduction and a Supplement exhibiting the state of English Catholic Church. Birmingham, 1793.
- Clancy T. H.* Papist Pamphleteers: the Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572–1615. Chicago, 1964.
- Figgis J. N.* From Gerson to Grotius, 1414–1625. Cambridge, 1916. 2nd edition.
- Höpfel H.* Jesuit Political Thought: the Society of Jesus and the State, c. 1540–1630. Cambridge, 2004.
- Holmes P.* Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982.
- Jordan W. K.* The Development of Religious Toleration in England. Vol. 1 London, 1932.
- Lake P.* The King (the Queen) and the Jesuit: James and I's 'Trew Law of Free Monarchies' in Context's // Transactions of the Royal Historical Society. 6th series. Issue 14. 2004.
- Lecler J.* Histoire De La Tolérance Au Siècle De La Réforme. Paris, 1955. T. 1-2.
- Lecler J.* Toleration and the Reformation. 2 vols. London, 1960.
- Morris C.* Political Thought in England, Tyndale to Hooker. Oxford, 1953.
- Pritchard A.* Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill, North Carolina, 1979.
- Salmon J. H. M.* Renaissance and Revolt: Essays in the Intellectual and Social History of Early Modern France. Cambridge, 1987.
- Salmon J. H. M.* The French Religious Wars in English Political Thought. Oxford, 1959.
- Salmon J. H. M.* Theory, Ultramontanism, and the Royalist Response, 1580–1620 // The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700 / Ed. Burns H. G., Goldie M. Cambridge, 1991.
- Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 1978. Vol. 2. The Age of Reformation. Parts 2-3.
- Sommerville J. P.* Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603–1640. London, 1999. 2nd edition.
- Sommerville J. P.* Papalist Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance // Catholics and the 'Protestant Nation' / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005.
- Серегина Анна Юрьевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Института всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru.

М. В. БЕЛОВ, А. И. ВИТАЛЬЕВА

ЭДМУНД БЁРК – РАННИЙ ИДЕОЛОГ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье вносятся некоторые уточнения в давний спор об эволюции воззрений Эдмунда Бёрка. Авторы интерпретируют бёрковские тексты с акцентом на анализ языка. За основу взяты три кризисных периода в истории Великобритании и политические шаги Бёрка в каждом из них. Основной задачей стало составление словаря наиболее значимых для него понятий и поиск содержания, которое он вкладывал в них в зависимости от происходившего. Следуя традициям английского права и «конституции», сложившейся после Революции XVII в., Бёрк искал их соответствие правилам политической игры и принципам Просвещения.

Ключевые слова: Британская империя, имперские кризисы, английское право, политический язык Э. Бёрка, консерватизм.

Вот уже много десятилетий подряд не утихает спор об идеологической принадлежности известного британского политика и публициста Э. Бёрка. В работах (в основном западных исследователей) нет единодушного понимания его творчества.

А. Коббен изучал идейную взаимосвязь Бёрка и эпохи Просвещения. Ф. Дрейер в центр учения Бёрка об обществе ставил индивидуализм. Г. Чепмен разделял позицию Дрейера и трактовал Бёрка с позиций утилитаризма. Представители историографии 1950-х – начала 1960-х гг. Ч. Паркин, П. Стенлис, Ф. Канаван были склонны подходить к анализу работ мыслителя с точки зрения его отношения к «высшей нравственной справедливости», «естественному закону», «высшему нравственному порядку». Таким образом, была сделана попытка выделить теологическую концепцию государства. Еще в XIX в. такие историки как Т. Мэкнайт и Дж. Морли спорили, Бёрк – либерал или консерватор, а в конце XX в. этот спор дополнился новыми деталями, вследствие чего некоторые исследователи сочли его радикальным романтиком (М. Фриман) и увидели в нем, скорее, практика, нежели теоретика. Тем не менее, существует общая тенденция – специалисты-историки упорно настаивают на том, что после Французской революции конца XVIII в. взгляды Бёрка претерпели трансформацию: от либеральных к консервативным. Истоки консервативной идеологии находят в его наиболее известном труде «Размышления о революции во Франции» (1790). Однако, несмотря на констатацию исследователями поправки взглядов Бёрка,

были и те (И. Крамник), кто предполагал существование консервативных идей задолго до Революции¹.

Чем объяснить многообразие характеристик, данных бёрковскому наследию? Многие исследователи отдавали предпочтение преимущественно «позитивным» методам работы с источниками. Их слабость заключается в том, что исследователь ограничен рамками текста и пытается выдвинуть определенный набор «вечных» истин. Недостаточность такого подхода была отмечена рядом интеллектуальных историков второй половины XX в. В вопросах «свободы» от предрассудков классической методологии разбирался, в частности, К. Скиннер. Роль интеллектуального историка он видит в том, что тот, «подобно археологу, выносит похороненное интеллектуальное сокровище на поверхность, протирает с него пыль и позволяет нам пересмотреть то, что мы о нем думали»². Это предполагает более глубокий уровень исследования.

Ранее проблемой интерпретации политических и философских текстов занимался Дж. Покок. Ему, по словам Скиннера, и обязаны интеллектуальные историки выходом из тупика: «История политической мысли это не история мысли, языка или парадигм сообщества политологов; очень редко это сообщество может развиваться до точки, где его язык и его история достигнут достоинства подсистемы. Политический мыслитель берет на себя ответственность думать как член сообщества и в его контексте, и поэтому [обязан] говорить на специфическом варианте его общественного языка»³. Покок акцентирует внимание на том, что в одном и том же сообществе может быть несколько вариантов языка: «Сложное многообразное общество будет говорить на сложном многообразном языке; или, скорее, [ему будет присуще] многообразие специфических языков, каждый из которых имеет свое собственное суждение в отношении определения и распределения власти..., когда многие парадигматические структуры будут существовать одновременно...»⁴. В исследовании Покока нашлось место и для Э. Бёрка. Он новаторски подошел к деятельности мыслителя, интересуясь отношением последнего к законам и деятельности Парламента. Автор пришел к выводу, что «бёрковское восприятие того, что англичане широко вели дебаты об об-

¹ См. подробнее: *Chapman*. 1967; *Dreyer*. 1979; *Canavan*. 1960; *Cobban*. 1960; *Freeman*. 1980; *Kramnick*. 1977; *Macknight*. 1858, 1860; *Morley*. 1888; *Parkin*. 1956; *Stanlis*. 1958 и другие.

² *Скиннер*. 2006. С. 94.

³ *Роскок*. 1972. Р. 16.

⁴ *Ibid*. Р. 22.

щем законе и действительной собственности, было восприятием истории в [русле] английской политической мысли»⁵. Отдельная глава сочинения Покока посвящена отношению Бёрка к древней «конституции». По всей видимости, он хотел установить взаимосвязь времен и узнать, насколько тот следовал принципу давности и авторитета. Выяснилось, что закон существует с незапамятных времен, и Бёрк всецело на него полагался. Заключение Покока таково: «Своей доктриной традиционализма Бёрк дал понять, что это был образ мышления, который существовал в Англии так долго, что сам по себе стал традиционным»⁶. Автор вновь подчеркивает, что именно Бёрк основал консервативный традиционализм. Однако, ограничившись темой «Бёрк и конституция», он сделал лишь несколько беглых замечаний по поводу некоторых политических шагов Бёрка, ибо главной целью его книги была демонстрация нового метода при изучении политических текстов.

Пользуясь им, вновь обратимся к сочинениям Бёрка и попытаемся внести некоторые уточнения в спор об эволюции его воззрений; рассмотрим знаковые периоды парламентской деятельности, времена кризисов в британской истории, которые существенно повлияли на становление Бёрка-мыслителя. Во-первых, это реформаторское движение внутри и вне Парламента или внутренний кризис. Второй кризис назовем имперским⁷, ибо американская война, ирландский вопрос и назревавшая религиозная напряженность в Шотландии подрывали мощь всей Британии. В-третьих, самый великий кризис из всех, коснувшийся «не одной только Франции, но всей Европы, а может быть, и более чем Европы»⁸ – Французская революция.

В базовом «словаре» Бёрка выделяются следующие понятия – это нация (народ), государство, правительство, закон, право, свобода, религия (христианство), конституция, реформа, реформаторство, революция. При этом оставим пока в стороне понятия, относящиеся к нравственным ценностям. Язык Бёрка-политика заставляет в первую очередь оценивать те концепты, которые составляют относительную целостность в истории политической мысли.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. P. 205.

⁷ Британия официально была объявлена империей лишь в XIX веке, но, по мнению западных историков, из-за огромных владений и военной мощи Британия вполне соответствовала этому статусу ранее. Бёрк неоднократно упоминает этот термин, имея в виду Великобританию и ее колонии.

⁸ Бёрк. 1992. С. 71.

Кризис первый – внутренний

Бёрка, члена партии вигов, интересовало все, что было связано с политикой британской монархии. Насущными вопросами его эпохи стали политическая свобода, права человека, законность государственной власти, веротерпимость, равенство, право на восстание и неповиновение верховной власти суверена и многие другие. Во второй половине XVIII в. в Великобритании назревали большие политические перемены, наметились некоторые тенденции эволюции политической системы. Причиной тому были внешние и внутренние процессы. Вот наиболее общие из них. Палата лордов оставалась высшей судебной инстанцией и не всегда механически штамповала решения палаты общин. Устаревшая выборная система сохраняла «гнилые местечки», что сужало представительство и порождало электоральную коррупцию. Не стихала борьба короля с вигской оппозицией, которая стремилась завоевать большинство и взять власть в свои руки, она же вела борьбу за расширение представительства в Парламенте, обеспечение свободы вероисповедания, отмену работорговли. Не была решена давняя проблема баланса исполнительной и законодательной власти. Усложнялась борьба «партийных» группировок (как таковая партийная система еще не сложилась, сам Бёрк не раз высказывался, какой он видит ее в действии). При этом шла постепенная замена власти короля властью премьер-министра, в распоряжении которого находился значительный контроль над финансами страны⁹. В 1760-е гг. началось реформаторское (внепарламентское) движение, целью которого было расширить систему представительства, причем лидерами в этом движении зачастую становились провинциалы.

Начнем с того, каковы были взгляды Бёрка на состояние дел в предкризисное для Великобритании время. Бёрк-виг в то время неоднократно подчеркивал приверженность идеям естественных прав и естественного состояния, воспетого Ж.-Ж. Руссо. На этих идеях зиждется вся философия Бёрка 1760-х – начала 1770-х гг. И на его речах по поводу отношений между подданными Британской империи¹⁰ стоит твердая печать Просвещения. «Когда представительство построено на верности природе, один представитель поддерживает другого, взаимные права обеспечиваются и соблюдаются между частями [содружества]»¹¹. При-

⁹ Яковлев. 2000. С. 227-240.

¹⁰ У. Питт-старший (1707–1778), по оценке британской энциклопедии, был человеком, обеспечившим трансформацию своей страны в имперскую державу (например, путем наращивания военно-морских сил Великобритании).

¹¹ *Burke. Observation on a late publication on the present state of the nation// Writings and speeches. 1901. Vol. 1. P. 317.*

рода сама по себе, если и могла диктовать условия жизни, то лишь в догражданском состоянии дикости. Выйдя из этого состояния, человек и общество стали ограничены в действиях законами, которые легли в основу «конституции». И если в 1756 г., в пору исканий общественного идеала Бёрк утверждал, что «политические общества совершают насилие над природой»¹², то в 1769 г. Бёрк-парламентер пытается разобраться во внутреннем устройстве «древней британской конституции»¹³, соединяя Закон Божий и Закон гражданского общества.

Почему права и свободы связаны, помимо закона, с религией? Видимо, историческая память об Английской революции существенно повлияла на мировоззрение Бёрка. Знаток европейского права Г. Дж. Берман прямо утверждает, что конституционные принципы Британии произошли от кальвинизма. Поскольку Английская революция была проведена под «предводительством» пуритан, несших особое мировоззрение, необходимое для проведения радикальных реформ, после ее завершения любое насилие над гражданами должно было быть наказано в соответствии с христианской совестью¹⁴. Это позволяет объяснить «религиозность» Бёрка в политике, которая, несомненно, отличала его от других просветителей.

Касаясь гражданского закона, Бёрк говорит, что люди сами принимают участие в формировании государственных систем, «сконструированных в своей природе», но, не неся ответственность за свои действия, они делают «беспорядок» «фундаментом конституции», вследствие чего подрываются основы правительства: «Что нам нужно, так это установить наиболее полное мнение о согласованности и устойчивости мировоззрения правящих людей государства»¹⁵. Люди должны приходить в политику «с правильными целями». Под этим подразумевается стремление смотреть в одном направлении – во имя интересов «нации», а не личной выгоды, – поскольку, по признанию Бёрка, «успех Правительст-

¹² Бёрк. В защиту естественного общества // Правление, политика и общество. 2003. С. 81.

¹³ Имеется в виду общее право прежних времен, существовавшее до того, как монархии Тюдоров-Стюартов установили свое превосходство над церковью. Об этом писал Покок. «Неписаная», или «полуписаная» конституция Британии включает в себя Великую хартию вольностей, Петицию о праве и др. письменные тексты. До реставрации предпринимались попытки создания национальной конституции в письменной форме (например, «Народное соглашение» 1649 г. или «Орудие управления» 1653 г.), после нее такие эксперименты прекратились. На русском языке см. подробнее: Берман. Вера и закон. 1999.

¹⁴ Там же. С. 142-143.

¹⁵ Burke. Observation. P. 425.

ва¹⁶ всегда зависел от сделки, заключенной между несколькими людьми»¹⁷. В преддверии американского кризиса, в потоке нарастающего реформаторского движения в стране Бёрк пытался размышлять о «причинах современных разногласий» в одноименном сочинении 1770 г.

Противоречивая политика Георга III не вызывала одобрения в правительственных кругах. «Режима личной власти» не существовало, но власть короля была соотносима с правами президента современных США. Он выбирал министров, имел право сепаратных встреч с ними и с послами Великобритании, утверждал все перемещения командного состава армии и флота, открывал и закрывал сессии парламента, обладал большими возможностями в создании синекур, словом, был наделен огромными полномочиями в решении важных государственных вопросов. Неудобные ему министры смещались с поста с большой легкостью. Единственным премьером, достаточно успешно проводившим самостоятельную политику, был У. Питт-младший (1759–1806)¹⁸. Нетрудно догадаться о тогдашнем отношении Бёрка к королю. Были и другие причины неприятия Георга III вигами в целом.

Со времени установления Ганноверской династии вигские министры широко использовали королевское влияние в Парламенте. Уолпол и Ньюкасл были больше, чем министрами, почти регентами. Обстоятельства способствовали тому, что они и их приближенные держали в руках власть около полувека. Георг I и Георг II были чужестранцами по языку, взглядам, воспитанию и симпатиям; их суд был преимущественно немецким; их интересы и амбиции вращались вокруг Ганновера и Европы, они были обязаны тронем вигам. С приходом к власти Георга III все изменилось. Он считал себя рожденным и возвращенным англичанином, во всяком случае, пытался быть таким. Георг III получил хорошее образование в Англии благодаря своей матери и графу Бьюту, шотландцу по происхождению, и в глазах своих оппонентов, одному из тори¹⁹. Бёрк придерживался линии вигской группировки, когда она лишилась своего влияния на корону. Английский мыслитель разошелся во взглядах с первым бароном лордом Гамильтоном, потеряв пост личного секретаря, но зато всецело поддерживал маркиза Рокингема и вместе с ним критиковал действия короля. По понятным причинам он противопоставил Геор-

¹⁶ В оригинале многие слова с прописной буквы.

¹⁷ The correspondence of E. Burke. 1958–1970. Vol. 3. P. 386. «Религиозный» Бёрк не отступал от рационализма, когда толковал о государственном интересе.

¹⁸ Дано по: Яковлев. С. 222.

¹⁹ Churchill. Vol. 3. 1957. P. 135.

гу III Георга II: «Во времена, полные сомнений и опасности для своей персоны и семьи, Георг II поддерживал достоинство короны, соединенное со свободой своего народа, не только непострадавшего, но и улучшившего положение в течение 33 лет. Он поборол опасное восстание²⁰, вызванное иностранной силой, и бушующее в сердце королевства; и посредством этого разрушил семена будущего восстания, которое могло быть основано на том же принципе... и он оставил свое правление покоящимся на верных и только верных основаниях всего национального и королевского величия; любви на родине, репутации за границей, веры союзников, страха соперников. Наиболее пылкий друг своей страны не может желать Великобритании судьбы счастливее той, что была оставлена. Народ, ревностно любящий своего суверена, как мы, знает не то, какую прочесть молитву небесам ради благословения его на добродетель или высшее состояние удачи и славы, а то, что он [Георг III] должен жить и править, и когда Провидение распорядится (ordain), должен умереть, в точности как его знаменитый предшественник»²¹.

Король обладает правом вершить исполнительную власть, данным ему Революцией 1689 г., а английский народ получил «право низлагать королей в случае недостойного поведения»²², и эти права закреплены в «конституции». Поскольку доступ к аппарату управления имели избранные представители «народа», то под ним в данном случае, вероятно, подразумевалось электоральное меньшинство, имеющее право принимать и отклонять законопроекты. Оно же должно выражать интересы и чаяния «простого народа». На практике дела обстояли далеко не так. Вигская оппозиция взяла курс на проведение реформы избирательного права, что позволило бы расширить одну из категорий понятия «народ», по Бёрку – граждан, т.е. тех, кто принимал участие в выборах.

Бёрк был против системы фаворитизма в правительстве, но считал, что «использование и эффективность законов» зависят от министров государства: «При создании правительства, бесконечно большая часть его должна зависеть от власти, целиком и полностью оставленной на попечении мудрости и честности министров»²³. Памятуя о том, что в выборах того времени царила в прямом смысле анархия, неудивительно, что Бёрк так изложил свое видение назначения должностных лиц: «Всеобщие выборы должностных лиц и всеобщее распределение наград и

²⁰ Имеется в виду Семилетняя война.

²¹ *Burke. Thoughts on the cause on the present discontents // Writings. Vol. 1. P. 456.*

²² *Бёрк. Размышления. С. 78.*

²³ *Burke. Thoughts. P. 470.*

почестей— одно из основных достоинств свободного государства. Предполагалось, что все хорошие последствия всеобщих выборов будут гарантированы нам без несчастий, рождающихся на вечных интригах, и разницы в народном голосовании для каждого отдельного учреждения. Это было наиболее благородной и изысканной частью нашей конституции. Людям, через их представителей и чиновников, была вверена совещательная власть в создании законов; королю право вето..., совещательный голос и назначение на должность; у граждан было право вето в случае отказа Парламента в поддержке [законопроекта]»²⁴.

В теории право голоса не должно зависеть от имущественного состояния гражданина. Но на деле было совсем не так. Прибавим еще существование «гнилых местечек», и получится, что в целом народ Англии был бесправным. Английский вариант борьбы за избирательные права, представленный вигской группировкой, характерен для либерализма XVIII века, ратовавшего за индивидуальную свободу²⁵. Бёрк выступил за необходимость реформы правительства: «Каждое хорошее политическое учреждение должно пройти как превентивную обработку, так и коррективную. Надо иметь естественное стремление исключать плохих людей из правительства и не доверять [им], ради безопасности государства, устанавливать наказание...»²⁶. Как странно звучат здесь слова Бёрка, который позднее раскритиковал реформы французских законодателей 1789 г.! Когда «редкие достоинства» государства (повидимому, подразумевались «дух законов», воплощенный в конституции, национальный интерес, общие принципы) проматываются без «общественной целесообразности», тогда «не нужна никакая поддержка правительству, кроме как преобразования»²⁷. В хорошо устроенном государстве такую поддержку должна оказывать правящая партия. И здесь уместно привести емкое определение Бёрка, вошедшее в учебники по политологии: «Партия это группа людей, объединенная для распространения национального интереса, на основе совместных усилий и общих принципов, по которым достигнуто согласие всех ее членов. Что касается меня, то я нахожу невозможным полагать, что любой [член партии] верит в свою собственную политику или определяет ее значение, отказываясь усвоить способы претворения ее на практике. Дело абстрактно мыслящего философа — указывать на верные цели государства. Дело

²⁴ Ibid. P. 472.

²⁵ См. подробнее: Яковлев. 2000. С. 241-248.

²⁶ *Burke. Thoughts.* P. 473.

²⁷ Ibid. P. 522.

политика, кто есть философ в действии, – находить правильные средства для осуществления этих целей, и эффективно их применять»²⁸.

Итак, закон в понимании Бёрка положен в основу конституции, и его следует уважать. Граждане должны обладать правом выбора членов правительства без ограничений по имущественному положению. Король и министры в свою очередь должны обеспечить народ (избирателей) уверенностью в правильности действий на основе взаимных интересов, воплощенных в единой стратегии выполнения государственных задач. Для этого и нужна партия, которая будет направлять короля. Единство интересов внутри правящего центра приведет к единству целей подданных империи и к взаимному согласию между ними. Так как правительство Англии нарушало закон, то оно должно подвергнуться реформированию, то есть преобразования рассматривались Бёрком как мера, необходимая для сохранения основ «конституции», заложенных природой и улучшенных Славной революцией. Впоследствии Бёрк развивал взгляд на свободное государство и черты, присущие свободному народу.

Кризис второй – имперский

Как известно, после Семилетней войны британское правительство сочло необходимым увеличить доход с американских колоний. В 1765 г. парламентом был принят закон о Гербовом сборе. За двумя исключениями он «не навязывал такой уж тяжелой ноши». Доход от него принесил 300000 фунтов в год, его увеличение предполагалось на 50000. Но закон включал налог на газеты, а журналисты составляли радикальную группировку Америки. Во-вторых, он встревожил колониальных торговцев, поскольку выплачивался в золотых слитках, что ускоряло неблагоприятный исход торгового баланса между Англией и колониями. Все это, по мнению У. Черчилля, «пробудило и ожесточило недовольные элементы в Америке и дало ей шанс получить первый опыт организованного сопротивления». Недовольны были и английские купцы; осознав, что закон ставит под вопрос возвращение коммерческих долгов, они объявили его противоречащим торговым интересам Империи. В 1767 г. были введены пошлины на ввозимые в американские колонии стекло, свинец, бумагу, краски и чай. Это не принесло Англии желаемого результата, и в 1770 г. новые пошлины были отменены. Но английское правительство не собиралось отказываться от возможной прибыли, и в отношении чая все осталось без изменений (по 3 пенса с фунта)²⁹.

²⁸ Ibid. P. 530.

²⁹ Дано по: Churchill. P. 141-145.

Противоречивые действия Парламента не нашли понимания у общественности. В апреле 1774 г. на весьма благодатной для выступления почве («бостонское чаепитие» 1773 г. было хорошей встряской для тех, кто не желал идти с колониями на компромисс) Бёрк произнес свою знаменитую «Речь об американском налогообложении». В ней он коснулся вопросов «взросления» народа, становящегося нацией: «...Люди все же несут на себе неизбежное устройство своей начальной природы со всеми ее слабостями. Закон о Навигации³⁰ помог Колониям выйти из состояния детства; вырослел с их взрослением и набирал силу с их силой... Что касается меня, я никогда [ранее] не бросал взгляд на их цветущую торговлю, развитую и свободную жизнь, и они кажутся мне, скорее, древней нацией, достигшей совершенства в результате долгой череды счастливых событий и багажа успешных отраслей торговли, собравшей многовековое богатство, чем вчерашними Колониями»³¹. Указывая коллегам на то, что «чувства Колоний были изначально чувствами Великобритании»³², Бёрк пытался настроить их на мирное разрешение конфликта с целью сохранения имперского влияния. Если смотреть на такие заявления сугубо «эмпирически», то можно отнести Бёрка к ранним романтикам³³. Посмотрим на те же высказывания с точки зрения их языка.

Следующий сюжет раскрывает значение бёрковского «права наций». Оратор оценивает состояние колоний до начавшегося кризиса как благоприятное для развития всяческих ремесел и для жизни людей даже в условиях «торгового рабства»: «Вы не только начали торговлю, – обращается он к слушателям, – но и в действительности открыли объекты торговли; и этим открытием вы подняли торговлю во всем королевстве, по меньшей мере, в четыре раза. Америка получила возмещение от ваших вложений (capital), заставивших ее нести рабство. Она получила возмещение, которое вы теперь хотите у нее забрать. Кроме торговых ограничений, у нее были все черты свободного народа во всех ее внутренних интересах. У нее был образ Британской Конституции. У нее было ее содержание. С нее собирали налоги собственные представители. Она выбирала большинство своих должностных лиц. Она им всем пла-

³⁰ Навигационные акты были изданы еще в XVII веке. Они существенно ограничивали торговлю колоний, так как требовали, чтобы состав кораблей был на $\frac{3}{4}$ из англичан, а продукты, такие, как сахар, хлопок и табак, вывозились бы только в Англию и другие ее колонии. Однако Бёрк считал, что выросшие в рамках ограничений, американцы повзрослели и научились сопротивляться.

³¹ *Burke. Speech on American taxation // Writings. Vol. 2. P. 33.*

³² *Ibid. P. 16.*

³³ Он рассуждает о нациях, их характерах и нравах, семейных узах и т.д.

тила. Она в результате получила в свое распоряжение собственное внутреннее правительство. Это общее состояние торгового рабства и гражданской свободы, взятые вместе, конечно, не совершенная свобода; но сравнивая ее с обычными обстоятельствами человеческой природы, это было счастливое и свободное состояние (condition)³⁴.

Итак, свобода, по мнению Бёрка, должна иметь ограничения. Но разве это только бёрковская идея? Если вернуться к философии Просвещения, то ее можно обнаружить, например, у Ш.-Л. Монтескье: свобода заключается в праве «делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»³⁵. Ж.-Ж. Руссо выдвинул другой принцип, который, по его словам, «чем больше оспаривают, тем больше дают случаев подтвердить его с помощью новых доказательств». «Свобода – это не плод, созревающий под всеми небесами, поэтому она доступна и не всем народам»³⁶, но лишь тем, кто приложит усилия для ее достижения. Одним из возможных вариантов является «общественный договор». Согласно ему, «человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем он обладает»³⁷. Просветители в большинстве своем не признавали человека абсолютно свободным. Бёрк также видел свободу в равенстве ограничений. Вопрос с Америкой касался лишь их масштабов, но не отмены таковых³⁸. Правительство должно разумно облагать подданных налогами, не обременяя их слишком тяжелой ношей. В противном случае сам «родитель» заставит «бунтовать» детей против него. Здесь уместно сказать, что просветительский термин «естественные права», тесно связанный со «свободой», был специфически рационализирован Бёрком. Право на свободу, в его представлении, должно быть исторически обосновано.

Бёрк критикует стремление Парламента продавать колонистам право на участие в его сессиях. Колониальная несвобода указывает на недостатки метрополии: «Поскольку некоторые города в Англии не представлены, Америка вообще вынуждена не иметь представительства»³⁹. В этом наблюдается заметное сходство его предложений с идеями английских радикалов, которые считали, что деспотическая политика

³⁴ *Burke. Speech on American taxation. P. 34.*

³⁵ *Монтескье. О духе законов. 1955. С. 289.*

³⁶ *Руссо. Об общественном договоре. 1969. С. 209.*

³⁷ Там же. С. 164.

³⁸ *Burke. Speech on American taxation. P. 73.*

³⁹ *Ibidem.*

Англии будет вскоре обращена против нее самой⁴⁰. Бёрк напоминает о необходимости реформы, поскольку несовершенство выборной системы вызвало недовольство в Империи и грозит потерей ее благосостояния. Предоставить колонистам свободу – значит потерять управление над ними, а это недопустимо. Надо держать их в подчинении, но таким способом, чтобы они сами сочли нужным подчиняться.

Имперская «теория» Бёрка допускала известную автономию местных собраний: «...Имперские права Великобритании и привилегии, которыми должны наслаждаться Колонисты, должны быть самыми согласованными вещами в мире. Парламент Великобритании стоит во главе обширной Империи на двух основаниях: во-первых, как местная законодательная власть острова, решая вопросы на родине немедленно и никоим образом, кроме исполнительной власти. Другая ее служба, более благородная, носит черты *имперской* (курсив Бёрка. – М. Б., А. В.); в ней с небесного трона она управляет всеми подчиненными законодательствами, направляет и контролирует их, не отменяя ни одно из них... Так как эти провинциальные законодательства одинаковы по отношению друг к другу, они все должны подчиняться ей; иначе они не могут ни сохранить взаимный мир, ни надеяться на взаимную справедливость, ни позволить себе эффективную взаимопомощь. Она (империя. – М. Б., А. В.) никогда не вмешается в дела других, пока они в равной степени соответствуют общим целям их учреждения. Чтобы заставить Парламент отвечать этим целям предусмотрительного и выгодного управления, ее полномочия должны быть безграничными... Вот что я имел в виду, когда говорил об этом в разные времена, о том, что я рассматриваю власть налогообложения в Парламенте как инструмент империи, а не как средство удовлетворения... Сэр, такова моя идея Конституции Британской империи, разнящаяся с Конституцией Британии; и на этих основаниях, я думаю, подчинение и свобода могут быть эффективно согласованы во времени...»⁴¹. Бёрк видит в американском народе поднявшуюся с колен нацию, готовую к самостоятельному существованию, но, будучи англичанином, пытается добиться восстановления все-речь пошатнувшегося колониального доверия.

Надеясь на примирение с колониями, Бёрк снова говорит о свободе⁴². Отчетливо звучат слова о неприятии абстрактного: «После всей нашей борьбы, хотим мы или нет, мы должны управлять Америкой со-

⁴⁰ См. подробнее: Семенов. Английские радикалы. 2003. Ч. 1. С. 95-103.

⁴¹ *Burke*. Speech on American taxation. P. 75-76.

⁴² The correspondence of E. Burke. Vol. 3. P. 171.

гласно природе вещей и обстоятельствам, а не согласно нашему воображению или абстрактным идеям права, никоим образом не относящимся к общим теориям управления (government), обращение к которым кажется мне в настоящий момент не больше, чем сущей безделицей»⁴³. Понятие «свобода» является определяющим в дискурсе Бёрка и, как видно из следующего пассажа, имеет свои критерии: «Этот неистовый дух Свободы в Английских Колониях, возможно, сильнее, чем в любом другом народе на земле... Прежде всего, народ Колоний – это потомки англичан. Англия, сэр, это нация, которая, я все еще надеюсь, уважает свою свободу и прежде восхищалась ею. Колонисты эмигрировали от вас, когда эта черта вашего характера преобладала; и они унаследовали эту склонность с того момента, как отделились от вас. Поэтому они не только преданы Свободе, но Свободе согласно английским идеям и принципам. Абстрактная Свобода, как любые другие абстракции, не должна существовать. Свобода несет в себе разумную цель; и каждая нация сформировала для себя некую любимую позицию (курсив наш – М. Б., А. В.), которая путем возвышения становится критерием ее счастья»⁴⁴. «Любимая позиция» и есть синоним «свободы».

Для всех наций – свое мерило счастья. Это граничит с географическим детерминизмом Монтескье. Свобода, в понимании Бёрка, имеет конкретно исторические проявления: свобода от налогообложения, свобода выбора должностных лиц и т.д. Она покоится на принципе давности: нация склонна пользоваться тем видом свободы, за который она боролась в прежние времена. Тогда это и есть «естественная» свобода (историческое право нации), а не результат «метафизических» размышлений. По мнению Бёрка, Американцы боролись за свободу от торгового рабства, за право иметь своих представителей в Парламенте, значит, они заслужили ту степень свободы, на которую претендовали: «Говоря о Характере Американцев, любовь к свободе изначально доминировала как черта, которая обозначает и различает в целом: и так как пылкость это всегда ревностное действие, ваши Колонии становятся подозрительными, беспокойными и несговорчивыми, всякий раз как видят наименьшую попытку отнять у них силой или с помощью хитрости то единственное преимущество, ради которого они живут»⁴⁵.

⁴³ *Burke. Speech on moving his resolutions for conciliation // Writings. Vol. 2. P. 108-109.*

⁴⁴ *Ibid. P. 121.* Ср. «неистовый дух свободы» с рассуждениями об «исступлении» у Д. Юма.

⁴⁵ *Ibid. P. 120-121.*

«Речь о примирении с колониями» вся пропитана «духом»⁴⁶ свободы, который Бёрк признал исконно присущим американцам. При этом она явилась связующим звеном между двумя родственными нациями: «Ибо, чтобы доказать, что Американцы не имеют права на их свободы, мы каждый день предпринимаем попытку перевернуть принципы, которые охраняют наш собственный дух. Чтобы доказать, что Американцы не должны быть свободны, мы обязаны недооценивать саму свободу; и мы, кажется, никогда не одержим над ними верх в споре без нападков на те принципы и высмеивания тех чувств, за которые наши предки проливали кровь»⁴⁷. Итак, в глазах Бёрка, американцы – это новая нация, обладающая определенным набором свобод, следовательно, прав, ограниченных английским законодательством. Поскольку Америка – «дитя» Англии, то ее свободы даны свыше, «естественное право» на обладание свободой исторически обосновано. Следует вывод, что любой народ как нация – это сплоченная общим «духом» или сознанием группа. Но определение будет не полным, если не разобраться, что такое «дух» в понимании Бёрка, тем более, что он так часто пользуется этим словом. А в некоторых пассажах «дух» является синонимом религиозного сознания.

Если Бёрк пытался «обуздать» неистовую свободу в правовой сфере, то в вопросах веры он более чем пристрастен. Силу Америки он видел в общем духовном настрое: «Религия, всегдашняя движущая сила, в этом новом народе никоим образом не изношена или повреждена; и их способ верования также важная причина их свободного духа»⁴⁸. Этой силы хватило, чтобы противостоять «родителю», значит, хватит, чтобы развиваться дальше и процветать. Конфессиональная нетерпимость правительственных кругов пугала Бёрка не потому, что он сам был глубоко религиозным человеком и политиком, а потому что она повлекла за собой череду конфликтов, разгоревшихся в разных уголках британских владений: «Вы видите, – писал он в июле 1775 г., – мы действительно втянуты в гражданскую Войну; с малой-премалой надеждой на мир; и, по моему мнению, есть все Причины потерять надежду на восстановление давней уверенности и гармонии частей этой Империи...»⁴⁹. Солидарен с ним был и герцог Ричмонд: «Люди продолжают с наслаждением говорить, что все наши споры о Политике – это только дискуссия по поводу Мест, что общественным лицам все равно, кто выиграл, кто проиг-

⁴⁶ Покок считает, что понятие «дух» заимствовано Бёрком у Монтескье. – *Роскок*. P. 225.

⁴⁷ *Burke*. Speech on moving his resolutions. P. 130.

⁴⁸ *Ibid*. P. 122-123.

⁴⁹ *The correspondence*. Vol. 3. P. 181.

рал, и что власть предержавшие только делят Прибыль, полученную в ходе пустяковых ссор, в то время как нация платит за все сполна»⁵⁰.

Бёрк, хоть это и грозило ему потерей должности, вступает в борьбу за религиозную толерантность. Его родина Ирландия стала средоточием конфликта, вызванного гонениями на католиков. Неудача правительства в войне с Америкой ободрила ирландцев. Затем начались беспорядки в Шотландии. Переписка Бёрка с государственными деятелями второй половины 1770-х гг. полна соображений по этим вопросам и проливает свет на его понимание роли религии для благополучия государства.

Предки мыслителя были католиками, отчаянно сражавшимися за свои права. «Когда Эдмунд познакомился с лордом Рокингемом, герцог Ньюкасл стал паниковать и поспешил сообщить маркизу, что вновь назначенный секретарь обучался в Сент-Омере, что он Иезуит, а его предки были безумными ирландскими бунтовщиками и самыми преданными членами Римской Церкви. Хотя Бёрк в действительности не был католиком и не учился в другой стране, старый герцог, – считает биограф XIX в., – все же имел причины для беспокойства»⁵¹.

Конфликт, разгоревшийся в Ирландии, подвиг Бёрка на тактичную попытку примирения сторон, избегая скатывания в крайности. «Не английское оружие, а английская Конституция завоевала Ирландию... Я навсегда верю в славную Революцию. Это сделало Ирландию великим и процветающим королевством...»⁵². Он видел в ирландцах и англичанах разобщенные части одного народа, в данном случае имея в виду христиан независимо от конфессии.

Бёрк всегда с уважением относился к борьбе за «естественные права», но в религиозном (ирландском) вопросе он выходит за рамки своей имперской теории. Отношения Англии и Ирландии на тот момент напоминали отношения врагов, а не родственников. На примере так называемого налога на отсутствующих (Irish Absentee Tax) Бёрк показывает остроту противоречий между двумя странами: «Правильно ли это, что женщина (англичанка. – *М. Б., А. В.*), которая выходит замуж за ирландца и, возможно, забирает туда свое имущество и приданое, не должна после смерти мужа иметь право вернуться в свою страну, не избежав налога на это? Если ирландская наследница выйдет замуж в английскую семью, и собственность обеих стран станет общим доходом, следует ли потомку от этого брака отказаться от естественных связей, семейных

⁵⁰ Ibid. P. 170.

⁵¹ Macknight. 1858. Vol. 1. P. 8-9.

⁵² Burke. Speech on moving his resolutions. P. 147.

привязанностей, его общественных и личных обязанностей и заставлять его занять свое место жительства в Ирландии?»⁵³. Ирландия стремилась отделиться от Англии, при этом введение законов или налоговых актов на муниципальном уровне грозило потерей целостности Империи, имевшей законодательный «суверенитет». Бёрк не мог допустить, чтобы кто-либо из подданных присвоил себе «имперские права». «Резиденция» высшей власти должна находиться только в Англии, «не по силе или тирании и не в результате долгого применения, но по природе вещей и всеобщему согласию целого организма»⁵⁴. По мнению Бёрка, согласившись на учреждение такого рода налога, Ирландия фактически заявляла, что «Англия – чужая страна», и отказывалась выполнять «всеобщий порядок вещей, распространенный по всей империи»⁵⁵.

Несмотря на призыв частей империи к подчинению, Бёрк был способен пожертвовать некоторыми государственными интересами во имя справедливой религиозной политики. Религия была для него особой областью размышлений. Это и общий «дух» народа, и могучая сила, и особый вид нравственности, и форма поддержки государства. Последняя характеристика, пожалуй, самая важная, поскольку, защищая католиков, Бёрк, прежде всего, удовлетворял государственные интересы всей Империи. Он даже рассчитывал на помощь Ирландии в войне с Америкой: «Ирландия всегда представляла собой одну из важных частей целой Системы; но Ирландия никогда не была в таком почетном положении, как сейчас. Она удерживает Баланс в Империи и, возможно, ее судьбу в своих руках... Они оградили бы всю Империю от разрушительной Войны и, скорее, за счет спасения, а не лишения, отвратили бы эту несчастную страну (Англию, по всей видимости. – М. Б., А. В.), от Плана саморазрушения путем порабощения подданных»⁵⁶. В 1775 г. англичане еще питали надежду на успех в отношениях с Америкой. Но когда, выражаясь словами Бёрка, дела стали «скатываться в кризис», он снова заговорил о роли Ирландии. В письме коллеге по партии Ч. Дж. Фоксу от 1777 г. Бёрк писал: «Я имею строгое убеждение, что запоздание нашего собрания обязано предыдущим действиям, осуществляемым в Ирландии. Я подозреваю, что Ирландия возьмет на себя инициативу управления и примет существенное участие в этой войне с людьми и деньгами. Это будет звучать хорошо, когда мы встретимся,

⁵³ The correspondence. Vol. 2. P. 477.

⁵⁴ Ibid. P. 475.

⁵⁵ Ibid. P. 476.

⁵⁶ The correspondence. Vol. 3. P. 218.

чтобы обсудить активное рвение и верность ирландского народа и противопоставить это Воинствующему духу Америки... Будет утешительным для джентльменов Страны... придерживаться мнения, что нести Ношу будут не только они, и их гордость будет уязвлена тем, что Ирландия идет нам навстречу и, находясь в зависимости от Королевства, охотно вовлекла бы себя в войну просто за наше достоинство. Как же можем мы, для кого это принципиально важно, держаться в стороне?»⁵⁷. Вероятно, так масштабно мыслили немногие его соратники, поэтому Бёрк и проигрывал свои политические «баталии».

В Британии, по словам Бёрка, разгорелась гражданская война по причинам торгового характера и из-за вопроса о законности управления подданными. Правительство не учитывало ни интересов «граждан», ни интересов простого народа: «Когда я знал Ирландию, она совсем не была похожа на английское государство, где правительство обладает всей широтой власти, общество лишь частью, а индивиды несравнимо малой долей»⁵⁸. В этой иронии читается необходимость реформы Парламента.

В глазах Бёрка англичане не были свободны, по крайней мере, по трем параметрам. Во-первых, лишь ничтожное меньшинство обладало правом голоса, рано или поздно все остальные могли взбунтоваться. Во-вторых, подданные Британии – колонисты – заключены в оковы торгового рабства. В-третьих, Британия не признавала иные церкви, кроме англиканской, имея граждан, принадлежащих, например, к католической церкви. Империя не могла похвастаться духом свободы и полноправия ее членов. Для Бёрка «нация» – это вся британская «семья», а «разлагать семейные отношения – все равно, что отравить фонтаны»⁵⁹. Спасительной силой могло бы стать имперское надконфессиональное христианство, с одной стороны – для поддержания общего «духа нации», с другой – для сохранения исконных государственных интересов, в первую очередь, финансовых и земельных. Религия, считает Бёрк, может идти рука об руку с властью. Раз государственным действиям нужна санкция свыше, то гонения на инаковерующих означают вызов Божественному Провидению. На языке Просвещения – это «природа вещей», сообразно которой должно эволюционировать человечество. Отсюда следует, что угнетать другие религии – преступление, поскольку на микроуровне рушатся семейные узы, а на макроуровне – государственные интересы: «Интерес, который сообщество включает в свои нормы намного больше, чем можно

⁵⁷ Ibid. P. 385.

⁵⁸ Ibid. P. 386.

⁵⁹ Ibid. P. 457.

вообразить; и когда [власти] внедряют Законы, чтобы перевернуть то, что они (члены сообщества. – М. Б., А. В.) поддерживали с таким трудом, вырождение последует незамедлительно, а вместе с ним и низвержение Государства. Семейные узы и так более чем ослаблены среди людей всех Вероисповеданий в наших Странах и в наши времена. В некоторых из наших Соседних стран закон приходит в помощь Семейному законодательству. Но любая вещь, которая стремится перевернуть порядок Провидения, чтобы дать молодости принудительную власть над зрелостью, чтобы дать страсти и мотовству власть цензора над мудростью и предусмотрительностью, Детям над родителями, означает дать новую Жизнь беспорядку и распутству, которое разрушает нас»⁶⁰. Вот почему религиозная война – самый страшный вид конфликта.

Ситуация в Шотландии также «напоминала о недостатках» в конституции «Британской семьи»⁶¹. По мнению Бёрка, все дело было в «Духе союзного акта»: речь идет о муниципальном управлении и должностной неразберихе. Кроме того, Шотландия находилась на грани гражданской войны по религиозным мотивам. В письмах 1777–1779 гг. он старался убедить своих адресатов в необходимости толерантного отношения к инаковерующим⁶².

Какие пути восстановления доверия к властям он видел? Во-первых, Бёрк считал разумным применить «Гражданские Идеи к религиозной свободе». Во-вторых, призывал граждан и правительство смотреть на мир не глазами католика или протестанта, а глазами христианина⁶³. Религия – это мудрая наставница, к ней стоит относиться с уважением во имя общих государственных интересов. «Но так как форма Закона никогда так не важна, как его содержание, то безгранично можно сожалеть, что Правительство не увидело явной необходимости (policy) примирения одной большой части народа с другой и связывания обеих сторон общими обязательствами по отношению к общей Государственной власти. Я убежден, что пока что-то подобное не будет сделано в отношении Протестантских Верующих, Образ (scheme) терпимости никогда не достигнет уровня Ваших справедливых и свободных идей»⁶⁴.

Тем не менее, Бёрк не был теологом, и его «религиозность» в решении политических вопросов можно объяснить следующим образом. На взгляды мыслителя существенное влияние оказали не столько като-

⁶⁰ Ibid. P. 457.

⁶¹ The correspondence. Vol. 4. P. 44.

⁶² Ibid. P. 45.

⁶³ Ibid. P. 84.

⁶⁴ Ibid. P. 17.

лические корни, сколько давнее единство английского права и церковной жизни. По словам Бермана, они имеют четыре общих компонента: ритуал, традиция, авторитет и универсальность, в целом характерные для всего западного права⁶⁵. Поэтому можно говорить о принятии Бёрком секулярно-рациональной модели общества, истоки формирования которой уходят вглубь веков, в римские времена.

Кризис третий – революционный

Недальновидность в американском вопросе, подозрительные финансовые траты и военные издержки, негодование по поводу тяжелого налогообложения, страх дисбаланса в законодательной системе – все эти факторы привели в конце 1770-х к росту радикального движения в Англии, к которому в дальнейшем прибавились проблемы на севере страны. Очаги протеста зачастую находились в провинциях, лидерами движений становились провинциалы⁶⁶. В 1780-е гг. Англия вошла под знаком реформ, необходимость которых признавала общественность и некоторые государственные деятели. К ним относилась партия Рокингема, а также небезызвестный У. Питт-младший, деятельность которого порой сравнивают с деятельностью Бёрка⁶⁷. В тот период времени последний положительно относился к реформаторству, так как считал его вынужденной необходимостью. Еще в 1771 г. он выказывал положительное отношение и к революции, имея в виду события 1688–1689 гг.: «Мой брат и мой друг или я сам никогда ни на минуту не подумали о революции ничего, кроме как о Явлении Почетном для нации, чья Свобода и процветание проверены временем; и будут таковыми, если придерживаться этих принципов... Я не хочу тем самым покушаться на личную Свободу человека, но я уверен, что Человек не может свободно судить о весомых вещах Королевства, если он думает о революции иначе»⁶⁸.

⁶⁵ Берман. С. 21.

⁶⁶ Например, йоркширский землевладелец Кристофер Уивилл желал исключить напрасные траты, прибавляя к этому существенное сокращение личных королевских расходов. Он обещал Парламенту помощь в освобождении от влияния исполнительной власти на основе проведения двух важных реформ: добавление в Палату Общин ста представителей и требование проводить всеобщие выборы чаще, чем было продиктовано Семилетним Актом от 1716 года. Под влиянием таких настроений члены фракции Рокингема преподнесли целый набор биллей для «экономической реформы». Одним из них стал Билль об Учреждениях Э. Бёрка, предусматривавший отмену синекур и квази-синекур, аппарата, с помощью которого министры получали большинство в Палате Общин. См. подробнее: *Christie. Wars and Revolutions*. 1982. P. 135-137.

⁶⁷ См. подробнее: *Яковлев*. 2000.

⁶⁸ *The correspondence*. Vol. 2. P. 283.

Каково соотношение понятий «реформа», «реформаторство» и «революция» в языке Бёрка? Критерии перемен были выработаны десятилетием ранее событий во Франции: «Чтобы подвинуть нас на внесение корректив, целая конституция должна быть просмотрена совместно, и она должна быть сопоставлена с действительным состоянием людей и обстоятельствами времени. Ибо то, что взято голословно и само по себе, может оказаться неверным по отношению к другим вещам, которые могут быть совершенно правильными, или, по меньшей мере, по отношению к тем, которые нужно терпеть как средства предотвращения чего-то худшего... В реформаторстве много вещей, которые нужно осуществить, если другие вещи будут сделаны в соответствии с ними; если они несовместимы, то ничего вообще не надо менять»⁶⁹. Словом, если и решаться на изменения, то они должны соответствовать требованиям времени, идти в согласии с опытом и мудростью предшествующих поколений, а потенциальный результат должен превышать затраты на их проведение. Из выразительных пассажей «Речи об экономической реформе» (1780) становится понятно, что воззрения Бёрка относительно процесса реформирования с течением времени не менялись.

Особенно интересно обратиться к его соображениям касательно нововведений в преддверии Революции во Франции, повлекшей за собой новый, знаковый кризис в деятельности Бёрка. Ключом к пониманию его неприятия Французской революции отчасти является смысл, вкладываемый в слова «реформа» и «реформаторство». В корне этих слов (*reform, reformation*) лежит «форма», которую переделывают, изменяют. В корне слова «революция» заложен «бунт» (*revolt*). Бунт всегда связан с расправой, насилием, реформы же можно провести мирным путем. Но даже «реформирование – это один из тех случаев, который следует держать в перспективе, чтобы получить желаемый результат»⁷⁰. И хотя Бёрк не любил применения абстракции при решении государственных вопросов, реформы стали исключением, так как в «абстрактном» виде они не могли нанести вред традиционным институтам. В том случае, если правительство готово пойти на компромисс со сторонниками новшеств, то реформы, согласно Бёрку, должны носить предупредительный характер: «Ранние реформы – это устройства мирного для власти характера; запоздалые реформы – как отношения, навязанные завоеванному врагу: первые проводятся холодным умом, последние –

⁶⁹ The correspondence. Vol. 4. P. 227.

⁷⁰ *Burke*. Speech on economical reform // Works. 1808. Vol. 3. P. 235.

сгоряча»⁷¹. Главным принципом при проведении реформ был принцип постепенности. При его нарушении результат реформирования, по мнению мыслителя, становился синонимом «несвоевременных приобретений». И хотя причиной написания Бёрком этой речи была «продажная» чиновничья практика, идеи реформирования могли найти применение в любой сфере: «Когда польза старых установлений исчерпана, абсурдно оставлять ничто иное, как их бремя»⁷². В этом случае даже такой красноречивый поклонник «конституции» был готов «пожертвовать принципами закона», если того потребует «время реформы»⁷³.

Стала ли Революция водоразделом воззрений Бёрка? Это поможет установить сравнительный анализ словаря Бёрка, а именно тех понятий, которые были в его обиходе до Революции и после нее. Основным источником здесь являются «Размышления о революции во Франции» (1790) и письма 1790-х гг. Из триады «свобода – равенство – братство» первая занимала сознание Бёрка в большей степени, поэтому, когда по другую сторону Ла-Манша граждане провозгласили себя свободными, Бёрк поспешил дать комментарии тому виду свободы, который, по его мнению, обрела Франция. Говоря конкретнее, он видел лишь «проект свободы», «прочный» и «рациональный»⁷⁴. Вместо свободы, считал Бёрк, во Франции была установлена новая форма тягостного подчинения, завуалированного либеральными лозунгами: «Итак, что же такое французская революция? Не всякая вещь, именуемая свободой, является таковой. Не было никогда узурпации, которая не была бы прикрыта доблестным именем. Мы не должны быть обмануты названиями; вместо свободы французская революция установила узурпацию... военную тиранию... подстрекаемую яростью свирепой толпы, в которой ни жизнь, ни свобода, ни собственность, ни тем более свобода слова не являются защищенными в данный момент...»⁷⁵. Эти слова относятся к ноябрю 1789 г., когда революционное действие только начиналось, и нельзя сказать точно, что подвигло Бёрка на столь обличительный тон в либеральной фазе событий. Возможно, дар предвидения все-таки был ему присущ. А если отказаться от мистики, следует предположить, что законодатели 1789 года и Бёрк мыслили разными категориями.

Начнем с разного понимания «свободы». Еще во время войны с Америкой Бёрк находил у каждого народа свой критерий свободы. Аме-

⁷¹ Ibid. P. 247.

⁷² Ibid. P. 278.

⁷³ Ibid. P. 309.

⁷⁴ The correspondence. Vol. 6. P. 42-43.

⁷⁵ Ibid. P. 126.

риканцы боролись за отмену торговых ограничений, ирландцы – за религиозную свободу, английский народ – за свободу гражданского выбора. Бёрку не было понятно, за какую свободу конкретно боролись французы. Их борьба не была подкреплена давней необходимостью, их уклад жизни при «старом порядке» казался ему традиционным для французской нации. На вопрос, заслуживают ли французы свободу, Бёрк отвечает положительно, но он также считает, что ею надо правильно пользоваться, чтобы собственными руками не нарушить «право, данное нашему Роду от рождения»⁷⁶. В продолжение он пишет, что «испорченной» французской нации «государство строгого принуждения сродни необходимому элементу свободы, так как оно может избавить их в какой-то Мере от самого худшего рабства, коим является деспотизм их собственных слепых и жестоких амбиций»⁷⁷. Однако, «из всех расплывчатых понятий в мире Свобода – наиболее неопределенное», если иметь в виду не «индивидуальную», «эгоистичную», а «общественную» свободу. «Это такое положение вещей, при котором Свобода определяется равенством Ограничения... Такой вид свободы, в действительности, не что иное, как другое название справедливости»⁷⁸. Справедливость в общественной сфере зависела от законов, изложенных в конституции. Недаром Бёрк так ратовал за сохранение основ, когда в английском обществе началось движение за внесение поправок в законодательную систему. Бёрк не принял не стремление французов к свободе, а отсутствие законного и нравственного основания для нее.

По мнению Берка, основную массу бунтующих составили «заговорщики» – «литераторы» и «денежная аристократия», – а также «чернь», к которой относились маргинальные элементы общества⁷⁹. Борьба не была всеобщей: в отличие от сплоченного общим духом американского народа или, к примеру, ирландцев, отстаивавших свои профессиональные права. Революцию во Франции учинила «кучка тиранов», «отчаянные персоны», обретшие власть над безграмотной толпой, одержимой жадной наживы. Революция не была «делом всей французской нации», как считали оппоненты Бёрка. Ее вершили две социальные группы, представлявшие меньшинство. К их числу не относились французские избиратели, представившие наказания при выборах в Генеральные штаты⁸⁰. К ним не относился и цвет французской нации – дворянство –

⁷⁶ Ibid. P. 41.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Ibid. P. 42.

⁷⁹ См. подробнее: Чудинов. 1996.

⁸⁰ Там же. С. 80.

образец нравственности и воспитанности, а также простой народ. Французские бедняки были неграмотными, и сочинения просветителей, которые якобы подготовили Революцию, были для них недоступны. В понимании Бёрка, Революция была нужна отдельным лицам, далеким от народа. «Повсюду, где народ нуждается в развитии ремесел и промышленности, а дух дворянской доблести и религии остается непоколебимым, благодаря силе духа, происходят необходимые изменения»⁸¹.

Отношение к реформам и тогда осталось положительным: с течением времени все претерпевает необходимые изменения, старые механизмы изнашиваются. Реформы для Бёрка – это движущая сила любого государства, гарантия его безопасности: «Государство, лишённое средств к введению определенных изменений, не имеет и средств для самосохранения. Без таких средств ему грозит даже потеря той части конституции, каковую оно стремится благоговейно сохранить. Два эти принципа: сохранения и исправления – мощно действовали в продолжение двух критических периодов – Реставрации и Революции, когда Англия осталась без короля»⁸². Порядок передачи власти остался в Англии традиционным. Согласно Бёрку, наследственная власть не должна меняться, а вот способы ее передачи могли различаться – «законным путем или силой»⁸³. Французские революционеры совершили не «Реформаторство», а «Революцию»⁸⁴. Первое понятие имело для Бёрка положительный смысл, второе – отрицательный, так как означало отказ от старины, включавшей и систему законодательства, и общественные взаимоотношения, отказ от «прецедентов», «примеров», «опыта». Последние три слова синонимичны в устах Бёрка. Они же стали критерием любых перемен: если планируемые изменения или реформы, зиждутся на одном из них, то они имеют разумное содержание. Реформы должны быть порождены необходимостью.

Все кардинально новое вызывало у Бёрка, по меньшей мере, страх, его пугал сам «привкус новизны». Во всякой новизне должна быть «умеренность», которая, по его мнению, есть «могущественная добродетель», «вечная нить, чтобы предотвратить скатывание в крайности»⁸⁵. В случае с Францией Бёрк категоричен, он не видел исторической подоплеки событий. Кроме того, революционеры посягнули на святое – лица духовного сана были опозорены, имущество церковью разграблено. Вме-

⁸¹ Бёрк. 1992. С. 155.

⁸² Там же. С. 85.

⁸³ Там же. С. 86.

⁸⁴ The correspondence. Vol. 6. P. 46.

⁸⁵ Ibid. P. 49, 129.

сте с тем были преданы забвению религиозные нормы. Религия столкнулась с политикой. Право было оторвано от религии. Этого Бёрк не принимал на родине, не мог принять и в качестве стороннего наблюдателя. (К тому же принципы, провозглашенные «Декларацией прав человека и гражданина», имели универсалистский характер, что противоречило, в глазах Бёрка, историзированному рационализму.)

Религия – это не только фундамент нравственности, но и «вечный непреложный закон»⁸⁶, благодаря которому осуществляется власть. «Основываясь на религиозной системе, коей мы ныне обладаем, мы продолжаем действовать, исходя из давно усвоенного и непрерывно продолжавшегося сознания человечества. Сознание это... охраняет это здание от разрушения»⁸⁷. Дуалистическое понимание гласит: общий закон – это совокупность священного и гражданского законов. Авторитет первого не довлеет над последним, но поскольку все религии «предписывают»⁸⁸, то гражданским законам необходима священная санкция. Французские законодатели не получили законы «из рук Божьих», и они были не вправе применять их на практике.

Будучи уверенным, что все сферы общественной жизни взаимосвязаны, Бёрк, по сути, спрогнозировал развитие Революции. Вслед за разрушением отношений собственности и финансов последуют низвержение остальных элементов системы. Английская Славная революция более походила на бёрковское «реформаторство», хотя в ней присутствовал момент насилия. Французская революция не отвечала критериям реформаторства с самого начала, хотя в ней еще не было *большого* насилия. Предсказания Бёрка сбылись: кардинальные перемены произошли во всех сферах жизни. И если не касаться языка его сочинений, то можно долго рассуждать о причинах бёрковской перемены взглядов.

Итак, в целом воззрения Бёрка до Революции и после нее существенно не изменились. От кризиса к кризису смысл его ключевых понятий не деформировался. Хотя нельзя говорить и о статике дискурса. Язык Бёрка динамичен, гибок, зависим от исторических обстоятельств. Например, народ распадается на несколько категорий: простой народ; избиратели, граждане, участвующие в управлении; верующие. Свобода, хоть и «наиболее расплывчатое» понятие, приобрела главную характеристику – равенство ограничений. Есть несколько видов свободы: гражданская (политическая), экономическая, религиозная, но не существует

⁸⁶ Бёрк. 1992. С. 172.

⁸⁷ Там же. С. 169.

⁸⁸ The correspondence. Vol. 8. P. 129-130.

«абсолютной свободы». Это понятие историзировано Бёрком. Право тесно связано со свободой, но оно не должно быть унифицированным, напротив – иерархичным. Закон, по Бёрку, двуедин: он соединяет в себе долг священный и гражданский, отсюда – тесная связь права, закона и религии. Последняя представляет собой сознание или «дух», необходимый как спасительная сила и высшая санкция, без которой новые законы не могут вступить в силу. Государство, в свою очередь, должно управляться людьми, смотрящими в одном направлении (общей пользы, «национального» интереса) в рамках проверенной временем конституционной системы. В английском варианте – это неписаная «конституция», изменения в которой ограничивают верность традиции. Что касается реформаторства и революции, то первое имеет для Бёрка всегда положительное значение, а революция изначально едва присутствует в словаре мыслителя, так как не соотносится с предшествующим опытом и заведенным порядком.

В силу сказанного, кажется неправильным толкование «Размышлений...» как работы сугубо консервативной направленности. Значение понятийного аппарата Бёрка оставалось стабильным, но оно не совпало с тем, что было предложено законодателями 1789 г. во Франции, также как не совпадали британское и континентальное право, политические системы двух стран, религиозная ситуация и интеллектуальные предпочтения, характерные для них. Наиболее удачной выглядит характеристика Бёрка как либерального консерватора, впитавшего традиции английской «конституции» и официальной веротерпимости, результаты революции XVII века, которые упорядочила эпоха Просвещения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бёрк Э.* Правление, политика и общество. Сборник / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. М., 2003. 480 с.
- Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Пер. с англ. С. Векслер, предисл. К. О'Брайена. Лондон. 1992.
- Берман Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. М., 1999. 431 с.
- Монтескье Ш.-Л.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. 794 с.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты / Пер. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова. М., 1969. 703 с.
- Семенов С. Б.* Английские радикалы и война за независимость США // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): Сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 2003. Ч. 1. С. 95-103.

- Скиннер К. Свобода до либерализма / Пер. с англ. А. В. Магуна, науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2006. 120 с.
- Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. 304 с.
- Яковлев Н. Н. Британия и Европа. М., 2000. 294 с.
- Capvan F. The political reason of E. Burke. London, 1960. 222 p.
- Chapman G. W. Edmund Burke. The practical imagination. Cambridge, 1967. 350 p.
- Christie Ian. R. Wars and Revolutions: Britain, 1760–1815. London, 1982. 359 p.
- Churchill W. S. A history of the English-speaking peoples. In 4 vols. London, 1957. Vol. 3. 332 p.
- Cobban A. Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century. London, 1960. 279 p.
- Dreyer F. Burke's politics: A study in Whig orthodoxy. Waterloo, 1979. 93 p.
- Freeman M. Edmund Burke and the critique of political radicalism. Oxford, 1980. 250 p.
- Kramnick I. The rage of E. Burke. Portrait of an ambivalent conservative. N.-Y. 1977. 180 p.
- Morley J. History of the life and times of E. Burke. London, Vol. 1(1858). 527 p., Vol. 3 (1860). 764 p.
- Morley J. Burke. London-N.Y., 1888. 315 p.
- Parkin C. The moral basis of Burke's political thought. Cambridge, 1956. 143 p.
- Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays on political thought and history. London, 1972. 291 p.
- Stanlis P. Edmund Burke and the Natural law. Michigan, 1958. 311 p.
- The Writings and Speeches of the Right Honourable Edmund Burke. In 12 vols. Boston, 1901. Vols. 1-2.
- The Works of the Right Honourable Edmund Burke. In 8 vols. London, 1808. Vol. 3. The correspondence of Edmund Burke. In 9 vols. Cambridge, 1958–1970. Vol. 1 (1958), Vol. 2 (1960), Vol. 3 (1961), Vol. 4 (1963), Vol. 6 (1967), Vol. 8 (1969).

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; belov_mihail@mail.ru.

Витальева Анна Игоревна, аспирантка Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; Anna-vitalyeva@yandex.ru.

А. Ю. МИНАКОВ

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения в первой четверти XIX века как реакции на радикальную модернизацию, предпринятую самодержавием в XVIII – начале XIX в. Автор анализирует основные аспекты деятельности ранних русских консерваторов: их центры, идейные течения, влияние на внутреннюю политику самодержавия.

Ключевые слова: русский консерватизм, вестернизация, галломания, национализм.

За последние полтора десятилетия консерватизм стал вызывать повышенный общественный и академический интерес, подогреваемый политической конъюнктурой (так, на съезде в ноябре 2009 г. правящая партия «Единая Россия» провозгласила своей идеологией именно «консерватизм»). Вышли сотни статей и десятки книг, посвященных истории русского консерватизма. Однако его начальный этап, относящийся к первой четверти XIX века, слабо исследован в современной историографии. В предлагаемой статье автор постарался отразить некоторые наиболее существенные аспекты раннего русского консерватизма.

Первоначально консерватизм возник в Западной Европе в конце XVIII в. в виде реакции на философию рационализма и индивидуализма Нового времени, теорию прогресса, эксцессы Великой Французской революции, как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого. Для него были характерны признание приоритета монархического принципа правления, естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии. Одной из важнейших ценностей для консерватизма являлся культ трансцендентного начала, религии, которая, согласно воззрениям консерваторов, придавала смысл истории и жизни отдельной человеческой личности. Консерватизму также были присущи культ мощного государства, церкви, армии, семьи, то есть тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Консерваторы, как правило, выступали поборниками нравственных принципов, патриотизма и защитниками традиционной культуры.

Консерватизм при этом противостоял идеологиям, в основе которых лежали ценности прямо противоположного порядка: атеизм, мате-

риалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, рационализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, равенство, приверженность теоретическим моделям, культ личных прав и свобод, радикальных реформ и революций¹.

Русский консерватизм в первой четверти XIX в. был явлением, во многом родственным западноевропейскому консерватизму, поскольку ранние русские консерваторы разделяли основные ценности, характерные для их западноевропейских единомышленников, Ж. де Местра, Л. де Бональда, А. Мюллера и Ф. фон Баадера, ставивших своей целью защиту ценностей идеализированного средневекового общества². В то же время идейное влияние западноевропейских консерваторов на их русских единомышленников было сравнительно невелико, возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским, под воздействием сходных факторов.

Специфика русского консерватизма была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX в. стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности, проект конституционных преобразований, связанный с именем М. М. Сперанского; галломания русского дворянства; наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир (1807 г.), Отечественная война 1812 года, а также попытка создания так называемого общехристианского государства в духе деклараций Священного Союза, фактически лишившая православную церковь статуса государственной (с 1817 по 1824 гг.). Эти явления и со-

¹ Консерватизм в России и мире... С. 3-5; Гусев. 2001. Основные исследования и материалы, посвященные консерватизму, вышедшие примерно за полтора десятилетия, составляют внушительный список: Российские консерваторы...; Исторические метаморфозы консерватизма...; Репников. 1999; Гросул, Итенберг, Твардовская, Шаццлло, Эймонтова. 2000; Зорин. 2001; Кирьянов. 2001; Беленький. 2001. № 4; 2002. № 1, 2, 3, 4; 2003. № 2, 3; 2004. № 1; Вишленкова. 2002; Христофоров. 2002; Российский консерватизм в литературе и общественной мысли... 2003; Консерватизм в России и мире: в 3 ч...; Российская империя...; Чернавский. 2004; Философия и социально-политические ценности консерватизма...; Кондаков. 2005; Попов. 2005; Философия и социально-политические ценности консерватизма...; Консерватизм в России и Западной Европе...; Сборник материалов научных конференций...; Против течения...; Омелянчук. 2006; Репников. 2007; Введение в проблематику российского консерватизма...; Консерватизм...; Russian Studies in History... (В данном выпуске опубликованы переводы статей А. Ю. Минакова, А. В. Репникова, И. А. Христофорова, И. В. Омелянчука, посвященные историографии русского консерватизма).

² Галкин, Рахимир. 1987; Фадеева. 1991; Она же. 1992; Федорова. 1996.

бытия последовательно интерпретировались русскими консерваторами как угроза, ведущая к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т.д. Процессы модернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить традиционные ценности³.

Несмотря на радикальную галлофобию, присущую многим русским консерваторам начала XIX в., одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в масонских ложах (членами масонских лож некоторое время были Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Л. Магницкий, видным масоном был Д. П. Рунич), и западноевропейских университетах (образование в них в той или мере получили Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, А. С. Стурдза), впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, хорошо знакомой с работами ведущих идеологов того времени: Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера. Следует отметить также непосредственное влияние на складывание русского консерватизма со стороны французских роялистов-католиков. Без наличия этого тонкого слоя европейски образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же проходило бы в других формах.

Наибольшую роль в первые десятилетия XIX в. в складывающемся консервативном течении играли такие фигуры, как Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Н. Карамзин, С. Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза, Д. П. Рунич, митрополиты Иннокентий (Смирнов) и Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский). Основными идейными и политическими центрами раннего русского консерватизма были «Беседа любителей русского слова», созданная Шишковым и Державиным, журналы «Вестник Европы» (ред. Н. М. Карамзин) и «Русский вестник» С. Н. Глинки, тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. К ним примыкали Российская Академия (в целом являвшаяся опорой шишковистов), двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны, фактически выполнявший функции своего рода «консервативного министерства культуры», объединение московских

³ Минаков. 2005а. С. 7-8.

масонов-розенкрейцеров (среди них выделялись фигуры И. А. Поздеева и П. И. Голенищева-Кутузова). Значительный резонанс имела светская проповедь в столичных салонах Ж. де Местра. Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и кружков. Тем не менее, консервативное направление в целом оформилось и смогло существенно повлиять на политику самодержавной власти, начиная с 20-х гг. XIX в. Будучи хорошо, а, порой, и блестяще знакомы с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, ранние русские консерваторы создали развитую, изощренную в понятийном отношении систему взглядов.

Первыми в конце XVIII в. возникли течения светского консерватизма⁴, поначалу сравнительно мало связанные с православной церковью, ставящие своей целью борьбу с галломанией и отстаивание устоев традиционного общества, таких как самодержавие, крепостное право, сословные привилегии и т.д. Воззрения консерваторов охватывали широкий спектр общественно значимых вопросов: национальное образование, характер подлинно самодержавной власти, отношения церкви и государства, вопросы цензуры, «русское право», самобытная национальная культура (опирающаяся, прежде всего, на определенные языковые традиции), сословный вопрос, университетская политика, вопросы внешней политики и т.д. Консерваторы старались исключить из преподавания в русских университетах рационалистическую философию и естественное право, как дисциплин, подрывающих основы самодержавной власти и православной веры, превратили идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно предложив свое решение проблемы воспитания в национальном духе.

На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами»⁵. Карамзинисты ориентировались на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и поведенческие стереотипы, шишковисты же выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на традицию, восходящую к церковно-славянскому и древнерусскому литературному языку, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. При этом позиция Шишкова⁶ и шишковистов была не столь архаичной и «проигрышной», как её обычно пред-

⁴ О типологии русского консерватизма см.: Минаков. 2003. С. 26-31.

⁵ Альтикуллер. 2007.

⁶ О А. С. Шишкове см.: Альтикуллер. 2007; Он же. 2005; Мартин. 1998; Минаков. 2002б; Файнштейн. 2002; Martin. 1997.

ставляют. В своё время Ю. Н. Тынянов заметил, что Н. М. Карамзин, занимаясь созданием «Истории Государства Российского», в известной мере выполнял языковую программу Шишкова⁷. Стиль шишковских манифестов в модифицированном виде сохранялся вплоть до 1917 г., став одним из основных средств идейно-политического воздействия монархической власти на народ.

В ходе дискуссии между «шишковистами» и «карамзинистами» консерваторы «оттачивали» аргументацию против галломании, шире – западничества. Галломания значительной части русского дворянства явилась провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Франция, ее язык и культура, воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившее кровавую революцию и якобинский террор. Националистическая риторика вызвала к жизни совершенно карикатурные и вызывающие отвращение и смех образы французов, знакомые нам по лубкам 1812 года. Франция и французы представляли в сознании русских консерваторов как полная антитеза России и русским. А. С. Шишков изображал Францию как некое «зачумленное» место, страну, которую необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав от внешнего мира⁸. Одной из причин, по которой ряд консерваторов (великая княгиня Екатерина Павловна, Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин) приняли самое активное участие в устранении либерального реформатора М. М. Сперанского, было то, что он воспринимался ими как центральная фигура ненавистной русским патриотам «французской партии».

Дискуссия о «старом и новом слоге» привела к достаточно успешной попытке конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка. А. С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии⁹. Следует подчеркнуть, что этот вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М. М. Сперанского). Чрезвычайно показателен был и первоначальный

⁷ Дневник В. К. Кюхельбекера... С. 4.

⁸ Зорин. 2001. С. 250-251.

⁹ См.: Минаков. 2002а; Он же. 2002б. С. 18-19; Альтшуллер. 2007.

общественный статус А. С. Шишкова и его единомышленников – Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки. В первые годы XIX в. два первых консерватора пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, третий же, вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 г.) не играл существенной политической и общественной роли. Ситуация изменилась в 1807 г., когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806–1807 гг. русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчетливые консервативные «акценты».

Перед Отечественной войной общественный статус бывших оппозиционеров радикально изменился: по инициативе великой княгини Екатерины Павловны, обаятельной, умной и крайне честлюбивой сестры императора Александра I, являвшейся бесспорным лидером консервативной группировки при дворе, они заняли ряд важных государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I. В кадровой политике, по сути дела, произошел «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с «русской партией»: вторым по статусу человеком в империи стал А. С. Шишков, получивший после опалы М. М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным ритором-идеологом и пропагандистом Отечественной войны, поскольку именно он был автором большинства указов и манифестов к армии и народу. Генерал-губернатором Москвы, с исключительными, фактически диктаторскими, полномочиями, был назначен Ф. В. Ростопчин. Его афиши, наряду с манифестами Шишкова, стали первым опытом массового внедрения консервативно-националистической мифологии в сознание всех сословий второй столицы и ее окрестностей. Военно-политическая роль Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно он был главным «организатором» пожара Москвы, имевшего стратегическое значение, поскольку сожжение древней столицы объективно предопределило разгром Великой армии Наполеона. Эффективным и популярным пропагандистом выступил С. Н. Глинка, получивший 300 тыс. руб. (гигантскую по тем временам сумму) на издание «Русского вестника»¹⁰. В годы войны на первый план выдвинулась еще одна ключевая фигура «русской партии» – А. А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный и политический организатор¹¹. Он «исполнял долж-

¹⁰ О С. Н. Глинке см.: *Киселева*. 1981. В. 513; *Мартин*. 2004; *Володина*. 2005.

¹¹ См. новейшие работы об А. А. Аракчееве: *Федоров*. 1997; *Ячменихин*. 1997. С. 17-62; *Он же*. 2004. С. 117-128; *Он же*. 2005; *Томсинов*. 2003.

ность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны»¹² и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой невозможны были бы успешные военные действия против Наполеона¹³.

События 1812 года сыграли огромную роль в становлении русского консерватизма. В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 года, и что сам декабризм явился порождением Отечественной войны. С не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме¹⁴. Консерваторам предоставилась беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей – и это было сделано в манифестах А. С. Шишкова, статьях С. Н. Глинки в «Русском вестнике» (он, в сущности, занимался пропагандой основных идей Шишкова и Ростопчина, которые были его покровителями и авторами «Русского вестника»), «афишах» Ростопчина.

Одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального» течения оно превращается в стержневое, вытеснив представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и Александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, можно объяснить только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галлофобия) дала мощь и силу русского консерватизму. Напомним, что в этом же году одновременно были скомпрометированы и потеряли политическое влияние знаковые для либерализма первого десятилетия XIX в. фигуры М. М. Сперанского и М. Л. Магницкого.

В разгроме конституционного проекта Сперанского (1809) консерваторы сыграли решающую роль. В 1810–1820-х гг. в лоне консерватизма вырелась концепция самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Консерваторы выступили категорическими противниками ограничения самодержавия. Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность

¹² Николай Михайлович (вел кн.). 1912. С. 285.

¹³ Такова же была его роль и в кампании 1813–1814 гг. Федоров. 1997. С. 106.

¹⁴ Минаков. 2005б.

русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, на использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху. Карамзин, проделав длительную идейную эволюцию, практически полностью отошел от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX в. – трактат «О древней и новой России», содержащий вполне зрелую концепцию самодержавия, которая была воспринята в основных чертах последующими поколениями русских консерваторов, начиная с С. С. Уварова. В отличие от Шишкова и Магницкого, Карамзин был чужд масонфобии (несмотря на политические доносы на него, инициированные московскими розенкрейцерами), и отнюдь не был активным борцом с мистицизмом, идущим с Запада. Вероятно, здесь сказался его былой опыт либерализма, масонства, увлечения культурой Запада¹⁵.

Русскими консерваторами возвеличивались православная вера и церковь, противопоставляемые всем неправославным христианским конфессиям. При этом православие выступало прежде всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как все-ленская религия. Православие в воззрениях консерваторов приобрело характер идеологии, противопоставляемой модным в то время масонству, мистицизму и экуменическим утопиям. Проблемы веры приобрели во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер, что неизбежно вело к столкновению православных консерваторов с высокопоставленными мистиками и масонами, вроде министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына¹⁶.

Система православных ценностей оказала блокирующее действие на рецепцию иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии. Масонство оказалось под запретом вплоть до начала XX в. Определяющую роль в принятии этих решений сыграли представители церковного консерватизма.

Наиболее яркими и известными представителями собственно церковного консерватизма в тот период являлись митрополиты Иннокентий (Смирнов), Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спасский)¹⁷.

¹⁵ О Карамзине-консерваторе см.: Пивоваров. 1997; Лотман. 1997; Ермишов, Шириняни. 1999; Сахаров. 2001; Китаев. 2005.

¹⁶ Об А. Н. Голицыне см.: Эткин. 1996; Фаджионатто. 2005.

¹⁷ Кондаков. 1998; Он же. 2000; Глазева. 2005.

Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями были и миряне (активными деятелями православной оппозиции были А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, писатели-«архаисты» Е. И. Станевич и С. И. Смирнов). Церковный консерватизм не был тождествен учению православной церкви, ее догматам и канонам. Это была реакция на фактический отказ самодержавной власти от православного характера Российской империи, произошедший в 1818 г. и продолжавшийся до 1824 г. Лояльность этого течения существующей монархической власти не исключала ее критики, когда, с точки зрения представителей этого направления, «попирались интересы церкви», нарушалась «чистота веры», разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений. В церковном консерватизме практически отсутствовал интерес к экономической и национальной проблематике. Попытки представителей этого направления влиять на жизнь светского общества в основном сводились к мерам запретительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма, причем последние часто приобретали в сознании церковных консерваторов «апокалипсическую» и прямо мифологическую окраску. Программа церковных консерваторов имела узко-конфессиональный характер. Церковные консерваторы выступали за отставку министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, расформирование «сугубого» министерства, запрет деятельности Библейского общества и масонских лож, введение жесткой цензуры в отношении книг, написанных с неправославных позиций, считали недопустимым перевод Библии на русский литературный язык, поскольку это подрывало сакральный характер Священного Писания и т.д.¹⁸

В русском консерватизме первой четверти XIX в. имелись и течения, связанные с масонством. Часть московских розенкрейцеров, последователи Н. И. Новикова, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм, придерживались некоторых принципов, родственных консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности. И. А. Поздеева и П. И. Голенищева-Кутузова называли не иначе как «обскурантами». Исходя из положений масонской доктрины, она признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а с их

¹⁸ См.: Кондаков. 1998.

точки зрения, лояльный подданный, если он признает государство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах они отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». Будучи антилибералами, противниками М. М. Сперанского, розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль за общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм¹⁹.

Нуждается в серьезном переосмыслении консервативное мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, связанное с именами Александра I (на определенном этапе), А. Н. Голицына, и которое обычно ассоциируется с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства»²⁰. Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь в принципе русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент²¹. Именно «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход, уже в следующее царствование, к иной идеологии.

Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу либеральную окраску (для нее было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия), это направление под влиянием событий 1819–21 гг., когда по Западной Европе прокатилась революционная волна, «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианская, консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к ужесточению цензуры, жестким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии, одобрению запрета масонских лож и т.д. Но и либеральный и консервативный варианты данного направления объективно имели

¹⁹ Минаков. 2010. С. 71-75.

²⁰ Вишленкова. 1997. С. 21-23.

²¹ Марголис, Жуковская. 1995. С. 27-40.

антицерковную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны православной оппозиции.

Существенной составляющей раннего русского консерватизма был национализм²². А. С. Шишков стал одним из первых конструировать консервативно-националистическую традицию. Национализм определенно доминировал в воззрениях Ф. В. Ростопчина. Мало рассуждая о православной вере и церкви, самодержавии, он явился одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики. В его произведениях слова «русский» и «русское» являлись ключевыми и наиболее часто повторяющимися. В консервативной мысли мифологема «русскости» зачастую жестко противопоставлялась всему не только французскому, но и западному. Название журнала С. Н. Глинки «Русский вестник» было полемически заострено против названия «Вестник Европы» Н. М. Карамзина, который до публикации «Истории государства Российского» инерционно воспринимался многими русскими консерваторами как космополит, западник, масон, галломан, бонапартист).

Даже в масонстве, которое традиционно связывают исключительно с космополитизмом, имелись носители националистических умонастроений. К таковым принадлежал Д. П. Рунич²³, осуждавший Петра I за отказ от народных традиций и привычек, «разрушение» русской национальности. Тем не менее, с точки зрения Рунича, «изуродованная» Россия, сохранившая свою самобытность, должна была преобразовать Европу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от всех других народов²⁴.

Национализм ранних русских консерваторов по своим исходным интенциям был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее. Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определенным этническим ценностям, конструировал собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого. Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно Н. М. Карамзин и С. Н. Глинка были создателями

²² Минаков. 2009. С. 12-17.

²³ О Д. П. Руниче см.: Азизова. 2004. С. 143-170; Кондаков. 2005; Петров. 1999.

²⁴ Рунич. 1909.

обобщающих трудов по русской истории. Примеры из идеализированной версии русского прошлого первоначально призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Благочестивые русские цари, патриархи и святые герои-избавители от Смуты XVII века и Суворов – постоянные фигуры в создаваемом консерваторами пантеоне. Исторический опыт для консерваторов – это опыт «выживания» в периоды жестоких кризисов и апелляция к славным воинским победам. По сути дела консерваторами начал создаваться своего рода культ светских святых, призванный преобразить русское общество в консервативно-националистическом духе. Мифологизированная таким образом русская история с тех пор стала неотъемлемым компонентом практически любой русской консервативной доктрины.

Националистическая составляющая сделала русский консерватизм малопривлекательным для полиэтничного правящего слоя и несовместимым с имперским универсализмом, который насаждался абсолютистской властью. В этом одно из объяснений, почему карьеры Шишкова и Ростопчина резко оборвались по окончании Отечественной войны 1812 г., когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. Русский консерватизм с националистической окраской использовался в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только непосредственная опасность для нее миновала. Кроме того, национализм не мог не противоречить принципу сословности. Выходом из этого положения стала интерпретация консерваторами крепостного права как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье.

В консервативной идеологии сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия могли расцениваться как носители национальных нравственно-религиозных ценностей, в отличие от подвергнувшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства. В рамках консервативно-националистического дискурса был задолго до славянофилов достаточно остро поставлен вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I. Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу – через «Русский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», но и к простонародью – посредством манифестов А. С. Шишкова и афиш Ф. В. Ростопчина.

Некоторые из консерваторов принципиально выступали против отмены крепостного права (А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин), мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся

в течение длительного времени опоры самодержавной государственности и часть уклада народной жизни. Оно является по сути дела формой патриархальной семьи, где помещики играют роль добрых и попечительных родителей, а крестьяне, соответственно, послушных и благодарных детей. Помещики не заинтересованы в разорении крестьян, напротив, условие процветания помещика – благополучие его крестьян.

Более сложные представления по крестьянскому вопросу имелись у консерваторов (Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза²⁵), которые прошли известную школу либерального мышления. Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в конкретной ситуации Александровского царствования они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьянства, так и дворянства, и, в конечном счете, к социальной революции. С их точки зрения, масштабная программа просвещения крестьянства являлась необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Впрочем, именно эта часть их программы, реализация которой могла бы способствовать смягчению социальных противоречий и уменьшению «издержек» Великой реформы, так и не была осуществлена правительством вплоть до начала масштабных преобразований. В целом же, можно констатировать, что воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос нередко были более умеренными и примитивными, чем у правительственных кругов, взявших курс на подготовку отмены крепостного права путем частных мер (имеется в виду реформа государственной деревни, указ об «обязанных» крестьянах и т.д.). Вообще, в чем и преуспели русские консерваторы, так это не в позитивных программах, а в объяснениях, почему крестьян в настоящий момент нельзя освобождать, а также в своих оценках негативных последствий освобождения, если оно все же произойдет²⁶. Здесь стоит отметить уникальность нереализованного проекта отмены крепостного права, разработанного Аракчеевым по распоряжению Александра I в 1818 г. Его появление было обусловлено лишь феноменальной исполнительностью Аракчеева, которого невозможно было заподозрить в симпатиях к либерализму на всем протяжении его карьеры.

Консервативно-националистические настроения и взгляды начала XIX в. объективно оказались необходимым политическим инструмен-

²⁵ Об А. С. Стурдзе см.: *Мартин*. 2005. *Парсамов*. 2004.

²⁶ О взглядах русских консерваторов первой четверти XIX в. на решение крестьянского вопроса см.: *Минаков*. 2009.

том для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского высшего общества.

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на существенные противоречия между отдельными их группировками, они смогли выработать идеологическую систему, оказавшую существенное воздействие на последующие поколения русских консерваторов. Эта система содержала все основные элементы более зрелых консервативных доктрин, отличаясь от них, пожалуй, более последовательным и органичным антилиберализмом и антидемократизмом (в воззрениях ранних русских консерваторов, к примеру, не содержится даже намек на привнесенные славянофилами в позднейший русский консерватизм идеи народной монархии с всесловным законосовещательным Земским собором, учения о «бюрократическом средостении», отделяющем царя от верноподданного народа, пристального интереса к крестьянской общине, как носительнице патриархальных ценностей и т.п.).

История становления русского консерватизма свидетельствует о прямой зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекстов. Содержание консервативной идеологии на практике оказалось довольно плюралистичным и конфликтным. Консерватизм ни в России, ни в мире никогда не представлял собой универсальную, строго очерченную систему взглядов. Однако в русском консерватизме всё же достаточно четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь, речь идет о влиянии православной религии на все стороны жизни общества – от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального напряжения и сплоченности от государства и народа. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие западноевропейской культурно-религиозной традиции (течения русского консерватизма, не имевшие антизападнического характера, никогда не были господствующими в самой консервативной среде).

Соответственно, на всех этапах развития русского консерватизма главным его течением изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм и, на определенных этапах, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского доре-

волюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные элементы указанной триады (или отталкивалась от них)²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азизова Е. Н.* Государственная и общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича // Консерватизм в России и мире. Воронеж. 2004. Ч. 1. С. 143-170.
- Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 19-92.
- Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 448 с.
- Беленький И. Л.* Консерватизм в России XVIII – начала XX в.: (библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир. 2001. № 4. С. 245-262; 2002. № 1. С. 253-272; № 2. С. 237-242; № 3. С. 217-239.
- Введение в проблематику российского консерватизма: учеб. пособие / [Отв. ред.: Ю. Н. Солонин, Н. В. Полякова]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 414 с.
- Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 439 с.
- Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 189 с.
- Володина Т. А.* Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 142-170.
- Галкин А. А., Рахимир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. М.: Наука, 1987. 192 с.
- Глазева А. С.* Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и его роль в религиозной политике Александра I и Николая I // Консерватизм в России и Западной Европе / [Под ред. А. Ю. Минакова]. Воронеж, 2005. С. 52-67.
- Гусев В. А.* Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 235 с.
- Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисл. Ю. Н. Тынянова; ред., введ. и примеч. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. [Л.]: Прибой, 1929. 372 с.
- Ермашов Д. В., Шириняц А. А.* У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 239 с.

²⁷ Ср: *Карцов*. 2002. С. 55: «В целом вариации консервативного общественного идеала сводились по преимуществу к неординаковому иерархическому выстраиванию отдельных элементов базовой идеологии «Православие – Самодержавие – Народность», к несхожему между собой соподчинению культурного, государственного и национального элементов».

- Зорин А.* Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: НЛЮ, 2001. 414 с.
- Исторические метаморфозы консерватизма / [Отв. ред. П. Ю. Рахшмир]. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. 247 с.
- Корцов А. С.* Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С. 41-56.
- Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 461 с.
- Киселева Л. Н.* Система взглядов С. Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 52-72.
- Китаев В. А.* Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Под ред. А. Ю. Минакова]. Воронеж, 2005. С. 171-195.
- Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2000. 312 с.
- Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 224 с.
- Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 334 с.
- Консерватизм в России и Западной Европе: сб. науч. работ / [Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. Воронеж: Истоки, 2005. 212 с.
- Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.] / [Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч. 1. 264 с.; Ч. 2. 258 с.; Ч. 3. 222 с.
- Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. / [Редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. Вып. 1. 261 с.
- Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время: сб. материалов науч. конф. / [Редкол.: Л. М. Искра и др.]. Воронеж: Истоки, 2005. 278 с.
- Консерватизм: социально-экономические учения: [сб. ст.] / [Под ред. А. Н. Бабаджяна]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 401 с.
- Лотман Ю. М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 832 с.
- Марголис Ю. Д., Жуковская Т. Н.* Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995. С. 27-40.
- Мартин А.* Александр Скарлатович Стурдза // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 308-343.
- Мартин А.* «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 54-66.
- Мартин А.* «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808–1812 гг.) // Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.]. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 85-116.
- Минаков А. Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитар. науки. Калининград, 2009а. Вып. 12. С. 12-17.

- Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26-31.
- Минаков А. Ю. Массонство и русский консерватизм // Российская империя в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. V Междунар науч. конф. Белгород; Чернигов, 2010. С. 71-75.
- Минаков А. Ю. Предисловие // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005а. С. 7-18.
- Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слогe российского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002а. Вып. 1. С. 239-253.
- Минаков А. Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005б. С. 7-17.
- Минаков А. Ю. Франкобесие // Родина. 2002б. № 8. С. 18-19.
- Минаков А. Ю. Экономические воззрения русских консерваторов первой половины XIX в. // Консерватизм: социально-экономические учения: сб. ст. СПб., 2009б. С. 77-97.
- Николай Михайлович (вел. князь). Император Александр I: опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. Т. 1. 580 с.
- Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Киев: МАУП, 2006. 738 с.
- Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 180 с.
- Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования. М.: Гос. изд. музей, 1999. Кн. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в., ч. 1. 281 с.; Кн. 2, ч. 2. 388 с.; Кн. 3. 518 с.
- Пивоваров Ю. С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М.: ИНИОН РАН, 1997. 316 с.
- Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 196 с.
- Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. 417 с.
- Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М.: СигналЪ, 1999. 160 с.
- Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
- Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / [Под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова]. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 472 с.
- Российские консерваторы / А. Н. Боханов [и др.]. М.: Рус. мир, 1997. 382 с.
- Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века / [Отв. ред. К. А. Кокшeneва (Смолина)]. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 221 с.
- Рунич Д. П. Россия от 1633 до 1854 года. Взгляд на древний и новый ее быт: из бумаг Д. П. Рунича: с предисл. А. Титова. Ярославль: Тип. В. В. Шпеер, 1909. 29 с.

- Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула; [В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шаццлло, Р. Г. Эймонтова]. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
- Сахаров А. Н. Карамзин Николай Михайлович // Историки России: биографии. М., 2001. С. 82-91.
- Томсинов В. А. Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. 429 с.
- Фадеева Т. М. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // Социс: Социол. исслед. 1991. № 12. С. 26-38.
- Фадеева Т. М. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 57-76.
- Фаджжонатто Р. Александр Николаевич Голицын // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 218-266.
- Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти ...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 191 с.
- Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 256 с.
- Федорова М. М. Традиционализм как антимодернизм // Полис: Полит. исслед. 1996. № 2. С. 143-160.
- Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России: (от истоков к современности): сб. ст. / [Отв. ред.: Ю. Н. Солонин, Н. В. Полякова]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004–2005. Вып. 1. 2004. 321 с.; Вып. 2. 2005. 438 с.
- Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: конец 1850 – середина 1870-х гг. М.: Рус. слово, 2002. 429 с.
- Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М.: Рос. заоч. ин-т текстил. и лег. пром-сти, 2004. 188 с.
- Эткинд А. «Умиравший Сфинкс»: круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // *Studia Slavica Finlandesica*. Helsinki, 1996. Т. 13. С. 17-46.
- Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17-62.
- Ячменихин К. М. «Аракчеевщина»: историографические мифы // Консерватизм в России и мире: [в 3 ч.]. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 117-128.
- Ячменихин К. М., Соломенная Т. В. Алексей Андреевич Аракчеев // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [Отв. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2005. С. 196-217.
- Martin A. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.
- Russian Studies in History: [Revisiting Russian Conservatism] / Guest Editor: V. L. Stepanov. N.-Y., 2009. Vol. 48, No. 02. 96 p.

Минаков Аркадий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки ВГУ; arkady@ytmail.ru.

О. Э. ТЕРЕХОВ

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

В статье на примере концепций «прусского социализма», цезаризма и критики демократии Освальда Шпенглера рассматривается интерпретация и оценка западногерманскими историками роли его социально-политических идей в развитии идеологии «консервативной революции».

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, «консервативная революция», историография ФРГ.

Особенностью современной западной и отечественной историографии стало возрастание интереса к такому европейскому идейному феномену прошедшего столетия, как «консервативная революция», особенно ее немецкому варианту периода Веймарской республики. Впрочем, феномен «консервативной революции» всегда присутствовал в духовной и политической жизни послевоенной Европы. Вклад её видных представителей в различные сферы западной культуры XX столетия настолько весом, что, занимаясь проблемами истории идей, истории философии, политологии, социологии невозможно игнорировать их труды. В политическом отношении идеологемы «консервативной революции» оказывают влияние на правоконсервативные силы в ФРГ, «новых правых» во Франции, итальянских нефашистов. С момента выхода в 1950 г. первого издания классического труда Армина Молера «Консервативная революция в Германии 1918–1932 гг.»¹ проблематика «консервативной революции» прочно вошла в число наиболее дискуссионных проблем европейской гуманитарной мысли².

Феномен «консервативной революции» возник в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918/1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили устоявшийся жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха

¹ Mohler. 1950.

² Назовем лишь ряд значительных западногерманских публикаций: Sontheimer. 1992 (1 изд. 1961 г.); Klemperer. 1962 (1 изд. – на англ. яз. в 1957 г.); Gerstenberger. 1969; Breuer. 1993; Siefert. 1995; Pfahl-Traugber. 1998; Bussche. 1998.

идеологии германского консерватизма кайзеровской эпохи начинается раскол среди германских консерваторов. Представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политике, что привело к возникновению идеологии «консервативной революции», идейные предпосылки которой формировались еще до войны.

«Консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Четко очертить ее идейные и политические границы едва ли возможно, так как она не обладала программным и политическим единством. Ее деятели стремились обновить германский консерватизм и придать ему современный и динамичный характер. К числу характерных черт «консервативной революции» обычно относят: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против веймарской демократии и республики. Эти черты делали «консервативную революцию» родственной национал-социализму – другому течению радикального германского консерватизма периода Веймарской республики. «Консервативные революционеры» отвергали парламентский путь достижения своих целей и считали, что они могут быть достигнуты только революционным способом. Им грезилась новая истинно «немецкая революция», которая возродит Германию. «Консервативная революция» представляла собой причудливую смесь из национальных мифов, острой критики буржуазно-либерального общества, витализма и иррационализма, культурпессимизма и политического романтизма и в то же время обладала ясным пониманием невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур. Образно говоря, «консервативная революция осталась в истории последним ярким явлением немецкого романтизма»³. К числу видных протагонистов «консервативной революции» относят: Артура Мёллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера, Карла Шмитта, Эдгара Юлиуса Юнга, Ганса Церера и ряд других деятелей периода Веймарской республики.

Фигура Освальда Шпенглера (1880–1936) является одной из ключевых для понимания метафизической и идейной сущности немецкого «революционного консерватизма». В научном и публицистическом наследии Шпенглера отразились все перипетии и этапы интеллектуальной

³ Сендеров. 2007. С. 133.

эволюции германского консерватизма первой трети XX в. Шпенглер чутко улавливал малейшие колебания консервативной мысли Германии и талантливо их интерпретировал. В его трудах зримо отразились тиктанические сдвиги в идеологии немецкого консерватизма на переломе эпох германской истории, пережившей за короткое время кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх.

Переход Шпенглера после 1918 г. на позиции «революционного консерватизма», что в итоге позволило ему стать одним из его ведущих идеологов, не был случаен. Уже в первом томе «Заката Европы» (1918), написанном в годы первой мировой войны, он, с позиции немецкого консерватора, выстраивает грандиозную философско-историческую концепцию развития человечества, в основе которой находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы цивилизации и культуры. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, утверждал, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала формой распада сословного порядка, сторонником которого являлся Шпенглер⁴.

Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный немецкий консерватизм кайзеровской эпохи. Он прекрасно понимал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены, и связь поколений нарушена. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, индивидов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции.

Будучи убежденным сторонником идеи несовместимости немецкой культуры с западной цивилизацией, Шпенглер отверг итоги Ноябрьской революции в Германии. Учреждение буржуазно-демократической Веймарской республики казалось ему предательством исторических, культурных и национальных традиций германской государственности. Первая мировая война завершилась национальным крахом Германии, и

⁴ *Felken*. 1988. S. 114-116.

страной овладела, по знаменитому выражению Шпенглера из «Пруссачества и социализма», «внутренняя Англия». Ситуация была отягощена внешнеполитическим диктатом держав-победительниц. Создавшиеся условия побудили Шпенглера обратиться к политической публицистике.

В числе значительных политико-публицистических сочинений Шпенглера, написанных им в веймарский период и сыгравших значительную роль в формировании и развитии идеологии «консервативной революции»: «Пруссачество и социализм» (1919 г.)⁵, «Новое здание немецкой империи» (1924 г.)⁶, «Годы решений» (1933 г.)⁷. В его политическом эссе «Пруссачество и социализм» (1919 г.) были заявлены основные идеи и мотивы формирующегося «консервативно-революционного» движения, о чем Шпенглер впоследствии не без гордости писал⁸.

Помимо публицистики Шпенглера важное значение для становления политической философии «консервативной революции» имеет второй том «Заката Европы» (1922 г.), в котором Шпенглер от сравнительного описания культур перешел к стадии метафизического осмысления вопросов политического и социального бытия в своей философско-исторической концепции⁹.

Неоднозначная роль Шпенглера как идеолога «консервативной революции», тесная взаимосвязь и взаимозависимость его философско-исторических и политических взглядов обусловили пристальный интерес исследователей к идейному наследию одного из крупнейших немецких интеллектуалов XX века¹⁰. Особенно это было актуально для гуманитарной мысли ФРГ, в которой в рамках концепции «преодоления прошлого», исследовались различные идейно-политические практики, связанные с преодолением национал-социалистического прошлого.

Авторы сборника «Шпенглер сегодня», вышедшего в год столетнего юбилея мыслителя, не могли не затронуть его политические взгляды¹¹. Специалист по истории политической философии Герман Люббе отмечал значительное политико-экзистенциальное воздействие идей Шпенглера на немецкую публику, особенно на правоконсервативный лагерь. Это воздействие в конечном итоге было направлено против сис-

⁵ Последнее рус. переиздание: *Шпенглер*. 2002.

⁶ *Spengler*. 1924.

⁷ Рус. перевод: *Шпенглер*. 2006.

⁸ *Spengler*. 1933. S. VII.

⁹ Рус. перевод: *Шпенглер*. 1998.

¹⁰ Среди отечественных исследований творчества Шпенглера необходимо отметить: *Давыдов*. 1983; *Патрушев*. 1995; *Афанасьев*. 2009; *Артамошин*. 2009.

¹¹ *Spengler heute*. 1980.

темы парламентской демократии Веймарской республики¹². По мнению Люббе, актуальность идейно-политического наследия Шпенглера выражается, по мнению Люббе, длительным воздействием на немецкое общество последствий краха Веймарской республики. Шпенглер относится к числу тех авторов, которые в полной мере выразили кризис своего времени: «Существует немного авторов межвоенного периода, в произведениях которых так наглядно бы отразились идеологические перипетии этого периода»¹³. «Практическая направленность текстов Шпенглера – политизация сознания читающей публики, констатирует Люббе, называя Шпенглера «публицистическим гением необычного ранга»¹⁴.

Хорст Мёллер писал: «В своих сочинениях после первой мировой войны Шпенглер связал философско-историческую критику современности с предчувствием нового века»¹⁵. По его мнению, Шпенглер лучше, чем творцы Веймарской конституции, понимал разницу между конституционным правом и той действительностью, на которую примеряют это право¹⁶. Характеризуя влияние политических сочинений Шпенглера на общественное сознание Веймарской республики, он риторически вопрошает: какой же должен быть уровень политической культуры Германии, если призывы к диктатуре мыслителей такого ранга, как Шпенглер или Шмит, были услышаны и поддержаны в широких кругах¹⁷.

Западногерманские исследователи неоднократно отмечали консервативный характер философии истории Шпенглера и ее прямую связь с его философией политики. Мёллер писал по этому поводу: «Политические сочинения Шпенглера воспринимаются как выражение главных политических и духовных проблем послевоенного времени и, одновременно, как актуальные парафразы его необычно сенсационного и волнующего главного труда»¹⁸. Детлеф Фелькен подчеркивал, что вопрос о принципах философии Шпенглера, ее методологических и мировоззренческих основах является основным для анализа и оценки места его философии истории в русле философской традиции и духовной ситуации времени. Подобные анализ и оценка возможны только в контексте современной Шпенглеру идеологии¹⁹. Сам Шпенглер недвусмысленно

¹² *Lübbe*. 1980. S. VIII.

¹³ *Ibid.* S. VIII.

¹⁴ *Lübbe*. 1980. S. 4, 6.

¹⁵ *Möller*. 1980. S. 50.

¹⁶ *Ibid.* S. 64.

¹⁷ *Ibid.* S. 69.

¹⁸ *Ibid.* S. 51.

¹⁹ *Felken*. 1988. S. 49.

указывал на то, что замысел «Заката Европы» возник из очерка 1911 г. написанного им как отклик на текущие политические события²⁰.

В центре философии политики Шпенглера находилось его понимание государства, критика либерализма и демократии, теория цезаризма. Шпенглер в своем понимании либерализма и демократии исходил из собственной философско-исторической концепции о переходе культуры в цивилизацию. По мере наступления цивилизации общество делится на две группы. Одна – стремится сохранить веками наработанные исторические традиции. Другая – разрушить их. Так появляются две партии: либеральная и консервативная²¹. Либеральная партия представлена буржуазией²². В условиях цивилизации основой политики становится партийная деятельность, «существует только одна партия, партия буржуазии, либеральная»²³, а либерализм, по Шпенглеру, означает «государство само по себе и каждый сам по себе»²⁴.

Важнейшие элементы политической философии Шпенглера – критика демократии и теория цезаризма. Он считал, что демократия и парламентаризм – прямое порождение либерализма с его политическим доктринерством и культом денег. В конечном итоге «с помощью денег демократия уничтожает саму себя – после того как деньги уничтожили дух»²⁵. Шпенглер характеризует заключительную стадию существования государства в эпоху цивилизации как цезаризм. «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все государственно-правовые формулировки, вновь совершенно бесформен по своему внутреннему существу», – гласит его знаменитое определение цезаризма²⁶.

Касааясь оценки парламентаризма как выражения интересов политических партий и определенных групп населения, Шпенглер полагал, что парламентаризм – это краткий переход к цезаризму. Парламентаризм – феномен фаустовской культуры и, прежде всего английской политической культуры и истории. Шпенглер считал, что Германия в силу особенностей исторического развития не могла принять парламентскую форму правления. «Парламентаризм в Германии – или бессмыслица, или измена», – писал он в «Пруссачестве и социализме»²⁷.

²⁰ Шпенглер. 1993. С. 183.

²¹ Афанасьев. 2009. С. 333.

²² Шпенглер. 1998. С. 476.

²³ Там же. С. 477.

²⁴ Шпенглер. 2002. С. 56.

²⁵ Шпенглер О. 1998 С. 494.

²⁶ Там же. С. 459.

²⁷ Шпенглер. 2002. С. 87.

Карин Экерманн в своей основательной диссертации о Шпенглере и влиянии его взглядов на развитие гуманитарной и политической мысли XX в. писала, что «в концепции Шпенглера власть возникает как противоположность культуре, а политика становится высшим проявлением виталистского напора в самоутверждении властной экспансии»²⁸. Экерманн считала, что в учении Шпенглера особенности государственного строя определялись особенностями народа или культуры. В соответствии с этим Шпенглер понимал государство как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась воле общей²⁹.

Гарантом стабильного развития государства выступал его авторитет, который зависел не от наличия или отсутствия конституции, а от работы правительства. Постоянство и безопасность политического руководства, в свою очередь, гарантировались наличием вождя, обладавшего государственным инстинктом³⁰. Вождь непременно должен происходить из элиты. По Шпенглеру, из дворянства. Он был убежден в природном происхождении патриархальных и феодальных форм господства³¹.

Согласно Экерманн, Шпенглер, основываясь на концепции аристократического и иерархического понимания государства и власти, критиковал демократию и парламентаризм. Он описывал историю возникновения и развития принципов демократии как возрастающий протест третьего сословия³². «Так как для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя, демократические формы правления он понимал как проявление деградации»³³. Критика Шпенглером принципов парламентской демократии основана прежде всего на его прорицании политического упадка западного общества. Демократия это начало упадка и гибели. При переходе от культуры к цивилизации буржуазия становится солидарна с «массой» в требовании о введении всеобщего избирательного права³⁴. В интерпретации Экерманн, Шпенглер понимал демократию как политическую форму, которая возникает не из органических основ жизни и культуры, а появляется в результате абстрактных представлений о праве и справедливости, что изначально приводит к противоречию между духом закона и реальностью³⁵.

²⁸ *Eckermann*. 1980. S. 40.

²⁹ *Ibid.* S. 40.

³⁰ *Ibid.* S. 41.

³¹ *Ibid.* S. 42.

³² *Ibid.* S. 44.

³³ *Ibid.* S. 45.

³⁴ *Ibid.* S. 48.

³⁵ *Ibid.* S. 53.

Рассматривая отношение Шпенглера к Веймарской республике, Экерманн полагает, что оно соответствовало его консервативным представлениям о значении в истории сильного государства. В соответствии с этой позицией Шпенглер негативно оценивал парламентскую республику как форму крайнего выражения партийных и политических противоречий³⁶. Но Экерманн также отметила и амбивалентность отношения Шпенглера к политическим партиям, которые он признавал и не признавал одновременно. Во-первых, Шпенглер, по ее мнению, надеялся на появление сильной личности из партийной среды. Во-вторых, в общественно-политических условиях Веймарской республики он отрицал только те партии, которые стремились подчинить государство своим партийным интересам. Но он признавал партии, которые выступали с национальных и патриотических позиций³⁷.

Экерманн утверждает, что в развитии принципов массовой демократии Шпенглер усматривал опасность ее превращения в диктатуру цезаристского типа. Его критика демократии основывалась на вере в природное происхождение вождизма, убежденности в метафизической обусловленности «воли к власти», апелляции к идее сословного государства и мысли о том, что демократическая форма правления является провозвестником всеобщего политического распада³⁸.

В 1988 г. была опубликована книга Детлефа Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой»³⁹. С ее выходом в западной гуманитарной мысли начинается новая волна интереса к интеллектуальному наследию Шпенглера, позволившая в конечном итоге говорить о своеобразном шпенглеровском ренессансе. По словам ведущего итальянского шпенглероведа Массимо Феррари Цумбини – «это первая современная монография в истинном смысле этого слова»⁴⁰. Главным достоинством книги Фелькена Цумбини считал то, что автор впервые рассмотрел Шпенглера не как некоего провидца и пророка, а поставил вопрос о непосредственных источниках его философско-исторических и политических взглядов.

Фелькену удалось связать воедино все грани интеллектуального наследия Шпенглера и, самое главное, комплексно рассмотреть генезис научных и политических взглядов этого «Нестора» послевоенного по-

³⁶ Ibid. S. 86.

³⁷ Ibid. S. 86-87.

³⁸ Ibid. S. 74.

³⁹ Felken. 1980.

⁴⁰ Zumbini. 1999. S. 12-13.

коления. До Фелькена в полной мере сделать это не удавалось никому⁴¹. Само название монографии свидетельствовало о том, что автор сумел выявить основополагающий мотив идейных исканий немецкого мыслителя. Основываясь на обширном корпусе источников Фелькен показал взаимообусловленность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера и отметил значимость его трудов для формирования и развития идеологии «консервативной революции». Особенно интересна мысль Фелькена о том, что публицистика Шпенглера от «Пруссачества и социализма» до «Годов решений» является важнейшим источником идейной эволюции немецкого консерватизма в Веймарской республике в национал-социалистическое мировоззрение. Трансформация политических взглядов Шпенглера демонстрирует, как далеко «консервативные революционеры» удалились от своих изначальных идеалов⁴². Фелькен усматривает значение творческого и идейного наследия Шпенглера в том, что он, как никто другой, выразил дух своей эпохи. «В этом заключается его долговременное историческое значение, но также и границы его актуальности»⁴³. Рассматривая концепцию государства у Шпенглера, Фелькен подчеркивает, что тот понимал общественную структуру как комплексную систему, основанную на сословном порядке, ее разрушение казалось ему важным признаком начала декадентства в политике. Приверженность Шпенглера к идее органического происхождения государства и принципу историзма привела его к отрицанию демократии, проявившемуся уже в «Закате Европы»⁴⁴. «Морфологическое учение о формах завершилось в политической философии апофеозом государства»⁴⁵. Тем не менее, Фелькен не склонен считать Шпенглера сторонником сословного государства⁴⁶.

Фелькен, возвращаясь к теории цезаризма Шпенглера, отмечал, что цезаризм выступал у него, с одной стороны, как политическая форма в хаосе бесформенности и истинный продукт цивилизации. С другой стороны, цезарь, по Шпенглеру, это человек, который может преодолеть и победить демократию⁴⁷. По мнению Фелькена, в основе всех рассуж-

⁴¹ В частности, известная монография директора архива Шпенглера в Баварской государственной библиотеки в 1960-х гг. Антона Мирко Коктанека, которая, несмотря на свою фундаментальность, создана в описательном ключе: *Koktanek*. 1968.

⁴² *Felken*. 1988. S. 195.

⁴³ *Ibid.* S. 246.

⁴⁴ *Ibid.* S. 126.

⁴⁵ *Ibid.* S. 127.

⁴⁶ *Ibid.* S. 127.

⁴⁷ *Ibid.* S. 129.

дений Шпенглера лежала идея о том, что демократия – враг культуры и, наоборот, аристократия – ее защитник⁴⁸.

Голландский исследователь Фритц Ботерман избрал для трактовки творчества Шпенглера социально-психологический подход. Особенности мировоззрения Шпенглера Ботерман связывает со спецификой его социального происхождения из среды мелкой буржуазии⁴⁹. Эти особенности, главная черта которых – психологическая маргинальность, были присущи всем консервативным интеллектуалам поколения Шпенглера и «консервативных революционеров». Ментально это поколение так и не смогло перед 1914 годом интегрироваться в кайзеровский рейх⁵⁰. Ботерман объясняет культурпессимизм Шпенглера процессом социально-психологической дезинтеграции «буржуазии от образования» (*Bildungsbürgertum*) и потерей социального статуса ее представителей из-за падения престижа классического гуманитарного образования в Германии начала XX в.⁵¹. Поскольку культура в значении классической науки, высокого искусства и литературы не давала больше опоры ни в моральном, ни в социальном плане, Шпенглер отвернулся от гуманистических идеалов и увлекся идеями антиинтеллектуальной философии жизни. Его неприятие современной ему академической и культурной элиты было основано, с одной стороны, на недоверии к представителям культурного истеблишмента кайзеровского рейха, с другой – на отрицание модернистских направлений в культуре, которые он связал с понятием «цивилизация», и которые, по его мнению, противоречили немецкому духу⁵².

Индивидуальные и социально-культурные факторы, оказавшие влияние на духовное и интеллектуальное развитие Шпенглера, Ботерман тесно связывал с политическими, а именно: с потерей политического влияния в немецком обществе поздней кайзеровской империи интеллектуалов «старого» среднего класса. Снижение политического веса гуманитарной интеллигенции произошло в результате ряда факторов: возникновения «нового» среднего класса, представленного инженерно-технической интеллигенцией, развития социал-демократического рабочего движения, вторжением в политику масс. Таким образом, «давление на консервативную элиту Германии, которой Шпенглер доверял, усили-

⁴⁸ Ibid. S. 206.

⁴⁹ Boterman. 1992. S. 353.

⁵⁰ Ibid. S. 354.

⁵¹ Ibid. S. 354.

⁵² Ibid. S. 355-356.

валось»⁵³. Согласно Ботерману, представления Шпенглера о мире были во многом обусловлены теми проблемами, с которыми столкнулась немецкая «буржуазия от образования» на рубеже веков, как специфическая профессионально-общественная группа, что способствовало возрождению в ее среде наиболее консервативных тенденций. В частности, «Закат Европы» написан Шпенглером в духе аполитичной традиции немецких интеллектуалов, характерными чертами которой были претензия на универсальность и примат духовных ценностей над политическими. Шпенглер находился под сильным влиянием неоромантического движения, направленного против рационализма и позитивизма⁵⁴. Соответственно, создание Веймарской республики Шпенглер воспринял болезненнее, чем крах не совсем удовлетворявшего его кайзеровского рейха. «Веймарская республика была для него результатом немецкого поражения и Ноябрьской революции и означала победу либерализма и социализма»⁵⁵. Переход Шпенглера в лагерь «консервативной революции» был предопределен. «Революционные консерваторы» стремились посредством духовной революции и политической активности возродить потерянные духовные и политические идеалы консерватизма: единство, авторитет, иерархию. Своими политическими идеями Шпенглер несет ответственность за гибель Веймарской республики⁵⁶.

Политолог Михаэль Тхондал, характеризуя понимание Шпенглером современной ему политической ситуации, отмечал, что автор «Заката Европы» использовал две политические категории «левое» и «правое», которые, на его взгляд, наиболее точно отражали суть политических процессов при переходе от культуры к цивилизации⁵⁷. Борьба между левыми и правыми является предвестником стадии цезаризма. Таким образом, согласно Тхондалю, «представление о переходе западной цивилизации к цезаризму определяет оценку Шпенглером современной ему политики»⁵⁸.

В 1990-е гг. на волне нового интереса к наследию Шпенглера предпринимается опыт интернационально-компаративного рассмотрения его основных философско-исторических, культурологических и политических идей. В данном случае речь идет о сборнике «Случай

⁵³ Ibid. S. 356.

⁵⁴ Ibid. S. 356-357.

⁵⁵ Ibid. S. 360.

⁵⁶ Ibid. S. 363.

⁵⁷ Thöndl. 1993. S. 426.

⁵⁸ Ibid. S. 429.

Шпенглера: критический итог»⁵⁹. Наряду со своими немецкими коллегами в сборнике приняли участие видные шпенглероведы и специалисты по немецкому консерватизму из других стран: француз Жильбер Мерлио, итальянец Массимо Феррари Цумбини, американцы Джон Фарренкопф и Джефри Херф. Проблема анализа и критики политических взглядов Шпенглера заняла в сборнике не последнее место.

По мнению Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд, призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством⁶⁰. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой *Realpolitik*», – утверждает он⁶¹. Шпенглер, по Фарренкопфу, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, *Realpolitik*⁶².

Мерлио полагает, что Шпенглера можно читать и воспринимать исходя из двух противоположных подходов. Представители первого рисуют образ мыслителя, стоявшего между кайзеровским рейхом и национал-социализмом. Шпенглер воспринимается как экстремистки настроенный националист, главный представитель «консервативной революции», оказавший непосредственное влияние на духовный климат времени и идеологически подготовивший национал-социализм. Сторонники второго подхода вырывают немецкого мыслителя из социально-политического контекста времени и сосредотачивают внимание на достижениях Шпенглера в области философии истории и культуры. В противоположность обоим подходам, Мерлио считает, что отделить националистические взгляды Шпенглера от его философии истории и культурфилософии практически невозможно. Эти взгляды радикализируют его основные идеи и во многом лишают их достоверности и теоретико-познавательного содержания. Но именно такой гремучий синтез как раз и составляет основу неослабевающего интереса к Шпенглеру⁶³.

Непосредственно анализу публицистики Шпенглера была посвящена статья леволиберального немецкого историка и публициста Клеменса Волльхальса. Десятилетием ранее он опубликовал статью «Освальд Шпенглер и национал-социализм: дилемма революционного консерватора», в которой представил весьма радикальную трактовку

⁵⁹ Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz. 1994.

⁶⁰ Farrenkopf. 1994. S. 45-46.

⁶¹ Ibid. S. 72.

⁶² Ibid. S. 73.

⁶³ Merlio. 1994. S. 115-116.

феномена «консервативной революции»⁶⁴. В «Случае Шпенглера» Волльнхальс предпринял попытку комплексного рассмотрения эволюции политических взглядов Шпенглера на основе его публицистики.

Во-первых, для Волльнхальса очевидно наличие изначальной политической установки в главном труде Шпенглера «Закат Европы»⁶⁵. Во-вторых, он предлагает фрейдистское объяснение политических взглядов Шпенглера, ссылаясь на то, что истоки его мировоззрения находятся в несчастливом детстве и одинокой юности⁶⁶. В-третьих, он все же признает, что публицистика Шпенглера не выходила за рамки немецкой интеллектуальной и политической традиции неприятия либерализма. Ее «ослепительное воздействие» (выражение автора) основано на духовном кризисе, поразившем немецкое общество после мировой войны и Ноябрьской революции. Неслучайно публикация знаменитых политических трудов Шпенглера «Пруссачество и социализм» и «Годы решений» совпала с началом и концом Веймарской республики⁶⁷.

Фигура Шпенглера, как одного из ведущих идеологов «консервативной революции», оказалась в центре внимания и в трудах, определивших современное состояние германской историографии «консервативной революции». По мнению известного социолога Рольфа Питера Зиферле, Шпенглер в своем учении о культурно-исторических типах одновременно использовал два подхода к пониманию культуры: релятивистско-исторический и эмфатическо-нормативный⁶⁸. Характеризуя подлинное отношение Шпенглера к проблеме наступления цивилизации, Зиферле писал: «Мировая война окончательно показала, какие цивилизационные силы будут доминировать в будущей мировой империи: англосаксонский разбойничий капитализм или по прусски организованный социализм [...] таким образом, речь шла о противоречиях внутри современной цивилизации, но ни в коем случае о реакционной охранительной борьбе против самой цивилизации»⁶⁹. По мнению Зиферле, вопрос о возвращении к предцивилизационному состоянию общества не стоял для Шпенглера на повестке дня. Политические сочинения, написанные Шпенглером в первые годы Веймарской республики, служили объяснению и пропаганде исторической миссии Германии. В них речь шла о дальнейшем развитии «идей 1914 года», но переработанных с

⁶⁴ *Vollnhals*. 1984.

⁶⁵ Мы используем вторую редакцию статьи. См.: *Vollnhals*. 2005. S. 118.

⁶⁶ *Ibid.* S. 136.

⁶⁷ *Ibid.* S. 136.

⁶⁸ *Sieferle*. 1995. S. 108.

⁶⁹ *Ibid.* S. 111.

учетом политической ситуации после поражения в войне в программу особого немецкого пути, которая синтезировала пруссачество и социализм, организацию и сообщество, этику долга и служение делу⁷⁰.

Зиферле следующим образом трактует взгляды Шпенглера на демократию и цезаризм. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, считал, что переход к цивилизации есть переход от формы к бесформенности, от сословного порядка к современному массовому обществу парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия была, по мнению Шпенглера, формой распада сословного порядка. Установление парламентской Веймарской республики означало крушение специфической прусской традиции. Парламентская демократия основана на господстве денег и плутократии. Парламентаризм – просто фасад, за которым стоят интересы узкого круга капиталистической элиты. Парламентская демократия рано или поздно неизбежно должна закончиться хаосом и перейти в диктатуру цезаря. Предпосылки цезаризма находятся в бунте традиционной элиты против плутократии. Цель цезаризма – захват власти. Цезаризм должен возникнуть на основе синтеза посткапиталистического социализма и предкапиталистической этики долга. В разработке такого типа цезаризма состоит особая историческая миссия Германии⁷¹.

Во время и после Первой мировой войны Шпенглер усматривал внутрицивилизационные противоречия в конфронтации прусского социализма с англосаксонской плутократией. На конечной стадии Веймарской республики Шпенглер видел главного врага немецкой нации в революционном движении и пролетариате, который явно вступал в противоречие с его концепцией заката в духе прусско-социалистического цезаризма⁷². В этом отношении Шпенглер не делал различия между либеральной, большевистской и национал-социалистической идеологиями. Они являлись для него выражением системы господства партий. Даже итальянский фашизм не был для него истинным цезаризмом, хотя, по мнению Зиферле, в образе Муссолини Шпенглер видел более значительный тип вождя, чем, например, в фигуре Гитлера. Зиферле отмечает неоднозначность восприятия Шпенглером нацизма. С одной стороны, он поддержал Гитлера и нацистское движение как единственно возможный вариант ликвидации Веймарской республики. С другой стороны, его пугал массовый характер нацистского движения⁷³.

⁷⁰ Ibid. S. 112.

⁷¹ Ibid. S. 114-115.

⁷² Ibid. S. 127-128.

⁷³ Ibid. S. 128.

Штефан Бройер, исходя из своей классификации политических течений немецкого консерватизма с 1871 по 1945 г., относил Шпенглера к «планетарным империалистам» на основании его пропаганды идеи всемирного величия Германии. Правда, Бройер уточнил, что идеи планетарного империализма характерны только для раннего творчества Шпенглера, а в последних работах «Человек и техника» и «Годы решений» Шпенглер отходит от идей планетарного империализма, усомнившись в способности человека фаустовской культуры справиться с технической мощью и порождениями собственной технической мысли⁷⁴.

Раймонд фон Бусше, на основе своей концепции о значении аполитичного подхода к действительности в идеологии немецкого консерватизма, отводит Шпенглеру главную роль в формировании метаполитических представлений и обосновании аполитичной позиции немецкого консерватизма после первой мировой войны. Он называет Шпенглера «авангардистом». Политический авангардизм Шпенглера базируется на трех концептуальных положениях. Во-первых, он был первым мыслителем, обнаружившим, что политические проблемы могут иметь более глубокую основу, чем просто проявление определенных событий. Во-вторых, культурфилософия Шпенглера явилась первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме периода Веймарской республики. В-третьих, он дал звучный тезис-лозунг «Заката Европы», который стал символом консервативного движения в Веймарской Германии⁷⁵. «Метаисторическое учение Шпенглера о закате культур является псевдоисториографическим выражением его бегства в область метаполитических спекуляций», – резюмирует Бусше⁷⁶. Интеллектуальная операция по трансформации консерватизма из охранительно-защитного в наступательное и современное политическое направление была проведена Шпенглером в целях возможности метаполитических спекуляций с политическими понятиями⁷⁷. Политизация аполитичности обнаруживается у Шпенглера в том, что он возводит иррациональные декорации в современной политической теории. «Политические взгляды Шпенглера опирались не на систему рационального доказательства, а на сконструированные им метаполитические принципы: “раса”, “кровь”, “душа и тело истории” и т.д.», что стало примером для других немецких консервативных теоретиков после 1918 г.⁷⁸.

⁷⁴ Breuer. 1999. S. 127.

⁷⁵ Bussche. 1998. S. 119-120.

⁷⁶ Ibid. S. 122.

⁷⁷ Ibid. S. 123.

⁷⁸ Ibid. S. 125.

Касаясь взаимосвязи философии истории Шпенглера с его политическими воззрениями Бусше считал, что в своем учении о неизбежности упадка культур Шпенглер не желал реставрации политических институтов прошлого. «Он стремился к возможности возвращения к аполитичному бытию»⁷⁹. В итоге новое понимание Шпенглером демократии и социализма привело к искажению их политического содержания. Шпенглер превратил демократию в главного врага аполитичного общественного бытия. Он связывал ее с англо-французским образцом, считая его непригодным для Германии. Германия имеет собственный путь исторического развития, который Шпенглер, по мнению Бусше, связывал с идеей «прусского социализма» как интегративной идеологией, способной объединить все сословия. Но, как пишет Бусше, «идеальное содержание “пруссачества” и “прусского социализма” оказывается по ту сторону шпенглеровского пафоса и его ожесточенной полемики против обозначенного врага [...] Где культурфилософ выдает себя как охранителя консервативной традиции, он становится разрушителем. Немецкие традиции, которые следовало поддерживать, были сведены им к минимуму. Из всех немецких традиций для Шпенглера имели смысл только прусская твердость, послушание и всеобщая служба государству, все другое, что также наполняло немецкую традицию? необходимо упразднить»⁸⁰. Бусше характеризует Шпенглера как прусского нигилиста.

Бусше рассматривает «Пруссачество и социализм» как побочный продукт работы Шпенглера над вторым томом «Заката Европы». По его мнению, «Пруссачество и социализм» наглядно свидетельствует о том, какие метаполитические теории можно вывести из, казалось бы, сугубо философского учения о закате культуры⁸¹. Шпенглер видел актуальный политический идеал в возрождении старопрусского этоса, основанного на повиновении и службе государству. Консерватизм Шпенглера выражался не в следовании устаревшим политическим представлениям, а являлся современной и агрессивной идеологией, которая, с его точки зрения, была единственно возможной в условиях Веймарской Германии. «Шпенглер стал первым после 1918 года мыслителем, использовавшим неполитические ценностные представления прусско-немецкого прошлого для того, чтобы синтезировать их в качестве политически легитимных ценностей будущего и в связи с современной политической теорией»⁸². Характеризуя понимание Шпенглером политического бытия

⁷⁹ Ibid. S. 128.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibid. S. 122.

⁸² Ibid. S. 123.

немецкого народа, Бусше констатировал: «Немецкий народ был для него специфическим “монархическим” народом или специфическим “вождистским” народом, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя»⁸³.

Бусше считает представления об эпохе цезаризма квинтэссенцией политической философии Шпенглера. Только цезаризм в его консервативном исполнении был способен преодолеть «анархические тенденции либерализма»⁸⁴. Касаясь критики Шпенглера относительно Веймарской республики, Бусше выделяет три основополагающих мотива его негативного отношения к Веймару. Первое, военное поражение было результатом предательства и неповиновения. Второе, демократия не знает понятия государства и она не является немецкой государственной формой. Третье, раздробленность политических партий раскалывает общество и делает невозможной проведение сильной внешней политики.

Говоря о роли идей Шпенглера, Бусше пишет: «Его интеллектуальный вклад в политизацию аполитичности и его влияние на консервативную мысль после 1918 г. невозможно переоценить»⁸⁵. «Закатом Европы» он поставил вопрос о новой легитимации аполитичной позиции, а концепция «прусского социализма» стала политическим следствием его философии истории⁸⁶. Для него немецкий народ был специфически монархическим народом, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя⁸⁷.

В 2000-е гг. накал научной полемики вокруг наследия Шпенглера начинает снижаться. Несмотря на продолжающийся издательский поток шпенглерианы, большинство работ о нем носят либо пропедевтический, либо публицистический характер и не вносят ничего нового в интерпретацию его идей⁸⁸. На волне подъема «новых правых» Шпенглер становится для них одной из культовых фигур «консервативной революции», к которой они обращаются, и наследие которой они пропагандируют. В 2005 г. ведущий современный политико-теоретический журнал «новых правых» «Сецессион» посвящает Шпенглеру отдельный номер⁸⁹.

На этом фоне популяризации интеллектуального наследия Шпенглера, труд австро-немецкого философа, боснийского происхождения,

⁸³ Ibid. S. 135.

⁸⁴ Ibid. S. 137.

⁸⁵ Ibid. S. 129.

⁸⁶ Ibid. S. 130-131.

⁸⁷ Ibid. S. 135.

⁸⁸ См., напр.: *Tartsch*. 2001; *Lisson*. 2005; *Conte*. 2004.

⁸⁹ *Sezession...*

Самира Османцевича, несомненно, представляет интерес⁹⁰. Анализ основных идей Шпенглера позволил Османцевичу сделать, на наш взгляд, верное замечание о том, что актуальность интеллектуального наследия Шпенглера заключается не в тех ответах, которые давал он сам, а в тех вопросах, которые являются прямым следствием его философско-исторической системы⁹¹. Османцевич стремится снять с политических взглядов Шпенглера налет ультрамодерности, который наносили на немецкого мыслителя в последние десятилетия XX в. Под его пером Шпенглер предстает монархистом, ностальгирующим по Пруссии, противником марксизма, либерализма и демократии, достойным наследником Бисмарка⁹². Тем не менее, Османцевич не разделяет точку зрения о виновности Шпенглера и других «консервативных революционеров» в идейной подготовке национал-социализма⁹³.

То, что Шпенглер высказывал в своих политических сочинениях, было, по мнению Османцевича, прямым следствием его философии истории, способом актуализации текущих политических событий. В частности, концепцию «прусского социализма» Османцевич трактует не как системную политическую теорию, а как попытку Шпенглера выразить образ немецкого национального характера⁹⁴. По Османцевичу, любое рассмотрение политических взглядов Шпенглера должно исходить из тезиса о том, что он был великим немецким националистом⁹⁵.

Таким образом, рассматривая роль Шпенглера как идеолога «консервативной революции», нельзя не согласиться с выводом Бусше о том, что интеллектуальный вклад Шпенглера в придание германскому консерватизму новой идейно-ценностной легитимации трудно переоценить. Однако при этом не следует забывать об особом положении Шпенглера в рядах младоконсерваторов, которое было связано, очевидно, с тем, что он не разделял политического романтизма и энтузиазма большинства «революционных консерваторов» (и не только младоконсерваторов) о скором крахе ненавистной Веймарской республики и наступлении долгожданного Третьего рейха. Шпенглер, исходя из своей философии истории, предпочитал занимать позицию героического пессимиста и трезвого политического аналитика. По мнению Карлхайнца Вайссмана, как в случае с его философией истории, так и в отношении

⁹⁰ *Osmancevic*. 2007.

⁹¹ *Ibid.* S. 137.

⁹² *Ibid.* S. 101.

⁹³ *Ibid.* S. 102.

⁹⁴ *Ibid.* S. 112.

⁹⁵ *Ibid.* S. 201.

идеологии «консервативной революции» Шпенглер, несмотря на влияние, занимал определенную дистанцию по отношению к другим ее представителям⁹⁶. К. Волльнхальс, подчеркивая особое место Шпенглера в «консервативной революции», называет его «элитарным одиночкой» в кругу «революционных консерваторов»⁹⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамошин С. В.* О. Шпенглер и «консервативная революция» в Германии // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 148-154.
- Афанасьев В. В.* Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М.: Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. С. 223-526.
- Давыдов Ю. Н.* Шпенглер и война // Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 76-113.
- Патрушев А. И.* Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 122–144.
- Сендеров В.* Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. № 1. С. 117-151.
- Шпенглер О.* Годы решений / Пер. с нем. В. В. Афанасьева; Общая редакция А. В. Михайловского. М.: Скимень, 2006.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.
- Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002.
- Boterman F.* Oswald Spengler en Der Untergang des Abendlandes: Cultuurpessimist en politiek activist. Assen-Maastricht: Uitgeverij Van Gorcum, 1992.
- Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993.
- Breuer S.* Grundpositionen der deutschen Rechten 1871–1945. Tübingen: Ed. Diskord, 1999.
- Bussche R. von dem.* Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998.
- Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf.* Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994.
- Conte D.* Oswald Spengler: eine Einführung. Leipzig: Leipziger Univ.-Verlag, 2004.
- Eckermann K. E.* Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn: Univ., Diss., 1980.
- Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. S. 45-73.
- Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988.
- Gerstenberger H.* Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin: Duncker & Humblot, 1969.
- Klemperer K. von.* Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München: Oldenbourg, 1962.
- Koktanek A. M.* Oswald Spengler in seiner Zeit. München: Beck, 1968. XXVII.

⁹⁶ *Weißmann.* 2005. S. 25.

⁹⁷ *Vollnhals.* 2005. S. 137.

- Lenk K.* Deutscher Konservatismus. Frankfurt a. M., 1989.
- Lisson F.* Oswald Spengler: Philosoph des Schicksals. Schnellroda: Ed. Antaios, 2005.
- Lübbe H.* Vorwort // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. VII-XI.
- Lübbe H.* Historisch-politische Exaltationen. Spengler wiedergelesen // Spengler heute Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 1-24.
- Merlio G.* Über Spenglers Modernität // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. S. 115-116.
- Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932 : Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart: Vorwerk, 1950.
- Möller H.* Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 49-73.
- Osmanovic S.* Oswald Spengler und das Ende der Geschichte. Wien: Verlag Turia+Kant, 2007.
- Pfahl-Traughber A.* Konservative Revolution und Neue Rechte: rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat Opladen: Leske und Budrich, 1998.
- Sezession. – Oswald Spengler (Sonderdruck). Mai 2005.
- Stieferle R. P.* Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995.
- Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918–1933. 3. Aufl. München: Beck, 1992.
- Spengler O.* Neubau des Deutschen Reiches. München: Beck, 1924.
- Spengler O.* Politische Schriften. München: Beck, 1933. XII.
- Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München: Beck, 1980.
- Tartsch T.* Denn der Mensch ist ein Raubtier: eine Einführung in die politischen Schriften und Theorien Oswald Spenglers. Datteln, Am Mühlenbach: Verlag Books an Demand GmbH, 2001. S. 202.
- Thöndl M.* Das Politikbild von Oswald Spengler (1880–1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini // Zeitschrift für Politik. 1993. № 4. S. 418-443.
- Vollnhals C.* Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Tel Aviv 13, 1984. S. 263-303.
- Vollnhals C.* Praeceptor Germaniae. Spenglers politische Publizistik // Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. Dresden: Thelem, 2005. S. 117-137.
- Weißmann K.* Spengler und die Konservative Revolution // Sezession (Sonderdruck). Oswald Spengler, Mai 2005. S. 19-25.
- Zumbini M. F.* Untergänge und Morgenröten: Nietzsche – Spengler – Antisemitismus. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 1999.

Терехов Олег Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета; terehov1968@mail.ru.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Н. Н. РОДИГИНА, Т. А. САБУРОВА

ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX в. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗРЫВЫ

Статья посвящена актуальной для современной исторической науки проблеме поколений. В статье раскрывается динамика концепта «поколение», варианты осмысления российскими интеллектуалами феноменов разрыва и преемственности поколений, особенности поколенческого дискурса в России XIX века.

Ключевые слова: *поколение, интеллектуалы, связь и конфликт поколений, идентичность.*

Поиски универсальной единицы измерения человеческой истории не единожды актуализировали идею поколений в сознании историков. Стремление соотносить идею поколений с теоретическим инструментарием исторической науки характерно и для современных представителей профессиональной корпорации историков. Однако большинство исследователей исходит из того, что поколения – реально существующие общности, представители которых объединены датой рождения¹. Мы предлагаем следующий вариант понимания поколенческой общности: поколение – это символическая общность людей, объединенных не только и не столько датой рождения, сколько переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода. В этом случае поколение выступает как один из возможных способов идентификации и самоидентификации, а также как способ осмысления и периодизации исторического развития.

История поколений в России тесно связана с историей интеллигенции (интеллектуалов), которые формировали и транслировали как собственно идею поколения, так и характерные черты, отличающие одно поколение от другого, становясь его «глашатаями». В русском обра-

¹ См. напр.: Соколов. 2007. С. 94-334; Соколов. 2005. С. 439-470; Данилов. 2005. С. 108-145. и др.

зованном обществе зародилась и сформировалась идея разрыва поколений как необходимое условие в развитии самосознания интеллигенции, способ осмысления происходящих перемен и воплощения идеи борьбы старого и нового в обществе и культуре. Известный русский философ Г. П. Федотов, используя популярную поколенческую риторику, писал: «Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру»².

Мы ставим перед собой следующие задачи: раскрыть динамику концепта «поколение» и определить варианты осмысления русскими интеллектуалами феноменов разрыва и преемственности поколений, выявить особенности поколенческого дискурса в России XIX столетия.

Исходя из положения о неразрывной связи общества и культуры, взаимодействии ментальных и социальных структур (не сводя это взаимодействие к зеркальному отражению), мы солидарны с А. С. Ахиезером в том, что «этот сдвиг в ракурсе рассмотрения может быть выражен в форме особой социокультурной теории и методологии изучения человека, общества, где предмет исследования не редуцируется ни к человеческим отношениям в любой их форме, ни к культуре, но нацеливает познание прежде всего на переход между этими двумя аспектами человеческой жизни и деятельности, на их взаимопроникновение, взаимокритику, на способность человека эффективно свершать этот переход, рассматривать эту способность как возрастающую ценность»³. Важно, что интеллигенция, формируя культуру, являясь одним из ее создателей и носителей, служит своеобразным проводником между сферой культуры и социальных отношений, не только внося и перенося определенные идеи и ценности в общество, но в процессе трансляции наполняя их новым смыслом. По определению А. С. Ахиезера, «осмысление – это, прежде всего, фокусация культуры на интересующее субъекта явление, соответствующее переструктурирование культуры... Смысл – это культура, тяготеющая к концентрации в точке осмысления. Культура – это смысл, тяготеющий развернуться в бесконечность»⁴. Таким образом, исследование проблемы поколения находится в русле социокультурной и культурно-интеллектуальной истории, что позволяет соединить исследование формирования и развития концепта поколения и поколенческого разрыва, выделить особенности их смыслового содержания и способы конструирования, учитывая специфику российского общества, его соци-

² Федотов. 1990. С. 405.

³ Ахиезер. 2000. С. 29.

⁴ Там же. С. 31.

альной структуры и властных институтов, создав в результате «маршрут понятия» в пространстве культуры и социума.

Как утверждает П. Нора, Французская революция стала основательницей идеи поколения в истории, «не столько потому, что она вызвала к жизни конкретное поколение (это поколение будет замечено лишь позднее, благодаря исторической ретроспекции), сколько потому, что она открыла, сделала возможной, приблизила, заложила вселенную перемен и тот эгалитарный мир, исходя из которого только и могло возникнуть “поколенческое сознание”»⁵. Историческое сознание является необходимой предпосылкой формирования концепта поколения, историческое сознание как отражение и фиксатор ускоряющегося хода истории, социальных и культурных перемен, для осмысления которых и используется концепт поколения. В таком случае можно рассматривать формирование концепта поколения как проявление модернизации общества и культуры, а возрастание его значимости и актуальности связывать с ускорением модернизационных процессов, которое неизбежно приводит к ситуации конфликта между старым и новым. Этот конфликт находит воплощение и в конфликте поколений. Следовательно, концепт поколения становится востребованным, прежде всего, в эпоху перемен, становясь способом осмысления происходящих процессов и событий. Вновь сошлемся на мнение П. Нора: «Структурный, формирующий *поколение* признак проявляется либо в критические моменты жизни общества, когда происходит резкое отмежевание, выделение некоей общности людей – с “роковой”, героической, трагической и т.п. судьбой, либо по истечении времени – в ретроспективе: “незамеченное поколение” могло получить свое именование лишь после достаточно длительного “незамечания”. Однако представление о “потерянном поколении” сложилось вскоре же после первой мировой войны (при участии литературы). В отличие от кризисных эпох *поколение* в стабильном обществе – преимущественно возрастная категория; связь между поколениями осуществляется путем более или менее плавной передачи традиции»⁶.

Поколенческий дискурс в России начинает формироваться на рубеже XVIII–XIX вв., отражая становление нового типа идентичности (поколенческой) в русском образованном обществе. Анализ разноплановых исторических источников свидетельствует о том, что в русском обществе XVIII в. поколенческая идентичность была слабо акцентирована и проявлялась только в рамках семейных отношений, что достаточно

⁵ Нора. 1998. С. 51.

⁶ Чудакова. 1998. С. 73-74.

традиционно. Но ускорение темпов культурного развития России, расширяющийся процесс европеизации спровоцировал «разрыв» в ценностных ориентациях родителей и детей, актуализируя понятия «старины и новизны», «своего и чужого» в культуре. В результате культурных трансформаций на рубеже XVIII–XIX вв. понятие «поколение» наполнилось не только определенным «возрастным» смыслом, но и выступало в качестве конкретного социокультурного кода. Исследование поколенческой идентичности эффективно при одновременном использовании возрастного и семантического критериев, что позволяет избежать абсолютизации возрастных или социально-культурных различий, но раскрыть базовые для поколения «социальные сценарии» и возможности утверждения соответствующей картины мира, учитывая общность впечатлений и переживание исторических событий в определенном возрасте.

В этот период (период формирования новой культурной идентичности русского образованного общества, которую можно определить как национальную и европейскую, причем национальное в данном случае понимается как выражение европейского начала в культуре) поколенческая идентичность может служить воплощением новой культурной идентичности, выражая тем самым в «разрыве» поколений идентификационные новации в культуре в целом.

Следует заметить, что в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. произошла актуализация национальной идентичности на волне патриотических чувств, активно транслировались идеи национально-государственной консолидации. По выражению С. Хантингтона, «французы, англичане, а следом за ними голландцы, испанцы, пруссаки, германцы и итальянцы “выплавили” свои национальные идентичности в тигле войны»⁷. В России в этой ситуации внешней угрозы произошло расширение идентичности, «сняв» на время тем самым проблему поколенческой идентификации. Сошлемся на мнение С. Хантингтона о том, что «чем активнее взаимодействие с представителями географически удаленных и основанных на иных ценностях культур, тем шире становятся идентичности»⁸. Однако именно совместное переживание такого значимого события, как Отечественная война 1812 г., ставшего своеобразным «местом памяти» для русского общества, сделало востребованным концепт «поколение», так как «места памяти» служат важным источником поколенческой солидарности. Это подтверждается широким использованием в разнообразных текстах выражения «дети 1812 года».

⁷ Хантингтон. 2008. С. 61.

⁸ Там же. С. 54.

Речь идет, прежде всего, о «молодом поколении», которое вступает в активную политическую, литературную, государственную, общественную деятельность в царствование императора Александра I. Способ самоидентификации «отцы – сыновья» получил распространение наряду с другими и стал одним из выражений национальной и культурной идентичности русского образованного общества. Представляет интерес и тот факт, что «автообраз» поколения, созданный в первой четверти XIX в., транслируемый затем в мемуарах второй половины XIX в., определил дальнейшее восприятие этой эпохи и воспроизводился также в исторических сочинениях. Так, В. О. Ключевский отмечал важную перемену, совершившуюся в том поколении, которое сменило екатеринских вольнодумцев: «Веселая космополитическая сентиментальность отцов превратилась теперь в детях в патриотическую скорбь. Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между отцами и детьми»⁹.

Важно отметить, что в поколенческом дискурсе начала XIX в. «молодое» поколение не противопоставлялось «старому» поколению, транслировалась идея не разрыва, а наоборот, связи поколений. Возможно, это связано с «открытием» исторической непрерывности, связи времен в историческом сознании общества, в немалой степени и под влиянием историографии этого времени.

История «новой России» начиналась в исторических трудах в XVIII столетии с преобразований Петра Великого, что создавало прочную связь между веком XVIII и веком XIX в общественном сознании на основании процесса реформирования страны, просвещения и европеизации. «Осьмнадцатое столетие» стало базовым элементом, необходимым для формирования государственной и культурной идентификации. Кроме того, общественный подъем начала XIX в., связанный с началом царствования Александра («дней Александровых прекрасное начало»), соединение интеллектуалов и власти, патриотический подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., все это делало востребованным концепт связи поколений, фиксируя внимание только на возрастных категориях и их преемственности. Это подтверждает наблюдение П. Нора о том, что «признанные подъемы общественного консенсуса точно совпадают по времени с заметным ослаблением противостояния отцов и детей в борьбе за автономию поколений»¹⁰.

⁹ Ключевский. 1993. С. 420.

¹⁰ Нора. Указ. соч. С. 66.

В воспоминаниях о своей молодости известный поэт и критик князь П. А. Вяземский подчеркивал связь со старшим поколением (как старших братьев, так и отцов). Общность эта поддерживалась воспитанием, образованием, кругом чтения. Вяземский писал: «Я был помещен в иезуитский пансион. После предварительного и легкого испытания определен я был во второй класс, то есть средний. В этом классе товарищи были все более или менее ровесниками моими. Это было по учению. Но вскоре отношения и сношения мои связались гораздо теснее с воспитанниками старшего класса. Все они были старше меня: иные опережали меня четырьмя и пятью годами... Стало быть, в характере моем, в уме были до некоторой степени развиты привлекательные свойства, которые сближали меня со старшим поколением»¹¹. Говоря об обучении в пансионе при педагогическом институте, Вяземский снова отмечал: «в новой ученической среде я также не по чину и не по возрасту вращался с поколением, меня опередившим»¹². Подтверждая тезис о создании общности поколения литературой, он называл в качестве объединяющего начала имена Державина, Карамзина, Дмитриева. И затем Вяземский отчетливо фиксировал ситуацию разрыва поколений на основании отношения к литературе конца XVIII – начала XIX в., разрыва между своим поколением, ставшим ко времени написания текста (второй половине XIX в.) уже поколением отцов, и нового молодого поколения.

Таким образом, учитывая значение литературы в жизни русского образованного общества XIX в., неудивительно, что отношение к литературным произведениям и их создателям становится одним из главных элементов, конструирующих поколение в общественном сознании. В посвященной К. Н. Батюшкову статье (1851 г.) П. А. Вяземский считал важным напомнить молодому поколению, которое он называл «мимоидущим», «почти чуждое» этому поколению имя Батюшкова. В этот период молодое поколение выступало для Вяземского как чужое, не знающее и не признающее имена, которые были «своими» для его поколения. «Новое поколение знает о старой и средней литературе нашей из одних новых журналов. Эти журналы не имеют времени, а может быть, и охоты заняться полным и добросовестным изучением писателей не только уже отживших поколений, но даже и тех, которых память еще свежа, или писателей еще живущих, но имевших неосторожность родиться до появления этих журналов»¹³.

¹¹ Вяземский. Из «Автобиографического введения»... С. 251.

¹² Там же. С. 256.

¹³ Вяземский. К. Н. Батюшков... С. 217.

Взаимоотношения с поколением отцов (подчеркнутая общность) являлись для Вяземского еще одним признаком, по которому противопоставлялось его поколение и молодое, конфликтующее с отцами. В сконструированном Вяземским «автообразе» поколения такого конфликта и разрыва нет. Ярким примером является биографическая статья о Нелединском, которого Вяземский причислял к поколению отцов. Описывая жизнь в Вологде после оставления Москвы в 1812 г., Вяземский сообщал: «Разность лет наших могла бы служить препятствием к совершенному сближению. Но родовая приязнь, обстоятельства, общее бедствие, совершенное отсутствие развлечения могли достаточно сгладить эту неравность. К тому в свойствах Нелединского было много сочувственного молодости. В моих, судя по многим опытам, и в молодом моем возрасте, должно было быть какое-то особенное сочувствие с летами зрелыми... Сочувствия мои и связи ни тогда, ни после, ни ныне не справлялись и не справляются с метрикою. В молодости моей я не скушал со стариками и был в приятельских связях с людьми гораздо меня старше. Ныне я не одичал для молодости»¹⁴.

Выражением связи между молодым и старшим поколением, стали отношения П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, С. С. Уварова, В. А. Жуковского с Н. М. Карамзиным, воспринимавшимся как представитель старшего поколения (по возрасту и в литературе), и ставшим одним из «кумиров» молодого поколения, которое символизировало создание литературного общества «Арзамас». Эта близость поколений отмечается как черта ушедшего времени и в воспоминаниях М. А. Дмитриева. «Знавшие его прежде молодые люди, князь Вяземский, Жуковский и их ровесники, конечно, много услаждали его своим обществом и оказывали величайшее уважение и ему, и его таланту; но они были ему не ровесники, люди другого поколения, хотя не отличались от его направления так резко, как ныне отличаются молодые поколения от старых. Гармонии в обществе было тогда больше»¹⁵.

Русские интеллектуалы начала XIX в. осознавали себя как особое поколение не столько по отношению к предыдущим поколениям, сколько по отношению к будущим поколениям, определяя задачи своей деятельности в настоящем, исходя из ценности будущего времени и поступательного хода истории. Следовательно, они конструировали поколенческую идентичность на основании включения поколения как ступени в прогрессивном и закономерном историческом развитии, и

¹⁴ Вяземский. Ю. А. Нелединский-Мелецкий... С. 283.

¹⁵ Дмитриев. 1998. С. 109.

соответственно конструкт связи поколений явно доминировал над конструктом разрыва поколений. В этом случае, мы можем предположить, что характер исторических представлений, особенности исторического сознания определили и содержание поколенческой идентичности. Утверждение идеи связи времен обусловило идею связи поколений и обязательств, долга, ответственности старшего поколения перед младшим. В связи с надеждами на конституцию в России, особенно после дарования императором Александром конституции Польше в 1818 г., поколенческая риторика определяется осознанием важности и необходимости конституционных реформ в России, причем необходимостью в настоящее время, чтобы подготовить почву для будущего. Идея свободы становится одной из ключевых для поколенческого дискурса этой эпохи. В письме А. Тургеневу П. Вяземский писал: «Надобно, чтобы наше поколение положило всему основание. Но если дети наши родятся на старом ходу, то – все прости! Мы – воспитанники судьбы; они будут воспитанниками привычки»¹⁶. Ценность деятельности в настоящем обосновывается также исходя из блага будущих поколений: «Оставим потомству след жизни, завладеем мнением, которое разогреется и очнется в руках наших! Теперь самая пора: дети нам спасибо скажут. Мы доселе прокрадываемся по жизни, а надобно шагать твердо»¹⁷.

Другой важной составляющей поколенческого дискурса 1800–1820-х гг. стала категория «молодости», которая часто выступала в качестве системообразующего признака самосознания поколения, хотя реальные возрастные границы этого понятия были весьма размытыми. В начале XIX в. в России только начинается «автономизация молодежного материка», на этом этапе «молодые реально берут на себя роль взрослых», «берут на себя динамику политических и социальных трансформаций»¹⁸. Об этом свидетельствует знаменитый «кружок молодых друзей» императора Александра. Характеризуя их, В. О. Ключевский, использовал поколенческую идентификацию: «То были люди, воспитанные в самых передовых идеях XVIII в. и хорошо знакомые с государственными порядками Запада; они принадлежали к поколению, непосредственно следовавшему за дельцами екатерининского времени. Во второй половине этого царствования они принадлежали к великосветской молодежи, которая вместе с манерами французских салонов усвояла незамет-

¹⁶ Остафьевский архив... С. 341.

¹⁷ Там же. С. 377.

¹⁸ Нора. Указ. соч. С. 57-58.

но и политические идеи французской литературы просвещения»¹⁹. То же самое относится и к событиям 14 декабря 1825 г., которые воспринимались и воспринимаются как действия молодого поколения (подчеркивая общность воспитания, взглядов и возраста). В. О. Ключевский, говоря о движении декабристов, отмечал, что они были частью дворянского класса, в которой господствовал известный образ мыслей, известное настроение, но «эта часть была собственно известный возраст, известное поколение; катастрофа 14 декабря сделана была дворянской образованной молодежью. Это легко заметить, просматривая графу о возрасте в списке лиц, которые судились по делу 14 декабря. Всех лиц к ответственности было призвано 121; из них только 12 имели 34 года, значительное большинство остальных не имело и 30 лет»²⁰.

«Молодость» поколения подчеркивалась и в саморепрезентациях русских интеллектуалов 1800–1820-х гг., при этом молодость порой понималась как неопытность, нереализованность устремлений, невозможность принятия самостоятельных решений. А. И. Тургенев в письме П. А. Вяземскому писал: «Пока мы не подрастем, в случае если мы не сгнием заблаговременно, не будет людей в государстве, которые бы людей же могли употребить на дело. Но до поры, до времени об этом и с приятелями говорить не должно»²¹. В данном случае молодость выступает не столько как возрастная категория, сколько как смысловая характеристика способов деятельности, реализации и социализации.

Одним из символов этого поколения стал император Александр I, что характерно как для самосознания людей этой эпохи, так и для восприятия ее следующими поколениями. В. А. Жуковский в письме А. И. Тургеневу в связи со смертью императора Александра писал: «Жизнь нашего Александра была лучшим временем нашей жизни: время наших надежд; наша деятельность принадлежит его веку; он был слит со всем нашим лучшим»²². В мемуарной литературе и публицистике получили широкое распространение выражения «личности Александровского времени», «поколение Александровской эпохи». Во второй половине XIX в. образ этого поколения стал важным элементом в формировании идентичности русского образованного общества. Заметим, что поколение Александровской эпохи конструировалось во второй половине XIX века как образец, идеальный тип, воплощающий необходи-

¹⁹ Ключевский. Указ. соч. С. 386.

²⁰ Там же. С. 413.

²¹ Остафьевский архив... С. 159.

²² Письма В. А. Жуковского... С. 203.

мые для интеллектуала качества, сознательно противопоставляемый интеллигенции 1860–1870-х гг. Декларировался разрыв поколений, и старшее поколение наделялось ярко выраженной положительной идентичностью. Примером может служить очерк К. Д. Кавелина, посвященный А. П. Елагиной, в котором он отмечал: «Между поколением Александровской эпохи, к которому принадлежала покойная Елагина, и теперешним лежит целая бездна. Не только нашим детям, но даже нам самим трудно теперь вдуматься в своеобразную жизнь наших ближайших предков. Лучшие из них представляли такую полноту и цельность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имеем теперь понятие. Отдельно взятые, лучшие личности Александровского времени изумляют высоким просвещением и нравственным идеализмом не только на словах, но и на деле... в них, несмотря на все превратности судьбы, не было и тени той угловатости, односторонности, резкости, ни той нравственной надорванности, которые составляют обычные недостатки нашего поколения и еще более, чем нас, удручают тех, которые следуют за нами»²³. В этом случае модель поколения конструировалась с позиции «младших», что представляет интерес с точки зрения сосуществования, взаимодействия поколений.

Таким образом, мы можем сделать вывод о формировании поколенческой идентичности русских интеллектуалов в первой четверти XIX в., поскольку существование нового поколения декларируется в этот период, и конструируется «автообраз» молодого поколения как возрастной и культурной категории с характерным набором смыслов и символов. При этом поколенческая идентичность представляется достаточно размытой, ее заслоняет идентичность национальная и социальная. Поколенческий дискурс утверждает в большей степени идею преемственности, а не разрыва поколений, и поколенческие сюжеты представляют, прежде всего, сюжеты социализации. В 1860–1870-е гг. сосуществуют, во-первых, образ этого поколения, транслируемый его представителями в мемуарной литературе, дополненный конфликтной поколенческой риторикой в отношении современного молодого поколения и ностальгически целостным восприятием Александровской эпохи, и, во-вторых, образ, создаваемый младшим поколением в русле романтической культурной традиции, но также утверждающий идею разрыва поколений, ставшую стереотипной формой манифестации собственных ценностей.

В середине 1850-х гг. начало нового царствования, подготовка и проведение модернизационных реформ вновь актуализировали идею

²³ Кавелин. 1989. С. 143-144.

поколений в сознании русских интеллектуалов. Общественное единение первых лет правления Александра II, впоследствии ностальгически названное современниками «весной нашей юной общественности», первоначально востребовало идею преемственности поколений как необходимого условия обновления России. Риторика преемственности нашла свое воплощение в одном из основных документов крестьянской реформы 1861 г. – «Манифесте о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: «...дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завещание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою Провидения»²⁴.

В этот период оформляются первые идеологические версии поколенческого дискурса. Надежды на совместное участие поколений отцов и детей в реформировании империи предопределили содержание либерального подхода к поколенческой градации истории, суть которого состояла в интерпретации истории как последовательной смены поколений-преемников. Его достаточно определенно сформулировал историк К. Д. Кавелин, писавший о том, что каждому поколению предназначена своя историческая задача. Миссию своего поколения он видел в уничтожении крепостного права, предназначение последующего поколения – в том, чтобы «взрастить и выходить» социальные институты, рожденные эпохой реформ²⁵.

Мемуары либеральной молодежи 1850-х – начала 1860-х гг. свидетельствуют о сохранении в исторической памяти современников образа поколений-союзников в деле *обновления* России. Сошлемся на типичную в этом смысле реплику из воспоминаний малоизвестного мемуариста В. Сорокина: «Старики молодели около нас и вместе с нами горячо, неустанно работали и служили для всех и каждого милому и дорогому делу всеобщего возрождения, волновались радужными надеждами и изо всех сил стремились к осуществлению высоких задач того времени. Молодежь ухаживала за старыми, передовыми бойцами, с увлечением слушала их и училась у них мыслить и работать ради блага общественного»²⁶.

Разочарование в темпах, масштабах и первых результатах либеральных реформ предопределило начало социокультурного и идейного раскола как в среде русских интеллектуалов, так и во взаимоотношениях власти и образованного общества. Кроме того, эмансипационные реформы активизировали модернизационные изменения в обществен-

²⁴ Конец крепостничества в России. С. 212.

²⁵ Политическая история России. С. 221.

²⁶ Сорокин. 1888. С. 616.

ном сознании, в том числе и отказ от присущей традиционной культуре ориентации на обычаи, ценностные и поведенческие образцы предков. Боровшиеся за символическое господство над молодой мыслящей Россией общественно-политические течения взяли на вооружение идею поколений как средства консолидации своих сторонников. Первыми включились в борьбу «за молодое поколение» демократы. Движимые всепоглощающей верой в поступательное развитие человечества, позитивисты Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, Д. И. Писарев провозгласили основным двигателем социального прогресса борьбу поколений как борьбу старого и нового. Обращение к теории поколений у демократов возникло в связи с потребностями практики политической борьбы. Отцы были объявлены консервативной силой, будущее признавалось только за новыми/молодыми людьми, «надежды которых еще не обрезаны опытом»²⁷. За поколением отцов закреплялись отрицательные оценочные коннотации: «крепостники», «дети николаевского безвременья», «виновники поражения в позорной для России Крымской войне», «беспочвенные идеалисты». Образ молодого поколения конструировался по принципу бинарных оппозиций как поколения прогрессивного, нового, эмансипированного, реалистичного. Идея борьбы поколений для демократов была не только предметом теоретической рефлексии, но и последовательного практического воплощения в деятельности по социальной мобилизации молодого поколения. Первой попыткой трансляции демократами своих идей образованной молодежи стали прокламации. В одной из них, символично названной «К молодому поколению» (сентябрь 1961 г.), Шелгунов писал: «Молодое поколение! Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми более всего способными спасти Россию, вы ее настоящая сила, вы вожаки народа... Мы верим в свои свежие силы, мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы...»²⁸.

Прокламации, не получив массового распространения, тем не менее, способствовали популяризации поколенческой риторики и обострению в общественном мнении проблемы взаимоотношения поколений. После появления «Молодой России» (май 1862 г.), прокламации, призывавшей к радикальному разрушению общественного строя во имя новых революционных ценностей, сами прокламации стали для либеральных и консервативных современников одним из символов нового нигилистического поколения, отрицавшего все созданное предшественниками.

²⁷ Олейников. 2005. С. 148.

²⁸ Шелгунов. 1958. С. 86.

С начала 1860-х гг. ареной борьбы за «молодое поколение» и основным институтом конструирования поколенческой идентичности, наряду с кружками и университетами, становятся «толстые журналы». Об осознании политически ангажированными современниками роли общественного мнения в социальном программировании молодежи наглядно свидетельствует реплика популярного среди молодежи журнала «Русское слово»: «Каждое поколение, воспитанное предыдущим, в свою очередь, воспитывает следующее, следовательно, в руках настоящего поколения (в данное время) находится как воспитание, так и вся будущность следующего поколения... Располагая такой страшной силой, которую дает воспитание, и тем влиянием, какое может оказывать мнение большинства на умы людей мало способных рассуждать сами за себя... общество могло бы выиграть более, пустив в оборот все свои сильнейшие нравственные элементы, нежели оно имеет от виселиц и тому подобных пугал на огородах современной гражданской жизни»²⁹. Роль журналов в формировании новых поколений отчетливо осознавалась современниками. Уже упомянутый нами Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях упоминал о том, что в конце 1860-х – начале 1870-х гг. многие называли «Современник» журналом молодого, а «Русское слово» – журналом юного, подрастающего поколения³⁰.

В 1862 г. тема борьбы поколений становится одной из ключевых в общественном мнении империи. Умеренно-либеральный журнал «Русский вестник», который редактировал будущий идейный лидер русского консерватизма М. Н. Катков, публикует роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Важно, что Катков выступил в качестве издателя и редактора романа и, как известно, оказывал определенное влияние на его замысел и текстовое воплощение, включившись, таким образом, в борьбу с нигилизмом нового поколения. Литературный критик А. М. Скабичевский вспоминал: «До 1862 г. никто еще не помышлял ни о каком антагонизме между старшим и молодым поколениями. Различались красные, постепенновцы, реакционеры и крепостники исключительно на политической почве, без различия возрастов. Тургенев своим романом впервые осветил ту пропасть, которая зияла между отцами и детьми, людьми 40-х и 60-х годов»³¹. Вне зависимости от мотивов Тургенева его произведение стало знаменем борьбы между отцами и детьми, развернувшейся не только на страницах общественно-политических и литературных журналов, но и в

²⁹ Современная летопись... С. 10.

³⁰ Шелгунов. 1923. С. 171.

³¹ Скабичевский. 2001. С. 288-289.

литературных салонах, семейных гостиных. Именно на этом фоне появляется самый радикальный вариант решения проблемы поколений, придуманный 18-летним П. Ткачевым в Петропавловской крепости: «Уничтожить всех людей старше 25 лет как носителей идей старого мира»³².

Литературоцентричность сознания современников способствовала распространению семейных поколенческих конфликтов. Мемуарное наследие образованных русских дает основание говорить о гендерной детерминированности интерпретации конфликта «отцов и детей» в социокультурном пространстве пореформенной Российской империи: мужчины репрезентировали его как явление общественной (публичной), женщины – семейной (частной) жизни. Популярность идей женской эмансипации, расширение традиционных социальных ролей женщины под влиянием модернизации приводили к распространению конфликтов между «матерями», сторонницами сохранения присущих патриархальному обществу социальных ролей (жены, матери, хозяйки) и «дочерьми», стремившимися к гендерной независимости. В воспоминаниях А. Я. Панаевой, Е. Н. Водовозовой, С. В. Ковалевской мы встречаем многочисленные описания таких конфликтов, ставших одной из причин появления института фиктивных браков для спасения «женщины от гнета родительской семьи».

Впервые в социокультурной истории России тема конфликта поколений начала конкурировать с политическими и идеологическими вопросами по степени актуальности или становилась формой обсуждения этих вопросов. «Каждый русский писатель, рассуждающий о современных вопросах, затронет непременно, так или иначе, вопрос о действующем поколении», – утверждал в 1869 г. Н. В. Шелгунов³³.

Властители дум читающей России претендовали на разработку собственных версий системы ценностей и модели поведения нового поколения, культивируя в нем те черты, которые считало наиболее ценностно-значимыми в рамках своей идеологической парадигмы. В числе наиболее востребованных юными современниками был образ *нового* человека, предложенный идейным лидером журнала «Русское слово» Д. И. Писаревым. Анализируя «романы поколения» («Отцы и дети» Тургенева и «Что делать?» Чернышевского), 25-летний критик называл отношение к труду ключевым в описании поколений «отцов» и «детей»: «*Новые* люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни, и этот взгляд на труд составляет чуть не самое существенное

³² Ткачев. 1975. С. 8.

³³ Шелгунов. 1869. С. 33.

различие между старыми и новыми людьми... Опираясь на свой любимый труд, выгодный для них самих и полезный для других, новые люди устраивают свою жизнь так, что их личные интересы ни в чем не противоречат действительным интересам общества... Поэтому, кто любит труд тот, действуя в свою пользу, действует в пользу всего человечества, кто любит труд, тот сознательно любит самого себя, тот в самом себе любил бы всех остальных людей, если бы не было на свете таких господ, которые невольно или умышленно мешают всякому полезному труду»³⁴.

Тексты Писарева о *новых людях* можно интерпретировать как стремление к осознанной героическо-центричной мифологизации *нового поколения*. *Новых людей* – тех, в «ком заключается наша действительная сила» и на кого «молодое смотрит с полным сочувствием, а все дряхлеющее с самым комическим недоверием не много»³⁵. Им досталась слава героических страданий, гонений, неутомимой, ненасытной ненависти, «всякое старье и тряпье» их обвиняло в невежестве и деспотизме мысли; их старались заклеить как свистунов, нигилистов, мальчишек; им приписывали сооружение «бомбы отрицания» и «калмыцкие набеги на науку». *Новые* люди равнодушны к такому участию со стороны *старого* мира. Они дорожат своими убеждениями, не хотят маневрировать и менять флаги, они уверены в себе и «любят живую, сознательной любовью свои идеалы». Таким образом, Писарев провозглашал разрыв с прошлым, в том числе и с предшествующим поколением как одну из ключевых характеристик поколения 1860-х гг.

Одна из первых исследовательниц людей 1860-х гг. как представителей поколенческой общности Т. А. Богданович так писала об этом: «Никогда до тех пор “дети” не порывали так дерзко с отцами, принявшими их на первых порах в открытые объятия»³⁶. Это поколение ориентировано на будущее, на преобразование *старого* мира в соответствии с *новыми принципами*. Набор этих принципов отражал изменение ценностных ориентиров молодых современников под влиянием модернизации: рационализацию и секуляризацию сознания, материализм, индивидуализм, разрушение патриархальных и монархических иллюзий.

Образ *новых* людей для Писарева, как и для всей читающей России 1860-х гг., воплощали не реальные люди, а литературные персонажи – тургеневский Базаров, герои Н. Г. Чернышевского (Рахметов, Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов). В своей статье, посвященной творчеству

³⁴ Писарев. 1865. С. 7-13.

³⁵ Там же. С. 1.

³⁶ Богданович. 1929. С. 7.

Л. Н. Толстого, с «говорящим» названием «Промахи незрелой мысли», к базаровскому типу критик относил тех своих современников, которым от 20-ти до 30-ти лет. Печорина, Рудина, Иртеньева и Нехлюдова он относил к типам «прошедшего» поколения, «скромно доживающего свой век, и уже не обновляющегося притоком новых представителей»³⁷. Таким образом, литературные герои для Писарева, как и для значительной части его коллег «по литературно-критическому цеху», были примерами, образцами, идеальными типами, выполняющими свою дидактическую роль в процессе воспитания *нового* поколения. Они наделялись теми чертами, которые Писарев считал необходимым культивировать/искоренять в молодом поколении, призваны были символизировать те ценности, которые олицетворяла/отрицала *новая* эпоха. Мы имеем дело с ясно выраженной позицией социального программирования читателей как будущих деятелей *новой* поколенческой общности.

Представители поколения «отцов» в 1850–1870-е гг. практически не принимали участия в публичной общественно-политической дискуссии о поколениях, но в автобиографических текстах активно рефлексировали по этому поводу. Так, П. Вяземский в 1860-гг. осознавал и фиксировал наличие поколенческого разрыва, конфликта отцов и детей, который становится знаковым для этой эпохи: «Молодежь ставит себя выше отцов, потому что она попала в высший разряд. Нет сомнения, что новое поколение пользуется выгодами и преимуществами, до которых отцы не дослужились. Сии преимущества, сии завоевания и победы времени, конечно, обращаются ему в пользу; но они не могут быть признаны достоинствами каждого лица в отдельности. Благодарите за них провидение, но не гордитесь ими в унижение предков»³⁸. Таким образом, Вяземский в очередной раз подчеркивал важность связи поколений, воспринимая поколенческий разрыв как существующее, отчасти неизбежное, но негативное явление. Более того, размышляя над проблемой взаимоотношений поколений, Вяземский прогнозировал повторение поколенческих разрывов, но, с другой стороны, надеялся и на возобновление преемственности в цепочке поколений, обращение к опыту если не отцов, то дедов и прадедов. «Как мы многое отвергли из того, что перешло к нам от дедов, так и XX век, который уже не за горами, вероятно, отвергнет многое, чем мы ныне так щеголяем и гордимся. Нынешние страстные нововводители будут в глазах внуков наших запоздалые старообрядцы. Как знать? может быть, внуки наши если помянут старину,

³⁷ Писарев. 1864. С. 4.

³⁸ Вяземский. Стихотворения Карамзина... С. 227.

то перескочат через наше поколение и возобновят прерванную связь с поколениями, которые нам предшествовали»³⁹. Записи в дневнике цензора А. В. Никитенко свидетельствуют о его мучительных раздумьях о причинах поколенческого разрыва, о поисках противодействия разрушительным нигилистическим идеям, стремительно набравшим популярность у нового поколения. «Настоящее поколение признает одно начало – оппозицию против всякой руководящей власти, всякого нравственного авторитета. Оно признает за собою – и только за самим собою – безусловную свободу! Есть ли это начало плодотворное? Тут только одно отрицание, а жизнедательного ничего нет. Пусть бы оно, это поколение, рвалось вперед; но пусть же оно несло бы с собою и какие-нибудь зачатки нового, лучшего порядка вещей. Быть способным к одному отрицанию значит быть ни к чему не способным... Пустота родит пустоту, из ничего ничего не бывает», – читаем дневниковую запись от 16 марта 1862 г.

Тема взаимоотношений поколений была актуальна и для А. И. Герцена, особенно в последние годы жизни. В передовых статьях «Колокола», «Полярной звезды», в переписке с М. А. Бакуниным, Н. П. Огаревым, в ожесточенных спорах с «молодой эмиграцией», неоднозначно оценивая «нигилизм нынешних детей», Герцен, тем не менее, подчеркивал преемственность поколений, утверждая, что «декабристы – наши великие отцы, Базаровы – наши блудные дети»⁴⁰. Именно преемственность поколений была, по мнению Герцена, одной из причин сохранения пережитков крепостничества в русском общественном сознании: «Свободной России мы не увидим. Весь наш труд – в ломке препятствий и расчищении места. Мы умрем в сенях, и это не от того, что при входе в хоромы стоят жандармы, а от того, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов, сеченных кнутом и битых батогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов – палачей вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, судивших декабристов, судивших Польшу, служивших в III отделении, забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян. От того, что в жилах наших лидеров, наших журнальных запевал догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях...»⁴¹.

Начиная со второй половины XIX в. проявляются мировоззренческие группы в рамках поколенческих общностей. В 1860-е гг. наиболее активное участие в конструировании и репрезентации автообраза поко-

³⁹ Вяземский. Отметки при чтении... С. 372.

⁴⁰ Более подробно об этом: Дрыжакова. 1999. С. 194-214.

⁴¹ Герцен. 1960. Т. XIX. С. 297-298.

ления «шестидесятников» принимала демократическая, а впоследствии народническая интеллигенция. Образ поколения 1860-х гг. не был «автообразом» возрастной общности, так как в его конструировании принимали участие не только представители когорты сверстников. Наряду с Д. И. Писаревым (1840 г.р.), Н. А. Добролюбовым (1836 г.р.), А. М. Скабичевским (1838 г.р.), Н. К. Михайловским (1842 г.р.), адептами идеи поколений пореформенной эпохи были Н. В. Шелгунов (1824 г.р.), Н. Г. Чернышевский (1828 г.р.), то есть люди поколения-предшественников. Таким образом, поколенческая принадлежность во второй половине XIX в. означала не столько возрастную, сколько мировоззренческую идентичность, моделировавшуюся по принципу отношения к идеям и «замыслу» предшествующей эпохи. Не случайно самоназванием поколения стала номинация «новые люди», а оценочное название, присвоенное идейными оппонентами – «нигилисты». Образ поколения 1860-х гг. первоначально конструировался по принципу бинарных оппозиций людям 1840-х гг., а в 1870–1880-е гг. – *новым поколениям интеллигенции*. Заметим, что разрыв поколений в этом случае является способом утверждения позитивной идентичности, не воспринимаясь в негативном, страдательном модусе.

Публицистические, художественные, мемуарные тексты, созданные «шестидесятниками», свидетельствуют о мифологизации своего поколения, которая впоследствии была воспринята и утвердилась как штамп в поколенческом дискурсе поколений, называвших себя идейными преемниками «святых шестидесятых».

В 1880-х гг. образ «святых шестидесятых» становится «местом памяти» для нового поколения «восьмидесятников». Риторика борьбы поколений вновь уступает место идее их преемственности. Однако в качестве социокультурного образца и основания для идентификационных сравнений к образу «шестидесятников» обращается лишь либеральная и народническая молодежь. Для значительной части нового поколения перешедшие в категорию «отцов» «шестидесятники» олицетворяли образ «наивных и мечтательных идеалистов», далеких от нужд и запросов реальной жизни.

Таким образом, поколенческая идентичность становится все более значимой для русских интеллектуалов на протяжении XIX в. В поколенческом дискурсе нашли отражение изменения в восприятии времени, истории, модернизационных процессов в России, так как не случайно ключевыми элементами поколенческой риторики, определяя задачи настоящего и контуры будущего, стали понятия «молодость» и «новиз-

на». Разрыв и преемственность поколений как концепты сосуществовали в одном коммуникативном пространстве, являясь средствами выражения культурной или политической идентичности, и актуализация одного из них во многом определялась социокультурной ситуацией в стране. Русские интеллектуалы, осмысливая действительность, определяя свое место в социуме и потоке истории, создавали «поколения» и вели за них борьбу, что отражало столкновение различных ценностных ориентаций и стратегий поведения. Поколения, их преемственность и разрыв стали значительным социокультурным проектом в России XIX в., воплощая настоящее, конструируя прошлое и будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахиезер А. С.* Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. М., 2000. № 9.
- Богданович Т. А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929.
- Вяземский П. А.* Из «Автобиографического введения» // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Вяземский П. А.* К. Н. Батюшков (Письмо к М. П. Погодину о найденных статьях Батюшкова: «Воспоминание мест, сражений и путешествий» и «Воспоминание о Петине») // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Вяземский П. А.* Отметки при чтении исторического похвального слова Екатерине II, написанного Карамзиным // *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений в 12-ти томах. СПб., 1878–1896. Т. VII.
- Вяземский П. А.* Стихотворения Карамзина // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Вяземский П. А.* Ю. А. Нелединский-Мелецкий // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Герцен А. И.* Суд в Париже и убийство в Петербурге // *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 19.
- Данилов В. П.* О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. А. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 108-145.
- Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- Дрыжакова Е.* Герцен на Западе в лабиринте надежд и отречений. СПб.: Академический проект, 1999.
- Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // *Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников.* М.: Издательство Московского университета, 1989.
- Ключевский В. О.* Полный курс лекций в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3.

- Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / сост. В. Федоров. М.: МГУ, 1994.
- Нора П.* Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 2 (30).
- Олейников Д. И.* Поколения в истории России XIX в. // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1.
- Писарев Д. И.* Промахи незрелой мысли // Русское слово. 1864. № 12. II отд.
- Писарев Д. И.* Новый тип // Русское слово. 1865. № 10. II отд.
- Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895.
- Политическая история России: Учеб. пособие / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Юристъ, 1998.
- Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001.
- Современная летопись // Русское слово. 1862. № 2. II отд.
- Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.
- Соколов К. Б.* Эстафета поколений русской интеллигенции // Поколения в социокультурном контексте XX в. М.: Наука, 2005. С. 439-470.
- Сорокин В.* Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. № 12.
- Ткачев П. Н.* Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
- Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.
- Чудакова М.* Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 2 (30).
- Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М., Пг., 1923.
- Шелгунов Н. В.* К молодому поколению // Народническая экономическая литература. М.: Соцэкгиз, 1958.
- Шелгунов Н. В.* Борьба поколений // Дело. 1869. № 3.

Родигина Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; natrodigina@list.ru.

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; sabourova@mail.ru.

А. А. СЕРЫХ

ПОКОЛЕНИЕ «ВОСЬМИДЕСЯТНИКОВ» И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ ИСТОРИКОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Статья посвящена исследованию проблемы поколений в российском обществе конца XIX – начала XX в. Особое внимание уделено поколенческой самоидентификации историков, вступивших в научное сообщество в 1880-е гг. Определены основные компоненты образа поколения «восемидесятников» и его роль в формировании поколенческой идентичности русских историков.

Ключевые слова: поколение, идентичность, «восемидесятники», научное сообщество, отечественные историки рубежа XIX–XX вв.

На современном этапе развития науки процесс междисциплинарного взаимодействия приводит к изменению проблемного поля и формированию новых исследовательских направлений. Разработка проблемы поколения также все чаще выходит на новый, междисциплинарный уровень исследования. Примером могут быть вышедшие одновременно сборники «Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России»¹ и «Поколения в социокультурном контексте XX века»², в которых проанализирован уже накопленный опыт изучения теории поколений как с точки зрения социологического, так и философского подходов, предложен ряд новых вариантов определения понятия «поколение», а также показаны возможные варианты межпоколенческих коммуникаций.

Вместе с тем, проблема поколений получает развитие и в отдельных научных дисциплинах, например в литературоведении. Так Н. Арлаускайте³, В. Г. Арсланова⁴, Т. И. Печерская⁵ раскрывают поколенческую проблематику в исследованиях, посвященных процессам развития и трансформации отдельных жанров и направлений отечественной литературы. Предметом изучения И. М. Каспэ⁶ стало литератур-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-5404.2010.6.

¹ Отцы и дети...

² Поколение в социокультурном контексте XX века...

³ Арлаускайте. 2005. С. 212-231.

⁴ Арсланов. 2005. С. 598-614.

⁵ Печерская. 1999.

⁶ Каспэ. 2005.

ное поколение, возникшее в послереволюционной эмиграции (1920–1930 гг.). Автор на примере молодого поколения эмигрантов раскрыла структуру и характерные особенности «незамеченного» поколения. М. О. Чудакова посвятила свои работы литературным поколениям советского общества, рассмотрела условия становления отдельных генераций, но главное – процесс смены поколений⁷.

В рамках исторической науки проблема поколений долгое время оставалась малоизученной. Как отмечал П. Нора, многие историки вслед за М. Блоком и Л. Февром, хотя и осознавали «незаменимый свет, который могло бы пролить поколение на понимание эпохи, в целом отказались от этой категории как от схематичной, неэффективной, грубой и в конечном счете не столько плодотворной, сколько обедняющей»⁸. Но, существующие с середины XIX в. и постоянно развивающиеся философские и социальные подходы к проблеме поколений все же создали основы для работы в рамках конкретной историко-культурной проблематики уже в середине XX в. Так, например, монография Р. Уола посвящена судьбе «поколения 1914 года» в Британии, Германии, Франции⁹.

В советской исторической науке исследование проблемы поколения носило фрагментарный характер. Понятие «поколение» использовалось, как правило, при изучении общественно-политических движений в различные периоды отечественной истории, при этом само понятие «поколение» способствовало скорее сохранению риторики изучаемой эпохи или применялось в качестве метафоры¹⁰.

В настоящее время поколенческий метод получил широкое распространение в исследованиях по истории исторической науки, но потенциал теории поколений в российской историографии остается пока не в полной мере реализованным. Большинство современных исследований направлено на изучение развития отечественной исторической науки в середине XX в. Так, Л. А. Сидорова¹¹ раскрыла условия существования трех поколений историков в рамках научного сообщества середины XX в. – историков «старой школы», первого марксистского и послево-

⁷ Чудакова. 1998. С. 73-91; Она же. 2006. С. 260-268.

⁸ Нора. 1998. С. 55.

⁹ Wohl. 1979.

¹⁰ М. В. Нечкина в работе «Встреча двух поколений» анализирует «революционную ситуацию» в России в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Заметим, что для автора понятие «поколение» скорее метафора. М. В. Нечкина отмечает, что в середине XIX в. произошла «смена периодов революционной борьбы», которую иначе можно назвать «встреча двух поколений».

¹¹ Сидорова. 2008.

енного поколений. Исследованию послевоенного поколения советских историков посвящено диссертационное исследование Н. В. Кефнер¹², в котором рассмотрена специфика «научной повседневности» молодого поколения историков, вступивших в профессиональное сообщество в 1950-е гг. В то же время, дореволюционные поколения историков пока не стали самостоятельным предметом изучения. С использованием поколенческого метода выполнена работа Т. Бона, посвященная Московской исторической школе конца XIX – начала XX в.¹³ Но автор исследует, прежде всего, научную школу и роль в ней П. Н. Милокова. Определяя понятие «восьмидесятники» как «идеальный тип», Т. Бон отмечает, что оно служит средством, но не целью исследования.

Отметим, что понятие «восьмидесятники» и соответствующий образ поколения сложился в русской литературе и публицистике к концу XIX в. Д. Н. Овсянко-Куликовский отмечал, что при создании литературных образов оказывались значимыми не все «черты жизни», а только наиболее характерные из них, «то, что нужно для художественной правдивости, для типичности, для яркости образа»¹⁴. Именно в результате подобных художественных обобщений возник образ типичного «восьмидесятника». По мнению В. К. Кантора, «русская литература стала русской Библией, творцом нравственно-исторических смыслов для своего народа»¹⁵, поэтому мы можем говорить о том, что созданный в литературе образ «восьмидесятников» оказался значимым при формировании общественных представлений о поколении восьмидесятых годов XIX в. Мы ставим целью выяснить, насколько сложившийся литературный образ был приемлем для историков, вошедших в научное сообщество в 1880-е гг., а также возможно ли применение характеристик «поколения восьмидесятников» к историкам конца XIX – начала XX в.?

Существует традиция определения 1880-х гг. как периода «затишья» и «безвременья». Эти определения эпохе дали ее современники, которые, наблюдая за процессами, происходящими в обществе, подчеркивали их отличие от движения шестидесятых годов и последующего подъема общественно-политической активности рубежа XIX–XX вв. Кризис общественных настроений 1880-х гг. имел различные формы проявления. Для одних он проявлялся в общественно-политическом «затишье» и уходе в «подполье», для других – в возвращении к узкопро-

¹² Кефнер. 2006.

¹³ Бон. 2005.

¹⁴ Овсянко-Куликовский. 1989. С. 459.

¹⁵ Кантор. 2005. С. 359.

фессиональной деятельности, а для молодого поколения 1880-х гг. время «затишья» совпало с периодом взросления и формирования мировоззренческих позиций.

Образ «восьмидесятников» начинали формировать еще представители поколения 1860-х гг., недовольные нерешительностью и безынициативностью молодого поколения в общественно-политической жизни. Так, например, неоднозначный образ «восьмидесятников» создал Н. В. Шелгунов. Можно предположить, что для публициста атмосфера 80-х гг. XIX в. была «чужой», в то время как настроения 60-х гг. XIX в. с их активной общественно-политической и революционной деятельностью были «своими». В оценке Н. В. Шелгуновым 1880-х гг. прослеживается конфликт «отцов и детей». Н. В. Шелгунов, сравнивая характер, содержание и интенсивность общественно-политических процессов происходящих в обществе в 1860-е и 1880-е гг. пришел к выводу о том, что поколение «детей» не поддержало идеалов «отцов».

Атмосфера 1880-х гг., по мнению Н.В. Шелгунова, способствовала появлению молодого поколения, одной из основных черт которого был эгоизм: «Одни из них сели под елью, другие сформировали “новое литературное поколение”, третьи начали читать книги Ману и ушли в буддийскую мораль, четвертые отправились в паломничество к графу Л. Н. Толстому. Все это были лишь разные формы личного эгоизма, стремление единоличного я создать себе место в природе и найти уютную атмосферу в независимом личном положении»¹⁶. Размышления Шелгунова о поколении 1880-х гг. основывались на накопленном личном опыте, на ином восприятии действительности. Н. В. Шелгунову, как «человеку 1860-х гг.» была в некоторой степени непонятна система поведения, но главное, образ мысли нового поколения. Действия (или напротив бездействие) поколения 1880-х гг. не укладывались в ту модель поведения, которая активно транслировалась в 1860-е гг., и именно это стало причиной для обвинений следующего поколения в эгоцентризме и безынициативности.

Наблюдая за молодым поколением 1880-х гг., Н. В. Шелгунов выделял в его среде несколько групп. С одной стороны, «восьмидесятники» – это петербургская молодежь, которая, по мнению публициста, во многом следовала идеям Л. Н. Толстого и «рекламировала себя поколением восьмидесятых годов»¹⁷. С другой стороны, «восьмидесятники» – это провинциальная молодежь, не имеющая ничего общего с петербург-

¹⁶ Шелгунов. 1895. С. 640.

¹⁷ Шелгунов. Указ. соч. С. 646.

ским «новым литературным направлением». У этих людей, по мнению Н. В. Шелгунова, есть «и живое чувство и деятельная любовь, и стремления, и потребность дела...»¹⁸. Сложность ситуации заключается в том, что характеристики, данные Н. В. Шелгуновым поколению 1880-х гг., не всегда совпадали с самоидентификацией молодого поколения.

Л. Н. Толстой, которому Н. В. Шелгунов отдает роль «лидера поколения», был, по признанию самих «восьмидесятников», не столь значительной фигурой для поколения. Так, А. А. Кизеветтер критически оценивал влияние писателя: «Одно время увлечение “толстовством” охватило известную часть молодежи. Прозелиты “толстовства” бросали университет, обрекали себя на аскетическое существование, пробовали устраивать вдали от городской жизни колонии с целью “жизни по Толстому” <...> Но это течение никогда не получало такого широкого развития, чтобы про него можно было сказать, что оно налагало печать на духовный склад целого поколения»¹⁹.

Рассвет популярности Л. Н. Толстого приходится на середину 1890-х гг., по словам П. П. Перцова, «в те годы было почти всеобщей мечтой – съездить к Толстому. Его имя было у всех на устах; все взоры были направлены на Ясную Поляну»²⁰. Но в 1880-е гг. философские взгляды Толстого не были столь популярны, так как они не «совпадали» с общественно-культурными настроениями. А. В. Амфитеатров отмечал: «Если что было неприятно и антипатично для нашего поколения в Толстом, то это, конечно, его религиозность и ярко выраженная вражда к материализму»²¹. Взгляды Л. Н. Толстого совпали со склонностью к мистицизму молодого поколения 1890-х гг., но для «восьмидесятников» религиозность писателя оставалась непонятной и неактуальной.

Впоследствии сложившийся образ «восьмидесятников» поддерживало и развивало молодое поколение начала XX в., используя его для укрепления собственной поколенческой идентичности. Р. В. Иванов-Разумник скептически характеризовал период 1880-х годов: «Мещанство, мещанство и мещанство – таков тусклый облик восьмидесятых годов»²². Заметим, что Иванов-Разумник замещал характеристики эпохи и поколения: освещая общую атмосферу 1880-х гг., он переносил ее оценку и на поколение «восьмидесятников». В результате такого замещения

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Кизеветтер*. 1997. С. 128.

²⁰ *Перцов*. С. 119.

²¹ *Амфитеатров*. 2004. С. 445.

²² *Иванов-Разумник*. С. 55.

«эпоха» и «поколение» воспринимались как единое целое, как следствие, терялись уникальные черты как одного, так и другого элемента.

Принципиальное отличие позиций Н. В. Шелгунова и Р. В. Иванова-Разумника заключается в том, что последний оценивал эпоху 1880-х гг. с позиции поколения «детей». Для поколения начала XX в. «затишье» 80-х гг. XIX в. особенно ярко проявлялось на фоне интенсивной общественно-политической деятельности рубежа XIX–XX вв. Кроме того, в отношении молодого поколения начала XX в. к 1880-м гг. прослеживается характерная позиция «детей» в конфликте с «отцами». Поколение начала XX в. создает новые мировоззренческие ценности, развивается в новых социокультурных условиях, которые являются для них «своими», в то время как мировоззренческие взгляды и позиции «отцов», поколения 1880-х гг., оказываются неактуальными. Если Н. В. Шелгунов сравнивал прошлое и настоящее, оставляя приоритет за прошлым, то Р. В. Иванов-Разумник и молодое поколение начала XX в. при сравнении разных периодов времени, напротив, подчеркивали значимость и верность позиций будущего, но не прошлого.

Важно, что у самих «восьмидесятников» сложился совершенно иной образ поколения. К «восьмидесятникам» мы, вслед за Н. В. Шелгуновым, относим группу людей, которая «должна была родиться между 1858–1868 гг., кончить гимназию между 76 и 86 гг., а университет между 80 и последующими годами»²³. Так, например, А. В. Амфитеатров родился в 1862 г., а в 1885 г. окончил Московский университет, но главное, что он имел «общий жизненный опыт» с другими представителями поколения 80-х гг. XIX в.²⁴ Публицист, как и многие представители поколения 1880-х гг., отрицал тот образ «восьмидесятника», который был популярен в литературе и публицистике. Называя восьмидесятников «неудачным поколением», Амфитеатров отмечал, что вина за их «неудачность» лежит на поколении шестидесятников: «Ибо эти светлые личности и чудные люди все делали прекрасно – оплошали только в одном: не воспитали нас в семье и не образовали в школе»²⁵. Амфитеатров воссоздает возможный разговор «отца-шестидесятника» и «сына-восьмидесятника», при этом автор поддерживает позицию младшего поколения: «Ты меня укоряешь чуть не каждый день, что я мало читал, не умею мыслить, что у меня нет идеа-

²³ Шелгунов. Указ. соч. С. 638.

²⁴ О значении «общего жизненного опыта» как фактора поколенческой идентификации в статье К. Мангейма «Проблема поколений» (1998).

²⁵ Амфитеатров. 1903. С. 49.

лов, что я лишен принципиальной чуткости. Верно. Кто меня сделал таким? Гимназия. Кто меня отдал в гимназию? Ты»²⁶. По мнению Амфитеатрова, «разрыв поколений» шестидесятников и восьмидесятников произошел в семидесятые годы, когда поколение шестидесятников не смогло воспитать мировоззренческие ценности будущих восьмидесятников. А. В. Амфитеатров, как и Н. В. Шелгунов, втянут в конфликт «отцов и детей», но при этом рассматривает проблему с позиции поколения «детей» и винит поколение «отцов», то есть «шестидесятников» в сложившейся ситуации. «Восьмидесятники» признают, что не оправдали возлагаемые на них надежды «отцов», они знают и понимают «идеалы отцов», но не соответствуют им. Именно поэтому, «восьмидесятники» ищут причины, которые могли бы оправдать их позицию, и одну из них находят в системе воспитания. И. Г. Яковенко отмечает: «Малые качественные подвижки рождают слабые поколения. Великие потрясения – мощные и сильные»²⁷. Вероятно, поколение 1880-х гг. было тем самым «слабым поколением», которое следовало за «сильным» поколением «шестидесятников» и предшествовало не менее сильному поколению начала XX в. Оно не смогло сформировать собственной самостоятельной мировоззренческой позиции, в результате, на рубеже XIX–XX вв. поколение 1880-х гг. находилось в ситуации постоянного оправдания, как перед минувшим поколением «отцов», так и перед взрослеющим поколением «детей».

Сложившаяся ситуация способствовала созданию в литературе и публицистике рубежа XIX–XX вв. устойчивого образа «восьмидесятника», который включал в себя такие характерные черты как эгоцентризм, общественную и политическую безынициативность и смиренное принятие окружающей действительности. Понятие «восьмидесятники» стало штампом, определяющим, с одной стороны, поколенческую принадлежность, а с другой – наделяющим поколение 1880-х гг. целым рядом негативных оценок. Именно поэтому отношение поколения 1880-х гг. к понятию «восьмидесятники» было противоречиво.

В рамках научного сообщества, в кругах общения молодого поколения историков, понятие «восьмидесятники» не пользовалось особой популярностью. Появление «восьмидесятников» П. Н. Милюков относил к результатам исторической ситуации, взгляды двух других поколений («семидесятников» и «девяностидесятников»), характеризовались П. Н. Милюковым как противоположные позиции «восьмидесятников»,

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Яковенко. 2005. С. 115.

но близкие ему: «С ними (восьмидесятниками – А. С.) я вел борьбу, возвращаясь нарочито под знамя “семидесятичства”. За нами, “семидесятичниками”, уже стучалось в двери истории поколение “девяностников” – декадентов и символистов, тогда еще не успевшее обозначиться публично и мне лично неизвестное»²⁸.

К. Мангейм теоретически обосновал возможную причину отсутствия поколенческой идентичности. Определяя энтелехию как внутреннее единство поколения²⁹, он отмечал: «Поколения, которые не смогли развить свою собственную энтелехию, стараются по возможности объединиться со старшим поколением, деятельность которого в этом направлении могла быть более успешной, или с младшим поколением, которое, возможно, окажется удачливее их»³⁰. П. Н. Миллюков стремился «отступить» к минувшему поколению, формулировку «возвращаясь нарочито под знамя “семидесятичства”» можно интерпретировать как осознание П. Н. Миллюковым своей близости к поколению 1880-х гг., но различие точек зрения в политических вопросах, при схожести других позиций, не позволяет историку признать себя представителем поколения 1880-х гг.

Важно отметить неустойчивую поколенческую самоидентификацию историка. Он отмечал, что принадлежит к «семидесятичникам», в то время как в воспоминаниях о В. О. Ключевском затрудняется точно определить собственную идентификацию: «Для нас, не то семидесятичников, не то восьмидесятников, Ключевский является уже придаточным звеном традиции, кристаллизовавшейся десятилетием раньше, в шестидесятых – семидесятых годах»³¹. На наш взгляд, причина подобных «разночтений» состоит в том, что к «восьмидесятникам» П. Н. Миллюков относил себя по возрастному критерию, в то время как к «семидесятичникам» историк был близок по мировоззренческим взглядам. Показательна ситуация, возникшая на обеде у Миллюкова по случаю успешной защиты магистерской работы. В. А. Мякотин произнес речь и, по дневниковым записям Н. Н. Платоновой, отмечал, что «хотя “восьмидесятники” кличка позорная, но “все мы восьмидесятники и у нас есть свои идеалы; иным эти идеалы могут показаться “бреднями” (м[ожет] б[ыть] намек на слова С. Ф.)»³², но все-таки мы ими дорожим и у нас есть свои вожаки,

²⁸ Миллюков. 2001. С. 124.

²⁹ Мангейм. 1998. С. 13.

³⁰ Там же. С. 33-34.

³¹ Миллюков. 1912. С. 196.

³² На обеде присутствовал С. Ф. Платонов, который несколько неудачно, по мнению Н. Н. Платоновой, в одном из спичей затронул тему о мировоззренческих позициях славянофилов и западников.

один из них П. Н., за здоровье которого я и пью»³³. П. Н. Милуков поблагодарил за речь, но отметил, что, по словам самого В. А. Мякотина «восьмидесятники – кличка позорная», поэтому он «против произвольного употребления терминов»³⁴. В воспоминаниях, написанных значительно позже, Милуков отметил только, что «пирушка прошла дружно и весело»³⁵, не акцентируя внимание на инциденте.

Вероятно, определения «семидесятники» и «восьмидесятники» были одним из элементов поколенческой идентификации историков рубежа XIX–XX вв. Историки эмоционально реагировали на вопрос о поколенческом самоопределении, и если для В. А. Мякотина, П. Н. Милукова и близкого им круга лиц, определение «восьмидесятники» было «позорной кличкой», то для А. А. Кизеветтера, определение «восьмидесятник» было приемлемо. А. А. Кизеветтер во многих своих работах затрагивал вопрос об образе «семидесятников» и «восьмидесятников»³⁶ и всегда идентифицировал себя с последними. В статье, посвященной памяти А. А. Корнилова, историк отмечал: «Русская молодежь 80-х годов нередко изображается одной краской, как поколение, якобы совершенно отпрянувшее от увлечения общественными идеалами, и с головой ушедшее в мелкие личные интересы. Я сам принадлежу к этому именно поколению, являясь сверстником А. А. Корнилова, и могу дать точное свидетельское показание о том, что такое огульное суждение о студентах-восьмидесятниках далеко не отвечает действительности»³⁷. Заметим, что Кизеветтер сохраняет и подчеркивает свою причастность к поколению «восьмидесятников», но при этом он отрицает тот образ поколения, который был создан в литературе. Для А. А. Кизеветтера «восьмидесятники» – это одна из форм поколенческой солидарности, основанная на различных критериях, в том числе и на возрастном.

Несмотря на сложившийся стереотип о «безынициативности» поколения «восьмидесятников», историки рубежа XIX–XX вв. принимали активное участие в просветительской деятельности, создании музеев и народных библиотек, организации экскурсий и выставок, чтении публичных лекций. Например, А. А. Кизеветтер и Ю. В. Готье читали лекции в провинциальных городах, А. С. Лаппо-Данилевский руководил

³³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 120-120 об.

³⁴ Там же. Л. 120 об.

³⁵ Милуков. 2001. С. 131.

³⁶ Кизеветтер. 1926. С. 234-240; Адрес в честь сорокалетия научной деятельности В. И. Семевского (ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.); Кизеветтер. 1997.

³⁷ Кизеветтер. 1926. С. 234.

Научно-литературным обществом, в которое входили студенты Санкт-Петербургского университета³⁸.

В литературе конца XIX – начала XX в. также сложился стереотип об аполитичности «восемидесятников». Заметим, что подчеркивая безынициативность «восемидесятников», имели в виду скорее 1880-е гг., а не само поколение. Действительно, общественно-политическая активность в 80-е гг. XIX в. была значительно ниже, чем в предыдущий и последующий периоды истории, но поколение 1880-х гг. в этот период только вступало в научную и общественно-политическую деятельность, поэтому политическая и общественная активность генерации проявилась несколько позже, в период революционных потрясений начала XX в.

Период политической деятельности историков рубежа XIX–XX вв. совпал с общественно-политическим подъемом начала XX века. Историки, так или иначе, принимали участие в политической деятельности, но их отношение к политике было неодинаковым. Т. Бон отмечает, что политическая активность историков рубежа XIX–XX вв. в начале XX в. была связана с «государственными репрессиями в секторе народного образования» в конце XIX в., а также с популярностью «идей позитивистских социальных философов»³⁹. Согласимся с мнением исследователя, но отметим, что различные оценки политической действительности, а также стремление к участию или напротив ограничение участия в политической деятельности характеризовали скорее личностные качества историков, и не могли отражать специфику всего поколения.

П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер были активными участниками политических событий начала XX в., но обстоятельства и причины политической деятельности у исследователей были различны. П. Н. Милюков в воспоминаниях отмечал, что на рубеже столетий он целенаправленно ушел от профессиональной деятельности в политическую: «Потеряв репутацию начинающего историка, с которой я уезжал из России, я возвращался “домой” с репутацией начинающего политического деятеля. Перемена произошла постепенно, но она была неизбежна в моем положении». Несовместимость профессиональной и политической деятельности П. Н. Милюков подчеркивает сам: «Московские товарищи по профессии оплакивали мой уход, видя в нем – и в обстоятельствах, его вызвавших, “измену” нашей общей науке»⁴⁰.

³⁸ Вопрос об общественной деятельности историков рубежа XIX–XX вв. подробно рассмотрен в монографии Н. Н. Никс «Московская профессура во второй половине XIX – начале XX веков. Социально-культурный аспект» (М., 2008).

³⁹ Бон. 2005. С. 10.

⁴⁰ Милюков. 2001. С. 216.

А. А. Кизеветтер, как и П. Н. Милуков, представитель поколения 1880-х гг. и один из лидеров кадетской партии, иначе объясняет свое участие в политической жизни общества. В воспоминаниях он писал: «Сам же я по природе своей вовсе не политик. Я – ученый и писатель. Бывают в жизни стран грозные моменты, когда каждый гражданин обязан, независимо от своего призвания, принять участие в общей политической “страде”, если у него имеются к тому хоть какие-нибудь способности»⁴¹. Кизеветтер проводил параллель между научным сообществом и политической сферой. В воспоминаниях, описывая свою совместную с М. М. Богословским и Н. А. Рожковым работу в московских архивах, отмечал: «Если бы кто-нибудь следил тогда за ежедневной совместной прогулкой трех молодых доцентов, вряд ли ему пришло бы на мысль, что это идут три будущих политических противника: будущий кадет, будущий октябрист и будущий большевик»⁴², но историк признавал, что работа в политической сфере, активное участие в деятельности партии – это временная необходимость, обусловленная стечением обстоятельств.

Ю. В. Готье также стремился принимать активное участие в политической жизни общества, но в силу ряда обстоятельств, он все же отстранился от политики: «Я не политический деятель, у меня нет для этого темперамента; в 1905, когда я был в к[онституционно]-д[емократической] партии, никто мною не воспользовался, никто меня ни к чему не применил, и не втянул; в этом “кружке добрых друзей и знакомых” мне милостиво предоставили быть темным рядовым. <...> Тем временем я сам в ней разочаровался и после выборгского воззвания сам вышел из партии до правительственных репрессий, и на всю мою жизнь стал “диким”»⁴³. Причиной неудачной политической деятельностью Ю. В. Готье, вероятно, была личная обида историка на коллег: «Ни Милуков, ни Кизеветтер, ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в к[онституционно]-д[емократической] партии»⁴⁴. Возможно, при других обстоятельствах Ю. В. Готье смог бы принимать активное участие в политических событиях страны, именно поэтому мы не можем говорить об аполитичности историка.

Ю. Н. Милютин предлагал С. Ф. Платонову вступить в партию «Союз 17 октября» и участвовать в политической деятельности, на что историк ответил отказом: «Я очень ценю сделанное Вами предложение

⁴¹ Кизеветтер. 1997. С. 320.

⁴² Там же. С. 199.

⁴³ Готье. 1991. С. 157.

⁴⁴ Там же.

стать под знамя Союза и очень благодарю Вас за доверие. Но необходимость закончить устройство того учебного заведения, с которым я связан тесной моральной связью, заставляет меня держаться вне партий и беречь свое время и силы для педагогического дела»⁴⁵. Отказ С. Ф. Платонова отражает личностное отношение историка к политике, стремление историка заниматься профессиональной деятельностью. Помимо отсутствия личного желания, «уйти» в политическую сферу историкам мешало объективное обстоятельство – государственное законодательство. В соответствии со статьей 53 «Положения о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г., лица, занимающие на гражданской государственной службе должность с определенным окладом содержания, обязаны были оставить эту должность в случае избрания их в члены Государственной Думы⁴⁶. Совмещать активную научно-педагогическую и политическую деятельность для историков было невозможно, а в ситуации выбора приоритет часто оставался за научной и педагогической работой.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский обвинял «восьмидесятников» в неразборчивости и называл их «литературными гастрономами». Возвращаясь к мемуарам историков рубежа XIX–XX вв., отметим, что круг чтения действительно был широк. П. Н. Милюков подчеркивал значение Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского. А. А. Кизеветтер писал о значении работ Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но это говорит скорее о разнообразии интересов в рамках поколения, о развитии литературы, о появлении новых имен в литературной среде, но никак не о неразборчивости читателей.

Более того, круг чтения историков рубежа XIX–XX вв., вероятно, является одним из немногих факторов, позволяющих говорить о них как о едином, целостном поколении. И. В. Кондаков отмечает, что «для “поколенческой” идентификации чрезвычайно важна апелляция к общему непререкаемому авторитету (даже если универсальность его воздействия на всех представителей поколения является проблематичной)»⁴⁷. Несмотря на всё разнообразие литературных предпочтений, возможно выделение литературных лидеров поколения, или наиболее популярных писателей. А. И. Рейтблат отмечает, что особой популярностью среди читающей публики пользовался М. Е. Салтыков-Щедрин, популярность

⁴⁵ Платонов С. Ф. – Ю. Н. Милотину... С. 95.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи... С. 650.

⁴⁷ Кондаков. 2005. С. 381.

же Л. Н. Толстого в 1880-е гг. развивалась во многом благодаря публицистическим работам, но апогей ее пришелся на рубеж XIX–XX вв.⁴⁸

Таким образом, сопоставляя литературный образ «восьмидесятников» и поколение историков, вошедших в научное сообщество в 1880-е гг., мы приходим к выводу о несоответствии самоидентификации историков, как представителей поколения 1880-х гг., и того образа «восьмидесятника», который был популярен в обществе. Созданный в литературе образ скорее отражал черты эпохи, которые транслировались и на поколение 1880-х гг., «восьмидесятников» винили в большинстве пороков времени. Вероятно, именно по причине устойчивости негативного образа «восьмидесятников», историки рубежа XIX–XX вв. не стремились идентифицировать себя как «поколение восьмидесятых годов».

Уникальность позиции историков рубежа XIX–XX вв., заключается в том, что генерация воспитывалась в рамках тех правил, которые предлагало научное сообщество конца XIX – начала XX в. Безусловно, влияние литературы и общества было значимо для процесса формирования поколенческой идентичности, но роль научного сообщества была доминирующей. Поэтому к историкам рубежа XIX–XX вв. сложно применять те критерии поколенческой идентичности, которые транслировались литературой, и на которых основывался образ «типичного восьмидесятника». Литературные предпочтения были только одним из оснований поколенческой солидарности, но большее значение для поколенческой идентичности историков имела самоидентификация с той или иной научной школой, или научным лидером. В результате, мы можем отметить, что, если для российского общества конца XIX – начала XX вв. поколенческая солидарность была актуальна, то в рамках научного сообщества русских историков, она замещалась другими видами идентичности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 2003. 388 с.
- Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 2004.
- Амфитеатров А. В.* Житейская накипь. СПб.: Общественная польза, 1903. 284 с.
- Бон Т. М.* Русская историческая наука (1880 г. –1905 г.). Павел Николаевич Миллюков и Московская школа / Пер. Д. Троицин. СПб.: Олериус Пресс, 2005. 272 с.
- Готье Ю. В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 155-175.
- Иванов-Разумник Р. В.* История русской интеллигенции: в 3-х тт. Т. 3. М.: Терра, 1997. 366 с.

⁴⁸ *Рейтблат.* 1991. С. 72.

- Кантор В. К. Смена поколений в русской культуре: от дяди к племяннику // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2005. С. 337-361.
- Кизеветтер А. А. А. А. Корнилов // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4. С. 234-240.
- Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 гг. М.: Искусство, 1997. 396 с.
- Кондаков И. В. «Отцы», «дети» и «пасынки» в русской культуре (Заметки по социокультурной микродинамике) // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2005. С. 370-405.
- Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7-47.
- Милюков П. Н. В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912. С. 183-217.
- Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 636 с.
- Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение 1998. № 30. С. 48-72.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 526 с.
- ОР РНБ. Ф. 585. (С. Ф. Платонов) Оп. 1. Д. 5691. Л. 120-120 об.
- Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 489 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXV. СПб., 1908.
- Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М.: МПИ, 1991. 221 с.
- Шелгунов Н. В. Борьба поколений // Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. СПб.: О. Н. Попова, 1895. С. 631-650.
- Яковенко И. Г. Механизмы культурной динамики и смена поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2005. С. 112-129.

Серых Анна Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; anna_sinenko@mail.ru.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ПРЕДЕЛЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье анализируются особенности сознания интеллигенции России. Дважды инициировав в период конца XIX – начало XXI вв. масштабные социальные трансформации, российская интеллигенция в обоих случаях была вытеснена на социальную обочину. Действительность оказалась бесконечно далека от ожиданий образованного сословия России как в начале, так и в конце XX в. Это вынуждает признать: базовые представления интеллигенции о российском социуме фундаментально не соответствуют реальным закономерностям существования и исторического движения этого социума.

Ключевые слова: интеллигенция, общественное сознание, социальные трансформации, иррациональные представления.

*Интеллигенция – это слово не точно;
значит не то, что хочет обозначать.
Почему бы не остановиться на старом и
привычном понятии «образованный человек».*
В. Ключевский¹

Социально-экономическое неблагополучие массовой российской интеллигенции, ставшее доминантой ее существования в XX – начале XXI вв., вызывает необходимость попытаться понять его причины. Как известно, российская интеллигенция дважды в течение одного столетия была инициатором масштабных социальных сдвигов. Как утверждал первый русский Нобелевский лауреат И. Павлов: «Судьбу наций определяет ум интеллигентский». Это вынуждает признать: какова интеллигенция, таково и государство. Действительно, кто учил государственную бюрократию, если не университетская профессура? А каково государство – такова и судьба народа.

Представляется, что для будущего России основополагающей является именно проблема интеллигенции, не без оснований претендующей на роль национальной социо-культурной элиты, хранителя национального интеллекта, гуманистических ценностей и идеалов. Сказанное со всей определенностью ставит вопрос: какое влияние на социально-властные отношения современной России оказывает общественно-гуманитарное знание и его носители?

¹ Ключевский. 1983б. С. 299.

1. Хотели – как лучше

Предреволюционная генерация образованного сословия России была инициатором и одним из активнейших участников социальной трансформации 1917–1921 гг., результатом которой стал переход от «русской модели капитализма» к модели «советского социализма». В ходе острейшего социального конфликта значительная часть российской интеллигенции погибла; часть – эмигрировала. Оставшаяся в России интеллигенция, впоследствии была либо репрессирована, либо вытеснена на социальную обочину и маргинализована. Действительность оказалась бесконечно далека от ожиданий образованного сословия России как в начале, так и в конце XX в. Базовые представления отечественной интеллигенции о российском социуме фундаментально не соответствуют закономерностям существования и исторического движения этого социума. В числе основных причин:

– 700-летнее опоздание России, по сравнению с Европой, с созданием университетского образования – национальной школы рационального знания и рационально-критического мышления. Это повлекло за собой существенное отставание в области социальных наук от потребностей развития общества².

– Препятствия, чинимые имперскими властями наращиванию рационально-критического социального знания. Как писал Ключевский: «Забота политики... XVIII–XIX века – поставить народное образование так, чтобы знания не перерабатывались в убеждения»³.

– Стремление советского режима подчинить общественно-гуманитарные науки социальному прожектерству, ограничить их роль апологетикой очередных утопий советской власти.

² Ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, англичанин Т. Шанин отметил: «Одной из особенностей России, которая особенно видна мне как иностранцу, является та мера, в которой российская интеллигенция думала через литературу – больше через литературу, чем через социальные науки. В XIX веке очень многое из того, что в англосаксонских странах определялось через социальные науки: социологию, экономику и так далее, в России определялось через русскую литературу». – Шанин. [Электронный ресурс]. Во многом созвучно мнению д.ф.н. О. Малиновой: «работы современных российских авторов изобилуют цитатами из трудов П. Чаадаева, славянофилов, К. Кавелина, Ф. Достоевского, Н. Данилевского, В. Ключевского, К. Леонтьева, Н. Бердяева и других мыслителей XIX – начала XX в., рефлексировавших в русле исторических традиций русской общественной мысли с присущей им умозрительностью, принципиальной неориентированностью на процедуры верификации...». – Малинова. 2006. С. 113.

³ Цит. по: Из русской мысли о России... С. 267.

2. Представления дореволюционной интеллигенции

В качестве характерных неадекватных воззрений и заблуждений дореволюционной интеллигенции, делавшей ставку на революцию, могут быть названы представления:

– О русском народе, как народе едином, не несущем в себе глубочайший социокультурный, а потому исторический (стадиальный) раскол на незначительное модернизированное меньшинство и подавляющее архаичное большинство⁴.

– О том, что народ, разделенный на слои, обладающие столь различным социокультурным потенциалом адаптации, способен развиваться в едином историческом темпе.

– О возможности продуктивного переноса в архаический, в своей основе, социум России, европейской теории марксизма, отражающей реалии общества, построенного на иных социокультурных основаниях и существенно опередившего Россию в развитии.

– О русском народе как народе богоносце, глубоко и искренне приверженном православию, носителе высокой нравственности и духовности. Впоследствии, реально столкнувшись с целым рядом «коренных исторических черт, психологических комплексов, утопий и пр. русского человека», интеллигенции пришлось сполна убедиться в «невысоком моральном качестве русского народа»⁵.

– О народе, неспособном на инверсионный, исторически мгновенный отказ от 900-летнего православия, усвоенного, как оказалось, лишь на уровне обрядоведения и ритуала (Н. Бердяев).

– О том, что общество предельно неразвитого правосознания, способно разрешать масштабные социальные конфликты цивилизованным правовым способом, избежав массового насилия.

– О том, что население, в составе которого десятки миллионов неграмотных крестьян, не имевших ни малейшего представления о демократии, население, в котором доля образованных людей не превышала 3-4%, – способно существовать в рамках демократии, придерживаясь ее норм в своей повседневной жизни.

– О том, что в ходе революции будут сохранены и продолжат исправно функционировать важнейшие системы жизнеобеспечения, а ин-

⁴ По мнению Маслова, выходца из крестьян, сумевшего получить экономическое образование, российское крестьянство жило представлениями XV–XVI вв. – *Маслов.* 1908. С. 73. На средневековое сознание миллионов безграмотных крестьян последней трети XIX в., не способных строить новую европеизированную Россию, указывал и Г. Федотов. – Федотов. 2009. С. 11.

⁵ *Пивоваров.* 2008. С. 62, 56.

интеллигенция сохранит свой жизненный уклад и относительно комфортное существование.

– О том, что образованные группы знают (и правильно понимают) нужды многомиллионного крестьянства и способы удовлетворить эти интересы.

– О том, что образованное сословие способно вести за собой озлобленное, невежественное, в основном крестьянское население и контролировать развитие событий. Действительно, в годы революции и гражданской войны организационно-идеологическое ядро всех противоборствующих сил составили именно группы интеллигенции. Но, как различны были их общественные идеалы: неограниченное самодержавие, конституционная монархия, буржуазно-демократическая республика и, наконец, диктатура пролетариата.

Закономерно, что имея столь далекие от реалий представления, российская интеллигенция оказалась неспособна предвидеть последствия чаемой революции, а также то, как эта революция отразится на судьбе самой интеллигенции. При этом предостережения, и далеко не единичные, услышаны не были:

Маркс: «Настанет русский 1793 г.; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России»⁶.

Герцен: «Две разные России... община и дворянство, более ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Русь – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презирая и эксплуатируя другую. Другая – земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона»⁷.

Бакунин в 1873 г., полемизируя с Марксом и Лавровым, предвидел диктатуру «аристократов интеллигенции»: главный порок ученого – «это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он сделается самым несносным тираном... Быть рабами педантов – что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками».

Кавелин: «Администрация царской власти заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки». Засилье бюрократии связано с отсутствием самостоятельной церкви, подлинной аристократии и незначительной долей городского сословия. Однако решающее влияние оказывало невежество народа, «огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоте, не имеющих даже зачатков религиозного и нравственного наставления»⁸.

⁶ Маркс, Энгельс. 1960. С. 701.

⁷ Герцен. 1984. С. 208.

⁸ Кавелин. 1897–1900. Т. 1. Стлб. 945, 154.

Ключевский: «Из древней и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения»⁹.

Соловьев В. в начале XX в. писал: «...русский народ... находится в крайне печальном состоянии, он болен, разорен, деморализован. И вот мы узнаем, что он в лице своей интеллигенции хотя и не может считаться формально умалишенным, однако одержим ложными идеями, граничащими с манией величия и манией вражды на всех и каждого. Равнодушный к своей действительной пользе и действительному вреду, он воображает несуществующие опасности и основывает на них самые нелепые предположения. Ему кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют. Если несчастный... останется при своей мании, то ни деньги, ни лекарства не помогут»¹⁰.

Вебер М.: «Романтический радикализм социалистически-революционной интеллигенции... близок... к «государственному социализму», и от него лежит очень короткий путь в авторитарно-реакционный лагерь»¹¹.

Гершензон: «Сказать, что народ нас не понимает и ненавидит, значит не все сказать... Он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом... Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрмами еще ограждает нас от ярости народной»¹².

Плеханов: «Русская истории еще не смолола той муки, из которой будет испечен в России пшеничный пирог социализма».

Не обладая должным объемом социогуманитарных знаний, не желая прислушаться к голосам своих более дальновидных современников, немалая часть интеллигенции торопила революционные события. Этому содействовала тупая, самонадеянная бюрократия Российской Империи, искренне не понимавшая, что ее политика ведет Россию к социальной катастрофе, а ее саму – в небытие¹³. Предупреждения дальновидных чиновников игнорировались. Статс-секретарь П. Дурново предостерегал императора Николая II от вступления в Первую мировую войну: «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»¹⁴.

⁹ Ключевский. 1983а. С. 363.

¹⁰ Цит. по: Адамшишн. 2007. С. 140.

¹¹ Вебер. 2007а. С. 34.

¹² Гершензон. 1909.

¹³ Выразительная иллюстрация – напыщенная толпа высших государственных сановников на картине Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года». Каковы судьбы этих людей спустя всего 17 лет?

¹⁴ Памятная записка (меморандум) статс-секретаря П. Н. Дурново...

Размышляя о роли интеллигенции в русской революции, один из весьма уравновешенных современников – Ф. Степун полагал:

«если бы эта роль была меньше, если бы революция ограничилась выражением и защитой реальных хозяйственных нужд русского народа, то она вылилась бы в совершенно иные формы...

Мужику она даровала бы землю, пролетарию – восьмичасовой рабочий день и книжку сберегательной кассы, молодой буржуазии – руководящую политическую роль, дворянству – грустные воспоминания в поэтически-разваливающемся усадьбах. Всем же гражданам купно – равенство перед нелицеприятным законом и полную серию законных свобод. Ни одной копейки не истратила бы на разжигание “мирового костра”, на котором, как в том все больше и больше убеждаются большевики, “каши не сварить”, но того гляди сам сгоришь.

Но в том-то и дело, что по всей своей природе русская интеллигенция не могла ограничиться только ролью защитницы экономических интересов входящих классов русского народа, что она всем своим прошлым была обречена на роль разрушительницы практических достижений... путем безоглядного повышения уровня революционных задач». Весьма показательно: завершая обзор, существовавших в 1920-е годы многообразных оценок роли русской интеллигенции в совершившемся в России социальном перевороте, Степун отвергает и модные в то время нападки на интеллигенцию со стороны «вражьей критики», и «малодушное самооплевывание в ощущении конца интеллигенции». Он был убежден: необходима «мужественная самокритика в том ощущении, что интеллигенции предстоит сыграть в деле воссоздания России еще очень большую роль»¹⁵.

3. Механизм формирования тоталитарного сознания

Нетерпимость, фанатизм русской революционной интеллигенции, ее нежелание и неспособность учитывать реальные возможности и пределы трансформации социума придали беспощадность догме классовой борьбы и исступленность мифу мировой революции.

Социально-психологический механизм формирования тоталитарного сознания объяснил В. Соловьев в своей речи о Достоевском:

«С одной стороны – выступает образ идеального строя жизни, устанавливается некоторый определенный “общественный идеал”. Но этот идеал принимается независимо ни от какой внутренней работы самого человека: он состоит только в некотором, заранее определенном и извне принудительном экономическом и социальном строе жизни; поэтому все, что может человек создать для достижения этого внешнего идеала, сводится к устранению внешних же препятствий к нему.

Таким образом, сам идеал является исключительно только в будущем, а в настоящем человек имеет дело только с тем, что противоречит этому идеалу, и вся его деятельность от несуществующего идеала обращается всецело на разрушение существующего, а так как это последнее держится людьми и

¹⁵ Степун. 1991. С. 226-227.

обществом, то все это дело обращается в насилие над людьми и обществом. Незаметным образом общественный идеал подменяется противообщественной деятельностью. На вопрос: “что делать”? – получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т.е. всех защитников настоящего.

При таком решении дела вопрос: “готовы ли деятели”? – действительно является излишним. Для такого служения общественному идеалу человеческая природа в теперешнем своем состоянии и с самых худших своих сторон является вполне готовой и пригодной. В достижении общественного идеала путем разрушения все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение; такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не предъявляет своим служителям никаких нравственных условий, ему нужны не духовные силы, а физическое насилие, он требует от человечества не внутреннего обращения, а внешнего переворота»¹⁶.

Иллюстрацией сформулированных Соловьевым положений, может служить вышедшая в 1862 г. прокламация «Молодая Россия»¹⁷. Всего год спустя после отмены крепостного права, идейные предшественники радикал-революционеров начала XX в., призывая революцию, «кровавую и неумолимую», писали:

«Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы... Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 1790-х годах... Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя, знамя будущего, знамя красное и с громким криком: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!», – двинемся на Зимний дворец, истреблять живущих там... Мы издадим один крик: «В топоры!», и тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами... На сколько областей распадется земля русская – этого мы не знаем. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого будет достаточно незначительного повода»¹⁸.

¹⁶ Соловьев. 1990. С. 51-52.

¹⁷ Автор прокламации Петр Зайчневский, 20-летний студент Московского университета, дворянин, помещичий сын. Зайчневский писал прокламацию в тюрьме, куда был заключен за организацию мессы по убитым участникам демонстрации в Варшаве в феврале 1861 года и за призывы к независимости Польши, а также за агитацию среди крестьян, которых он призывал к неповиновению государственной власти. Прокламация «Молодая Россия» – первый манифест массового революционного террора, широко читалась в среде образованной молодежи. За свою революционную деятельность Зайчневский трижды арестовывался и подвергался ссылке. Умер в Смоленске в 1896 г.

¹⁸ Из прокламации «Молодая Россия», 1862 г. Цит. по: Пантин. 2009. С. 267-268.

4. Признаки кризиса – проблема осмысления

Текст прокламации содержит едва ли не все основные концептуальные положения грядущего большевизма. Его исторические предшественники отчетливо сформулировали важнейшие элементы революционной стратегии, включая беспощадный террор, истребление правящей династии, войну как основную предпосылку восстания, распад России. Дальнейший ход событий показал: политическая программа «Молодой России» была грозным предостережением властям и образованному обществу, свидетельствуя о назревании острейшего исторического вызова. Однако этот вызов был мало кем замечен и, тем более, должным образом осмыслен. Общество не осознавало зарождавшиеся предпосылки социальной катастрофы. На протяжении полувека эффективный ответ так и не был найден. Согласно Тойнби, ответственность за это ложится на правящие и интеллектуальные элиты общества. В оправдание интеллигенции России следует принять во внимание ее крайнюю в тот период малочисленность и полное отсутствие вплоть до 1905–1907 гг. народного представительства в органах государственного управления.

По данным переписи 1897 г. лишь 21% населения России умел читать. В 1913 г. грамотность составила 54% у мужчин и 26% у женщин. К началу XX в. только дворянство и духовенство – 2 % населения России – достигли почти полной грамотности. Остальные сословия по степени грамотности находились на уровне стран Западной Европы XVIII в. Однако читательская масса, т.е. те, кто имел навык регулярного чтения и возможность читать литературу, в конце XIX в. составляла 3–4 млн. чел. или 3–4 % населения. Студентов в расчете на 10 тыс. чел. в России в 1890 г. было в 4–10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах¹⁹. Отвергая утверждения экс-министра образования графа Д. Толстого, полагавшего, что у России «нет большой надобности в университетах», Д. Менделеев указывал: «и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест».²⁰ Неудивительно, что к 1914 г. в Великороссии людей с высшим образованием было около 120 тыс. чел. (порядка 1% населения). К 1913 г. общая численность интеллектуального слоя России составляла не более 3 млн. человек. В том числе до 300 тыс. учителей и преподавателей, до 50 тыс. ИТР (из них около 10 тыс. инженеров), 80–90 тыс. медиков (в т.ч. до 25 тыс. врачей), около 20 тыс. ученых и преподавателей вузов, 60 тыс. кадровых офицеров и военных чиновников, 200 тыс. духовенства. Совокупная доля все-

¹⁹ Миронов. 2003. С. 265, 385.

²⁰ Менделеев. 1995. С. 250–251.

го этого слоя в составе населения – примерно 2,2%. Фактически, Россия столкнулась с дефицитом совокупного общенационального интеллекта. Если верен закон диалектики «о переходе количества в качество», то остро недостаточное количество образованных людей определило низкое качество государственного управления Российской империей.

В. Ключевский (1911 г.) с полным основанием писал: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоев общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины – на бессмысленном управлении»²¹. Совместными усилиями радикал-революционеры и тупая, ограниченная сословными интересами и предрассудками бюрократия, упрямо вели Россию к социальной катастрофе. По прошествии всего 6 лет история подтвердила трагическое предвидение ученого.

5. Представления советской интеллигенции

Потребности существования советского общества, прежде всего, необходимость создания оборонно-промышленного комплекса, а также воспроизводства и трансляции в массовые слои населения идеологии марксизма-ленинизма, вызвали к жизни советскую систему массового образования и производную от нее советскую интеллигенцию. Это ее труд и талант преобразовали аграрную Россию в индустриально развитое государство. Однако с 1970-х гг. явственно обозначились признаки стагнации. Несмотря на десятилетия давления догматического официального общественнознания, интеллигенция, обеспокоенная научно-техническим и социально-экономическим отставанием СССР, утратой им конкурентоспособности, вновь оказалась одним из инициаторов и активных участников демократических по замыслу реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но и на этот раз, уже в ходе преобразований «советской модели социализма» в «постсоветскую модель капитализма», массовая интеллигенция была оттеснена на социальную обочину, ее накопления экспропрированы, а сама она вновь оказалась аутсайдером, составив основной массив «образованных бедных».

Отечественная научно-техническая интеллигенция, создав в свое время ракетно-ядерный щит, надежно гарантировала безопасность страны от внешних угроз. Но СССР оказался беззащитен перед угрозами внутренними, и его крушение было, прежде всего, следствием неспо-

²¹ Ключевский. 2002. С. 267.

способности противостоять нарастанию сложности социальной системы. Известна теорема Эшби о необходимости соответствия сложности системы управления масштабам управляемого объекта. Если это соответствие нарушается, то либо сознательно создается более сложная система управления, обладающая большими функциональными возможностями, либо управляемый объект распадается на менее сложные подсистемы. Вследствие упорного отказа политического руководства Советского Союза от реформ, последовательно предлагавшихся премьер-министром Косыгиным (1960-е гг.); академиком Кириллиным (1979 г.), а затем академиком Геловани (1985 г.), в СССР реализовался второй сценарий. Косность монополюной административно-политической вертикали обусловила неизбежное вырождение качества государственного управления, что повлекло за собой и дезинтеграцию государства.

Все это имеет прямое отношение к профессиональной деятельности советской общественно-гуманитарной интеллигенции, десятилетиями изучавшей жизнь общества и утверждавшей, что ей ведомы научные законы его развития. Однако крах российской государственности свидетельствует: наличные социально-властные отношения не обеспечивали развитие общества. В ходе развертывающейся глобализации оно оказалось неконкурентоспособным, несмотря на значительный научный потенциал и технические достижения. В условиях идеологической монополии «единственно верного учения» и подавления критического общественнознания, отечественная интеллигенция не смогла существенно продвинуться в понимании советского общества и социальной природы сил, скрываемых фасадом социалистической мифологии и кодекса «Строителя коммунизма». По свидетельству академика Глазьева, входившего в состав первого российского правительства, «никто не думал, что развитие страны пойдет так», хотя многие члены кабинета рекрутировались из научной среды гуманитарных институтов РАН. Преобладал «романтический и весьма поверхностный взгляд на проблемы, с которыми мы должны были столкнуться... Фундаментальная “человеческая составляющая” во многом игнорировалась», что и привело реформы к провалу»²². Среди иллюзорных представлений отечественного образованного сообщества конца XX века:

– Чрезмерно оптимистические, неоправданно завышенные представления о том, что в 1960-е годы в обществе сформировалось целое поколение демократически мыслящих граждан, «поколение шестидесятников». Последующий ход событий наглядно продемонстрировал:

²² Глазьев. [Электронный ресурс].

«шестидесятники» были лучшими представителями этого поколения, но, в силу очевидной малочисленности, они не могли оказать решающего влияния на процессы, происходившие в СССР.

– Первоначальные утверждения лидеров перестройки о неизбежности социалистического выбора.

– Утверждение о неизбежности смены социально-экономического застоя восходящим развитием, поскольку «иного не дано», и что «плохое – не может смениться худшим».

– Ни на чем не основанные надежды, что президент, поставленный Конституцией над государственной и политической конструкцией, сможет реально гарантировать развитие общества по демократическому пути, а не станет заложником правящей бюрократии и ее интересов.

– Исторически недалекое видение отказа от политического, по аналогии с Нюрнбергским трибуналом, но не уголовного процесса над идеологией и политической практикой большевизма, установившего в России репрессивный тоталитарный режим диктатуры.

– Утопические представления о возможности, в условиях пост-тоталитарного общества и в отсутствие внешних, жестких демократических рамок, достичь убедительных социально-экономических результатов в кратчайшие, исторически мгновенные сроки (достаточно вспомнить программу «500 дней» и тому подобные проекты)²³.

– Иллюзорные представления о желательности и возможности установления умеренно-авторитарного режима, способного решить задачи национальной модернизации²⁴.

– Миф о лучшем в мире советском образовании, внушавший ложные представления о том, что наличный уровень социальной компетенции и политико-правовой культуры населения достаточен для устойчивого национального развития и поступательного движения к правовому социальному государству²⁵.

– Ложные представления о том, что советский «суд», десятилетиями манипулируемый бюрократией, будет достаточно быстро выведен из-под ее контроля и трансформирован в независимую судебную власть,

²³ Демократическая трансформация оккупированных Германии и Японии после 1945 г. потребовала только для восстановления довоенного уровня экономики 10 лет.

²⁴ Надо полагать, итоги 2000–2007 гг. весьма разочаровали сторонников подобной точки зрения.

²⁵ Советского массового высшего образования (только инженеров к концу советского периода насчитывалось около 10 млн. чел), оказалось явно недостаточно, чтобы предотвратить провал России на траекторию экономической деградации и социального неблагополучия.

способную положить конец «телефонному праву» и обеспечить подлинное верховенство закона.

– Нереалистические ожидания, что советский «правоохранительный комплекс», воспитанный тоталитарным режимом, в кратчайшие сроки может быть реформирован и, вопреки традициям, станет на защиту демократии. Авторитарный поворот 2000-х годов подобные иллюзии развеял окончательно.

– Ожидания, что многомиллионное население, которому в течение 74-х лет внушалось ложное «социалистическое правосознание», будет способно следовать нормам права в процессе формирования цивилизованных рыночных отношений.

– Иллюзорные представления, согласно которым атомизированный социум, с крайне низким уровнем межличностного доверия, способен в короткие сроки сформировать влиятельные структуры гражданского общества (общественные ассоциации, профсоюзы и политические партии), что позволит создать эффективные системы политического и правового контроля за исполнительной властью.

– Беспочвенные ожидания, что население, второй раз в своей истории (после краткого периода с февраля по октябрь 1917 г.), получившее политические свободы, сумеет в ходе многопартийных выборов в Государственную Думу сделать рациональный выбор и сформировать эффективный парламент.

– Недооценка (если не игнорирование) демократическими группами ресурсов, возможностей и мотивов противодействия реформам со стороны бюрократического аппарата.

– Сверхоптимистические ожидания, что в отсутствие демократических традиций, в условиях слабости и разобщенности политических сил демократии, естественным ходом событий будут закреплены ее первые ростки.

– Ни на чем не основанные ожидания, согласно которым бюрократия откажется от противозаконного использования своих административно-распорядительных полномочий (административного ресурса).

– Наивные ожидания, что новая власть окажется в состоянии эффективно противодействовать исторически-традиционной коррупции.

– Ложные ожидания, что правящий класс постсоветской России будет проводить политику, исходя из интересов национального развития, а не собственного обогащения.

– Следование ложным представлениям, преднамеренно внедряемым правящими группами на начальном этапе реформ, о необходимости деидеологизации общественного сознания. Подобные представления

стали одним из значимых препятствий политической самоорганизации населения России.

– Инфантильные представления массовых групп интеллигенции о том, что ей следует самоустраниться от участия в политике (поскольку «политика – дело грязное»); однако, при этом законные права и социально-экономические интересы большинства, в том числе самой интеллигенции, будут реализованы правящими группами.

Изложенные соображения вынуждают согласиться с теми специалистами, по мнению которых социум был интеллектуально не готов к переменам²⁶. Более того, даже люди, имеющие серьезное высшее образование, ввиду сформированного у них мифологического сознания, готовы «руководствоваться в объяснении социальной реальности только примитивными стереотипами и мифами»²⁷.

6. Куда идти и что делать?

Семь десятилетий социальной некомпетентности, принудительно поддерживаемой коммунистическим режимом, не прошли бесследно. К концу XX в. советская интеллигенция имела, по преимуществу, неадекватные представления о советском обществе и возможных пределах его трансформации²⁸. Более того, в своем абсолютном большинстве российская постсоветская интеллигенция оказалась политически незначима. Реалии постсоветской России наглядно продемонстрировали: дезориентированная и политически аморфная массовая интеллигенция очень быстро утратила способность влиять на ход событий и политику властей.

Социальная мифология, деформируя как массовое сознание, так и сознание образованных групп, не проходит бесследно. Эпоха строительства коммунизма, начатая циничным лозунгом «Грабь награбленное», закономерно завершилась масштабным ограблением самих строителей коммунизма. Социально-экономические результаты преобразований убедительно свидетельствуют: постсоветская бюрократия, за ширмой демократических лозунгов, осуществила реформы в интересах собственного обогащения, успешно заместив ими интересы национального развития. В очередной раз подтвердился известный тезис политических наук: социальные группы, неспособные сформулировать отчетливую политику в защиту своих интересов и сформировать мощные политические структуры для ее реализации, неизбежно оттесняются на социаль-

²⁶ Сатаров. 2009. С. 37.

²⁷ Паин. 2009. С. 147.

²⁸ Недаром хорошо информированный председатель КГБ СССР Ю. Андропов заявил: «Мы не знаем общества, в котором живем».

ную обочину, подвергаются эксплуатации и деградируют. Именно это и произошло с массовой российской интеллигенцией.

Стремясь сохранить элементарно приемлемый жизненный уровень, и неспособная в силу общественно-политической разобщенности, противостоять аморализму, транслируемому с верхних этажей социальной пирамиды, массовая интеллигенция двинулась по пути негативной адаптации. Об этом свидетельствуют поборы в средней школе и системе медицинского обслуживания, взятки в суде и правоохранительных органах, и даже... в святая-святых интеллигенции – в отечественной высшей школе. Кто же, в таком случае, может и должен предложить массовым слоям населения образцы социально одобряемого поведения, более того – общественные идеалы? Проблема общественно-значимых идеалов имеет первостепенное значение, поскольку они выступают мощными интеграторами социума. В начале XX в., анализируя события первой русской революции, немецкий социолог М. Вебер писал: «При ознакомлении с документами российской государственной жизни поражаешься, какой в них вложен огромный труд и как тщательно они бывают разработаны. Но всегда направлены к одной и той же цели – самосохранению полицейского режима. Объективная бессмысленность этой цели устрашает»²⁹. Развал Российской империи наглядно продемонстрировал: полицейщина – не самый надежный интегратор.

Потребовался новый общественно-исторический проект, иной социальный идеал для того, чтобы вновь собрать распавшуюся имперскую государственность. Однако провал построения коммунизма, обозначил на рубеже середины 1970-х гг. распад в массовом сознании социалистических идеалов. А предложить какую-либо иную объединяющую идеологию, советская социо-гуманитарная интеллигенция оказалась неспособна. Закономерным следствием стал распад полиэтнического, поликонфессионального и многоукладного государства, каким был Советский Союз. Попытка Горбачева опереться на общечеловеческие ценности оказалась безуспешной. Массовое посттоталитарное сознание имело о них весьма смутное представление. К тому же, утрата авторитета лидерами перестройки, вызвала закономерный скептицизм и недоверие к пропагандируемым ими идеалам и ценностям. Последовавшее циничное и беззастенчивое самообогащение постсоветских псевдо-элит, окончательно дискредитировало эти ценности.

О социально-политической беспомощности российских интеллектуалов свидетельствует также их массовый исход из России. Он означа-

²⁹ Вебер. 2007. С. 102-103.

ет: люди утратили надежду изменить к лучшему свою жизнь на родине. При этом одно из наиболее принципиальных отличий стран эмиграции – правовой характер государства, а потому и качественно иные социально-властные отношения. Эти отношения не вынуждают наших эмигрантов к общественно-политической консолидации для защиты своих законных интересов, прежде всего, права на справедливую оплату труда. Это принципиально важно, так как к подобным действиям отечественная интеллигенция не готова в силу низкого массового уровня политико-правовой культуры и отсутствия навыка солидарных действий. Но на новом месте в этом нет острой необходимости. По данным американских социологов, лишь 9% эмигрантов из России, получивших в США права гражданства, принимают участие в выборах.

С начала постсоветской трансформации прошло без малого 20 лет. Ежегодно высшая школа выпускает порядка миллиона специалистов. Всем им прочитаны курсы политологии, социологии, отечественной истории, права, культурологии... Полки книжных магазинов ломятся от учебной, серьезной аналитической и публицистической литературы. Казалось бы, студенческая молодежь должна вынести в жизнь гражданское самосознание. Однако на излете второго десятилетия реформ, апатичное общество, понукаемое «силовиками», вновь послушно и безропотно повернуло в привычную, исторически тупиковую авторитарную колею. Теоретически были возможны и другие сценарии трансформации, однако в соответствии с принципом Лейбница, для иного развития событий не оказалось достаточных оснований. И одно из таких отсутствующих оснований – уровень отечественных социальных наук и производное от него качество социогуманитарной подготовки выпускников высшей школы. Дезориентация вузовской интеллигенции влечет за собой особо тяжелые последствия для будущего России.

Когда-то К. Манхейм подметил: «занимающиеся социальными науками обладают в своем знании большей ясностью и точностью... но, начиная с определенного момента, совсем не стремятся дать ответ на те вопросы, которые вызывают действительное беспокойство»³⁰. Типологически-подобные процессы происходили и происходят в России. Так, анализируя глубинные истоки ее перманентного кризиса, известный социолог, академик Г. Осипов прямо указывает: «К сожалению, российская социальная наука... оказалась не на высоте... Социальная наука: фальсифицирует прошлое (главным образом, историю); мифологизирует настоящее (понукает людей действовать во имя реализации несбы-

³⁰ Манхейм. 1994. С. 343.

точных мифов, будь то сплошная коллективизация или сплошная приватизация, тотальное планирование или абсолютно свободный рынок); мистифицирует будущее (призывает жертвовать счастьем и нормальными условиями жизни ныне живущих во имя “построения” утопического счастливого будущего для отдаленных поколений)»³¹.

Советские обществоведы утверждали, что им ведомы подлинные законы общественного развития. Однако крах СССР неопровержимо продемонстрировал их интеллектуальное банкротство. Что могут предъявить обществу в качестве результатов своей профессиональной деятельности носители социогуманитарного знания? Политическая культура населения находится на крайне низком уровне; правосознание – не воспитано; способность к самоорганизации, созданию структур гражданского общества и цивилизованным солидарным действиям – в зачаточном состоянии; взаимное доверие людей – и оно существенно ниже, чем в европейских странах; историческая ответственность за общенациональное будущее большинством населения отторгается; духовность, понимаемая как гуманистические идеалы и ценности, также массово не освоена. Более того, результаты постсоветских реформ отчетливо свидетельствуют: социогуманитарной интеллигенции не удалось модернизировать массовое сознание; более того – не удалось вырастить хотя бы высоко интеллектуальную национальную политическую элиту, способную взять на себя ответственность за историческое будущее России.

Отсюда – настоятельная задача российской интеллигенции и, прежде всего, ее социогуманитарной корпорации: наращивание рационального знания о российском социуме и настойчивая трансляция этого знания в общество. В связи с этим возникает проблема качества социогуманитарного знания, предлагаемого студенческой аудитории. Нередко, это так называемые «политтехнологии», использование которых в обществе полуархаичной политической культуры неизбежно вырождается в манипулирование профанным сознанием. Однако никому и нигде не удалось утвердить демократию в отсутствие необходимого множества демократически мыслящих Граждан. Модернизация общественного сознания в ходе освоения технико-технологических знаний, начатая в период индустриализации 1930-1960 гг., должна быть продолжена. В XXI в. в стенах высшей школы студенты должны получать не только профессиональные знания для решения технических проблем. Но также, как советовал Сперанский, получать «образование гражданское», позволяющее рационально-критически осмысливать сложнейшие соци-

³¹ Осипов. 2008. С. 181, 182.

ально-политические проблемы развития России. Со студенческой скамьи молодежь должна отчетливо знать: без реальной политической конкуренции невозможно создать эффективную систему стратегического национально-государственного управления, а потому – и обеспечить поступательное, восходящее развитие общества.

Современная ситуация внушает немалые опасения. Аналитический доклад ИКСИ РАН зафиксировал: воспитывать у детей демократические ценности считают важным лишь в 1% современных российских семей, а формировать гражданственность и убеждения – менее чем в 7% семей³². Вспоминаются два эпизода, непосредственным участником которых довелось быть. Участники межрегиональной конференции учителей средней школы по обществоведению и граждановедению, увлеченные и продвинутые энтузиасты, в кулуарах искренне недоумевали: зачем нужны политические партии. Второй эпизод произошел в ходе общественно-научной конференции, проводимой в рамках программы гуманитаризации инженерного образования одним из лучших технических вузов Москвы. В числе прочего, студенты говорили: «Нас не учат анализировать актуальные проблемы современной России»; «Преподаватели советуют нам: “Не суйтесь в политику – вас там не ждут”»; «Нас призывают проявлять гражданственность, но как это делать, нам не объясняют».

Подобные признания говорят о существенном отрыве общественно-гуманитарного образования от потребностей развития гражданского общества и формирования правового государства. Не получая серьезной подготовки в области социального знания, подрастающее поколение особенно уязвимо в части мифологии, навязываемой как официальной пропагандой, так и доморощенными радикальными идеологами. Свидетельством этого стал теракт, осуществленный на Черкизовском рынке Москвы группой московских студентов летом 2006 г. Какие убеждения внушили им учителя старших классов и преподаватели ВУЗов, если студенты пошли на преступление³³, совершенно иррациональное с точки зрения цели: вынудить нелегальных мигрантов покинуть рынок?

Архаика отечественной политической культуры не может не вызывать глубоких опасений. Анализируя причины, повлекшие гибель российской многопартийности в начале XX в., исследователи констатируют глубокую аналогию современным реалиям: отсутствие массовой социальной базы политических партий. Партии не стали реальным фактором

³² Богатые и бедные в современной России...

³³ В результате взрыва 13 человек погибло и порядка сорока – получили ранения и увечья.

политической жизни. Вместо многопартийности возникла мелкопартийность, поскольку число членов партий составляло около 0,5 % населения России в 1906–1907 гг. и не более 1,5 % населения после Февральской революции. Лидеров партий отличала та же характерная неспособность и нежелание находить компромиссы, с целью создания устойчивых политических союзов³⁴.

В данном контексте представляет интерес сравнение российской интеллигенции и западных интеллектуалов. В общественном мнении России широко распространено представление, согласно которому коренное отличие названных групп состоит в том, что интеллигенция озабочена проблемами общества, а интеллектуалы – лишь собственным благополучием. Однако это не соответствует действительности. Интеллектуалы Запада, совместно с представителями других социальных групп, сумели создать сильные, влиятельные политические партии. Это позволяет им активно влиять на формирование законодательства, продвигая в него общественно-значимые интересы, и тем самым обеспечивать решение актуальных проблем социума. Российской интеллигенции еще предстоит освоить этот цивилизованный образ мысли и действия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамишин А.* Imperium – это власть // После империи. М.: Алгоритм, 2007.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад. ИКСИ РАН. М., 2003.
- Вебер М.* К положению буржуазной демократии в России // О России. Избранное. РОСПЭН, М., 2007а.
- Вебер М.* Переход России к псевдоконституционализму // О России. Избранное. М., РОСПЭН, 2007б.
- Герцен А.* Письма издалека: Избранные литературно-критические заметки. М., 1984.
- Гершензон М.* Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Б.и., 1909.
- Глазьев С.* Никто не думал, что развитие страны пойдет так. Интернет-портал ПОЛИТ.РУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytcs/2006/09/26/glazuev.html> (время доступа – 7.04.2009).
- Из русской мысли о России. Автор-составитель И. Т. Янин Янтарный сказ, Калининград, 2002.
- Кавелин К. Д.* Собр. Соч.: В 4 т. СПб.: Б.и., 1897–1900.
- Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., Наука, 1983а.
- Ключевский В. О.* Об интеллигенции // Неопубликованные произведения. Наука. М., 1983б.

³⁴ *Сморгунов, Семенов.* 1996. С. 170-171.

Малинова О. Ю. Политическая культура в российском научном и публицистической дискурсе // Полис. 2006. № 5.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М., Юрист, 1994.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд. Т. 12. М., Политическая литература, 1960.

Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. СПб.: Б.и., 1908.

Менделеев Д. И. Об образовании, преимущественно высшем (1904) // Заветные мысли. М.: Мысль, 1995.

Мионов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003.

Осинов Г. В. На рубеже веков. Социально-политические императивы реформ // Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. М.: ИСПИ РАН; URSS, 2008.

Паин Э. Предварительные итоги эволюции национального вопроса в России // Россия 1993–2008: итоги трансформации. М.: МШПИ, 2009.

Памятная записка (меморандум) статс-секретаря П. Н. Дурново от февраля месяца 1914 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antisys.narod.ru/durnovo.html> (время доступа – 14.04.2010)

Пантин В. К. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: Основные вызовы и возможные ответы. Феникс +, Дубна, 2009.

Пивоваров Ю. С. Истоки и смысл русской революции // Правовая и политическая культура России: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск: СИБАГС, 2008.

Сатаров Г. Итоги российской трансформации // Россия 1993–2008: итоги трансформации. М.: МШПИ, 2009.

Сморгунов Л., Семенов В. Политология. СПб.: Ольга, 1996.

Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990.

Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6.

Федотов Г. П. Россия и свобода // Психология элиты. 2009. № 3.

Шанин Т. История поколений и поколенческая история России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/03/23/shanin.html> (время доступа – 23.03.2005).

Магарил Сергей Александрович, кандидат экономических наук, доцент факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета; tagaril@yandex.ru.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

М. Р. ГАТИНА, Д. В. МИХЕЛЬ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛОНДОНСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ НАУКИ

В статье анализируются взгляды трех поколений современных исследователей на раннюю историю Лондонского Королевского общества. Авторы обращают внимание на постепенное смещение интереса от анализа социальных факторов становления естествознания в Англии Нового времени, в частности религиозных и политических, к изучению социальных норм в самой структуре знания.

Ключевые слова: *Лондонское Королевское общество, тезис Мертона, пуританизм, экспериментализм.*

Есть темы, которые можно назвать «избитыми», есть сюжеты, которые привлекают к себе все новые поколения исследователей, несмотря на то, что выводы, которые они делают, почти не отличаются друг от друга. И только по прошествии длительного времени можно обнаружить, что некоторые из этих выводов все же обладают оригинальностью. К числу таких тем и сюжетов для современной истории науки относится ранняя история Лондонского Королевского общества, т.е. период протяженностью почти в тридцать лет – с момента его основания в первый год Реставрации (1660 г.) и до времен Славной революции (1688 г.). В рамках данной статьи мы планируем рассмотреть, как описывалась ранняя история Лондонского Королевского общества в работах историков науки XX в., какие подходы к реконструкции этой истории преобладали, какие вопросы выходили на первый план и почему.

Первые попытки написать историю Лондонского Королевского общества были предприняты уже в 1667 г., когда вышла в свет книга Томаса Спрата – первого официального историографа Общества¹. Его «История», в последующем многократно переизданная, стала моделью для написания других трудов об истории сообщества лондонских естествоиспытателей. Члены Общества всегда уделяли большое внимание его

¹ *Sprat. 1667.*

историографии, вследствие чего в течение последующих двух столетий вышли в свет очередные фундаментальные публикации о его истории².

Наряду с работами, опубликованными официальными историографами Общества, важными источниками, проливающими свет на деятельность первых поколений английских естествоиспытателей, традиционно служили их собственные мемуары, письма и статьи в «Философских протоколах» - периодическом издании Общества, которое стало выходить в свет с 1665 г.³

К началу 1930-х гг. история Лондонского Королевского общества была одной из самых хорошо проработанных областей английской историографии. Изобилие материалов, находившихся в руках у исследователей, позволяло иметь подробнейшую картину о деятельности английских ученых, входивших в число наиболее авторитетного научного объединения западного мира, начиная с 1660 г.

Между тем скоро все изменилось, и традиционной историографии Общества был брошен вызов. История Общества перестала быть «внутренним делом» самих членов Общества и его официальных историографов. К ней обратились взгляды новых поколений историков, которые провозгласили и воплотили в жизнь новые подходы по изучению науки и одной из самых выдающихся ее институций – Лондонского Королевского общества. Этот вызов традиционной историографии Общества был вполне закономерным, поскольку и все традиционное историческое знание в это время оказалось поставлено под вопрос вследствие появления новых методологий и приемов ведения работы у историков.

Наиболее пристальному вниманию нового поколения исследователей подверглась, прежде всего, ранняя история Общества. Именно на этом сравнительно коротком – чуть менее трех десятилетий – отрезке времени оказалось возможным продемонстрировать, как можно по-новому писать историю научного знания и научных обществ. Новый подход к написанию истории Лондонского Королевского общества основывался на идеях и методах, которые несла с собой бурно развивающаяся социологическая наука. Тем самым наряду с традиционной историографией жизнь и судьба Общества стала делом той формы знания, которую можно было бы назвать *социологической историей*, хотя более привычным термином здесь считается «историческая социология».

Очевидно, что двумя наиболее яркими примерами того, как в 1930-е гг. социологам удалось переписать раннюю историю Общества, высту-

² Birch. 1756–1757; Weld. 1848.

³ Atkinson. 1999.

пили работы советского марксиста-обществоведа и физика Бориса Гессена (1893–1936) и американского социолога Роберта Мертона (1910–2003). По нашему мнению, именно их работы открывают новую эпоху исследований истории Лондонского Королевского общества и – при известных дополнениях – новую эпоху во всей историографии науки⁴.

Гессен ворвался в историю науки благодаря своему знаменитому докладу о Ньюtone и его эпохе, сделанному в 1931 г. в Лондоне на II Международном конгрессе по истории науки. Его доклад не только произвел глубокое впечатление на делегатов конгресса, но и стал поворотной точкой в развитии западной историографии науки. Истолкование Гессеном социально-экономических оснований английской науки XVII в. с позиций марксизма породило к жизни такое влиятельное в дальнейшем направление, как *экстернализм*⁵.

История Лондонского Королевского общества не была для Гессена главным объектом внимания. Более того, даже Ньютон и его механика не выходят у него на передний план. Как социолог-марксист Гессен интересовался не великими личностями и институтами, а теми «объективными» причинами, которые закономерно их порождают. Согласно его взглядам, механика Ньютона, как и вся физика его эпохи, оказалась ответом на запросы, которые поставила техника Нового времени. В свою очередь, развитие техники оказалось следствием экономического развития и формирующегося буржуазного общества Англии. Гессен связал необходимость развития транспортных сообщений с проблемами увеличения грузоподъемности, скорости и плавательных свойств судов, ориентации в море, строительства каналов и шлюзов, а их, в свою очередь, с задачами гидростатики, гидродинамики и небесной механики. Далее, развитие горной промышленности породило во времена Ньютона технические проблемы подъема руды с большой глубины, вентиляции шахт, откачки из них воды, новых способов плавки металлов, измельчения руды, что неизбежно потребовало развития теории простых машин, аэростатики, гидростатики, теории поднятия жидкости в трубах, изучения движения воздуха и его сжатия. Наконец, развитие военной промышленности вызвало к жизни проблемы производства дешевых и прочных пушек и баллистики, а они, в свою очередь, - необходимость изучения физических основ этих технических проблем. Эта совокупность технических проблем определила содержание основных научных

⁴ Михель. 2009. С. 312-322.

⁵ Грэхем. 1993. С. 20-31; Плоткин. 1971. С. 31-36; Каминер, Плоткин. 1971. С. 146-157.

проблем Нового времени и вывела на первый план именно механику. «Математические начала натуральной философии» Ньютона, по мнению Гессена, оказались всего лишь наиболее выдающейся научной сводкой этих проблем: «Ньютон не только не был ученым схоластом, оторванным от жизни, но в полном смысле слова стоял в центре физических и технических проблем и интересов своего времени»⁶.

Однако Гессен был не склонен выводить механику Ньютона только из характера развития экономики и техники его времени. Он внимательно рассмотрел также политические и религиозные взгляды ученого – типичного представителя среднего класса Англии XVII в. «Начала» в этом смысле оказались не только работой по механике, но и философской системой, «мировоззрением»⁷. Размышления Гессена о роли такого фактора как общественное сознание применительно к работе наиболее выдающегося члена Лондонского Королевского общества рубежа XVII–XVIII в., Исаака Ньютона, весьма примечательны. Однако надо признать, что этот раздел труда Гессена написан менее ярко, чем та его часть, где говорится о роли экономических и технических факторов.

Между тем с наибольшим успехом этот аспект проблемы представлен у Мертон. И это неудивительно. Мертон заявляет о себе как продолжатель дела великого Макса Вебера – одного из наиболее крупных оппонентов Маркса в начале XX в. Подобно тому, как Вебер выводил зарождение капитализма не из социально-экономических факторов, а из духа протестантской этики, так и Мертон связал зарождение английской науки, прежде всего, с особыми чертами общественного сознания у англичан в XVII в. Иначе говоря, американский веберианец Мертон преуспел именно в том, что менее удалось советскому марксисту Гессену.

Работа Мертона вышла в 1938 г. под названием «Наука, техника и общество в Англии XVII века». Первоначально она была опубликована в журнале по истории и философии науки «Осирис», который издавался Жоржем Сартоном – крупнейшим американским историком науки того времени. Статья Мертона, по объему не уступающая целой монографии, сразу же привлекла к себе внимание читателей. Ее успех был громким. В 1970 г. она была переиздана вновь в качестве отдельного издания⁸.

Работа Мертона включала в себя введение, десять полноценных глав и небольшое приложение. Уже сама структура ее указывает на готовность развернуть полемику против марксизма и, в том числе, против

⁶ Гессен. 1933. С. 25.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Merton. 1938. P. 360-632; Merton. 1970.

Гессена (имя которого многократно встречается в тексте). Мертон также, и не без успеха, обсуждает роль транспорта горной и военной промышленности в качестве социально-экономических факторов становления английского естествознания. Он делает это в 7-й, 8-й и 9-й главах своей работы. Но как раз перед этим он обсуждает значение перемен в общественном сознании в Англии в XVII в., показывая, что они имели определяющее значение для всех остальных изменений. Именно здесь Мертон заявляет о себе как веберянец и предлагает свой знаменитый «тезис Мертона», который известен также как «тезис Вебера-Мертона».

Согласно этому тезису распространение в английском обществе первой половины XVII в. такой версии протестантской религии, как пуританизм, было основной причиной интереса в Англии к естественным наукам. Религия здесь не препятствовала росту научного знания, а стимулировала его. Протестантская этика породила современный этос науки, нашедший свое воплощение в четырех нормах - коммунализме (communalism), универсализме (universalism), бескорыстности (disinterestedness) и организованном скептицизме (organized skepticism). Впоследствии историки предложили обозначить эти четыре нормы через аббревиатуру CUDOS⁹. В 6-й главе, которая выступает как ключевая для всей работы Мертона, идет проверка его тезиса. В преамбуле к ней Мертон пишет: «Об истории Королевского общества часто рассказывали, но лишь недавно стали изучать социальное происхождение его основателей и первых членов <...> Если пуританизм, как нам пришлось предположить, был тесно связан с наукой, тогда состав его первоначальной группы с необходимостью отражает эту связь»¹⁰.

Взявшись с социологической беспристрастностью проверить свой тезис, Мертон пришел к тому, на что он, по-видимому, и рассчитывал. Несмотря на то, что пуритане были меньшинством среди населения Англии к началу 1660-х гг., они составляли 62% первоначального состава Лондонского Королевского общества¹¹. Свой вывод о преобладании «пуританского элемента» в рядах членов Общества Мертон связал с более ранними и, по-видимому, менее известными исследованиями Дороти Стимсон¹². Кроме того, Мертон обратился и к другим авторам, у которых он также нашел сведения о численном преобладании протестантов над католиками среди ученых и студентов некоторых за-

⁹ Демина. 2005. С. 5-47.

¹⁰ Merton. 1938. P. 471.

¹¹ Ibid. P. 473.

¹² Stimson. 1935. P. 321-334; Stimson. 1936. P. 373-388.

падноевропейских стран Нового времени. Подводя итог своим рассуждениям в 6-й главе, Мертон подчеркивает роль «не-логических (non-logical) корней интеллектуального развития».

Таким образом, Мертон, как Гессен, сосредоточил внимание на *внешних условиях* ранней истории Лондонского Королевского общества. Конкретные деяния его представителей оказались для них обоих менее значимыми, чем *то*, почему они стали возможны. Оба связали их с фундаментальными социальными изменениями, причем Гессен сделал акцент на технико-экономических развития английского общества XVII в., а Мертон – на изменениях в общественном сознании. Оба не стали вникать во *внутреннее содержание* истории Общества, демонстрируя интерес к изучению контекста, в данном случае макросоциального и макроисторического контекста английского новоевропейского естествознания.

* * *

После расстрела Гессена в 1936 г. в Советском Союзе почти прекратились публикации о возникновении науки на Западе в Новое время, а вторая мировая война воспрепятствовала росту числа историко-научных работ в англоязычных странах. Но уже после нее интерес к истории научного знания вновь возрос. Особенно заметным он был в США и Великобритании, где ранняя история Лондонского Королевского общества вновь привлекла к себе внимание исследователей.

Мертон совершенно отошел от своего увлечения историей научного знания, однако его огромный авторитет и влияние, как и сам характер обсуждавшегося им в 1938 г. предмета, побудил других специалистов пойти по его стопам и проверить главные его выводы. Особенно широко такая работа велась в 1960–1970-е гг., когда на арену историко-научного знания вышло новое поколение исследователей. Предмет их интереса и даже сами названия многих публикаций свидетельствовали о серьезном внимании к мертоновским идеям. Между тем полученные выводы нередко носили оригинальный характер. В особенности это касалось содержания «тезиса Мертона».

В 1960-е гг. одним из главных мест, где развернулись споры о роли пуританизма в становлении английского естествознания, стал оксфордский журнал *Past and Present*. Поводом к этим спорам, однако, послужила не довоенная работа Мертона, а публикации одного из зачинателей журнала британского историка Кристофера Хилла (1912–2003). Хилл длительное время входил в ряды британской коммунистической партии, но после ввода в 1956 г. советских войск в Венгрию вышел из ее рядов, идейно порвал с марксизмом и задался целью по-новому писать исто-

рию «снизу»¹³. Как специалист по XVII в. Хилл не обошел вниманием историю английской науки Нового времени, включая тезис о связи между пуританизмом и интересом англичан к естествознанию. В 1965 г. вышла в свет одна из его важнейших в этом отношении работ, посвященная интеллектуальным истокам английской революции¹⁴. В ней Хилл, в сущности, пришел к тем же выводам, что и Мертон, подчеркнув значение пуританизма для развития английской науки. Вывод Хилла не устроил других англоязычных историков. Некоторые из них дали знать, что подчеркивание значимости пуританизма для революционизации и демократизации английского общества XVII в. вовсе не предполагает того, что пуританизм и принадлежность к демократическим кругам населения были столь же значимы и для развития английской науки¹⁵. Напротив, многое указывало на то, что история английского естествознания была тесно связана с роялизмом. Примечательно, что и сам Хилл в других своих работах отмечал эту зависимость¹⁶.

Одним из оппонентов Хилла стал британский историк Хью Кирни, некоторое время поработавший в США. В 1964 г. вышла его статья о пуританизме, капитализме и научной революции¹⁷. В ней Кирни отметил незначительность связи между пуританизмом и развитием науки в Англии XVII в., что вызвало ответную публикацию Хилла¹⁸. В 1968 г. в том же журнале появилась статья Барбары Шапиро, посвященная роли *латитудинаризма* - «скромного» мировоззрения, игравшего более серьезную роль, чем пуританство¹⁹. Она отметила наличие средней, пограничной между двумя лагерями - англиканством и пуританством - группы священников, ученых и политиков, объединившихся на основе идей терпимости, умеренности и сдержанности. Центральная фигура в анализе Шапиро - сэр Джон Уилкинс, британский философ и филолог, один из основателей Лондонского Королевского общества, собравший вокруг себя ученых в период своего ректорства в Уэдхэм-колледже. Тем самым, тезису о роли пуританизма в ранней истории Лондонского Королевского общества был противопоставлен антитезис.

В начале 1970-х гг. к развернувшейся дискуссии примкнула Лоте Маллиган из Австралии. Она изучила биографии 162 членов Лондонско-

¹³ О Кристофере Хилле см.: *Christopher Hill*. 2003. February, 26.

¹⁴ *Hill*. 1965a.

¹⁵ *Solt*. 1967. P. 18-29.

¹⁶ *Hill*. 1964b. P. 54-72; *Idem*. 1965b. P. 97-103; P. 110-112; *Idem*. 1968. P. 144-156.

¹⁷ *Kearney*. 1964. P. 81-101.

¹⁸ *Hill*. 1964a. P. 88-97.

¹⁹ *Shapiro*. 1968. P. 16-41. См. также: *Shapiro*. 1969.

го Королевского общества и выяснила, что типичной чертой научного энтузиаста 1660-х гг. вовсе не была принадлежность к среднему классу, торговым, пуританским, политически радикальным, неакадемическим кругам. По ее данным, типичный ученый был роялистом, англиканином и университетски образованным джентльменом²⁰. Тезис Маллиган об *англиканстве* как религиозной принадлежности членов Общества оказался популярным и среди других исследователей²¹.

В ответ на публикацию Маллиган Шапиро заметила, что используемый Маллиган анализ тоже имеет свои недостатки. В частности, в условиях Революции и Реставрации политическая и религиозная принадлежность многих заметных лиц английской истории быстро менялись. Тем самым, принадлежность к знаменам парламента и роялизм для одних и тех же людей были обычным делом²². Получалось тогда, что выводы Мертона и Хилла рассыпались под напором исторических фактов. Дискуссия на страницах *Past & Present* показала, что время упрощенных суждений относительно социального контекста ранней истории Лондонского Королевского общества прошло.

Было бы неверно утверждать, что после публикаций таких авторов, как Шапиро и Маллиган мертоновское прочтение истории возникновения естествознания в Англии и ее центрального эпизода – основания Лондонского Королевского общества – сошло на нет. Напротив, дыхание идей Мертона продолжало ощущаться. Так, в 1975 г. Чарльз Уэбстер опубликовал свою знаменитую работу о реформах в сфере образования, медицины и экономики в период после смерти Френсиса Бэкона и до Реставрации. Подобно своему предшественнику Уэбстер сосредоточил внимание на роли пуританских идей в формировании «мирского» взгляда на окружающую реальность и прогресса учености (*advancement of learning*). Однако, затронув вопрос о ранней истории Лондонского Королевского общества, он указал, что вопросы о партийной и религиозной принадлежности не имели для его членов определяющего значения, как, впрочем, и для тех, кто входил в более ранние объединения адептов «Новой философии» при Кромвеле. По мысли Уэбстера, научная работа в Обществе была отделена от идеологических трений, а сама наука была болеутоляющим средством перед лицом социальных потрясений²³.

Поскольку стало понятно, что простого решения вопроса о политических и религиозных убеждениях членов Лондонского Королевского

²⁰ *Mulligan*. 1973. P. 92-116. См. также: *Mulligan*. 1973. P. 213-219.

²¹ *Jacob, Jacob*. 1980. P. 251-257.

²² *Shapiro*. 1975. P. 133-138.

²³ *Webster*. 1975.

общества эпохи Реставрации не существует, то исследователи в дальнейшем попытались внести большую ясность в сам предмет дискуссий. Поводом для этого служили не только работы Мертона, Хилла и Уэбстера, но и стремление обсудить некоторые частные вопросы²⁴.

В целом, исследования ранней истории Лондонского Королевского общества в 1960–1970-е гг., подобно пионерским работам Гессена и Мертона, по-прежнему были ориентированы на то, чтобы вскрыть социальные условия и социальный контекст возникновения английской науки в XVII в. При этом в них наметилась тенденция перейти от анализа «внешних» условий к «внутренним» сторонам деятельности Общества. Парадоксально, однако, что когда этот переход делался в наиболее полной мере, и историкам приходилось иметь дело не с «факторами» и «условиями», а с судьбами конкретных английских естествоиспытателей времен Реставрации, возникали все новые вопросы о том, как наиболее верно воспользоваться социологическим подходом к изучению истории науки и таким его противоречивым инструментом, как «тезис Мертона». Как справедливо замечает по этому поводу Елена Мамчур, социологический подход, предложенный Мертоном, оказался весьма широк, а толкование «социального» среди историков менялось с ходом времени²⁵.

* * *

В 1980-е гг. ранняя история Лондонского Королевского общества еще сильнее привлекла к себе внимание специалистов. Не в последнюю очередь, видимо, это было вызвано тем, что появилось новое поколение исследователей, получивших солидную социологическую подготовку применительно к их занятиям историей науки. Они были, безусловно, в курсе дебатов о роли пуританизма в ранней истории новоевропейской науки. Но продолжать старый спор о том, как религия повлияла на процесс зарождения современного естествознания, похоже, не входило в их задачи. Более важным для них стал вопрос о том, *какой* вообще оказалась сама новоевропейская наука благодаря сложившемуся к середине XVII в. уникальному религиозному и политическому климату.

Согласно широко распространенным убеждениям, Лондонское Королевское общество с самого начала было центром *экспериментального естествознания*, олицетворением чего были исследования, проводимые Бойлем, Гуком и Ньютоном. Однако, что представляло собой само экс-

²⁴ Mulligan. 1980. P. 456-469; Abraham. 1983. P. 368-387; Shapin. 1988. P. 594-605; Cohen. 1992. P. 324-325.

²⁵ Мамчур. 2000. С. 167-185.

периментальное знание? Такого рода вопрос вышел на передний план в работах 1980-х, 1990-х и 2000-х гг.

Одной из самых влиятельных стала книга американского социолога Стивена Шейпина и английского историка Саймона Шеффера об «экспериментальной жизни» в Англии в XVII в.²⁶ Она появилась вследствие утверждения в западной историографии науки идей эдинбургской школы «социологии научного знания», с которой Шейпин и Шеффер были непосредственно связаны. Эдинбургская школа подчеркивала конвенциональный характер научного знания. Таким образом, экспериментальное знание в Лондонском Королевском обществе было, прежде всего, результатом особого соглашения между учеными о том, что данное знание извлекается из «самих вещей», а не из высказываний древних авторитетов. Такой подход позволял родоначальникам экспериментализма дистанцироваться от «спекулятивного знания», процветавшего в университетах. Духовным патроном Общества выступал Френсис Бэкон, чья концепция экспериментализма состояла в том, чтобы добывать у природы ее секреты с помощью огня, кислоты или инструментов. Полученным секретам присваивался статус «научных фактов». Для Бойля главным местом по производству «материи фактов» должна была стать лаборатория Общества. Производство «пневматических фактов» было налажено в ходе экспериментов с воздушным насосом²⁷.

Конвенциональный характер «материи фактов», как и всего экспериментального знания, подтверждался тем, что Бойлю и его помощникам пришлось немало потрудиться над тем, чтобы разработать точные правила и процедуры, позволяющие отделять «факты» от недостоверных знаний. Они касались организации и проведения демонстраций и рассуждений, применимых в лаборатории. Развивая идеи Шейпина и Шеффера в работе 2000 г., Шапиро пишет о том, что в английском обществе понятие научного факта утвердилось достаточно поздно и ему предшествовали концепции факта в сфере права и истории. Иначе говоря, до того, как принять статус «истинных утверждений» о природных вещах, «факты» «ограничивались человеческими действиями и событиями»²⁸.

В работе Шейпина и Шеффера обсуждение вопроса о «технических фактах» постепенно перерастает в обсуждение проблем политики. Как заметил Ян Голински, такая композиция работы явно отличается от того, что было принято у Мертона и других социологически ориентированных

²⁶ *Shapin, Schaffer*: 1985.

²⁷ *Ibid.* P. 22-79. См. также: *Smith*. 2006. P. 302-304.

²⁸ *Shapiro*. 2000. P. 105.

историков науки предшествующего периода²⁹. В частности, авторы книги об «экспериментальной жизни» обратили внимание на то, что существует связь между попытками Бойля добиться согласия между наблюдателями экспериментов в лаборатории Общества и попытками политиков той эпохи установить гражданский мир в стране, нарушенный Революцией и войной. По мысли Шейпина и Шеффера, Бойль был занят, в сущности, тем же, что и его современник Томас Гоббс, одержимый обеспечением социального порядка в Англии эпохи Реставрации. Как показано в книге, Бойль и Гоббс предложили разные политические программы. По Гоббсу, порядок должен был достигаться через общественный договор, запреты сект и принуждение в масштабах государства, по Бойлю – через договор ученых-экспериментаторов по поводу фактов, запреты на прихоти воображения и убеждение силой очевидных свидетельств. Тем самым, предлагаемая Бойлем модель организации научного исследования в лаборатории имела тесную связь с политикой и - при известной расстановке акцентов - нашла свое воплощение в системе парламента³⁰.

Работа Шейпина и Шеффера породила живой отклик среди других исследователей «экспериментальной жизни». Наиболее тесно приближается к ней книга Бруно Латура (1996)³¹, автор которой расходится с Шейпиным и Шеффером, главным образом, в оценке вклада Бойля и Гоббса в английскую политическую жизнь.

Оригинальное прочтение «экспериментальной жизни» было предложено Мари Боас Холл (1919–2009) В 1991 г. она опубликовала работу, в которой попробовала доказать, что общепризнанная среди историков мысль о торжестве экспериментального знания в ранний период существования Лондонского Королевского общества является натяжкой³². Вслед за своим супругом Рупертом Холлом (1920–2009), специалистом по переписке Ньютона, Мари Боас Холл критически оценивала масштабы экспериментальной науки в Обществе и подчеркивала, что его ученые были более склонны читать отчеты, чем осуществлять эксперименты. Экспериментализм был уделом весьма немногих «виртуозов», тогда как большинство были любителями историй об экспериментах.

Однако тема экспериментализма продолжала интересовать исследователей английского естествознания Нового времени³³. С новой сто-

²⁹ Golinski. 2005. P. 21.

³⁰ Менцин. 1993. С. 3-15.

³¹ Латур. 2006.

³² Boas Hall. 1991. P. 10-11; Hall. 1983. P. 224. См. также: Pyenson, Sheets-Pyenson. 1999. P. 81-82.

³³ Shapin. 1988a. P. 373-404; Bel-Chaim. 2002. P. 51-77; Sargent. 2004. P. 857-867.

роны к ней обратился Шейпин, опубликовав в 1994 г. очередную работу, касающуюся ранней истории Лондонского Королевского общества³⁴.

Согласно Шейпину, экспериментальное естествознание в Англии было создано не просто учеными-экспериментаторами, но *учеными-джентльменами*. Гражданская война середины XVII в. привела к политическому и экономическому упадку джентри. Однако им удалось взять культурный реванш: они оказались способны перенести свои моральные ценности в пространство зарождающейся научной культуры. Джентльмены всегда пользовались общественным доверием потому, что были способны говорить правду о людях. Джентльмен Бойль показал, как надо правдиво рассказывать о природных вещах и привил моральные нормы джентльменов экспериментальным практикам, царящим в лаборатории. Социальное доверие к джентльменам было трансформировано в социальное доверие к «научным истинам». Примечательно, что когда из науки XX в. исчезла фигура джентльмена, доверие к научным знаниям и их «порядочность» стали обеспечиваться иными способами – научной экспертизы, проверки свидетельств, техники анонимных рецензий.

В целом, поставленный Шейпиным вопрос о культурно-этическом вкладе джентльменов в естествознание стал новой фазой дискуссий о социальном контексте в истории Лондонского Королевского общества. Но в отличие от Мертона и исследователей 1960-х и 1970-х гг. Шейпину удалось показать, что «социальное» не просто предшествует научному знанию, но непосредственно встроено в самую его суть: классовая добродетель джентльменов является неотъемлемым атрибутом самого экспериментального знания. Творчество Шейпина дает самый яркий пример того, по какой линии пошло развитие современных исследований ранней истории Лондонского Королевского общества. От анализа социальных факторов становления естествознания в Англии Нового времени, в первую очередь религиозных и политических, был совершен переход к изучению социальных норм в самой структуре знания.

Представления о ранней истории Лондонского Королевского общества в течение XX в. претерпели драматическое развитие. В 1930-х гг. акцент был сделан на «внешнем» - социально-экономическом и идеологическом контекстах развития научного знания в Англии, что соответствовало стремлению исследователей установить причинно-следственную связь между эволюцией социальной системы в целом и становлением локального научного сообщества. Преобладало стремление показать

³⁴ *Shapin*. 1994.

зависимость науки от социальных макропроцессов и благотворное значение конкретных общественных перемен для развития естествознания.

Поколение историков, включившееся в дискуссии о науке Лондонского Королевского общества в 1960-е и 1970-е гг., пыталось проверить прежние выводы и добиться большей точности в собственных суждениях. Внимательная работа с источниками привела их к более взвешенному пониманию религиозных и политических факторов в социальной истории научного знания и своего рода «сглаживанию» тех острых суждений, которые были присущи исследователям науки в 1930-е гг.

В 1980-е гг. наметился постепенный отход от старых тем и развитие их уже на новом уровне. В распоряжение исследователей английской науки XVII в. попали новые факты, а сам характер адресованных к ним вопросов изменился. Рассмотрение формирующейся научной культуры джентльменов позволило обнаружить, что традиционное разграничение между миром науки и социальной средой является искусственным, поскольку социальные нормы внедряются в ткань научного исследования и формируют его не только «снаружи», но и «изнутри».

Заложенные в начале 1980-х гг. подходы к изучению ранней истории Лондонского Королевского общества во многом продолжают реализовываться и сегодня. Первые десятилетия в истории экспериментальной науки оказались той отправной точкой, к которой историко-научная мысль XX в. обращалась неоднократно, стремясь вывести из этого «момента первоначала» ясное понимание того, что представляет собой современное естествознание. Эти постоянные обращения историков ко времени зарождения новоевропейского экспериментального знания приобрели некую самодостаточную ценность, и без знакомства с ними уже немислимо осознать, что собственно представляет собой работа современного историка науки, и с какой целью она выполняется. Ранняя история Лондонского Королевского общества стала своеобразным полигоном историко-научных идей, творческой лабораторией, первым классом школы мысли, пройти через который необходимо едва ли не всякому историку науки, чтобы двигаться дальше.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гессен Б. М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Гостехиздат, 1933. 78 с.
- Грэхем Л. Социально-политический контекст доклада Б. М. Гессена о Ньюtone // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 20-31.
- Демина Н. В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5-47.

- Каминер Л. В., Плоткин С. Я.* К истории международных конгрессов по истории науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1971. Вып. 3-4 (36-37). С. 146-157.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с.
- Мамчур Е. А.* Существуют ли границы социологического подхода к анализу научного познания? // Науковедение. 2000. № 4. С. 167-185.
- Менцин Ю. Л.* Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 4. С. 3-15.
- Михель Д. В.* История науки в XX веке: историографическое введение // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: Сборник научных трудов. Вып. 3. Саратов: Наука, 2009. С. 312-322.
- Плоткин С. Я.* О II Международном конгрессе по истории науки и техники // Вопросы истории естествознания и техники. 1971. Вып. 4 (33). С. 31-36.
- Abraham G. A.* Misunderstanding the Merton thesis: a boundary dispute between history and sociology // Isis. 1983. Vol. 74 (3). P. 368-387.
- Atkinson D.* Scientific discourse in sociohistorical context: the philosophical transactions of the Royal Society of London, 1675–1975. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 208 p.
- Bel-Chaim M.* Empowering lay belief: Robert Boyle and the moral economy of experiment // Science in Context. 2002. Vol. 15 (1). P. 51-77.
- Birch T.* The history of the Royal Society of London, for improving of natural knowledge from its first rise. London, 1756–1757. 4 vols. - 512, 501, 520, 558 p. (Facsimile reprints, New York: Johnson, 1968.)
- Boas Hall M.* Promoting experimental learning: experiment and the Royal Society, 1660–1727. Cambridge: Cambridge univ. press, 1991. P. 10-11.
- Christopher Hill: Historian and master of Balliol college whose influential writings on 17th-century change were imbued with his Marxist beliefs // Times. 2003. February, 26.
- Cohen Y. F.* Puritanism and the rise of modern science: the Merton thesis by I. Bernard Cohen // Isis. 1992. Vol. 83 (2). P. 324-325.
- Golinski J.* Making natural knowledge: constructivism and the history of science. Chicago: Univ. of Chicago press, 2005. 465 p.
- Hall R.* The Revolution in science, 1500-1750. London: Longman, 1983. 373 p.
- Hill C.* Debate. Puritanism, capitalism and the scientific revolution // Past and Present. 1964a. No. 29 (1). P. 88-97.
- Hill C.* Intellectual origins of the English revolution. Oxford: Clarendon Press, 1965a. 422 p.
- Hill C.* Science, religion and society in the sixteenth and seventeenth centuries // Past and Present. 1965b. No. 31 (7). P. 97-103; No. 32 (12). P. 110-112.
- Hill C.* The Intellectual origins of the Royal Society – London or Oxford? // Notes and records of the Royal Society of London. 1968. Vol. 23 (2). P. 144-156.
- Hill C.* William Harvey and the idea of monarchy // Past and Present. 1964b. No. 27 (4). P. 54-72.
- Jacob J. R., Jacob M. J.* The Anglican origins of modern science: the metaphysical foundations of the Whig constitution // Isis. 1980. Vol. 71 (2). P. 251-257.
- Kearney H. F.* Puritanism, capitalism and the scientific revolution // Past and Present. 1964. No. 28 (7). P. 81-101.

- Merton R. K. Science, technology and society in seventeenth century England // *Osiris*. 1938. Vol. 4 (1). P. 360-632.
- Mulligan L. Anglicanism, latitudinarianism and science in seventeenth century England // *Annals of science*. 1973. Vol. 30 (2). P. 213-219.
- Mulligan L. Civil war politics, religion and the Royal Society // *Past and Present*. 1973. Vol. 59 (2). P. 92-116.
- Mulligan L. Puritans and English science: a critique of Webster // *Isis*. 1980. Vol. 71 (3). P. 456-469.
- Pyenson L., Sheets-Pyenson S. Servants of nature: a history of scientific institutions, enterprises and sensibilities. New York: Norton, 1999. P. 81-82.
- Sargent R. M. Robert Boyle and masculine methods of science // *Philosophy of science*. 2004. Vol. 71 (5). P. 857-867.
- Shapin S. A social history of truth: civility and science in seventeenth-century England. Chicago: Univ. of Chicago press, 1994. 483 p.
- Shapin S. The House of experiment in seventeenth century England // *Isis*. 1988a. Vol. 79 (3). P. 373-404.
- Shapin S. Understanding the Merton thesis // *Isis*. 1988b. Vol. 79 (4). P. 594-605.
- Shapin S., Schaffer S. J. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton: Princeton univ. press, 1985. 456 p.
- Shapiro B. J. A culture of fact: England, 1550-1720. New York: Cornell univ. press, 2000. 284 p.
- Shapiro B. J. Debate: Science, politics and religion // *Past and Present*. 1975. No. 66 (2). P. 133-138.
- Shapiro B. J. John Wilkins, 1614-1672: An intellectual biography. Berkeley: Univ. of California press, 1969. 336 p.
- Shapiro B. J. Latitudinarianism and science in seventeenth-century England // *Past and Present*. 1968. No. 40 (3). P. 16-41.
- Smith P. Laboratories // *The Cambridge history of science*. Vol. 3: Early modern science. Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. P. 302-304.
- Solt L. F. Puritanism, capitalism, democracy, and the new science // *The American historical review*. 1967. Vol. 73 (1). P. 18-29.
- Sprat T. History of Royal Society. London, 1667. – 439 p. (Facsimile reprint, edited by J. I. Cope and H. W. Jones. St. Louis MO, 1958.)
- Stimson D. Comenius and the invisible college // *Isis*. 1936. Vol. 23. P. 373-388.
- Stimson D. Puritanism and the new philosophy in 17th century England // *Bulletin of the institute of the history of medicine*. 1935. Vol. 3. P. 321-334.
- Webster C. The Great instauration: Science, medicine and reform, 1626-1660. London: Duckworth, 1975. 630 p.
- Weld C. R. A history of the Royal Society, with memoirs of the presidents. London, 1848. 2 vols. 527, 611 p. (Facsimile reprint, Salem NH: Ayer, 1975.)

Гатина Мария Руслановна, аспирантка Саратовского государственного технического университета; e-mail: noble-woman@inbox.ru.

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета; e-mail: dmitrymikhel@mail.ru.

Г. П. МЯГКОВ

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
В СВЕТЕ «СТАРОЙ» И «НОВОЙ» МОДЕЛИ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

В статье рассматриваются модели исследований истории исторической науки дореволюционной России: *первая*, сложившаяся к рубежу 1920–1930-х гг., подходившая к исследуемому научному сообществу с позиций гипертрофированной классовой оценки и усматривавшая в нем «объект репрессии», и *вторая*, формирующаяся на рубеже XX–XXI вв., ориентирующая изучение научного сообщества в системе координат антропологической парадигмы. Подчеркиваются эвристические возможности «новой» модели.

Ключевые слова: *научное сообщество, институционально-коммуникативная сеть науки, научное пространство, советская историография, научная школа, антропологическая парадигма в историографии.*

Понятие *научное сообщество*¹ обозначает совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом деятельностью по производству, накоплению или использованию знания и поддерживающих устойчивые межличностные и межгрупповые отношения. Совокупность научных сообществ образует *научное пространство* – систему научных дисциплин, исследовательских практик, историософских концепций, а также *институционально-коммуникативную сеть науки*. Положенное в основу анализа феномена национальной историографии, это понятие понуждает рассматривать последнюю как *многообразие исторически сосуществующих, меняющих друг друга локальных научных сообществ*. Относительная автономность последних задается а) *дисциплинарной*, а внутри ее – проблемной связанностью, б) принадлежностью к структурно обособленным, генетически связанным формальным (кафедра, лаборатория, институт и т.п.) и неформальным (научная школа, «незримый колледж» и т.п.) общностям, выполняющим роль механизмов научной социализации.

Специфика развития историографии как истории исторической науки многие десятилетия в нашей стране (советская историография) состояла в том, что свой предмет познания историки науки рассматривали,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта № 10–01–00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

¹ Введено М. Поланьи в середине 50-х гг. XX в.

во-первых, через опредмечивание уровней функционирования историознания, как то: общеевропейский, национальный, региональный, в масштабе отдельных течений и направлений, конкретной личности как субъекта познания и, во-вторых, в тесной связи исторического познания с политикой изучаемой эпохи, страны. Из возведенной в 1920-е гг. в принцип формулы «история есть политика, опрокинутая в прошлое»², следовало, что дело историографа искать смыслы развития историознания не столько в сфере гносеологии, сколько в политико-идеологической области, дабы обнаружить политические эквиваленты любых исторических практик. Результатом стали отмеченная в конце 1970-х гг. И. Л. Беленьким бессистемность и хаотичность научного аппарата историографии по поводу структурирования историографического пространства дореволюционной России³, а главное – признание *дискретности* этого простран-

² В трудах М. Н. Покровского находим разные формулировки: «История есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего» (*Покровский*. 1933. С. 360); «...история, политика прошлого, чрезвычайно тесно увязана с политикой настоящего» (там же. С. 361). Разъясняя свою формулу связи истории и политики М. Н. Покровский писал: «Изучением истории ради истории... занимались всегда или только очень мелкие и бездарные историки, или умные люди, желавшие спрятать свою политическую физиономию под ворохом цитат и при помощи этого вороха фактически провести взгляды, отвечавшие именно этим политическим интересам того или другого класса» (там же. С. 394).

³ Приведем эти принципиально важные размышления историографа полностью: «В советской историографической литературе распространено довольно большое количество наименований различных направлений (течений) в отечественной науке: дворянское, буржуазное, мелкобуржуазное, пролетарское и т.п., эсеровское, меньшевистское, кантианское, марксистское и т.п. “Школа” – юридическая, государственная, скептическая, “родового быта”, петербургская, киевская, московская, Н. Н. Фирсова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. Н. Покровского, А. Л. Сидорова, Н. В. Устюгова и т.п. Говорят также об университетских, академических, неакадемических “школах”. Часто встречается неопределенное выражение “историография” (видимо, как синонимическое “школе” – “направлению” – “течению”) – народническая, либеральная, меньшевистская, марксистская, либерально-буржуазная, консервативная, охранительная. Основания этих наименований, как видим, разнородны: политическая, социальная, общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследования; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; география науки; персонологичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков. Сложившаяся к настоящему времени в исторической науке мозаика имен, денотаты которого часто перекрещиваются, налагаются друг на друга, отражает, фиксирует различные по времени и по природе имена: а) само на-

ства, на поле которого действовали противостоящие друг другу течения и направления, отражавшие и выражавшие борьбу классов, и при том все вместе занимавшие позицию «внеположенности» марксистскому историознанию. В описании этой «хаотичности» оказалось зафиксированным и другое существенное качество советской историографии: в центре внимания, как правило, оказывалась проблема выполнения историками идеологической и политической функций. Сформировавшаяся к рубежу 1920–1930-х гг. историографическая модель⁴ заложила традицию выделять направления в науке по классовому признаку⁵. Практика была трагичной: произошедший в Октябре 1917 г. «колоссальнейший из революционных переворотов» (М. Н. Покровский) породил, по определению М. Г. Ярошевского, «... беспрецедентный в истории человеческой культуры феномен репрессированной науки, ибо **объектом репрессии оказалось научное сообщество в целом...**»⁶ (выделено нами. – Г. М.).

Шагами на этом пути стали: погромная критика взглядов Р. Ю. Виппера в 1922–1924 гг.⁷, полемика вокруг книги Д. М. Петрушевского «Очерки экономической истории средневековой Европы»⁸ и самые сильные из нанесенных в период «революции, проведенной сверху», удары по «старой» науке – «академическое дело» (дело академика С. Ф. Платонова)⁹ и дискуссия «Буржуазные историки Запада в СССР» (Москва – Ленинград, декабрь 1930 – февраль 1931 гг.)¹⁰. Дореволюци-

звание школы, направления, течения, т.е. названия “изнутри” в текстах программных, конституирующих..., фиксирующих определенный этап жизни сообщества, подытоживающих, “биографических”; б) синхронные и ретроспективные наименования “со стороны” (в процессе полемики, историографического изучения и т.п.)» (Беленький. 1978. С. 64-65).

⁴ Показателем «завершенности» ее формирования можно считать работу М. Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов» (См.: Покровский. 1933).

⁵ М. Н. Покровский выдвинул такую формулу: «...то, что вчера считалось наукой, сегодня является уже не наукой, а в лучшем случае известной подготовкой к науке, известным собиранием материала и т.д.» (Покровский. 1933. С. 351). Конкретно процесс развития русской науки был представлен так: «...для Погодина в 20-х годах XIX в. Карамзин не был наукой... Через 30 лет сам Погодин уже не был больше наукой... прошло еще 40 лет, и в 90-х годах XIX в. ...то, чему обучал В. И. Герье для школы Виноградова было не исторической наукой, а “герьеведением”, чем-то совершенно особенным, что с исторической наукой ничего общего не имеет» (там же. С. 352).

⁶ Ярошевский. 1991. С. 10-11.

⁷ См.: Покровский. 1922; Фридлянд. 1923; Карев. 1924. Анализ см.: Мягков. 1994. С. 59-87.

⁸ См.: Диспут о книге Д. М. Петрушевского...

⁹ См.: Брачев. 1989.

¹⁰ См.: Буржуазные историки Запада в СССР...; Фризман. 1932.

онное наследие было отринуту напрочь теми, кто видел в истории «самую политическую науку из всех существующих»¹¹, отрицалась и какая-либо родословная связанность «новой», марксистской науки с академическим наследием прошлого.

Падение «школы Покровского» с ее претензиями построения чисто «пролетарской» науки радикально не изменило ситуацию в вопросе об отношении к наследию прошлого. Но можно отметить, что после Постановления ЦК ВКП(б) от 26 января 1936 г. «О преодолении антинаучных взглядов на историческую науку», *во-первых*, в условиях выдвижения «великодержавных» задач сталинизма все же востребованными оказывались некоторые известные фигуры, имевшие «державные» заслуги или заслуги по части продвижения марксизма в Россию, а *во-вторых*, ко второй половине 1930-х – началу 1940-х гг. относятся и первые попытки изменить сложившийся канон отношения к «буржуазному наследству»¹². Тогда появляются историографические труды¹³, авторы которых, проявив научную смелость и гражданское мужество, в рамках своих дисциплин предпринимают попытку *целостно* взглянуть на историографический процесс, вводя в свои исследования идеи *преемственности* и *эволюционности* накопления исторических знаний. И хотя достичь указанного в силу того, что в основу анализа историографического процесса была положена вытекающая из принципа классового подхода идея «связанности» творчества изучаемых историков такими «звеньями» как направления и течения¹⁴, отражавшими и выражавшими ситуацию классового

¹¹ Покровский. 1933. С. 360.

¹² См.: Шаханов. 2005. С. 199.

¹³ См.: Вайнштейн. 1940; Рубинштейн. 1941. В этом ряду следует указать, что в 1938 г. Е. А. Косминский приступил к чтению новаторского для своего времени лекционного курса «Историография средних веков». Важной его задачей автор считал «дать оценку каждому историку, каждой исторической школе...» (Косминский 1963. С. 9). Описывая методологию решения этой задачи, Е. А. Косминский, наряду с «жесткой» формулировкой «критических и полемических задач» курса («решительно разоблачать ограниченность буржуазного понимания истории», «...учить отбрасывать негодное и обличать враждебное» и т.п.), выдвигает позитивные: «Для нас *более ценно и важно* расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историография, уточнение методики развития исследовательской техники. Это то, чему можно *учиться у историков предшествующих поколений*» (там же; выделено нами. – Г. М.). Курс, читавшийся в 1938–1947 гг., в печатном виде увидел свет лишь в 1963 г., фактически став только с этого времени фактом историографии.

¹⁴ Так, по О. Л. Вайнштейну, в российской медиевистике позиции ученых определяются их принадлежностью к таким общностям как: ««направления» западничества и славянофильства», «либерально-позитивистское направление второй половины XIX в.», «реакционное направление» (связываемое с русским византиноведением),

противостояния, позиция Н. Л. Рубинштейна, О. Л. Вайнштейна, М. Н. Тихомирова и др. была встречена критически. Более того, их труды превратились в предмет проработки в идеологической кампании 1947 г. и последующих лет, которая имела задачу вновь переопределить образ исторической науки в условиях усиления «холодной войны» и стремления власти в очередной раз инструментализировать науку¹⁵.

Траекторией развития новой тенденции стал путь от «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна к «Очеркам истории исторической науки в СССР»¹⁶: в многотомном издании¹⁷ оказалось промаркированным все исследовательское поле в соответствии с принципами классовости и партийности.

Наступивший в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. период хрущевской «оттепели» отмечен возрастанием объема исследовательских работ по методологии и истории исторической науки, а главное – сокращением функции доношительства, которая культивировалась в историографических трудах периода борьбы за «пролетарскую историческую науку». Обнаруживалось расхождение задач идеологической борьбы и стремлений к научной истине. Своеобразной формой достижения последней стал феномен «замещенного» познания, позволяющий корректировать, а в иных доменах и преодолевать утвердившийся концептуальный строй, стиль мышления и т.п.¹⁸ На практике произошла переакцентировка определенных в известной формуле В. И. Ленина и положенных в основу деятельности советских историографов задач: не забывая повторять превращенную в заклинание формулу о необходимости *отсекать* «реакционные тенденции», «бороться со всей линией враждебных... сил и классов», историки переносили акцент на вторую часть «формулы»: «суметь усвоить себе и переработать те завоевания», которые делались буржуазными исследователями¹⁹. В ряде историографиче-

«позитивистское направление» (очевидно, синоним «либерально-позитивистского»). Н. Л. Рубинштейн выделяет и рассматривает направления по политическому признаку: «западничество», «правое крыло западников», «народническое направление», «официальное направление», «славянофильское направление», «экономическое направление», «направление легального марксизма» (см.: *Рубинштейн*. 1941. С. 290, 388, 415, 433, 535). Используя категорию «школа», он часто понимает под означаемым опять-таки «направление» (например, «карамзинское направление», «скептическое направление» Каченовского, «славянофильская школа» (там же. С. 497).

¹⁵ См.: *Корзун, Колеватов*. 2006; *Шаханов*. 2005.

¹⁶ См.: *Корзун, Колеватов*. 2006. С. 238.

¹⁷ См.: *Очерки истории исторической науки в СССР*. 1955; 1960; 1963.

¹⁸ См.: *Бухараев, Жигунин*. 1996. С. 553.

¹⁹ *Ленин*. С. 364.

ских работ проявляется тенденция преодоления жесткой социализации науки и признание – на уровне констатации – ее автономности²⁰.

И все же принципиально суть подхода к наследию прошлого не изменилась. Второй и третий тома «Очерков...», весь комплекс историографических работ 1960–1980-х гг., в том числе последовавшие монографические исследования²¹, созданный комплекс учебной литературы по историографии²² весьма наглядно подтверждали наблюдение Э. Хобсбаума, сделанное на основании сравнительных исследований, что марксистской историографии присущ путь изучения способов производства знания через выявление доминирующей системы общественных отношений, причём как системы иерархической, внутренне конфликтной, и постоянно изменяющейся²³.

Первостепенное внимание продолжало уделяться таким “звеньям” развития общественной и исторической мысли как течения и направления: именно в них фокусировались политические, идеологические и философские ориентации историков, между ними разворачивались идеологические сражения, в принадлежности к ним выражались классовые позиции. Другой стороной рассмотрения процесса развития исторической науки в рамках социально-политических подходов была недооценка, а то и игнорирование «схоларной» проблематики – вопросов о месте и роли научных школ и иных организационных форм развития науки. Она, по определению В. П. Корзун, «реанимируется» с конца 1970-х гг. Школы рассматривались как продукт мировоззренческих установок эпохи, но не как сила, влияющая на эти установки и меняющая их. Теоретически обозначенное видение строения науки было выражено Е. В. Гутновой²⁴, когда при классификации школ, направлений и течений автор четко и открыто сформулировал иерархический принцип.

²⁰ Выход за рамки жесткого канона фиксируется с 1960-х гг. Корзун. 2003. С. 37.

²¹ См., напр.: Цамутали. 1971; 1977; 1986. Узлом построений историографа является исследование борьбы течений / направлений; методом – анализ дискуссий, разворачивавшихся в российской исторической мысли вокруг тех или иных проблем исторического прошлого или значительных явлений в самом историознании, связанных с выходом в свет тех или иных произведений и т.п.

²² См.: Историография... 1967; Историография... 1968; Историография истории СССР. 1971; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. 1977 и др.

²³ См.: Hobsbawm. 1971; Олабарри. 2004. С. 180. Не случайно, в условиях «холодной войны» жесткой критике подвергалось каждое «одностороннее, излишне благодушное отношение к буржуазно-либеральной русской медиевистике прошлого» (Гутнова. 1967. С. 440).

²⁴ См.: Гутнова. 1974. 2-е изд. М., 1984.

Начало 1990-х гг. историография отечественной исторической науки встречала в новых исторических условиях. Они задавались, с одной стороны, кризисом доверия к историознанию, к трудам «прорицателей прошлого», скомпрометировавших себя выполнением идеологических функций, связанных с обслуживанием системы, а с другой – выходом исторической науки из жестких рамок социального проекта. Стремление вырваться за границы его, преодолеть традиции советского периода, обеспечивалось тем, что сама наука пришла к ситуации, когда, говоря словами А. Я. Гуревича, «...накопление нового материала подводит исследователей к новым рубежам, и они начинают пересматривать то, что казалась абсолютно ясным и аксиоматическим».

Становление и развитие науковедческих исследований в 1980–90-е годы имело реальным результатом радикальный сдвиг в осмыслении и понимании механизмов функционирования научного знания, в том числе исторического. Исследователи обратили внимание на изучение внутренней социальности исторической науки, в результате «научное сообщество начали рассматривать в иной системе координат, что является отражением становления антропологической парадигмы в историографии»²⁵, ориентированной на анализ не столько готового знания, сколько способов его получения, направлений научного поиска. Это объективно стимулирует интерес к изучению творческой личности, личностного мира научных сообществ, нормативных регулирующих ценностей внутри них. Тем самым был брошен вызов «старой» модели историографического исследования с гипертрофированной классово-окраской.

Результаты исследований, осуществленных в последнее десятилетие в условиях перехода к новой парадигме, позволяют сформулировать следующую гипотезу: историческая наука дореволюционной России прошла путь от *появления первых профессионалов-историков до складывания целостного научного сообщества*, пространство которого определялось сформировавшейся и достигшей известной развитости институционально-коммуникативной сетью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беленький И. Л. К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. II. С. 64-65.
- Брачев В. С. «Дело» академика Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117-129.

²⁵ Корзун. 2000. С. 48.

- Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44-66.
- Бухараев В. М., Жигунин В. Д. «Замещённое» познание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX в.) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 552-563.
- Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940. 375 с.
- Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. 399 с.
- Гутнова Е. В. Советская медиевистика с середины 30-х гг. до 1966 г. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. С. 370-456.
- Диспут о книге Д. М. Петрушевского. (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. М., 1928. Т. 8.
- Историография истории СССР. Изд. 2. М., 1971. 460 с.
- Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1967. 670 с.
- Историография новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1968.
- Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1977. 576 с.
- Карев Н. Профессор истории в круговороте жизни // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.
- Корзун В. П. Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // Методология региональных исторических исследований: Материалы международного семинара. СПб., 2000.
- Корзун В. П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник, 2002–2003. Омск, 2003.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.
- Косминский Е. А. Историография средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1963. 430 с.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 364.
- Мягков Г. П. Наставница в роли ученицы. Теоретические исследования Р. Ю. Виппера в координатах науки и идеологии // Рубеж. Вып. 5. Сыктывкар, 1994. С. 59-87.
- Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков, 2004.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 692 с.; Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I, II. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1933.
- Покровский М. Н. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3.
- Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
- Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6.

- Фризман Д.* Против буржуазных влияний на советскую историографию. Аграрный строй Франции накануне Великой революции // Проблемы марксизма. 1932. № 4-5. С. 91-116.
- Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л.: Наука, 1986. 351 с.
- Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л.: Наука, 1977. 256 с.
- Цамутали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в. Л.: Наука, 1971. 252 с.
- Шаханов А. Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. М., 2005.
- Ярошевский М. Г.* Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 6-33.
- Hobsbawm E. J.* From the Social History to the History of Society // Daedalus. 1971. № 100. P. 20-45.

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор Казанского (Поволжского) Федерального университета; gmyagkov@yandex.ru.

О. М. БЕЛЯЕВА

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В РЕКТОРСТВО Э. Д. ГРИММА**

КОНФЛИКТЫ В ПРОФЕССОРСКОЙ СРЕДЕ

Рассмотрены конфликты в академическом сообществе Петербургского университета, ставшие следствием кадровой политики министра народного просвещения Л. А. Кассо – перемещения столичных профессоров в провинциальные университеты и назначения на их места профессоров из провинций. Показано, как складывались отношения между группами профессоров в ректорство Э. Д. Гримма, какую позицию он занимал в академическом сообществе, чьи интересы и каким образом отстаивал, как развивалось и чем разрешилось противостояние профессоров, и какие последствия имело для обеих сторон.

Ключевые слова: конфликты, академическое сообщество, Петербургский университет, министр народного просвещения Л. А. Кассо, ректор Э. Д. Гримм, столичные профессора, профессора по назначению.

Эрвин Давидович Гримм занимал пост ректора непрерывно в течение семи лет (1911–1918). Его ректорство стало временем противостояния столичной профессуры¹ и профессоров по назначению, которое продлилось до 1917 г. Оппозиция в академической среде была следствием кадровой политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, затронувшей как столичные, так и провинциальные университеты. В историографии эта проблема рассматривается преимущественно с точки зрения конфликта имперских властей и российского академического сообщества². Однако ее изучение на примере Петербургского университета дает выход на другую, не менее важную проблему. В рамках указанного конфликта постепенно развивался конфликт внутри самого академического сообщества, который проявился с увольнением столичных профессоров и приходом на их место профессоров по назначению³.

¹ Слово сочетание «столичные профессора» используется в тексте во избежание путаницы при рассмотрении конфликтов с профессорами по назначению.

² О конфликте между имперскими властями и академическим сообществом в министерство Л. А. Кассо см.: *Лейкина-Свирская*. 1947. С. 151-158; Яковлев. 1970; *Kassow*. 1989. P. 365-366; *Ермолаев*. 2003. С. 131-136; *Романов*. <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154117>; *Ростовцев*. 2009. P. 75-123; *Соломонов*. 2006. С. 117-126; и др.

³ См.: *Беляева*. 2009. С. 325-327, 329-330.

Кадровая политика министра Л. А. Кассо в Петербургском университете была обусловлена тем, что он постоянно сталкивался с сопротивлением профессуры в самых разных его проявлениях. Многие распоряжения министра Совет профессоров на практике игнорировал и продолжал публично полемизировать с ним. Совет пытался дискредитировать Л. А. Кассо, используя для этого бюрократические, правовые и другие возможности. Составление различного рода ответов министру инициировалось, как правило, представителями юридического факультета, которые, как справедливо отметил Е. А. Ростовцев, все вместе являлись своеобразным консультативным советом по правовым вопросам. В этом смысле становятся понятны все последующие действия Л. А. Кассо, связанные с реформированием именно юридического факультета. Увольняя оппозиционных ученых и назначая на их места консервативных профессоров из провинций, министр избавлялся от «неудобных» профессоров и одновременно способствовал изменению соотношения сил в Совете Петербургского университета⁴.

Принудительный перевод столичных профессоров в провинциальные университеты начался еще в ректорство брата Э. Д. Гримма, правоведа Д. Д. Гримма. В августе 1911 г. профессор гражданского права М. Я. Пергамент был назначен ординарным профессором Юрьевского университета, но, не согласившись на перевод, в знак протеста подал в отставку⁵. Коллеги М. Я. Пергамента по юридическому факультету единогласно постановили обратиться к министру с ходатайством о пересмотре принятого им решения⁶, однако в этом вопросе Л. А. Кассо остался непреклонен⁷. Вслед за отставкой М. Я. Пергамента ушел с поста ректора Д. Д. Гримм. Еще в мае 1911 г. Д. Д. Гримм собирался отказаться от своей административной должности, признавая Совету, что «у него не хватает ни сил, ни настроения нести ректорские обязанности». Он учитывал и «объективные затруднения», с которыми приходилось считаться, такие как «ограничение университетской автономии» и «отсутствие внутренней дисциплины среди значительной части студенчества». И только уговоры коллег не позволили ему тогда покинуть пост⁸. После отставки М. Я. Пергамента Д. Д. Гримм был настроен более решительно. Рассматривая действия министра не иначе как очередной шаг к ограничению университетской автономии и не имея возможности

⁴ Ростовцев. Указ. соч. Р. 111, 115.

⁵ Протоколы ... за 1911 г. 1913. С. 140-141.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Таубе. 2007. С. 149.

⁸ Протоколы ... за 1911 г. С. 108-109.

противостоять им, Д. Д. Grimm без колебаний подал прошение об отставке и уже 12 сентября 1911 г. был уволен с поста ректора⁹.

После ухода Д. Д. Grimma началась своеобразная борьба за должность ректора. Поочередно избранные В. М. Шимкевич и А. Е. Фаворский отказались вступить в эту должность¹⁰. Возможно, своими действиями они выражали поддержку Д. Д. Grimmu и готовы были оставить университет вовсе без ректора в знак протеста против политики министра Л. А. Кассо. Неслучайно ситуацию, возникшую после увольнения М. Я. Пергамента, профессор Ф. А. Браун позднее характеризовал как «шум, [который] отобьет у К. [Кассо] охоту на повторение»¹¹. Избранный 26 октября 1911 г. Э. Д. Grimm, на тот момент уже исполнявший должность ректора, отводить своей кандидатуры не стал¹².

При ректоре Э. Д. Grimme последовали новые кадровые перестановки. На освободившиеся места министр Л. А. Кассо по своему усмотрению производил новые назначения. При этом он не считался с «Временными правилами об управлении высшими учебными заведениями» 1905 г., одно из положений которого гласило, что право выбора кандидата на имеющуюся вакансию закреплялось за Советом университета¹³. Министр не учитывал также, что и в министерство графа И. И. Толстого было издано распоряжение, согласно которому практика утверждения кандидата на вакантную должность через прохождение соответствующих процедур его избрания становилась правилом¹⁴. При назначении профессоров в Петербургский университет Л. А. Кассо руководствовался их политической благонадежностью, то есть консервативностью взглядов¹⁵, в то время как самих профессоров могло привлекать повышение в должности и проживание в столице.

Столичных профессоров, конечно, не могло устроить то, что места их товарищей занимают теперь другие лица, пусть даже и бывшие выпускники и преподаватели Петербургского университета. Еще министр И. И. Толстой пытался поставить права профессуры под защиту закона. В 1906 г. при разработке нового университетского устава в проекте был предусмотрен параграф, согласно которому «удаление профессора от

⁹ Там же. С. 159-160.

¹⁰ Там же. С. 168, 171, 209, 212.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 66 об.

¹² Избрание Э. Д. Grimma на должность ректора состоялось 26 октября 1911 г. и было утверждено 12 декабря 1911 г.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 164, 167.

¹³ ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отд. I. С. 658-659.

¹⁴ Протоколы ... за 1906 г. 1907. № 62. С. 79.

¹⁵ Ростовцев. Указ. соч. Р. 111.

занимаемой кафедры может последовать лишь по суду»¹⁶. Но с уходом И. И. Толстого проект нового университетского устава так и не был принят. Поэтому на профессоров по-прежнему распространялось общее для всех государственных служащих законоположение о гражданских чинах. Для увольнения профессора достаточно было признания министра в том, что он либо «не способен к [ее] исправлению», либо является «неблагонадежным». В любом случае, министр данной ему властью мог отстранить профессора от службы «по своему усмотрению» и «без [его] согласия»¹⁷, что делало положение ученого уязвимым и унижительным.

В 1912 г. вновь последовали переводы и назначения. В июле профессор римского права И. А. Покровский был переведен в Харьковский университет, но будучи против, подал в отставку¹⁸. Тогда же из Новороссийского университета в Петербургский прибыли доктор государственного права В. М. Грибовский и доктор гражданского права С. П. Никонов. Первый был назначен ординарным профессором по кафедре энциклопедии права, второй – по кафедре торгового права и судопроизводства¹⁹. Назначение Грибовского и Никонова стало возможным, так как министр не утвердил кандидатуры лиц, избранных юридическим факультетом и успешно баллотировавшихся в Совете университета: приват-доцента М. И. Туган-Барановского, доктора государственного права Ф. И. Тарановского и доктора гражданского права В. М. Гордона²⁰, хотя изначально Кассо сам предложил факультету заместить вакантные кафедры до наступления 1912–1913 учебного года²¹.

В петербургской академической среде нарастало чувство всеобщего негодования мерами Л. А. Кассо, которое привело к жесткому противостоянию внутри научного сообщества. Часть кадетской профессуры в Совете университета пыталась склонить остальных его членов к коллективному уходу по примеру Москвы²². Как отмечал А. Е. Пресняков, «после эпизода с [И. А.] Покровским Д.[Д.] Гримм, [А. А.] Шахматов, [М. А.] Дьяконов, [Ф. А.] Браун затолковали об уходе в отставку, и дру-

¹⁶ Русские ведомости. 1915. № 141.

¹⁷ Свод законов Российской империи. 1876. Т. III. Ст. 761. С. 165.

¹⁸ Протоколы ... за 1912 г. 1914. № 68. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 80.

²² Протест московских профессоров против нахождения полиции в здании университета привел к конфликту с Министерством народного просвещения, в результате чего президиум Совета подал в отставку, которая была принята министром. В знак протеста против действий Л. А. Кассо коллеги уволенных профессоров приняли решение о коллективной отставке. См.: *Ермолаев*. Указ. соч. С. 131.

гие с ними»²³. Ректор Э. Д. Гримм все же пытался сдержать порыв своих негодующих коллег, чем, однако, вызывал неудовольствие с их стороны. По поводу отставки И. А. Покровского Э. Д. Гримм собирался переговорить с Л. А. Кассо, но их встреча из-за отъезда министра не состоялась. Позднее ректор и вовсе отказался от своего намерения²⁴.

Возможно, если бы не уговоры Э. Д. Гримма, Ф. А. Браун так и остался бы при своем изначальном мнении – вместе с другими коллегами покинуть университет в знак протеста. Однако с решительно настроенными уйти профессорами ректор вел оживленную переписку в vacationное время, и она имела определенный успех. Так, Ф. А. Браун, встав на сторону Э. Д. Гримма, сам принялся убеждать бывших своих идейных сторонников в необходимости оказания поддержки ректору. Он писал (в письме А. А. Шахматову): «нам уходить нельзя [подчеркнуто автором. – О. Б.]. Наш уход был бы практически бессмысленен, принципиально неправилен. <...> Мы не хотим стать послушным орудием в руках министерства, не хотим быть холопами, которых барин перемещает из одного имения в другое. <...> Пример Москвы ужасен. Мне бы не хотелось, чтобы и про нас говорили: сами виноваты, бросили дело, обидевшись»²⁵.

Итак, «левые» профессора были решительно настроены к уходу, хотя среди них уже появлялись противники таких действий, вроде Брауна. С. Ф. Платонов, стоявший во главе «правых», разделял мнение Э. Д. Гримма о том, что «уход загубит <...> университет, разрушит преподавание и вдребезги развинтит студентов»²⁶. Придерживаясь разных взглядов, «правые» и «левые» профессора устраивали частные товарищеские совещания, пытаясь решить, как следует отреагировать на мероприятие Кассо, однако, прийти к единому мнению так и не удавалось²⁷.

Позиция Шахматова беспокоила Гримма больше всего, так как среди профессоров он, по словам Преснякова, считался «такой нравственной силой, что его уход произведет впечатление крупной демонстрации»²⁸. Чтобы сохранить единство академического сообщества, Гримму нужно было принять такое решение, которое не противоречило бы интересам и настроениям его коллег.

Поначалу Гримм поддержал идею Шахматова и вместе с ним собирался подготовить «определенное предложение» министру от имени

²³ Пресняков. 2005. С. 734. № 788.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Л. 71 об.

²⁶ Пресняков. Указ. соч. С. 737. № 792.

²⁷ Об итогах совещания «левых» профессоров см.: Там же. С. 739. № 794.

²⁸ Там же. С. 737. № 792.

всего Совета, однако впоследствии планы ректора изменились. Как писал Пресняков, Grimm решил не допускать никакой демонстрации Совета, а выступить с речью перед коллегией профессоров. Замысел Grimma, по свидетельству Преснякова, заключался в том, чтобы «высказать от себя все, что накипело у профессоров, чтобы совету ничего не осталось, как согласиться с ним». Ректор собирался представить «весь конфликт» как свое «личное столкновение с министром», иными словами, принять на себя всю ответственность за выражение несогласия с мерами Министерства народного просвещения, и, тем самым, «не выдать совета»²⁹. Какие бы последствия ни имело состоявшееся заседание Совета³⁰, но толки «левых» об уходе постепенно стихли, а, значит, поставленную перед собой задачу – сохранить единство академического сообщества – Э. Д. Grimm выполнил не без успеха.

С тех пор как в университете появились профессора-«назначенцы», между ними и столичными профессорами периодически возникали конфликты, которые могли происходить как на личном уровне, так и между группами ученых. Так, профессор В. М. Грибовский вступил в открытое столкновение с ректором, отказываясь подчиняться его распоряжению читать лекции в здании старого физического института³¹. Grimm перевел лекции профессоров-«назначенцев» в изолированное помещение, каким являлось здание старого физического института, «опасаясь беспорядков студентов и не ручаясь за личную неприкосновенность преподавателей»³². Хотя, скорее всего, ректор действовал в интересах столичных профессоров, которых не хотел обрекать на невыносимый для них режим работы в университете под конвоем полиции. Грибовскому, в свою очередь, могло не понравиться то, что распоряжение ректора о необходимости перевода лекций «назначенцев» в другое здание делало разделение профессоров на столичных и пришлых буквальным³³. В итоге Грибовский, хотя и не без вмешательства министра Кассо, вынужден был выполнять распоряжение ректора³⁴.

Другим поводом для противостояния «назначенцев» и их столичных оппонентов стал спор о параллельных профессорским курсам приват-доцентов, вследствие чего последние тоже оказались втянуты в конфликт. Распоряжение министра о том, что приват-доцентам запрещается

²⁹ Там же. С. 742. № 797.

³⁰ Протоколы ... за 1912 г. С. 121-122.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 68 об.

³² Там же. Л. 67.

³³ Там же. Л. 75.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9259. Л. 124.

читать лекции параллельные профессорским³⁵, появилось вскоре после бойкота студентами занятий двоих «назначенцев»³⁶ – (профессора финансового права из Харьковского университета П. П. Мигулина³⁷ и профессора гражданского права из университета св. Владимира В. А. Удинцева³⁸). Студенты могли слушать схожие курсы у приват-доцентов, без риска не получить зачет по предмету³⁹, но профессора-«назначенцы» в таком случае существенно теряли в размерах гонораров. А, кроме того, в качестве приват-доцентов в университет могли возвратиться уволившиеся М. Я. Пергамент и И. А. Покровский, которые уж точно составили бы серьезную конкуренцию профессорам по назначению⁴⁰.

Все это Кассо понимал, поэтому вдруг возникшую необходимость запрета пытался объяснить положениями устава, в которых, по его мнению, статей, прямо указывающих на то, что приват-доценты имеют право читать параллельные профессорским курсы, нет⁴¹. И хотя Совет профессоров и члены юридического факультета неоднократно обращались к министру, выражая собственное видение этого вопроса с правовой точки зрения⁴², Правительствующий Сенат стал на сторону министра⁴³.

Вскоре полемика вокруг вопроса о приват-доцентских курсах разгорелась между профессорами на юридическом факультете при составлении обозрения преподавания на будущий учебный год. На стороне «назначенцев» В. А. Удинцева, В. М. Грибовского и С. П. Никонова выступили И.И. Чистяков, приехавший из Новороссийского университета, и недавно получивший докторскую степень А. С. Яценко из Юрьевского университета. Первый еще в декабре 1912 г. был назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии⁴⁴, второй в марте 1913 г. – экстраординарным профессором по кафедре энциклопедии права и истории философии права⁴⁵. Удинцев рассматривал обязательные специальные курсы приват-доцентов, назначаемые сверх обя-

³⁵ Протоколы ... за 1912 г. С. 59-72.

³⁶ *Л-вичь*. 1912. С. 90.

³⁷ Протоколы ... за 1911 г. С. 224.

³⁸ Протоколы ... за 1912 г. С. 9.

³⁹ *Л-вичь*. Указ. соч. С. 90.

⁴⁰ *Гримм*. 1913. С. 280.

⁴¹ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 270. Л. 14 об., 37-38 об. По мнению Д. Д. Гримма, такое толкование статей устава было самым простым способом для Кассо добиться желаемой цели. *Гримм*. Указ. соч. С. 280.

⁴² Там же. Л. 51-56.

⁴³ Протоколы ... за 1913 г. 1915. С. 25.

⁴⁴ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 146. Л. 69.

⁴⁵ Там же. Л. 55.

зательных профессорских, как нецелесообразные, поэтому считал, что подобные курсы приват-доцентов следует только рекомендовать студентам⁴⁶. Фактически его предложение вступало в противоречие с недавно принятым решением декана А. Х. Гольмстена о поручении нескольким приват-доцентам читать специальные обязательные курсы⁴⁷. И, хотя Удинцев имел свое «особое» мнение по этому вопросу, к которому присоединились еще несколько профессоров по назначению, на решение декана оно повлиять не могло. В то же время вовсе не от Гольмстена зависело утверждение обзора преподавания, а вместе с ним и «особые» мнения профессоров по назначению оказались на столе у министра. Л. А. Кассо поддержал их позицию, утвердив обзор преподавания с оговоркой⁴⁸, а декана и вместе с ним секретаря факультета А. А. Жижиленко вскоре уволил от должности. На их места были назначены соответственно В. А. Удинцев и бывший профессор Томского университета Н. Н. Розин⁴⁹.

Теперь все вопросы, касающиеся, в частности, преподавания приват-доцентов, оказались под контролем Удинцева. Именно его деканство отмечено несколькими случаями, связанными с попытками руководства юридического факультета отстранить приват-доцентов от преподавания. Наибольшего внимания заслуживает инцидент, который произошел с приват-доцентом А. М. Горовцевым, когда не были соблюдены не только рамки законности, но и нормы этики. Как впоследствии выяснил сам Горовцев, его устранение от преподавания должно было состояться в соответствии со статьей 113 университетского устава 1884 г., лишавшей приват-доцента права читать лекции, если он в течение полугода не вел занятий без уважительной причины⁵⁰, какой и являлась официальная версия факультета. Как оказалось впоследствии, виновником решения факультета о лишении приват-доцента Горовцева права вести преподавательскую деятельность стал ординарный профессор по кафедре международного права А. А. Пиленко⁵¹, который опорочил его репутацию, воспользовавшись провокационными сведениями из прессы, касающимися семейной жизни приват-доцента⁵². Разбирательство инцидента

⁴⁶ Протоколы ... за 1913 г. С. 129-130.

⁴⁷ Там же. С. 104.

⁴⁸ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 270. Л. 136 об.

⁴⁹ Протоколы ... за 1913 г. С. 176.

⁵⁰ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 684. Л. 226.

⁵¹ Протоколы ... за 1912 г. С. 9.

⁵² В частности, Пиленко ссылаясь на дурное обращение Горовцева с детьми от первого брака. См.: РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 684. Л. 155, 158 об., 159 об., 204.

длилось двагода. В результате, со стороны управления Петербургским учебным округом последовало предложение о пересмотре постановления факультета⁵³, а Горовцеву пришлось вторично подавать прошение в факультет о принятии его в состав приват-доцентов⁵⁴. Вернуться же к преподаванию он смог уже только при попечителе Н. К. Кульчицком⁵⁵.

Можно отметить и еще один любопытный факт. Поскольку инцидент между Горовцевым и Пиленко получил довольно широкую огласку, администрация университета и попечитель заинтересовались выяснением причин, побудивших юридический факультет представить к отчислению из состава приват-доцентов и многих других лиц⁵⁶. Учитывая, какое мнение о приват-доцентских курсах имел сам декан факультета и его коллеги-«назначенцы», можно предположить, что отстранение приват-доцентов от преподавания было спланированным.

Размышляя о политике Л. А. Кассо после ухода М. Я. Пергамента и И. А. Покровского, Ф. А. Браун с тревогой писал А. А. Шахматову, что в случае их коллективного ухода в знак протеста, «университет заполняют недостойные люди <...> и, в конце концов, университет примет тот вид, который К. [Кассо] желает ему придать: на кафедрах будут сидеть хамы <...> или в лучшем случае, люди слабые и карьеристы, приносящие науку в жертву политике министерства»⁵⁷. Жесткая риторика Брауна в отношении профессоров по назначению стала результатом его непосредственной вовлеченности в конфликт. К кому из пришедших профессоров Браун мог бы теперь «примерить» подобные характеристики, сказать сложно, но в либеральной прессе особое внимание было уделено поиску недостатков «назначенцев» профессионального и личного свойства. В «Речи» появилась заметка о не слишком впечатляющих успехах профессора С. П. Никонова на раннем этапе научной карьеры⁵⁸. Нелицеприятные отклики о профессоре В. А. Удинцеве дал знавший его в прежние годы князь Евгений Трубецкой. Он упрекал профессора в том, что тот читал лекции, невзирая на низкую посещаемость своих занятий. Однако у Удинцева, вероятно, другого выхода и не было. Низкая посещаемость лекций «назначенцев» стала следствием бойкота со стороны радикально настроенного студенчества, и отказ от чтения лекций в таких условиях означал бы провал кадровой политики Кассо. Продолжая читать лекции,

⁵³ Там же. Л. 153 об.

⁵⁴ Там же. Л. 158-158 об.

⁵⁵ Там же. Л. 240 об.-241.

⁵⁶ Там же. Л. 156.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 67.

⁵⁸ Новые петербургские профессора...

«назначенцы» демонстрировали поддержку министерского курса. Трубецкой не обошел вниманием и профессора Грибовского, признавшись, что о его научных заслугах как философа и теоретика права (а именно на эту кафедру он был назначен, хотя являлся специалистом по государственному праву), ему «решительно ничего неизвестно»⁵⁹.

В начале августа 1913 г. брат ректора Д. Д. Гримм был перемещен ординарным профессором в Харьковский университет⁶⁰. Будучи членом Государственного Совета, он не мог уехать в Харьков, о чем Кассо прекрасно знал. И хотя Д. Д. Гримм лично принял решение о своей отставке, министр представил дело так, будто ему пришлось его уволить в связи с неисполнением обязанностей на новом месте службы⁶¹. Коллеги Д. Д. Гримма не остались безучастными к судьбе товарища. На заседании Совета выступил Ф. А. Браун, который назвал уход Д. Д. Гримма «тяжелой утратой» и с чувством уважения и благодарности охарактеризовал его административную деятельность, особенно в годы ректорства. В заключение Браун предложил Совету избрать депутацию, которая «могла бы лично передать ему чувство нашего глубокого сожаления по поводу того, что он выбыл из нашей среды»⁶². Затем слово взял профессор Грибовский, который предлагал отклонить предложение Брауна. По его мнению, «в заседании Совета не могут быть обсуждаемы <...> выражения сочувствия или порицания», так как об этом не сказано ни в статьях уставов, ни в правилах 1905 г., не было и соответствующих предложений попечителя⁶³. Из «назначенцев» Грибовского поддержали В. А. Удинцев, И. И. Чистяков, С. Н. Никонов, Ф. К. фон Зелер и А. А. Жилин (двое последних профессоров были назначены министром, первый занял место ушедшего И. А. Покровского в мае 1913 г.⁶⁴, второй – кафедру государственного права в июне 1913 г.⁶⁵). Затем выступил ректор, заявив, что у него «нет никаких сомнений как в законности самого предложения профессора Ф. А. Брауна, так и в допустимости его вынесения на обсуждение в Совете без предварительной постановки вопроса на повестку». Э. Д. Гримм также заметил, что высказывание чувств в исключительных обстоятельствах университетской жизни, как, например, юбилея, смерти или выбытия профессора из состава Совета,

⁵⁹ Л. А. Кассо и просвещение...

⁶⁰ Протоколы ... за 1913 г. С. 153.

⁶¹ *Поспелов*. 1914. С. 125-126.

⁶² Протоколы ... за 1913 г. С. 154.

⁶³ Там же. С. 155.

⁶⁴ Там же. С. 144.

⁶⁵ Там же. С. 158.

стало длительной практикой в университете. Он предложил проголосовать за предложение Брауна. Встали все присутствовавшие, кроме тех, кто поддержал Грибовского⁶⁶. Хотя попытка Грибовского продемонстрировать компетентность в вопросах законодательства оказалась неудачной, теперь он имел определенный круг сторонников. Поддержав его, «назначенцы» противопоставили себя столичным профессорам.

После отставки Д. Д. Гримма столичные профессора уже не говорили о необходимости уйти вслед за ним, как это было прежде, когда университет покинул И. А. Покровский. Может быть, такой шаг, как коллективная отставка, уже не представлялся им выходом из сложившегося положения, так как это было бы, как стало ясно на примере Москвы, только на руку министру. Итак, в министерство Кассо юридический факультет оказался фактически в руках «назначенцев», так как теперь они численно преобладали. Однако, как верно заметил Е. А. Ростовцев, их мнение в Совете профессоров не имело существенного веса при подавляющем большинстве голосов столичной профессуры⁶⁷.

После смерти обязанности министра недолго выполнял товарищ министра барон М. А. Таубе, его сменил граф П. Н. Игнатъев. С его назначением прошел слух о возможном возвращении профессоров, покинувших Московский университет в 1911 г. Речь шла об уволенных Кассо бывшем ректоре А. А. Мануйлове, его помощнике М. А. Мензibre, проректоре П. А. Минакове, а не о тех, которые в их поддержку сами ушли со своих должностей. Однако министр, хотя и не имел ничего против этих лиц, все же не решился делать для них исключения, так как кафедры, которые они прежде занимали, теперь не были вакантны⁶⁸.

Ректор Э. Д. Гримм также обращался к министру П. Н. Игнатъеву с просьбой о возвращении в Петербургский университет уволенных Кассо профессоров. Разговор об этом между ними состоялся в начале сентября 1915 г.. В отличие от московских профессоров Э. Д. Гримму почти «удалось устроить через [П. Н.] Игнатъева возвращение в университет [Л. И.] Петражицкого и Д.[Д.] Гримма»⁶⁹. Возможно, министр охотно пошел навстречу ректору, потому что, по свидетельству Н. Н. Платоновой, «очень хорошо к нему относился»⁷⁰. Фигура ректора,

⁶⁶ Там же. С. 155.

⁶⁷ Ростовцев. Указ. соч. Р. 117.

⁶⁸ Вопрос о возвращении в университет уволенных профессоров...

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 16. Автор выражает свою искреннюю благодарность Е. А. Ростовцеву, указавшему на такой весьма ценный источник, как дневник супруги С. Ф. Платонова, Н. Н. Платоновой.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5696. Л. 9.

старательно избегавшего конфликтов и готового к сотрудничеству, вероятно, вполне устраивала министра. Поэтому Игнатъев, используя служебные полномочия, оказывал Э. Д. Гримму некоторое покровительство, помогая решать его личные проблемы.

Прежде чем просить Игнатъева, Э. Д. Гримм удостоверился, желают ли сами профессора вернуться в университет. Д. Д. Гримм, в частности, поначалу согласившись, позднее поставил перед братом условия, при соблюдении которых он готов был возвратиться в университет. Д. Д. Гримм соглашался принять предложение ректора Э. Д. Гримма, только если будут приняты и другие уволенные профессора – М. Я. Пергамент и И. А. Покровский, и если их возвращение будет «обставлено с торжественностью, в виде демонстрации министерству»⁷¹. Э. Д. Гримм оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он не мог допустить устройства демонстрации Министерству, рискуя испортить отношения с Игнатъевым. С другой стороны, он договаривался с министром о возвращении всего двух профессоров, а его брат настаивал на том, чтобы в университет вновь приняли всех его коллег по факультету, кто вместе с ним несколько лет назад вынужден был оставить свои должности под давлением Министерства. Однако как бы благородно ни выглядело стремление Э. Д. Гримма помочь собственному брату возвратиться в университет, показательно, что он, будучи ректором, не подумал об участии остальных профессоров, пострадавших во время конфликта с бывшим министром Л. А. Кассо.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, ректор обратился за советом к профессору С. Ф. Платонову, который предложил ему написать Д. Д. Гримму «самое осторожное» письмо, чтобы «не давать повода своим бывшим единомышленникам-кадетам “вешать на него [Э. Д. Гримма] собак”»⁷². Неизвестно, воспользовался ли ректор советом С. Ф. Платонова. Можно предположить, что раз Д. Д. Гримм отказался вернуться так, как предложил ему брат, а выполнить его условия не было возможности, то Э. Д. Гримм решил пока оставить все, как было.

Вскоре вопрос о возвращении в университет уволенных профессоров стал предметом обсуждения в Совете университета. Эту проблему поднял на февральском заседании Совета университета в 1916 г. профессор Ф. Ф. Зелинский. Его выступление во многом стало ответом на заявление «назначенцев». Решая проблему преподавания римского права на юридическом факультете в отсутствие отправленного в командировку

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 16.

⁷² Там же. Л. 16 об.

профессора В. Ф. фон Зелера, большая часть преподавательского состава факультета (т.е. профессора-«назначенцы»), предлагала распределить его нагрузку между профессорами И. Н. Трепицыным и С. П. Никоновым. Меньшинство же считало, что римское право, обширный и важный предмет, не может быть прочитано в одно короткое полугодие⁷³.

В ответ на заявление юридического факультета последовали возражения профессора Зелинского, который «единственным и верным» средством наладить занятия на юридическом факультете считал возвращение в университет И.А. Покровского и Д. Д. Гримма. Он выразил удивление по поводу того, почему факультет не воспользовался возможностью их пригласить, а остановился на поручении читать лекции по римскому праву цивилистам Никонову и Трепицыну, и в заключение предложил отвергнуть постановление юридического факультета⁷⁴, что вызвало оживленную дискуссию. Поскольку мнения разделились, Э. Д. Grimm предложил проголосовать вначале тем, кто поддерживал мнение большинства членов юридического факультета, а затем тем, кто был согласен с меньшинством. В итоге Совет университета большинством голосов постановление юридического факультета не принял⁷⁵.

Хотя на повестке дня стоял типичный для заседания Совета вопрос, однако вместе с его обсуждением была поднята весьма болезненная для столичных профессоров тема. Конечно, в отсутствие определенных университетским законодательством условий, на которые справедливо указывали выступавшие «назначенцы»⁷⁶, столичные профессора могли и не рассчитывать на скорое возвращение своих товарищей на прежние должности. Но поддержав мнение меньшинства юридического факультета, столичные профессора могли, по крайней мере, довольствоваться тем, что и заявление профессоров по назначению не получит одобрения. Вновь возникший конфликт решился только с вмешательством министра П. Н. Игнатьева, за помощью к которому обратились профессора-«назначенцы»⁷⁷.

Кадровая политика Кассо была таким сильным потрясением для петербургской профессуры, что опасения повторения подобных событий сделали решение вопроса о необходимости законодательной защиты собственных прав неотложным. При министре Игнатьеве у профессоров неожиданно появилась возможность заявить о такой потребности.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11365. Л. 12.

⁷⁴ Там же. Л. 14.

⁷⁵ Там же. Л. 15.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 42 об.

Еще летом 1915 г. развернулась работа по подготовке нового университетского устава, к которой были привлечены как служащие Министерства народного просвещения, так и высшие административные лица подведомственных Министерству академических учреждений. На одном из первых совместных заседаний Игнатьев обратился к профессорам с краткой речью, отметив, что их встречи не должны отличаться «особенной официальностью», напротив, должны носить «характер более интимный»⁷⁸. Тем самым он дал понять, что готов к сотрудничеству и открытому диалогу. Сложившиеся условия позволили Э. Д. Гримму затронуть проблему, связанную с «опытом недавнего прошлого», которая касалась произвольных перемещений Министерством профессоров и давно беспокоила его лично и все представляемое им академическое сообщество. От имени Совета профессоров он сделал заявление, в котором высказал необходимость определения в новом уставе прав ученых, защищающих их от случайных перемещений и увольнений. И хотя министр отметил, что «рассмотрение этого заявления выходит за пределы настоящего совещания, так как не предусмотрено уставом», как сообщила газета «Русские ведомости», все же пообещал принять его во внимание и разработать соответствующий законопроект. Заявление Э. Д. Гримма нашло поддержку среди присутствующих лиц, однако оно так и осталось без последствий⁷⁹. По сообщению другой газеты, министр, отвечая ректору, заявил, что этот вопрос относится к законоположению о чинах гражданских, поэтому соображения ректора будут приняты во внимание при его пересмотре⁸⁰. Сопоставляя обе версии печати, можно заметить, что ответ министра Э. Д. Гримму интерпретируется по-разному. Если в первом случае, П. Н. Игнатьев соглашался принять инициативу на себя, то во втором, делать это отказывался. Так или иначе, министр откладывал решение вопроса на будущее.

Надежды на то, что вопрос будет решен в пользу профессоров, могли быть связаны с назначением Э. Д. Гримма товарищем министра народного просвещения⁸¹, что могло усилить позиции столичной профессуры. Еще в мае 1915 г. Э. Д. Гримм и близкие ему коллеги обсуждали вопрос о возможном привлечении его к сотрудничеству в Министерство народного просвещения, узнав, что министр Игнатьев «имеет на него виды». Сам ректор «давно [был] готов к тому, что ему предложат товарища министра». А. Е. Пресняков, взвешивая предполагаемые

⁷⁸ Русские ведомости. 1915. № 135.

⁷⁹ Русские ведомости. 1915. № 141.

⁸⁰ Совещание о новом университетском уставе...

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 269.

перемены в карьере Э. Д. Гримма, одобрительно смотрел на возможность иметь «своих» людей в Министерстве, полагая, что «тогда министерство <...> в кармане, если что понадобится»⁸². Однако занять пост товарища министра Э. Д. Гримму так и не пришлось: Игнатъев взял его в Министерство только в качестве члена Совета министра народного просвещения, при этом за ним сохранялась ректорская должность⁸³. Приказ о назначении Э. Д. Гримма был подписан 27 июня 1916 г.⁸⁴.

Очень скоро расклад сил в академическом сообществе кардинально изменился, и отнюдь не в пользу столичной профессуры. В декабре 1916 г. Игнатъев получил отставку⁸⁵. Его место занял бывший с 1914 г. попечителем Петроградского учебного округа Н. Н. Кульчицкий, который был известен научному миру как «сподвижник Л. А. Кассо», а его деятельность на посту попечителя характеризовалась как «реакционная»⁸⁶. При нем пост товарища министра получил В. А. Удинцев. Таким образом, Кульчицкий продолжил линию Кассо. Это привело к усилению позиций профессоров-«назначенцев» в Петербургском университете. Министерство Кульчицкого не обещало столичным профессорам ничего хорошего, но его деятельность на этом посту длилась недолго, закончившись со сменой политического режима в феврале 1917 г.

В результате свержения самодержавия к власти пришло Временное правительство, состоявшее почти исключительно из представителей кадетской партии. Новое правительство приступило к реформированию сферы высшего образования, начав с кадровых перестановок. Вместе с Кульчицким лишился своего поста и Удинцев⁸⁷, Департамент народного просвещения возглавил бывший ректор Московского университета А. А. Мануйлов, товарищем министра стал Д. Д. Гримм⁸⁸. Теперь, когда во главе Министерства оказались люди, которые в свое время пострадали от политики Кассо, столичные профессора могли рассчитывать на то, что их уволенные коллеги смогут, наконец, вернуться в университет.

3 марта 1917 г. Совет Петроградского университета единогласно принял решение обратиться к министру с ходатайством «восстановить в правах профессоров, отторгнутых от университетской работы»⁸⁹. По-

⁸² Пресняков. Указ. соч. С. 769-770. № 820.

⁸³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5696. Л. 9.

⁸⁴ Отчет ... за весеннее полугодие 1916 г... С. 59.

⁸⁵ К отставке гр. Игнатъева...

⁸⁶ Новый хозяин русской школы...

⁸⁷ Отставка товарищей министра...

⁸⁸ Русское слово. 1917. № 49.

⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30 об.

следовало распоряжение Департамента от 14 марта 1917 г. об увольнении всех профессоров, назначенных министром Кассо «без представлений подлежащих факультетов и советов», и замещении образовавшихся вакансий по упрощенному методу. Факультетам предоставлялось право, «не испрашивая на то разрешения, по собственному усмотрению представить Совету кандидатов на освободившиеся должности путем рекомендации <...>, не прибегая к конкурсу»⁹⁰. Так было решено, вероятно, восстановить права удаленных профессоров и автономные начала университета. Ректор Э. Д. Гримм сразу же письменно известил об этом ряд профессоров-«назначенцев» юридического факультета (П. П. Мигулина, И. Н. Трепицына, А. А. Пиленко, А. А. Жилина, А. С. Ященко, И. И. Чистякова, С. П. Никонова, В. А. Удинцева, В. Ф. фон-Зелера), после чего они подали прошения об отставке. Н. Н. Розин и В. М. Грибовский сами попросили об отставке⁹¹. За этим последовало возвращение лиц, перемещенных Кассо в другие университеты. Вернулись М. Я. Пергамент⁹² и И. А. Покровский⁹³, чуть позже – Д. Д. Гримм⁹⁴. На ставшие вакантными должности после отставки «назначенцев» Совет утвердил тех профессоров, которые прежде уже были избраны юридическим факультетом, прошли процедуру баллотирования и утверждения в Совете, но их кандидатуры не были одобрены Кассо: М. И. Туган-Барановский, Ф. В. Тарановский, В. М. Гордон заступили на должности, на которые были избраны прежде⁹⁵.

Не одобряя процедуру назначения на вакантные должности без предварительного одобрения кандидатур соответствующим факультетом и Советом, столичные профессора сами однажды воспользовались ею, став в итоге заложниками собственной инициативы. В 1914 г. Совет профессоров просил Кассо утвердить кандидатуру профессора классической филологии Г. Ф. Церетели простым назначением, в результате чего он был перемещен из Юрьевского в Петроградский университет⁹⁶. По справедливости, согласно предписанию Департамента об увольнении

⁹⁰ Там же. Л. 34-34 об.

⁹¹ Там же. Л. 35.

⁹² Там же. Л. 44 об.

⁹³ Там же. Л. 59 об.

⁹⁴ Там же. Л. 85 об.

⁹⁵ Там же. Л. 59. об.

⁹⁶ Ординарный профессор Юрьевского университета Г. Ф. Церетели был перемещен в той же должности в Петроградский университет Высочайшим приказом по Ведомству министерства народного просвещения 6 октября 1914 г. См.: Отчет ... за 1914 г... С. 98.

профессоров, назначенных прежде министром Кассо, профессора Церетели следовало, как и других «назначенцев», отстранить от службы. Понимая, какая участь ожидает теперь Церетели, столичные профессора попытались спасти положение, чтобы не доводить дело до отставки. Ректор Э. Д. Гримм напомнил, что профессор Церетели оказался в «особом положении», так как, хоть и был назначен министром без одобрения Совета, все же факультет тогда единогласно высказался за его избрание. Сам Церетели собирался подать прошение об увольнении, вероятно, чтобы избежать возможных осложнений, но факультет удержал его, заверив в том, что «почитает <...> избранным на кафедру»⁹⁷. Об «особом положении» Церетели ректор сообщил министру, и просил его не распространять на него меры, предпринимаемой по отношению к профессорам по назначению⁹⁸. Однако, согласившись было пойти на эту уступку, министр потом изменил свое решение⁹⁹. Как и профессорам «назначенцам», Церетели в итоге пришлось выполнять распоряжение министра. Теперь он вынужден был, хотя и только формально, пройти процедуру избрания, баллотирования и утверждения¹⁰⁰.

С отставкой от прежних должностей многие «назначенцы» не покинули университет, так как не имели другого места службы. Правда, занимать профессорские должности им уже больше не пришлось. Так, профессоров П. П. Мигулина, А. А. Пиленко, С. П. Никонова¹⁰¹, А. А. Жилина, А. С. Ященко, В. А. Удинцева, В. М. Грибовского¹⁰² и И. Н. Трепицына¹⁰³ понизили в должности, и в качестве приват-доцентов поручили им читать специальные курсы. В отсутствие профессорских вакансий это был единственный способ остаться на преподавательской должности. Эта мера выглядит как изощренная месть «назначенцам», ведь теперь они оказались в положении тех, против кого еще недавно сами так ожесточенно выступали. Пожалуй, только Н. Н. Розину повезло больше других, так как члены юридического факультета решили оставить его в составе профессоров. В отличие от некоторых других «назначенцев» он, если судить по имеющимся источникам, в конфликты со столичными коллегами не вступал. Хотя какие в

⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 35-35 об.

⁹⁸ Там же. Л. 36.

⁹⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰⁰ Там же. Л. 53-53 об.

¹⁰¹ Впрочем, уже скоро С. П. Никонов был избран ординарным профессором в Томском университете. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10644. Л. 34.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9259. Л. 212.

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11011. Л. 22.

точности мотивы побудили членов юридического факультета проголо-совать за его оставление в своей среде, ответить сложно. После отставки профессор Н. Н. Розин вновь смог вернуться на прежнее место, пройдя все соответствующие этапы избрания¹⁰⁴.

* * *

Министерская политика Л. А. Кассо, связанная с произвольными кадровыми перестановками, породила вражду в профессорской среде. Может быть, впервые за много лет академическому сообществу стало ясно, что его существование находится под угрозой. Конфликт внутри петербургской профессуры протекал в двух плоскостях: как конфликт «правой» и «левой» групп и как конфликт между столичной профессурой и «назначенцами». Политика Кассо обострила существовавшие противоречия. Если «правые», несмотря на неудовольствие произволом властей, считали недопустимым демонстративный уход из университета, то «левые» настаивали на повторении опыта московских коллег. Хотя сам Э. Д. Гримм был выходцем из «левой» группы, стремясь сохранить единство академического сообщества и не допустить разгрома Петербургского университета, он был вынужден, действуя наперекор своим товарищам, фактически поддержать позицию «правых». То обстоятельство, что лидером радикально настроенных «левых» был родной брат Э. Д. Гримма, только придало ситуации особый драматизм. Пожалуй, лишь уговоры ректора и своевременно принятое им решение взять всю ответственность за конфликт с Министерством на себя предотвратили массовые отставки профессоров.

Так уж сложилось в академическом сообществе, что те, кто занимал становившиеся вакантными после репрессивных действий Министерства места, оказывались в положении «изгоев». Взаимное отчуждение между столичными профессорами и профессорами по назначению осложнялось противоречиями в политических взглядах, а также личными неприязненными отношениями. Несмотря на то, что среди столичных профессоров существовало разделение на «левых» и «правых», они выступали заодно против профессоров по назначению именно потому, что те воспринимались ими как ставленники министра Л. А. Кассо. Таким образом, негативное отношение к профессорам-«назначенцам» со стороны столичной профессуры оказалось сильнее их собственных внутренних противоречий. Положение «изгоев» вызвало со стороны «назначенцев» ответную негативную реакцию, что способствовало дальнейшему разворачиванию конфликта.

¹⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 36.

Прослеживая возникавшие в академической среде разные конфликтные ситуации между профессорами по назначению и их столичными коллегами, можно заметить, что большую часть как личных, так и групповых столкновений инициировал профессор В. М. Грибовский, который пользовался поддержкой своих коллег по назначению. Это позволяет предположить, что в их среде он был негласным лидером.

В возникавших конфликтах столичные профессора защищали права своих коллег, свои традиции и интересы. Профессора по назначению, в свою очередь, пытались отстоять собственные права, касавшиеся их служебного положения. Противостояние шло с переменным успехом. В тех случаях, когда разрешение конфликта зависело от ректора, столичные профессора одерживали верх. Можно припомнить, например, конкретные ситуации, когда профессору В. М. Грибовскому пришлось-таки выполнять распоряжение ректора, когда представления юридического факультета сразу не получали одобрения в Совете. Но отстоять права приват-доцентов столичной профессуре все же не удалось, так как Правительствующий Сенат признал правоту за министром, и в этом смысле это был успех профессоров по назначению. И если средствами достижения успеха для столичных профессоров были воля Совета, настойчивость ректора, то успех профессоров-«назначенцев» зависел не только от решений министра Л. А. Кассо или назначенного им деканом юридического факультета профессора В. А. Удинцева. Случалось, некоторые из них, чтобы добиться своего, пускали в ход преимущества служебного положения и даже могли переступить грань этических норм. Усилению или ослаблению позиций и тех, и других способствовала также смена руководства в Министерстве народного просвещения.

Противостояние столичных профессоров и «назначенцев», ставшее следствием кадровой политики Кассо, продолжилось и после его смерти. Появление «назначенцев», образовавших единую группу, делало невозможным их инкорпорацию в академическое сообщество Петербургского университета. Поэтому конфликт мог разрешиться лишь поражением одной из сторон, но это стало возможным только с кардинальным изменением политической конъюнктуры в результате Февральской революции. Создание кадетского правительства позволило фактически ликвидировать группу профессоров по назначению как активного участника университетской жизни. Хотя приказы Кассо отменялись в соответствии с распоряжениями главы Департамента народного просвещения А. А. Мануйлова, целью которых было восстановить автономные начала университета, тем не менее, расправа с профессорами-«назначенцами» по существу выглядела как сведение счетов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляева О. М.* Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки. Памяти академика Александра Александровича Фурсенко / Сост. и отв. ред. Б. В. Ананьич. М.: Наука, 2009. Вып. 12 (130). 392 с.
- Вопрос о возвращении в университет уволенных профессоров // Русское слово. 1915. № 27.
- Гримм Д. Д.* Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Февраль.
- Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский (научная и административная деятельность): Дисс ... канд. ист. наук. М., 2003.
- К отставке гр. Игнатъева // Русская воля. 1916. № 12.
- Л. А. Кассо и просвещение // Речь. 1912. № 212.
- Л-вичъ.* Из жизни высшей школы // Вестник воспитания. Под ред. Н. Ф. Михайлова. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, 1912. № 4. С. 74-110.
- Лейкина-Свирская В. Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с Министерством Кассо // Вестник Ленинградского ун-та. Л.: Изд-во ЛГОЛУ, 1947. № 4.
- Новые петербургские профессора // Речь. 1912. № 193.
- Новый хозяин русской школы // Русская воля. 1916. № 13.
- О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения / Полное собрание законов Российской Империи. Собр. III. СПб.: Государственная типография, 1905. Т. XXV. Отд. I. № 26692.
- Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (фонд С.Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 5695, Д. 5696 (Дневник Н.Н. Платоновой).
- Отставка товарищей министра // Русское слово. 1917. Бюллетень 6 марта.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г. Сост. ординарный проф. В. В. Бартольд. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1916. 235 с.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. Сост. заслуженный ординарный проф. А. Х. Гольмстен. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1915. 356 с.
- Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 134 (фонд А.А. Шахматова). Оп. 3. Д. 180 (письмо Ф. А. Брауна А. А. Шахматову).
- Поспелов И.* Из жизни высшей школы (Л. А. Кассо – Д. Д. Гримму. 31 января 1914 г.) // Вестник воспитания. Под ред. д-ра Н. Ф. Михайлова. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, 1914. № 3. С. 122-130.
- Пресняков А. Е.* Письма и дневники. 1889-1927. Ред.: Р. Ш. Ганелин, В. Н. Гинев, В. М. Панеях, сост.: Д. Н. Лепин, А.В. Антощенко, Е. А. Ростовцев. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 2005. 967 с.
- Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1907. № 62. 234 с.
- Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1913. № 67. 224 с.; за 1912 г. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. № 68. 181 с.; за 1913 г. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1915. № 69. 230 с.
- Романов Ю. В.* Наука и власть: наследие Л. А. Кассо URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154117> (время доступа – май, 2010 г.)

- Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 733 (фонд Департамента народного просвещения). Оп. 155. Д. 270 (о параллельных профессорских и приват-доцентских курсах.). Д. 146 (о замещении кафедр в Имп. СПб. университете. 1912 г.); Д. 684 (профессоры и приват-доценты Имп. СПб. университета и о замещении вакантных должностей).
- Ростовцев Е. А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905-1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. Charles Schlacks, Publisher Idyllwild, California, USA California, Idyllwild, 2009. P. 75-123.
- Русские ведомости. 1915. №№ 135, 141.
- Русское слово. 1917. № 49.
- Свод законов Российской империи. Т. III. Кн. I. Уставы о службе гражданской. СПб., 1876.
- Совещание о новом университетском уставе // Русское слово. 1915. № 141.
- Соломонов В. А.* «Устранение собственных научных сил – факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения!» (Министр Л. А. Кассо и судьбы российских университетов) // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX – XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали*. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. 612 с.
- Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). Ред. А. Сорокин, Т. Чеботарев. М.: Росспэн, 2007. 271 с.
- Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова). Оп. 14. Д. 1 (протоколы заседаний Совета Петроградского университета за 1917 г.).
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14 (фонд Петербургского университета). Оп. 1. Д. 9226 (личное дело профессора Э. Д. Гримма); Д. 9259 (дело об оставлении при СПб. университете приват-доцента В. М. Грибовского); Д. 10644 (дело о назначении С.П. Никонова ординарным профессором Петербургского университета); Д. 11011 (дело о назначении И. Н. Трепицына экстраординарным профессором С.-Петербургского университета); Д. 11365 (протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1916 г.); Оп. 25. Д. 46 (переписка ректора с попечителем СПб. учебного округа о студенческих собраниях).
- Яковлев В. П.* Политика самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ленинградский университет, 1970.
- Kassow S. D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley: Univ. of California Press, 1989. 438 p.

Беляева Оксана Михайловна, магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге, соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге; *obeljaeva@eu.spb.ru*.

Т. Н. ИВАНОВА, А. Н. ЗАРУБИН

Н. И. КАРЕЕВ И П. Н. АРДАШЕВ

К ПУБЛИКАЦИИ ЗАБЫТОГО НЕКРОЛОГА*

В статье проанализированы взаимоотношения двух историков – Н. И. Кареева и П. Н. Ардашева. Авторы пришли к выводу, что Кареев оказал определенное влияние на научное становление Ардашева. Впервые публикуется некролог Н. И. Кареева, посвященный П. Н. Ардашеву.

Ключевые слова: П. Н. Ардашев, Н. И. Кареев, некролог П. Н. Ардашеву, русская историография всеобщей истории.

Проблема изучения и типологии научных коммуникаций вызывает в современной науке повышенный интерес¹. Трансляция идей, роль научных сообществ и влияние личных взаимоотношений ученых – все это можно проследить на примере многолетних связей Н. И. Кареева, названного В. П. Бузескулом «старшиной русских историков», и его младшего коллеги П. Н. Ардашева.

В фонде Е. В. Тарле в Архиве Российской Академии наук хранится никогда не публиковавшийся некролог Н. И. Кареева на П. Н. Ардашева². Чтобы понять условия его появления необходимо охарактеризовать историю взаимоотношений двух ученых.

Кареев и Ардашев учились в Московском университете и оба считали своим учителем В. И. Герье. Но Кареев окончил университет в 1873 г. и ко времени поступления туда Ардашева (1885) был уже маститым ученым, профессором Санкт-Петербургского университета. Однако генетически интерес обоих ученых к истории Великой французской революции восходит к занятиям в семинаре Герье, у которого, по словам Кареева, «была особая методологическая строгость, “школившая” лиц, у него занимавшихся»³. Оба историка, оставленные в университете своим учителем для подготовки к профес-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-03-00183а («Ученый-историк П. Н. Ардашев в системе научных коммуникаций «русской исторической школы» конца XIX – начала XX в.»).

¹ См.: *Алеврас Н. Н.* 2004. С. 366–372; *Сидненко Т. И.* 2006. С. 108–121; *Сидорова Л. А.* 2008. С. 129–138 и другие.

² АРАН. Ф. 627. Оп. 5. Ед. хр. 50. 4 л.

³ *Кареев Н. И.* 1922. С. 156–157.

сорскому званию, собирали материал для своих магистерских диссертаций во французских архивах и библиотеках. Сохранившаяся переписка позволяет сравнить их характеристики парижских библиотек и архивов в письмах к Герье⁴. И Кареев, и Ардашев, защитив магистерские диссертации в Московском университете, вынуждены были искать профессорство вне стен *alma mater*.

Обоих ученых можно причислить к школе Герье как узкому научному сообществу, которое институционализировалось вокруг профессора и его семинара. Но эта школа эволюционно перетекала в более широкое научное сообщество, формировавшееся в последней четверти XIX в. – «русскую историческую школу», к представителям которой можно отнести и Кареева, и Ардашева.

Личное общение двух ученых начинается в 1892 г., когда Ардашев был избран в действительные члены созданного при Санкт-Петербургском университете Исторического общества, председателем которого был Н. И. Кареев⁵. В эти годы Ардашев неоднократно посещал дом Кареева в Санкт-Петербурге, в том числе во время болезни последнего в 1898 г.⁶ Именно Ардашеву Герье доверил непростую миссию: сообщить больному Карееву о смерти в Москве его друга и коллеги М. С. Корелина⁷.

Кареев, несомненно, сыграл определенную роль в научном становлении Ардашева. Фундаментальные исследования Кареева по истории Великой французской революции были для Ардашева источником знаний и примером для подражания. Кареев помогал молодому коллеге публиковать статьи в престижных изданиях. Так, например, Кареев разместил в «Историческом обозрении» рецензию Ардашева на словарь французской революции Бурсина и Шаламеля⁸.

⁴ Кареев особое внимание уделил изучению крестьянских наказов, многие из которых уже были опубликованы и потому меньше использовал архивный материал. «Очень его уж много, а времени у меня мало», – пишет он Герье 13 февраля 1878 г. (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 5. Л. 8). Вероятно, эти опасения возникли у Кареева из-за крайней запущенности фондов Национального архива в Париже. Ардашев работу в Национальном архиве начал с составления «инвентаря» (своеобразной описи), что позволило ему в дальнейшем полнее использовать материалы архива (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 36. Ед. хр. 47. Л. 15), причем ценность его диссертации в немалой степени определялась вовлечением в научный оборот новых архивных источников.

⁵ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 67.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 36. Ед. хр. 48. Л. 27. См. также: РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 85 об.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 36. Ед. хр. 48. Л. 28.

⁸ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 16. См.: Ардашев П. 1892. С. 249-259.

Возможно, что именно при поддержке Кареева переработка этой рецензии Ардашева появилась в следующем году во французском журнале *Revue historique*⁹. Кареев также способствовал публикации в редактируемой им вместе с И. В. Лучицким исторической коллекции «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время» работы Ардашева «Абсолютная монархия на Западе»¹⁰. Позже он привлек Ардашева к работе в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, для которого последним были написаны ряд статей.

Кроме того, Кареев информировал французских историков о трудах Ардашева. Он публиковал письменные отзывы на труды Ардашева во французских периодических изданиях, делал доклады на собраниях французских историков. 13 января 1902 г. Кареев выступил в Колледже общественных наук с докладом «Французская революция в русской исторической науке», в котором подробно рассказал и об исследовании Ардашева о провинциальных интендантах¹¹.

Перед защитой магистерской диссертации Ардашев присылал Карееву для ознакомления отписки своей работы «Провинциальная администрация во Франция в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты» (из Журнала министерства народного просвещения). Кареев очень интересовался содержанием данного труда и 28 октября 1899 г. писал Ардашеву: «Вы мне давали отдельные отписки из Ж.М.Н.П., и я хотел иметь продолжение. Теперь Вы мне прислали листы книги, и я спешу поблагодарить Вас за Вашу любезность. Пожалуйста присылайте и впредь»¹².

В письмах к Карееву Ардашев признавался, что творчество последнего оказало на него большое влияние. Так, в письме от 16 ноября 1904 г., Ардашев, поздравляя Кареева с 25-летием академической деятельности, писал: «не бывши Вашим слушателем, я однако с гордостью могу считать себя Вашим учеником, так как Ваши печатные работы заинтересовали меня еще на студенческой скамье, и вместе с лекциями моих ближайших учителей – Вл[адимира] Ив[ановича] Герье, Павл[а] Гавр[иловича] Виноградова и Вас[илия] Ос[иповича] Ключевского, послужили к пробуждению во мне интереса к исторической науке. Вряд ли, впрочем, нужно говорить об этом, так как в

⁹ *Ardacheff P.* P. 390-395.

¹⁰ *Ардашев П. Н.* 1902.

¹¹ *Karéiev N.* 1902. P. 321–345.

¹² РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 17. См. также: НИОР РГБ. Ф. 119. К. 46. Ед.хр. 3. Л. 1.

некоторых из моих печатных работ Вы не могли не заметить следы Вашего заочного, но тем не менее глубокого влияния»¹³.

Кареев высоко оценивал творчество Ардашева, признавая его видным специалистом по истории Старого порядка. По поводу «Абсолютной монархии на Западе» ученик Кареева А.М. Ону писал Ардашеву: «Слышал, что Вы написали небольшой очерк в одну историческую коллекцию, Кареев ее хвалит»¹⁴. Кареев многократно рецензировал «Провинциальную администрацию во Франции» в российских и французских периодических изданиях. Он назвал эту книгу крупным вкладом в историческую науку и считал, что по разнообразию содержания она «могла бы претендовать, пожалуй, на право быть названной целой энциклопедией в отношении старого порядка...»¹⁵. Вступительную часть, представлявшую собой анализ источников и литературы, Кареев назвал вполне самостоятельным историографическим очерком: «Этот очерк нельзя не рекомендовать каждому, кто приступает к изучению эпохи, но вместе с тем очерк имеет большую ценность также и для специалистов, которые найдут в ней массу справочного материала»¹⁶. По мнению Кареева, Ардашев своим трудом внес много нового в изучении старого порядка, устранив целый ряд недоразумений и внося множество поправок в исследование Токвиля и других историков. В то же время Кареев отмечал некоторые недостатки труда Ардашева, в частности, «слишком категорическое» отношение к «чистоте» и «правдивости» административной переписки интендантов с генеральным контролером.

По мнению Кареева, Ардашев слишком мало и редко использовал в своей работе материалы наказов 1789 года. Ардашев, действительно, заявлял, что наказания представляют для его задачи второстепенный интерес. Зная о том, что в наказах нашло отражение сильное недовольство интендантами, Ардашев объяснял это недовольство прежде всего ненавистью крестьян к фискальному гнёту и недоброжелательностью местного судейского сословия к интендантам. Кареев считал, что недовольство интендантами, отразившееся в наказах, не сводится только к перечисленным Ардашевым причинам¹⁷.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 119. П. 15. Ед. хр. 44. Л. 2-3.

¹⁴ РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 12 об.

¹⁵ Отзыв о сочинении проф. П. Н. Ардашева... 1911. С. 53 (далее в сносках – Отзыв...). Рукопись этого отзыва Кареева хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: ПФ РАН. Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 53. Л. 1-42.

¹⁶ Отзыв... С. 26.

¹⁷ Там же. С. 39.

Кареев считал, что общая оценка провинциального интендантства и состояния предреволюционной Франции у Ардашева «грешит... излишним оптимизмом»¹⁸, а описанная Ардашевым «общая картина экономического и интеллектуального преуспевания Франции как-то мало дает предчувствовать взрыв 1789 г.»¹⁹. Однако общие выводы и некоторые положения Ардашева Кареев оценивал высоко и использовал в своих трудах. Так, влияние работ Ардашева можно заметить в книгах «Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков» и «Великая французская революция»²⁰. Кареев писал: «Справедливость требует указать еще на то, что лично я очень многим воспользовался из книги проф. Ардашева в своей книге «Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков»²¹.

Несмотря на взаимное уважение, между Кареевым и Ардашевым не сложились близкие, дружеские отношения, возможно, из-за разницы в возрасте, отсутствия длительных непосредственных контактов и различия в политических взглядах, которые ярко проявились в годы первой русской революции. Несмотря на это, взаимная симпатия, несомненно, присутствовала. После Февральской революции 1917 года, когда остро встал вопрос реформирования системы образования, Кареев хотел найти в Ардашеве единомышленника по организации особого координационного органа для разработки вопросов преподавания истории в высшей школе. Основные свои идеи Кареев изложил в присланном Ардашеву письме. Последний признавал актуальность идей Кареева и давал свое согласие на участие в работе координационного органа в случае его создания²².

После прихода к власти большевиков в 1917 г. судьбы двух ученых сложились различно. Кареев после долгих и мучительных поисков смог приспособиться к существованию в новом обществе. Ардашев, по свидетельству его племянницы Ю. Л. Стритт, испытал большой душевный кризис и до конца жизни сожалел о том, что не уехал за границу. После революции он потерял семью, испытывал материальные лишения, что привело к проблемам с алкоголем²³. В университетах в эти годы шла реорганизация, и Ардашев переезжает из Киева в Симферополь, затем в Витебск, где и умирает.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ См.: Кареев Н. И. 1908. С. 124-125, 153-155, 171-173; Он же. 2003. С. 26-27.

²¹ Отзыв... С. 25.

²² НИОР РГБ. Ф. 119. П. 15. Ед. хр. 44. Л. 4-5.

²³ РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 2, 6.

В перипетиях постреволюционных лет сведения о нем и его судьбе в большой науке были противоречивыми. Так, в «Советской исторической энциклопедии» и в книге В. П. Бузескула датой смерти Ардашева назван 1922 год, а в «Большой Советской энциклопедии» – 1923 год²⁴. Ни одно из этих изданий не упоминает о его работе в Витебске. Однако, судя по публикуемому ниже документу, Кареев был хорошо осведомлен о переездах Ардашева. Здесь мы допускаем три версии точных сведений Кареева о последних годах жизни Ардашева. Во-первых, возможно, в эти годы между ними существовала переписка, не дошедшая до нас. Во-вторых, вероятно, Кареев имел сведения от Н. М. Гутьяра, находившегося в переписке с племянницей П. Н. Ардашева Ю. Л. Стритт. В-третьих, вполне возможно, что Н. И. Кареев получил сведения от С. Ф. Платонова, которому Н. М. Гутьяр прислал письма Ю. Л. Стритт о последних годах жизни Ардашева²⁵. В то время как во французской прессе появилась заметка о смерти Ардашева, написанная одним из редакторов «*La Révolution française*» Ноелем Шаравеем²⁶, в отечественной академической прессе некрологов об Ардашове опубликовано не было, но, судя по имеющимся у нас материалам, они готовились к печати.

В фонде Е. В. Тарле в Архиве Российской Академии наук в одной папке хранятся два неопубликованных некролога на Ардашева. Первый из них – это черновая рукопись, написанная рукой Кареева. Второй некролог представляет собой машинописную копию с подписью чернилами в конце некролога – «Димитрий Петров»²⁷. Возможно, второй машинописный некролог был написан учеником П. Н. Ардашева Д. К. Петровым, оставленным при кафедре всеобщей истории Киевского университета для приготовления к профессорскому званию²⁸. Можно предположить, что этот некролог был прислан Карееву самим Д. К. Петровым. Содержание двух некрологов несколько различно, хотя, конечно, в основных фактах они повторяют друг друга. В некрологе Петрова, более обширном по объему, помимо биографических и оценочных сведений, дан анализ основных работ Ардашева. Таким образом, можно сделать вывод, что в 1925–1926 гг. готовились публикации некрологов на Ардашева.

²⁴ Бузескул В. П. 1931. С. 7; Вебер Б. Г. 1961. Стб. 716; Ардашев, Павел Николаевич... 1970. С. 183.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2762. Л. 35-35 об.

²⁶ Charavay N. 1924. P. 288.

²⁷ АРАН. Ф. 627. Оп. 5. Ед. хр. 77. 5 л.

²⁸ Alma Mater... 2001. С. 179.

Некрологи не были опубликованы, на наш взгляд, по идеологически причинам. По своим политическим взглядам Ардашев представлялся советской власти «неблагонадежным», к тому же в эти годы положение самого Кареева в связи с гонениями на буржуазную профессию было шатким. Вопрос о том, почему эти некрологи оказались в архиве Е. В. Тарле, и имел ли он отношение к готовящейся публикации, требует дальнейшего исследования.

В связи с тем, что в основных чертах некрологи повторяют друг друга, мы сочли целесообразным опубликовать только некролог, написанный рукой Кареева, который подводит своеобразный итог отношениям двух ученых²⁹.

П. Н. АРДАШЕВ

Русская историческая наука понесла новую утрату в лице Павла Николаевича Ардашева, скончавшегося в Витебске летом 1924 года в исходе пятого десятилетия своей жизни³⁰.

П. Н. Ардашев родился в 1865 году и учился в Московском университете, в котором занимался, главным образом, под руководством профессора Герье. Еще на студенческой скамье он написал исследование под заглавием «Переписка Цицерона, как источник для истории Юлия Цезаря», напечатанное в 1890 году³¹. Выдержав по окончании курса магистерский экзамен, он получил заграничную командировку для работы над магистерской дис-

²⁹ Предлагаемый текст представляет собой черновой вариант, написанный черными чернилами на двойном листе с обеих сторон (4 страницы) с зачеркиваниями и вставками на полях. На полях первого листа карандашом приведены подсчеты и комментарии: «180 строк по 25 букв. В статье менее 2 стр.» Далее арифметические подсчеты столбиком: «180*25» и «40000/16». Можно предположить, что эти подсчеты, написанные рукой Кареева, относятся к некрологу, что свидетельствует о его намерении опубликовать его. Окончательной авторской правки не было, так как имеются несогласования в тексте в связи с зачеркиванием некоторых фрагментов, пропуски в годах издания книг, которые Кареев хотел уточнить. Зачеркнутый им текст дан в треугольных скобках – \triangleleft , вставки Кареева и восстановленные нами сокращения – в квадратных скобках – []. В некрологе имеются небольшие фактические неточности относительно биографии Ардашева. Они оговорены нами в комментариях.

³⁰ Ю. Л. Стритт (Ардашева) писала, что П. Н. Ардашев скончался в июне 1924 г. от сердечных припадков (РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 3).

³¹ Работу «Переписка Цицерона, как источник для истории Юлия Цезаря от начала столкновения последнего с сенатом до его смерти» Ардашев написал на втором курсе в 1887 г. в ходе работы в семинаре В. И. Герье. На университетском конкурсе студенческих работ 1888 г. это сочинение Ардашева было удостоено золотой медали, а 1890 г. напечатано в Учёных записках Московского университета (См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 345. Л. 2, 7.).

сертацией. Результатом его двухлетнего пребывания во Франции (1896–1898), где он занимался в парижских и некоторых провинциальных архивах и библиотеках, был трехтомный его труд «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка». За первый том этого обширного исследования (1900) он получил магистерскую степень, за вторую – докторскую³², а третий том, вышедший в свет в 1903 г., представляет собой приложение, состоящее из <...> документов на французском языке³³. Часть этого труда в 1909 году появилась и во французском переводе («*Les intendants de province sous Louis XVI*»), что сделало имя Ардашева достаточно известным среди французских историков³⁴. Преподавательскую деятельность он начал в Петербургском и Новороссийском университетах, в последние годы прошлого столетия, в звании приват-доцента³⁵, а в 1901 году занял кафедру в Киевском ун[иверсите]те³⁶. В последние годы жизни он преподавал, с перерывами, в Симферополе³⁷ и Витебске³⁸.

Кроме указанных трудов, П. Н. Ардашев издал еще несколько других, каковы: «Абсолютная монархия на Западе» [1902]³⁹, вошедшая в брошгауз-ефроновскую серию «История Западной Европы по эпохам и странам» под ред[акцией] Кареева и Лучицкого; перевод «Похвалы Глупости» Эразма Роттердамского (1902 и еще издания 1903 и 1910-х гг.); «Месяц во французской

³² 19 февраля 1901 г. в Московском университете состоялась защита магистерской диссертации Ардашева (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 28. Л. 5.), после чего определением университетского Совета 24 марта 1901 г. он был утверждён в степени магистра всеобщей истории (См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10020. Л. 9). В 1906 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась защита докторской диссертации Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789) Провинциальные интенданты. Том II». В степени доктора исторических наук Ардашев был утверждён 18 мая 1906 г (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10020. Л. 10).

³³ *Ardascheff P.* [1903].

³⁴ *Ardascheff P.* 1909.

³⁵ Ардашев преподавал в Санкт-Петербургском университете в течение января 1899 г. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1316. Л. 8). С февраля 1899 г. Ардашев стал работать приват-доцентом историко-филологического факультета Новороссийского университета.

³⁶ Неточно: в конце августа 1901 г. Ардашев стал работать на кафедре новой истории не Киевского, а Юрьевского университета. 29 августа 1903 г. Ардашев был назначен экстраординарным профессором кафедры всеобщей истории Киевского университета Святого Владимира.

³⁷ 27 мая 1920 г. Ардашев был избран профессором кафедры всеобщей истории Таврического (с января 1921 г. – Крымского) университета в Симферополе (См.: Ардашев Павел Николаевич... 2007. С. 15).

³⁸ С декабря 1923 г. по июнь 1924 г. Ардашев преподавал в качестве профессора по новой истории в Витебском педагогическом институте (См.: РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 94).

³⁹ Данные цифры написаны в виде вставки на полях.

провинции» (1903); «О прогрессе в исторической науке» (1904, вступительная лекция); «Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией» (1905); «История Западной Европы в новейшее время» (1910; в дополнение к «Лекциям всемирной истории» Петрова) [брошюры о Тэне⁴⁰, об А. М. Ону⁴¹]⁴² и мн[огое] др[угое] в виде журнальных <статей> статей в русских и французских периодических изданиях и ряд статей в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона⁴³.

Главное значение Ардашева покоится на двух его диссертациях, заслуживших лестные отзывы и в русской, и во французской научной критике, как солидное исследование с громадной эрудицией автора и множеством нового внесенного им в науку⁴⁴. В общей сложности Ардашев работал над своей темой около десяти лет, перерыв массу старопечатного и архивного материала. Наша Академия Наук увенчала труд Ардашева одной из макареевских премий по отзыву, который был ею поручен пишущему эти строки (см. «Отчет о [XIII]⁴⁵ присуждении премий митрополита Макария» (1910)⁴⁶ <и был положен в основу моих суждений об Ардашеве в книгах «Работы русских ученых по истории французской революции»⁴⁷ [(19..)]⁴⁸, «Французская революция в трудах русских ученых»⁴⁹ (19..) и «Изучение Французской революции вне Франции» (III том «Историков Французской революции», 1925)⁵⁰, где я имел возможность отметить и похвальные отзывы о труде со стороны французских ученых. Например,> Знаменитый Дарест писал в «Journal des Savants» (1901) о исследовании Ардашева как о «самом полном труде, какой только был издан о данном предмете и за который французы должны быть благодарны автору»⁵¹.

Как университетский преподаватель, П[авел] Н[иколаевич] оставил нескольких учеников, которые в его киевском семинарии изучали наказы 1789 года, издавши о них <несколько> четыре небольшие исследования,

⁴⁰ Ардашев П. Н. 1910.

⁴¹ Ардашев П. Н. 1909.

⁴² Данный текст написан в виде вставки на полях.

⁴³ Ардашев П. Цельтес. 1903. С. 932; Он же. Чакрабон. 1903. С. 379; Он же. Штаты провинциальные 1903. С. 875-879; Он же. Эразм Роттердамский. 1904. С. 943-947.

⁴⁴ Основные рецензии см.: К. А. 1901. С. 764-769; О. Н. У. 1901. С. 99-105; П. В. 1906. С. 646-648; П. К. 1906. С. 299-301; G. K. 1901. P. 557-564; Barthelemy E. 1909. P. 700-701; Febvre L. 1910. P. 247-248; Rhodes W. E. 1910. P. 369-371.

⁴⁵ Данная цифра написана в виде вставки на полях.

⁴⁶ Отзыв... С. 23-64.

⁴⁷ Кареев Н. И. 1904. С. 76-80.

⁴⁸ Данная цифра написана в виде вставки на полях.

⁴⁹ Кареев Н. И. 1912. С. 24-37.

⁵⁰ Кареев Н. И. 1925. С. 203-209.

⁵¹ Darest R. 1901. P. 401.

напечатанные в Киевских «Университетских Известиях» за второе десятилетие текущего столетия. На этих <...> работах учеников Ардашева (Н. И. Никифоров, П. К. Григорьева⁵², Д. К. Петров)⁵³ отразились вполне строгие научные приемы учителя. При той энергии, которую проявлял покойный в своей исследовательской и преподавательской деятельности, от него можно было ожидать ещё многого для нашей исторической науки.

Н. Кареев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н. Н.* Образы историков в их переписке // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2004. Вып. 12. С. 366-372.
- Ардашев П.* Новое пособие по истории французской революции: E. Boursin et A. Challamel. Dictionnaire de la Révolution Française: Institutions, hommes et faits, Paris, Jouvet et Cie. 1892 // Историческое Обозрение. 1892. Т. 5. С. 249-259.
- Ардашев, Павел Николаевич // Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 183.
- Ардашев Павел Николаевич (1865–1924) // Профессора Таврического национального университета имени В. И. Вернадского / Сост.: В. Г. Ена, В. В. Бобков. Киев: Либідь, 2007. С. 15.
- Ардашев П.* Цельтес // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Тип-я «Брокгауз-Ефрон», 1903. Т. XXXVII. С. 932.
- Ардашев П.* Чакрабон // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Тип-я «Брокгауз-Ефрон», 1903. Т. XXXVIII. С. 379.
- Ардашев П.* Штаты провинциальные // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Тип-я «Брокгауз-Ефрон», 1903. Т. XXXIX. С. 875-879.
- Ардашев П.* Эразм Роттердамский // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Тип-я «Брокгауз-Ефрон», 1904. Т. XL. С. 943-947.
- Ардашев П. Н.* Абсолютная монархия на Западе: история Европы по эпохам и странам в средние века и новое время. СПб.: Тип-я «Брокгауз-Ефрон», 1902. 263 с.
- Ардашев П. Н.* Несколько слов по поводу книги проф. Олара о Тэне. Киев: Тип-я Имп. Ун-та Св. Владимира, 1910. 8 с.
- Ардашев П. Н.* Разбор книги А. Ону «Выборы 1789 года во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны» (СПб., 1908). СПб.: Сенатская тип-я, 1909. 33 с.
- Бузескул В. П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Ч. 2. 223 с.
- Вебер Б. Г.* Ардашев, Павел Николаевич (1865–1922) // Советской исторической энциклопедии. М.: Советская энциклопедия, 1961. Т. 1. Стб. 716.
- Дело Императорского Санкт-Петербургского университета. Ардашев П. Н. О допущении его к защите диссертации «Провинциальная администрация во Франции

⁵² Кареев неверно указывает инициалы ученицы Ардашева И. К. Григорьевой.

⁵³ См.: *Никифоров Н. И., Руткевич Н. П., Евстафьев В. Н.* 1911; *Петров Д. К.* 1915; Суд во Франции при старом порядке... 1914.

- в последнюю пору старого порядка» (началось 1906 г.) // Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10020. Л. 9.
- Дело историко-филологического факультета императорского Московского университета. О темах на соискание медали в 1888 году и о награждении таковыми // Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 345. Л. 2, 7.
- Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. О допущении магистранта Ардашева на чтение лекций в звании приват-доцента (началось 30 ноября 1898 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1316. 8 л.
- К. А. Павел Ардашев. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. I. СПб., 1900 // Исторический вестник. 1901. Май. С. 764-769.
- Кареев Н. П. Н. Ардашев [Некролог] // Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 627. Оп. 5. Ед. хр. 50. 4 л.
- Кареев Н. И. Великая французская революция. М.: ГПИБ, 2003. 487 с.
- Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1908. 452 с.
- Кареев Н. И. Изучение французской революции вне Франции Л.: Колос, 1925. 306 с.
- Кареев Н. И. Памяти двух историков // *Анналы*. 1922. № 1. С. 155-174.
- Кареев Н. И. Работы русских учёных по истории французской революции СПб: Тип-я Шредера, 1904. 80 с.
- Кареев Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911) // *Историческое обозрение*. 1912. Т. 17. С. 12-126.
- Личные документы П. Н. Ардашева // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 67.
- Никифоров Н. И., Руткевич Н. П., Евстафьев В. Н. Наказы третьего сословия Аррасского бальяжа в 1789 г. / Отв. ред. П. Н. Ардашев. Киев: Тип-я Имп. Ун-та Св. Владимира, 1911. VIII, 176 с.
- О. Н. У. Павел Ардашев. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). СПб., 1900. Т. I // *Мир Божий*. 1901. Май. С. 99-105.
- Отзыв Н. И. Кареева о сочинении проф. П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация во Франция в последнюю пору старого порядка» // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 53. 42 л.
- Отзыв о сочинении проф. П. Н. Ардашева: Провинциальная администрация во Франция в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным, Т. I. СПб, 1900. Т. 2, Киев, 1906, составленный проф. Н. И. Кареевым // Отчет о тринадцатом присуждении Императорской Академией наук премий митрополита Макария в 1909 году. По историко-филологическому отделению. СПб.: Тип-я Имп. Академии наук, 1911. С. 23-64.

- П. В.* Павел Ардашев. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. Провинциальные интенданты. Т. II. // Исторический вестник. 1906. Май. С. 646-648.
- П. К.* Проф. П. Ардашев. Провинциальные интенданты. 3 тома. Т. I. СПб., 1900. XVI + 658 стр. Т. II. Киев. 1906. XXI + 733 стр. Т. III. Youriev. XI + 554 стр. // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 10. С. 299-301.
- Переписка П. Н. Ардашева с редакциями, издательствами, типографиями, в том числе с Н. И. Кареевым (1897–1907) // РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 16-21.
- Петров Д.* П. Н. Ардашев [Некролог] // АРАН. Ф. 627. Оп. 5. Ед. хр. 77.
- Петров Д. К.* Ликвидация сеньориального режима во Фракции по документам, изданным Саньяком и Кароном. Киев: Тип-я Имп. Ун-та Св. Владимира, 1915. 160 с.
- Письма А. М. Ону к П. Н. Ардашеву // РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 12-12 об.
- Письма Н. И. Кареева к В. И. Герье (1873–1879) // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 5. 26 л.
- Письма П. Н. Ардашева к В. И. Герье (1890–1897) // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 36. Ед. хр. 47. 43 л.
- Письма П. Н. Ардашева к В. И. Герье (1898–1899) // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 36. Ед. хр. 48. 31 л.
- Письма П. Н. Ардашева к родителям и родственникам // РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 85 об.
- Письмо Н. М. Гутьяра С. Ф. Платонову // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2762. Л. 35-35 об.
- Письмо П. Н. Ардашева к Н. И. Карееву (1900 г) // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 46. Ед. хр. 3. 1 л.
- Письмо П. Н. Ардашева к Н. И. Карееву (1904, 1910, 1917 гг.) // НИОР РГБ. Ф. 119. П. 15. Ед. хр. 44-46. 5 л.
- Письмо Ю. Л. Стритт (Ардашевой) к Н. М. Гутьяру // Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН). Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. 10 л.
- Протоколы заседаний историко-филологического факультета Императорского Московского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Ед. хр. 28. Л. 5.
- Сидненко Т. И.* Межличностные коммуникации историков как отражение процессов внутренней социализации: по материалам эпистолярного наследия либеральных историков конца XIX – начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. 2006. № 4. С. 108–121.
- Сидорова Л. А.* Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129-138.
- Суд во Франции при старом порядке по наказам третьего сословия Санского бальяжа. Сочинение слушательницы Высших Женских Курсов в Киеве И. К. Григорьевой, под ред. и с предисловием проф. П. Н. Ардашева // Minerva. Вып. 3. Киев: Тип-я Т. Г. Мейнанадера, 1914. VI, 115 с.
- Alma Mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції (1917–1920). Матеріали, документи, спогади / упоряд. В. А. Короткий, В. І. Ульяновський. Київ: Прайм, 2001. Кн. 2. 704 с.

- Ardascheff P.* E. Boursin et A. Challamel. Dictionnaire de la Révolution Française: Institutions, hommes et faits, Paris, Jouvet et C-ie. 1893 // Revue historique. 1893. janvier-avril. T. 51. P. 390-395.
- Ardascheff P.* Les Intendants de province sous Louis XVI. Etude historique principalement d'après les documents inédits par Paul Ardascheff, professeur d'histoire générale à l'Université Imperiale de Kiev. Tome III. Appendice. Première partie. Pièces justificatives. Youriev: K. Mattisen, [1903]. 554 p.
- Ardascheff P.* Les Intendants de province sous Louis XVI. Traduit de russe, sous la direction de l'auteur, par Louis Jousserandot. Paris: Félix Alcan, 1909. 488 p.
- Barthelemy E.* Paul Ardascheff. Les Intendants de Province sous Louis XVI; Alcan, 10 fr. // Mercure de France. 1909. № 2. T. 77, No. 280. P. 700-701.
- Charavay N.* // La Révolution française: revue historique. 1924 T. 77. P. 288.
- Dareste R.* L'Administration provincial en France pendant les dernières années de l'ancien régime (1774-1789). Les intendants des provinces, etude historique principalement d'après les documents inédits, par Paul Ardascheff, professeur d'histoire à l'Université d'Odessa. T.Ier. Saint-Petersbourg, 1900 (en russe) // Journal des Savants. 1901. Juillet. P. 401-410.
- Febvre L.* Les Intendants de province sous Louis XVI, traduit du russe sous la direction de l'auteur par L. Jousserandot, Paris, Alcan, 1909, XX-488 pp. in-8 // Revue de synthèse historique. 1910. Octobre. Tome 21-2. P. 247-248.
- G. K.* Une thèse russe sur les intendants // La Révolution française. 1901. janvier-juin. P. 557-564.
- Karëiev N.* La révolution français dans la science historique russe // La Révolution française. 1902. Avril. P. 321-345.
- Rhodes W. E.* Les Intendants de Province sous Louis XVI by Paul Ardascheff, Louis Jousserandot // The English Historical Review. 1910. April. Vol. 25, No. 98. P. 369-371.

*Подготовка публикации и примечаний
Т. Н. Ивановой и А. Н. Зарубина*

Иванова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова; tivanovan@mail.ru.

Зарубин Андрей Николаевич, аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова; a_zarubin85@mail.ru.

А. И. КЛЮЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ КНИГИ

Н. П. ОТТОКАР И ЕГО КНИГА «ФЛОРЕНТИЙСКАЯ КОММУНА В КОНЦЕ ДУДЖЕНТО» В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ*

Публикуется текст отчета о заграничной командировке Н. П. Оттокара (1884–1957) – представителя петербургской школы медиевистики, ученика И. М. Гревса, впоследствии профессора Флорентийского университета. Текст интересен не только в связи с институциональной структурой системы образования России, но как теоретическое введение к неизданной в России монографии историка о социально-политической истории Флоренции.

Ключевые слова: Н. П. Оттокар, Италия, Флоренция, отчет о заграничной командировке, петербургская школа медиевистики, Магнаты и Пополаны.

У книги Н. П. Оттокара¹ «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» длинная и сложная история. Впервые она увидела свет в 1926 г. во Флоренции на итальянском языке², но писалась в начале 1910-х гг. и первоначально предназначалась для русского читателя. Столь ожидаемая работа в русской интеллектуальной среде начала XX в.³, посвященная социально-политической истории Флоренции 1280–1295 гг., в силу разных причин так и не увидела своего читателя на Родине ее автора.

Н. П. Оттокар окончил курс историко-филологического факультета Петербургского университета в 1908 г.⁴, и затем ходатайством факульте-

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, государственный контракт 02.740.11.0350.

¹ Николай Петрович Оттокар (1884–1957) – выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик И. М. Гревса, историк-медиевист, впоследствии, эмигрант, профессор Флорентийского университета. См.: *Клементьев А. К.* Николай Петрович Оттокар. Путь. 2004. С. 323–338; *Он же.* Николай Петрович Оттокар (русский... 2004. С. 79–104; *Клементьев А. К., Клементьева В. А.* 2006. С. 377–404; *Клюев А. И.* 2009. С. 383–388; *Он же.* Пермский период жизни Николая Петровича Оттокара. 2010. С. 54–68; *Он же.* Столичный медиевист... 2010. С. 407–409; *Клюев А. И., Свешников А. В.* 2009. С. 350–364; *Комолова Н. П.* 2003. С. 157–164; *Она же.* 2005. С. 396–403; *Nicola Ottokar...* 2008; *Sestan E.* 1962. IX–XVIII; *Idem.* 1959. P. 178–184.

² *Ottokar N.* 1926. 291 p.

³ Об этом мы можем судить по тому сожалению, с которым И. М. Гревс на диспуте, посвященном магистерской защите Н. П. Оттокара в 1921 г., говорит о несостоявшейся книге о Флоренции. – См.: СПФ АРАН. № 143. Л. 2.

⁴ Формулярный список о службе // ГАПО. Д. 257. Л. 89 об.

та был оставлен при кафедре всеобщей истории для приготовления к ученой степени на два года, с сентября 1908 г. по сентябрь 1910 г. без стипендии⁵. Впоследствии срок был продлен до 1 января 1911 г.⁶

К тому моменту уже четко определилось основное направление научных поисков начинающего ученого. «Очень рано наметилась у Н. П. Оттокара основная задача самостоятельного разыскания, именно внутренний строй позднесредневековой Флоренции и преимущественно исследование жизни магнатских миров и их отношений к другим слоям или группам населения. Такое умение, так сказать, быстро найти себя, создать собственный центр ученых усилий – всегда составляет признак сильно и оригинально пробуждающегося ученого призвания», – писал И. М. Гревс⁷.

Конечно, в становлении этого интереса мы должны подчеркнуть роль и самого учителя, который являлся редкостным знатоком флорентийской истории: Оттокар ездил вместе с ним в первую экскурсию по Италии в 1907 г.⁸, принимал деятельное участие в экскурсии 1912 г.⁹, занимался в семинариях по Дино Компаньи¹⁰ и т.д. К тому моменту в печати появляются и первые статьи Н. П. Оттокара, которые посвящены разным проблемам истории Флоренции¹¹.

После сдачи магистерских экзаменов в 1911 г. в рамках сложившейся системы подготовки ученых магистрант имел право на предоставление ему заграничной командировки. 12 февраля 1911 г. «факультет ходатайствует о командировании с ученой целью за границу оставленного при университете по кафедре всеобщей истории Н. П. Оттокара сроком на два года, со стипендией из сумм Министерства Народного Просвещения»¹². Но магистрант Оттокар был командирован «за границу, в Италию, для занятий в библиотеках, архивах и музеях»¹³ на меньший

⁵ ЦГИА СПб. Д. 10205. Л. 1, 2, 3, 4, 7.

⁶ Там же. Л. 8, 9. В этом документе говорилось также о продолжении стипендии в размере 600 руб., которую он получал с февраля 1909 г. См.: Там же. Л. 5; РГИА. Оп. 154. № 559. Л. 58, 61.

⁷ СПФ АРАН. № 143. Л. 1-1об.

⁸ О подготовке поездки есть некоторые сведения в письмах Л. П. Карсавина к И. М. Гревсу за 1906 год. См.: Письма Л. П. Карсавина И. М. Гревсу (1906–1916) 1994. С. 27, 29; *Гревс И. М.* 1910.

⁹ Об экскурсии 1912 года и участии в ней Оттокара см.: *Анциферов Н. П.* 1992. С. 280, 301; *Человек с открытым сердцем...* 2004. С. 282–283.

¹⁰ См.: СПФ АРАН. № 132.

¹¹ *Оттокар Н. П.* К истории взаимоотношения... 1909. С. 1-23; *Он же.* 1911. С. 241-271; *Он же.* Флорентийский дом... 1909. С. 23-32.

¹² ЦГИА СПб. 10205. Л. 19.

¹³ Там же. Л. 26.

срок, чем предполагалось: с 1 сентября 1911 г. по 1 января 1912 г. с финансированием из капиталов имени Бильбасова¹⁴.

Сроки командировки постоянно менялись. Так, командировка была продлена с 1 января по 1 июня 1912 г.¹⁵; затем еще на год, с 1 июля 1912 г. по 1 июля 1913 г. с назначением соответствующих сумм; и потом еще раз, с 1 июля 1913 г. по 1 июля 1914 г.¹⁶. Именно к последнему продлению и относится публикуемый ниже документ, написанный за четыре месяца до истечения срока командировки, в феврале 1913 г. О занятиях Оттокара во Флоренции рассказывает его близкий друг В. В. Вейдле:

И конечно, уже тогда был он редкостным знатоком флорентийской старины, средневековой, еще более редкостным, чем позднейшей. Люди, которых он любезно по Флоренции водил, вовсе и не подозревали, как и ради чего он знания эти приобрел. Дело было в том, что книга, которую он готовил, должна была, по замыслу его, объяснить городские распри XIII века не готовыми штампами «классовой борьбы», как это делалось уже и в то время, а конкретным соперничеством могущественнейших семейств, искавших и находивших опору в самых различных слоях и группах городского населения. Оттого-то он в архивах еще больше, чем в библиотеках, историю этих семейств и изучал, неотрывную от истории их укрепленных и сторожевыми башнями снабженных жилищ, как и нередко их загородных владений¹⁷.

Книга была уже почти готова¹⁸. «Н. П. Оттокар вез с собой назад систематически подобранные до конца материалы и готовый до деталей план и результаты обширного исследования по истории флорентийского средневекового общественного строя¹⁹, – вспоминает И. М. Гревс.

Но не довез! Причиной этому послужила разгоравшаяся Первая мировая война. События тех лет иллюстрирует В. В. Вейдле:

Вернулся через Германию, в самую последнюю минуту, когда поезда шли только до Эйдкунена, откуда Николаю Петровичу пришлось пешком нести свои два чемодана в Вержолово. Надорвался, получил грыжу, которую пришлось оперировать через некоторое время, и донес только один чемодан, вто-

¹⁴ Там же. Л. 21, 22, 24, 25, 26.

¹⁵ Историко-филологический факультет первоначально, в октябре 1911 года, ходатайствовал перед ректором университета о командировке и назначении соответствующих сумм сразу на два года: с 1 января 1912 года по 1 января 1914 года. См.: Там же. Л. 28. Однако дело, видимо, не имело успеха, и 25 января 1912 года факультет ходатайствует уже о предоставлении командировки с 1 января по 1 июня 1912 года, с содержанием из сумм капитала Бильбасова. См. также: Там же. Л. 29, 30, 32.

¹⁶ Там же. Л. 34, 35.

¹⁷ Вейдле В. В. 2001. С. 76.

¹⁸ О степени готовности текста можно только догадываться, не ясна и степень аутентичности первоначального текста, писавшегося в годы командировки, и издания, вышедшего в 1926 г.

¹⁹ СПФ АРАН. № 143. Л. 1об-2.

рого донести не смог. Все материалы, однако, для своей диссертации по истории Флоренции в XIII веке, архивные выписки, заметки, наброски текста он оставил, уложив их в сундук, хозяину своего флорентийского пансиона²⁰.

О том же вспоминает и учитель Оттокара – И. М. Гревс: «Но современность нанесла историку тяжелый удар <приходилось. – А. К.> спешить на родину летом 1914 г[ода] под напором разразившейся войны; неизбежно было оставить в Италии собранную богатую коллекцию изданий, источников и редких книг; еле-еле удалось спасти, перетащив их на своих плечах через уже закрывавшуюся границу в Вержболове главные свои рукописи и материалы. Так Николай Петрович вернулся в Россию с <нрзб.> своей диссертации и вынужден был отложить ее обработку до лучших времен. Но он заставляет себя ждать теперь у нас дальше, чем когда бы то ни было, и так самым подорванным оказался весь труд: многое придется возобновлять в нем как бы сначала²¹».

А вот что позднее напишет сам Оттокар: «Пробыв в командировке до лета 1914 г[ода], я подготовил, работая по преимуществу в архивах и библиотеках Флоренции, труд по социально-политической истории Флоренции в 13 и 14 вв. Однако обстоятельства, при которых мне пришлось возвращаться в Россию в июле 1914 г[ода], уже после начала мировой войны, не дали мне возможности взять с собою относящиеся к этой работе рукописи, записки и т.п. <...> Таким образом, исследования мои по истории итальянских коммун, над которыми я работал как в Петербурге, так и в Италии с 1908 по 1914 г., остались из-за событий мировой войны и международного положения последних лет, незаконченными. Мало того, в течение уже 6½ лет я оторван от всех собранных мною научных материалов и почти готовый уже к печати рукописи своей работы²²».

Оттокар возвращается без магистерской диссертации. По возвращении он был допущен «к чтению лекций в Императорском Петроградском университете по кафедре всеобщей истории, с осеннего полугодия... с зачислением его, с того же времени, в состав приват-доцентов названного университета»²³. А вскоре, распоряжением Министерства Народного Просвещения от 29 сентября 1916 г. ему было поручено «чтение лекций и ведение семинарских занятий в отделении Петроградского университета в городе Пермь в 1916–1917 учебном году»²⁴.

Именно здесь, в Перми, появляется его первая, она же единственная на русском языке, книга «Опыты по истории французских городов в

²⁰ Цит. по: *Клементьев А. К.* Николай Петрович Оттокар (Путь... 2004. С. 325.

Во Флоренции Николай Петрович жил по адресу Lungarno delle grazie, 14. Именно этот адрес (он оставался неизменным) он указывает на прошениях и записках, направленных в Санкт-Петербург. См.: РГИА. № 706. Л. 16, 55, 77 и др. Видимо здесь и были оставлены им материалы.

²¹ СПФ АРАН. № 143. Л. 2.

²² ГАПО. Д. 257. Л. 72; Из личного дела... 2010. С. 158-161.

²³ ЦГИА СПб. 10205. Л. 55, 56.

²⁴ Формулярный список о службе // ГАПО. Д. 257. Л. 92.

средние века»²⁵. Условия провинциальной Перми оставили свой отпечаток на труде. Вдали от столичных архивов и библиотек он пишет скорее методологическую работу²⁶, нежели конкретно-историческую, не вводя в научный оборот новых материалов. Он пересматривает старое и хорошо всем знакомое, что стало предметом для критики в стане оппонентов на диспуте по поводу защиты им магистерской диссертации²⁷, которая состоялась в Петербурге в 1921 г. Официальными оппонентами были И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская и Л. П. Карсавин.

Однако находясь в Перми, Оттокар не оставлял надежд вновь отправиться в Италию и продолжить незаконченное. Уже 15 (28) февраля и 20 февраля (5 марта) 1918 г. на заседании историко-филологического факультета Пермского университета было постановлено «возбудить чрез Совет ходатайство о командировании на 1 год с научной целью с 1-го июля текущего года профессоров Б. Д. Грекова и Н. П. Оттокара»²⁸. Но в связи с приближением линии фронта в августе были отменены все за-

²⁵ *Оттокар Н. П.* 1919. VIII+258. Позднее, в 1927 г., она будет переведена на итальянский язык. См.: *Ottokar N.* 1927. Книга получит очень теплые отзывы. См., напр.: *Sestan E.* 1926. XIII; *Idem.* 1959. P. 180.

²⁶ Это признает и сам Оттокар. Вот что он пишет в заключении к русскому изданию: «Настоящая работа представляет собою в сущности лишь «методологическое» введение в историю французских городов. Я особенно настаивал бы не столько на конкретных выводах и утверждениях этих «Опытов», сколько на общем отношении к затрагиваемым здесь вопросам. Я стремился освободиться от обычных внешних подходов и словесных предвзятостей, которые больше всего мешают историку уловить подлинную связь и сущность данных исторических отношений. Я стремился преодолеть то неизбежно вырастающее между историком и изучаемой им действительностью средостение, которое слагается из привычных предпосылок, подходов, интересов и точек зрения. И если на конкретном материале изученных мною городов мне удалось хоть сколько-нибудь оправдать эти наклонности к «раскрепощению» и «дематериализации» исторических представлений, тогда основная цель моих «Опытов» может быть признана достигнутой». – *Оттокар Н. П.* 1919. С. 249. И в итальянском введении к переводу «Опытов» (русское издание вышло без введения): «Я переиздаю ее сейчас, на языке моей приемной родины, потому что полагаю, что ее методологическое направление и историографические достоинства вновь подтверждены и укреплены перед широкой публикой любителей средневековой истории». См.: *Ottokar N.* 1948. P. 179. Здесь же можно ознакомиться с полным текстом введения к итальянскому переводу книги. См.: *Ibid.* 1948. P. 179-182.

²⁷ Отзыв И. М. Гревса оказался очень резок. Причиной резкой критики стал его конфликт с учениками – Л. П. Карсавиным и Н. П. Оттокаром. О конфликте см.: *Свениников А. В.* 2009. С. 42-72. Признавая исследовательское мастерство историка, Гревс очень резко относился к «мании» отрицания последнего, и к его нападкам на французских историков-коммуналистов. См.: СПФ АРАН. № 143. Также см. отзыв О. А. Добиаш-Рождественской в ОР РНБ. Д. 223.

²⁸ ГАПО. Д. 522а. Л. 100.

граничные командировки²⁹. 8 декабря 1920 г. в Совет университета вновь поступает прошение поспособствовать заграничной командировке³⁰. Но только с третьей попытки, по воспоминаниям В. В. Вейдле «...в 1921 году, после свидания с Луначарским, получил-таки (Оттокар. – А. К.) заграничный паспорт и возвратился в свою Флоренцию»³¹. В Россию Н. П. Оттокар уже не вернется. В декабре 1924 г. он пишет Вейдле: «Я, как видите: все во Флоренции и даже несколько закрепился здесь, т.к. с 1 декабря читаю лекции во Флорентийском университете»³². С 1925 г. Николай Петрович занимает *per incarico* (вне штата) место на кафедре средневековой истории Флорентийского университета, а с 1930 г. был зачислен в штат как полный профессор. «Около месяца тому назад “ho vinto il concorso”³³ на свою собственную кафедру, которую уже 5 лет занимал *per incarico*, и с этого года перешел в штат, и числюсь уже *titolare della cattedra di Storia medioevale*³⁴ во флорентийском университете»³⁵, – пишет Н. П. Оттокар Вяч. Иванову 7 декабря 1930 г.

В 1924 г. в “Archivio storico italiano” выходит обширная статья об учреждении Приората во Флоренции³⁶, а 1926 г. на прилавках итальянских книжных магазинов появляется первое издание³⁷ книги русского историка Николая Петровича Оттокара, посвященная флорентийской

²⁹ Васильева Н. Е., Кертман Л. Е., Шустов С. Г. 1987. С. 18.

³⁰ Текст прошения см.: ГАПО. Д. 257. Л. 72-72об; Из личного дела... 2010. С. 157.

³¹ Цит. по: Клементьев А. К., Клементьева В. А. 2006. С. 385. Оттокар будет числиться в Пермском университете еще несколько лет. 16 января 1924 г. декан Педфака ПГУ П. А. Будрин пишет в правление университета: «в виду полного отсутствия в деканате сведений о научных занятиях проф. Оттокара Н. П., уже более двух лет выбывшего из ПГУ в научную заграничную командировку, прошу Правление не числить Оттокара проф. Педфака ПГУ». Правление постановило числить Оттокара. См. ГАПО. Д. 257. Л. 84, 85. В 1922 г. Российская Академия наук обращается к историку, чтобы он принял участие в V Международном Конгрессе исторических наук в Брюсселе (апрель 1923 г.). См.: Известия Российской Академии Наук. 1922. С. 144; *Compte rendu du Ve Congrès...* 1923.; P. 38, 259-262, 514.

³² Цит. по: Там же. С. 387; *Klement'ev A. K., Klement'eva V. A.* 2008. P. 36.

³³ Я выиграл конкурс (итал.)

³⁴ Заведующим кафедрой истории средних веков (итал.)

³⁵ Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову. 2006. С. 517. См. также сертификат о службе Оттокара, опубликованный в *Nicola Ottokar storico del Medioevo...* 2008. P. 130. О первых годах работы во Флорентийском университете, о выборах на должность заведующим кафедрой см.: *Gensini S.* 2008. P. 67-68.

³⁶ Сокращенный вариант этой статьи станет первой главой монографии о социально-политической истории флорентийской коммуны, которая выйдет в свет через два года. См.: *Ottokar N.* 1924. P. 5-71.

³⁷ На сегодня насчитывается три издания: помимо первоначального (1926 год) было еще два – 1962 г., и репринт издания 1962 г. в 1974 г. (Torino, Einaudi editore).

коммуне. «Книга эта и вышла – не вскоре и не по-русски, а, по вине Августа и Октября, через пятнадцать лет и на итальянском языке, – принесла автору профессуру во Флорентийском университете и звание почетного гражданина города Флоренция»³⁸, – пишет В. В. Вейдле.

Книга, которую так ожидал научный мир страны, до настоящего момента так и не увидела свет на русском языке.

Как уже говорилось, текст публикуемого документа писался примерно за четыре месяца до конца командировки – в феврале 1913 г.³⁹. Цель его – получение денежных средств от Министерства для завершения работы над диссертацией. Именно в этот момент Оттокар встал перед необходимостью работы в архивах Болоньи и Сиены, что требовало дополнительных затрат⁴⁰. Для получения финансовых средств требовался отчет и мотивационное ходатайство (рекомендация) И. М. Гревса⁴¹. Несмотря на то, что «отчет» был прислан и был признан удовлетворительным, а также была написана рекомендация Гревса⁴², возникли некоторые проблемы с финансированием командировки Оттокара⁴³.

Несколько слов о самом документе. Это не отчет о проделанной работе, во всяком случае, по его назначению. Скорее его можно обозначить как письмо-прошение⁴⁴. Надо заметить, что текст писался как письмо, адресованное учителю – И. М. Гревсу, для того, чтобы он поспособствовал выделению денежных средств. Об этом говорят вступительное и заключительное обращения («Глубокоуважаемый Иван Ми-

³⁸ Вейдле В. В. 2001. С. 76.

³⁹ ЦГИА СПб. Д. 10205. Л. 40.

⁴⁰ РГИА. № 706. Л. 132 об, 151.

⁴¹ О системе получения денежных средств на командировку см.: Свейников А. В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX–XX вв. // в печати.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 41-41 об.

⁴³ Помимо документов, хранящихся в личном деле Оттокара в ЦГИА СПб. Л. 43, 45 и др. О сложностях с получением финансовых средств упоминает и близкий друг Н. П. Оттокара, Л. П. Карсавин в письмах к учителю. 14 мая 1913 года Карсавин пишет: «Получил письмо от Оттокара. Он беспокоится о стипендии. Я навел справки у Никитина, но, оказывается это сделали уже Вы сами. Вероятно, ему придется потерпеть». И письмо от 24 июля 1913 года: «От Оттокара получил письмо – я уже писал Вам об этом – и больше ни слуху ни духу. Вы уже, конечно, знаете ход дела с его стипендией, в ускорении которого властен только г. попечитель». См.: Письма Л. П. Карсавина И. М. Гревсу (1906–1916). 1994. С. 89, 93.

⁴⁴ Оформляя справочный аппарат на выдержки из этого документа, А. К. Клементьев и В. А. Клементьева ссылаются на него как на письмо. См.: Клементьев А. К., Клементьева В. А. 2006. С. 398. прим. 19; Klement'ev A. K., Klement'eva V. A. 2008. P. 28. Nota 21.

хайлович» и «С глубоким уважением Николай Оттокар»), а также фразы по ходу текста (например: «как Вы хорошо знаете» или «это вынуждает меня обратиться к Вам»). Первоначально, несомненно, текст являлся обращением к учителю, и не предназначался для высших инстанций. Позднее, получив текст письма, И. М. Гревс приспособил (за требованием министерства) его под отчет, вычеркнув обращения и вписав фразу: «Отчет о занятиях магистранта Н. П. Оттокара».

Структурно отчет Оттокара разбивается на три части. Первая из них, не просто, говоря современным языком, попытка обоснования актуальности, предмета, объекта, целей и задач предпринятого исследования, но уже в известной степени выводы из проделанной работы. Это квинтэссенция выводов, которые получают свое развернутое отражение в книге. Вторая, наиболее интересная часть (в известной степени, «лабораторная») имеет непосредственную связь с общим историческим мировоззрением историка. Дело в том, что Оттокар никогда не был сторонником теоретических конструкций и теоретических размышлений (в том числе именно поэтому многие его работы без введений и заключений). Чаще всего он их опускает и дает читателю готовый плод своих размышлений. Данная часть документа – это своеобразное теоретическое введение к его работе о флорентийской коммуне. Здесь мы видим ход работы историка, как и из какого материала он получает выводы. Здесь видны принципы работы историка с источником. Третья часть – мотивационная. Это дальнейший план работы, то, что намечает для себя историк, чтобы закончить свой труд в том виде, в каком он его задумал.

Данный текст интересен и еще в одном отношении. В рамках сложившейся в дореволюционной России традиции подготовки к профессорскому званию, командировка за границу была совершенно нормальной и обычной практикой. И, как правило, уезжал в Европу вчерашний студент, а возвращался взрослый сложившийся ученый. И отчет, в этом смысле, это протокол становления историка. Таков, например, отчет о заграничной командировке О. А. Добиаш-Рождественской⁴⁵. Документ, публикуемый ниже, напротив, добавляет несколько характерных черт к историческому «портрету» его автора. Это в некоторой степени свидетельство раннего взросления историка (что уже отмечали его современники). Перед нами не студент, который только формируется в ученого, а уже «взрослый» историк, со сложившимся мировоззрением, который четко понимает смысл своей работы и четко знает, как и где искать ответы на интересующие его вопросы.

⁴⁵ Свешников А. В. 2004. С. 375-376.

Также здесь приводится рекомендация Гревса, которую он писал для того чтобы просьба Оттокара получила удовлетворение. Документ достаточно характерен, как с содержательной стороны, так и со структурной. Гревс точно знает, где и на какие моменты надо ставить особый акцент, чтобы дело имело успех. Это определяет структурную черту таких рекомендаций – чаще всего они являются копией друг друга, что становится особенно очевидным при сопоставлении этой рекомендации с аналогичным документом к отчету Г. П. Федотова⁴⁶.

Текст отчета публикуется в соответствии с нормами современного русского языка, с сохранением авторской правки, подчеркиваний и выделений. Текст воспроизводится по рукописи, хранящейся в: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36-41об.

Отчет о занятиях магистранта Н. П. Оттокараⁱ

Глубокоуважаемый
Иван Михайловичⁱⁱ,

Уезжая в командировку в Италию, я (как Вы хорошо знаете) ставил себе главной целью изучение движения против городского патрициата («магнатов») в итальянской коммуне, преимущественно во Флоренции. Социально-экономическая эволюция коммуны представлялась мне достаточно выясненной предыдущими исследованиями, но мне казалось, что не одними социальными антагонизмами вызываются внутренние движения в коммуне в 13 и 14 веках. Мне казалось, что понять истинную природу этих движений можно, лишь погрузившись в ту совершенно своеобразную реальную обстановку, в какой протекала политическая жизнь итальянской коммуны. Борьба с городскими «магнатами» была борьбой против кучки фактических хозяев положения, но основанием господства этих хозяев положения была не только экономическая сила или правовые привилегии. Только отрешившись от современных представлений, можно понять, каковы были разнообразнейшие источники этой силы, что выдвигали отдельные семьи, даже отдельных лиц, что делало их необходимыми, а потому ставило их выше всякой нормы, всякого закона. Внутренний мир коммуны не был изолирован. Напротив, тысячами нитей, в виде реальных отношений, политических интересов, наконец личных и семейных связей своих граждан, коммуна была связана с множеством политических сил, на которые дробилась Италия, взбудораженная теми

⁴⁶ Антощенко А. В. 2010.

великими событиями и мировыми предприятиями, ареною которых она была в эту эпоху. Малейшие колебания в одном из этих миров отражались не только на политических интересах соседних коммун, но и на всей внутренней конъюнктуре: они выдвигали отдельные группы лиц как особенно нужные при данных фактических условиях, создавали для них поэтому фактическое могущество и безнаказанность. В каждый данный момент масса населения в городе неизбежно подавлялась таким могущественным меньшинством, безнаказанно хозяйничающими господами положения. Это была неизбежная сила вещей, вытекающая из реальных условий жизни Италии в эту эпоху. Об эту силу вещей разбивались призывы к равенству и правовому порядку, выдвинутые пополанским движением. Выставленные цехами вожди городской демократии неизбежно вовлекались в ту же систему фактических конъюнктур и личных связей, ибо только в этих формах была возможна политическая работа в ту эпоху в Италии. Надо погрузиться в реальные условия итальянской политики той эпохи, надо изучить всю технику политической жизни в коммуне, чтобы понять истинную природу антимангнатских движений и вместе с тем внутреннюю неизбежность их крушения.

Вопрос о внутренних движенияхⁱⁱⁱ в коммуне требует в соответствии с этим иной постановки. Конечно, значительную роль в народных движениях 13-го века играли естественные стремления к власти, к распоряжению собственными судьбами поднимающегося среднего слоя городского населения. Но эти стремления не целиком совпадают с мотивами «антимангнатского» движения. Здесь есть другие, особенные противоречия, тесно связанные со специфическими, неповторяемыми условиями политической жизни итальянского города данной эпохи. Мои интересы и были привлечены к изучению этих противоречий.

Изложенные соображения являются в значительной степени уже выводами из моей работы в Италии. Но в менее ясной и проработанной форме они сложились еще до моей командировки на основании доступного мне тогда печатного материала. Они руководили мною при постепенной^{iv} выработке плана и экономии моей работы и при выборе материала.

Первые месяцы ушли на изучение материала, содержащегося в печатных изданиях, в России недоступных и мне до того неизвестных. Это, во-первых, «*Consulte della repubblica fiorentina*»^v, издание, содержащее около 2000 протоколов заседаний флорентийских советов за восьмидесятые и девяностые годы 13-го. Затем я обратился к многочисленным хроникам и семейным записям, имеющимся лишь в старых изданиях и у нас едва ли доступных (Donato Velluti^{vi}, Neri Strinati^{vii}, Simone della Tosa^{viii}, Lapo da Castiglionchio^{ix}, Paolino Pieri^x, Giovanni di

Lemmo^{xi}, Giovanni Morelli^{xii}, Cambi^{xiii}, Cavalcanti^{xiv}, Nerli^{xv}, Pitti^{xvi}, Rinuccini^{xvii}, Varchi^{xviii}, Malavolti^{xix} (Сиена), Ghirardacci^{xx} (Болонья)). Далее я взялся за многотомные «Delizie degli eruditi toscani» Ildefonso di San Luigi^{xxi}, ценнейшее издание 18 века, содержащее, помимо обширного (и чрезвычайно для меня важного) генеалогического материала о ряде видных фамилий Флоренции, списки различных должностных лиц коммуны (частью по потерянным уже в настоящее время материалам), списки осужденных в партийной борьбе 13 и 14 века, и подробным перечислением состава семей и конфискованной недвижимости («Libro dei danni dati»^{xxii}, «Libro del Chiodo»^{xxiii}).

После этого я приступил к работе в флорентийском государственном архиве. Здесь в первую голову мне необходимо было изучить антимагнатское законодательство. Оно в значительной части было известно мне по печатным изданиям, но нужно было еще ознакомиться со статутами подеста, а также с некоторыми более мелкими актами, бросающими свет (что для меня весьма важно) на практику применения чрезвычайных антимагнатских законов. Далее я использовал сохранившиеся в большом количестве акты текущего управления: практические^{xxiv} мероприятия, расходы, возмещения убытков и вознаграждения частных лиц за разные услуги, списки должностных лиц и т[ому] п[одобные] (Это так называемые Registri и Protocolli delle Provvisioni^{xxv}). Особенно интересны здесь мероприятия касающиеся внешней политики коммуны и обороны ее, бросающие свет на то, как отражались внутри города колебания общего политического положения Италии. Материал Provvisioni не только вводит в повседневную практику, вскрывает самую технику политической деятельности в коммуне, но и позволяет в ряде случаев определить взаимоотношения разных лиц и групп, выяснить роль их во внутренней жизни города. Изучение этих материалов (как и антимагнатского законодательства) убедило меня в том, что даже в самые боевые моменты пополанского движения, при видимом торжестве организованных масс народа, не было устранено могущество и влияние отдельных магнатских семей. Мало того: самое антимагнатское движение становится орудием борьбы одних могущественных групп с другими. Выставленные цехами приоры сильны лишь своими связями с влиятельными магнатами и группирующимися вокруг них партиями и опираются на них, а не на организованную массу цеховиков. Торжествуют прежние формы общественной жизни и подчиняют пополанское движение. В связи с этим определилась для меня дальнейшая задача: собрать сведения о ряде видных деятелей-пополанов; обнаружить связи их с влиятельными магнатами, проследить вовлечение их в интересы

магнатских групп и в связи с этим возрастание их собственной мощи. Словом, собрать возможно больше материала о взаимных связях граждан Флоренции. Для этого мне пришлось обратиться к другой группе источников: прежде всего к архиву гвельфской партии (отделы *Capitani della Parte* и *Beni della Parte*^{xxvi}), содержащему записи об эксплуатации имуществ партии, бывшей, как известно, оплотом наиболее могущественных групп населения. Далее я принялся за протоколы нотариев (*Archivio Notarile*^{xxvii}, *Protocolli dei notari fiorentini*^{xxviii}), содержащее записи о различных гражданских сделках, о продаже домов и земель, о брачных договорах и т[ому] п[одобные]. Эти материалы дают возможность проследить взаимные связи, имущественные и семейные комбинации, бросают свет на различные группировки во внутренней жизни коммуны. Этот материал много далеко еще не изучен. Не приступил я еще и к архивам монастырей и церковных учреждений: здесь имеются данные об эксплуатации церковных владений об имущественных отношениях различных семей к монастырям и церквам, за которыми фактически часто стоят сильные магнатские группы. Мне необходимо, кроме того, посмотреть хранящиеся в Риккардиане^{xxix} фамильные записи семей *Reguzzi*^{xxx}, *Cerchi*^{xxxi} и *Tornaquinci*^{xxxii}. Весь этот материал, как и протоколы нотариев, представляет для моих целей исключительную важность. Это подтвердили мне известные знатоки истории итальянских коммун профессор Родолико^{xxxiii} и архивист д[окто]р Анцилотти^{xxxiv}, авторитетными советами которых мне уже приходилось пользоваться в моих исследованиях. Они же советовали мне использовать в некоторых частях архивы Болоньи (судебные акты; во Флоренции подобный материал от интересующей меня эпохи не сохранился) и Сиены (там сохранились данные о таких моментах и стадиях пополанского движения, которые на флорентийском материале не могут быть как следует изучены, за отсутствием источников для соответствующих годов: между тем отношения в Сиене и Флоренции представляют, по-видимому, значительную аналогию). Для того, чтобы выполнить все эти намерения, мне понадобится немало времени. Одних протоколов нотариев за интересующую меня эпоху сохранилось около сотни книг, а к этому материалу я приступил только недавно. Между тем срок моей командировки истекает через четыре месяца, и мне приходится оборвать на середине работу, ясную для меня в дальнейшем плане и целях. Это вынуждает меня обратиться к Вам и^{xxxv} к историко-филологическому факультету с почтительной просьбой исходатайствовать для меня перед Министерством Народного Просвещения продолжение командировки еще на год (я был командирован на один год: с 1 июля 1912 г[ода] по 1 июля 1913 г[ода]).

Если мои предположения, изложенные выше, представляются Вам и историко-филологическому факультету заслуживающими выполнения, если Вы доверяете моим силам в этой работе, я прошу дать мне возможность довести до конца начатые труды. Я позволю себе при этом обратить внимание на то, что вне Италии завершение моей работы представляется совершенно невозможным. Не только останется неиспользованным значительное количество материала, крайне важного для моих целей, но и окончательная проработка уже собранного материала едва ли окажется возможной вне Италии по самому характеру моей работы. Всего, что может понадобиться, из архива не выпишешь, а между тем работа моя требует постоянных сопоставлений, сличений имен, топографических указаний и т[ому] п[одобное], т[о] е[сть], постоянного возвращения к уже использованному материалу; а это мыслимо лишь тогда, когда материал этот находится под рукою.

С глубоким уважением
Николай Оттокар^{xxxvi}.

Февраль 1913 г. Флоренция.

В историко-филологический факультет Императорского
Санкт-Петербургского университета

Обращаюсь в факультет с глубокою просьбою поддержать мое предложение о продлении ученику моему, магистранту всеобщей истории Николаю Петровичу Оттокару, заграничной командировки, кончающейся 1-го июля сего года, еще на один год, то есть до 1-го июля 1914 года, с исходатайствованием для него на этот год и стипендии в 2000 рублей из сумм Министерства Народного Просвещения. <нрзб.> на такую просьбу, ибо твердо убежден, что в лице Н. П. Оттокара готовится резко выдающийся ученый и профессор. Прилагаю отчет о ходе и положении его занятий, доставленный им. Из этого отчета, к каждому слову которого я присоединяюсь, обнаруживается с полной очевидностью тот факт, что ему неизбежно необходимо продолжать занятия в Италии еще, по крайней мере, год. Иначе, если работа прервется в самом разгаре, ее нельзя будет продолжать в России, в силу самых особенностей ее природы, превосходно, хотя и в сжатых словах, им самим охарактеризовано. Помимо того, что я в постоянной переписке^{xxxvii} с Н. П. Оттокаром знаю во всех подробностях о движении и развитии его работы, мне удалось с ним еще раз увидиться прошедшим летом на месте во время научных экскурсий в Италию со студентами Спб. Университета и слушательницами Высших Женских Курсов, которую я руководил. При

выполнении ее плана он оказал мне существенную помощь, и я мог воочию убедиться, насколько <нрзб.> историко-топографические штудии, которые он производит в области древностей средневековых городов Тосканы, - то есть, именно, возможные только в Италии и не законченные им, - приносят оригинальную и важную пользу главным изысканиям, которым он предан, и которые прекрасно изъяснены в его отчете: самая конфигурация плана средневековых итальянских коммун и их заселение многое раскрывает в мало исследованной еще истории их специального строя: археографические данные <нрзб.> истолкованию юридических отношений. Было бы серьезною потерей для блага русской науки, если бы Н. П. Оттокару не удалось закончить без перерыва свою научную работу, рамки и выводы которой, важные и новые теперь отчетливо определяются. Обращаю внимание, что он только один раз пользовался поддержкою Министерства Народного Просвещения, и если стипендия будет продлена ему еще на год, это обстоятельно не представит исключительной привилегии. В случае, если Министерство не найдет для этого свободной суммы, я позволяю себе утешаться надеждою, что Факультет не откажет себе в поддержке из средств, находящихся в его распоряжении: усердною просьбою об этом я и заканчиваю настоящее представление.

С. Петербург, 8 марта 1913 г.

Проф. Ив. Гревс.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Вписано рукой Гревса, уже после получения текста от Оттокара.

ⁱⁱ Вычеркнуто рукой И. М. Гревса.

ⁱⁱⁱ Вписано над строкой, рукой Оттокара, вместо ранее написанного «отношениях».

^{iv} Вписано слово «постепенной» над строкой.

^v Издание архивных документов республиканского периода, главным образом, материалов относящихся к заседаниям флорентийских советов, хранящихся в Государственном Архиве Флоренции (Archivio di Stato di Firenze). Издание, включавшее публикацию первых четырех реестров серии, было предпринято Алессандро Герарди (A. Gherardi) (1844–1908) и охватывало период 1280–1298 гг. См.: *Le consulte della repubblica fiorentina, dall'anno MCCLXXX al MCCLXXXVIII*. Firenze: Sansoni, 1898. Впоследствии издание было продолжено. В 20-х гг. XX в. Бернардино Барбадоро (B. Barbadoro) (1889–1961) публикует документы Советов, относящиеся к 1301–1315 гг. В 1995 г. издание было продолжено Франческой Клейн (F. Klein), и содержало документы 1338–1340 гг.

^{vi} Донато Веллутти (Donato Velluti) (1313-1370) – представитель семьи Веллутти, входившей в начале XIV в. в число наиболее богатых и влиятельных семей Флорен-

ции, сделавшей состояние на торговле. Донато Веллутти сделал юридическую карьеру, занимал различные общественные посты и должности. Кроме того был, в 1370 г., гонфалоньером справедливости Флорентийской коммуны. Автор «Домашней хроники» («La Cronica domestica»), написанной между 1367 и 1370 гг. См.: *Velluti D. La Cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e G. Volpe. Firenze: Sansoni, 1914.*

^{vii} Нери дельи Стринати (Neri degli Strinati) (?) – представитель древней флорентийской семьи, благополучие которой основывалось на займах и торговле. Семья пострадала от «Установлений справедливости» (1293 г.) – они были изгнаны из города. Нери дельи Стринати – автор краткой семейной хроники, написанной в начале Треченто. См.: *Storia della guerra di Semifonte scritta da messer Pace da Certaldo e cronichetta di Neri degli Strinati. Firenze: Stamperia imperiale, 1753.*

^{viii} Симоне ди Бальдо делла Тоза (или Тосинги) (Simone di Baldo della Tosa (Tosinghi)) (1300 – 1380) – представитель очень влиятельной гвельфской семьи Флоренции, которая ведет происхождение от дома Висдомини (Visdomini). Его родственник, Россо Готтифредо дела Тоза, лидер Черных гвельфов, которые в 1302 г. изгнали своих врагов, Белых гвельфов (включая Данте), из Флоренции. Автор «Анналов» (Annali), охватывающих период с 1115 по 1346 гг. См.: *Cronichette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua toscana, ed. D. M. Manni. Florence: n.p., 1733.*

^{ix} Лапо да Кастильонкио (Lapo da Castiglionchio) (1316(?)–1381) – правовед, писатель, друг Петрарки, выходец из аристократической семьи. Учился на факультете права в Болонье. Преподаватель права во Флорентийском университете. Активно участвовал в политической жизни города, занимал ряд значительных должностей, борясь за увеличение привилегий аристократии. Во время восстания Чомпи его имущество было конфисковано, а сам был выслан из города, в который больше не вернулся. Являлся личным представителем Карло ди Дураццо (Carlo di Durazzo) (будущего короля Неаполя, Сицилии и Иерусалима) у папы Урбана VI. Похоронен во Флоренции в церкви Санта Кроче, а через месяц были учреждены торжества в его честь и аннулированы наказания. Автор ряда работ «Allegationes», «De Hospitalite» (о законодательстве относящемся к управлению местами отдыха и религиозной поддержки), «De canonica portione et de quarta» (в которой обсуждаются вопросы налогообложения церковной собственности), «Tre orazioni», «Epistola al figlio Bernardo», «Repetitiones», «Ricordanze». См.: *Tre Orazioni di Lapo da Castiglionchio ambasciatore fiorentino a papa Urbano V e alla Curia in Avignone // Archivio Storico Italiano. A. XX. 1897. S. V. P. 225-246; Castiglionchio Lapo da. Allegationes. Roma, 1474; Castiglionchio Lapo da. De hospitalitate e De canonica portione et de quarta // Tractatus universi iuris, Ziletti, Venezia, 1584; Mehus L. Epistola o sia ragionamento di Lapo da Castiglionchio. Bologna: Corciolani e Colli, 1749; Il libro memoriale de' figlioli di M. Lapo da Castiglionchio (1382) / A cura di F. Novati. Bergamo: per nozze D'Ancona – Cassin, 1893.*

^x Паолино Пиери (Paolino Pieri) (?) – итальянский хронист. Автор «Хроники» («Cronaca»). См.: *Paolino Pieri. Cronica. A cura di A. F. Adami. Roma: Monaldini, 1755.*

^{xi} Джованни ди Леммо Армалеони да Комунори (Giovanni di Lemmo Armaleoni da Comugnori) (?) – принадлежал богатой семье земельных собственников родом из маленького замка Комунори. Был нотариусом в Вальдельсе. Автор «Дневника» («Diario»), охватывающих временной промежуток с 1299 по 1319 гг. См.: *Ser*

Giovanni di Lemmo Armaleoni da Comugnori. Diario 1299-1319. A cura di V. Mazzoni. Firenze: Leo S. Olschki, 2008. Documenti di storia italiana. Serie II, vol. 14.

^{xii} Джованни ди Паголо Морелли (Giovanni di Pagolo Morelli) (1371–1444) – крупный политический деятель, купец, первый представитель хронистов семьи Морелли. Сделал блестящую политическую карьеру: в 1410, 1430 и 1436 гг. он являлся гонфалоньером компании, в 1410 и 1432 гг. был одним из «двенадцати добрых людей», приор в 1427 г. и гонфалоньер справедливости в 1441 г. Умер в 1444 г., находясь в должности подесты Монтепульчано (Podestà di Montepulciano). Автор «Воспоминаний» («Ricordi»). См.: Giovanni di Pagolo Morelli. Ricordi. a cura di V. Branca. Firenze: Le Monnier, 1956; Giovanni di Pagolo Morelli. Ricordi // Mercanti scrittori. A cura di V. Branca. Milano: Rusconi, 1986.

^{xiii} Джованни Камби (Giovanni Cambi) (1458–1535) – общественный деятель Флорентийской коммуны, эрудит. В отличие от своего отца, Неро ди Джованни, который был видной фигурой в политической жизни Флоренции во второй половине Кватроченто (трижды приор, в 1488 г. был гонфалоньером справедливости, а также занимал другие посты и должности в городе и в округе), Джованни не проявлял внимания к политической деятельности, и отказывался от многих должностей. Главный его интерес был сосредоточен на культурной деятельности – сборе, поиске изучения, копировании текстов, прежде всего религиозного характера. Автор работы «История Флоренции» («Istorie fiorentine»), которые повествуют о событиях истории городов с 252 по 1535 гг. См.: Giovanni Cambi. Istorie fiorentine // Delizie degli eruditi toscani. A cura di Ildefonso di San Luigi, vol. XX, Firenze, Cambiagi, 1786.

^{xiv} Джованни Кавальканти (Giovanni Cavalcanti) (1381–1451) – участник политической жизни Флорентийской коммуны. В 1422 г. являлся капитаном партии гвельфов. В 1429 г. за долги был посажен в тюрьму. В заключении он пишет «Историю Флоренции» («Istorie fiorentine»), описывая современные ему события 1420–1440 гг. Выйдя из заточения продолжает литературную деятельность и пишет историю с 1441 по 1447 гг., которая носит название «Вторая история» («Seconde Istorie»). См.: Istorie fiorentine, ediz. critica a cura di G. Di Pino. Milano: Aldo Martello editore, 1944; Istorie fiorentine, a cura di C. F. Polidori, Firenze, 1838–39 (edizione che comprende anche le Seconde Istorie); M. T. Grendler, The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. A critical edition and interpretation, Genève, 1973.

^{xv} Филиппо Нерли (Filippo Nerli) (1485–1556) – выходец из древней и знатной флорентийской семьи, активный участник политических событий, происходящих в городе. Несколько раз занимал должности гонфалоньера справедливости и приора. Автор книги «Комментарии гражданских событий, случившихся во Флоренции с 1215 по 1537 годы» («Commentari de' fatti civili occorsi nella città di Firenze dal 1215 al 1537»). См.: Nerli Filippo de' Commentari de' fatti civili occorsi nella città di Firenze dal 1215 al 1537. Edizione critica. A cura di S. Russo. Napoli, 2007.

^{xvi} Буонаккорсо Питти (Buonaccorso Pitti) (1354–1430) – один из знаменитейших людей своего времени, купец, дипломат. В 1396 г. являлся полномочным послом Флоренции во Франции, в 1400 г. – посол Флоренции у императора Рупрехта Баварского. Занимал также ряд важных должностей во флорентийской коммуне, например, в 1398 г. – член «Коллегии Двенадцати», в 1399 г. – приор, затем капитан города Пистойи. Неоднократно избирался консулом цеха шерстяников (Lana), был капитаном гвельфской партии, гонфалоньером справедливости. Автор «Хроники»,

написанной в начале XV в., посвященной событиям 1412–1429 гг. См.: Cronaca di Bonaccorso Pitti. Con annotazioni di G. Manni. Firenze. 1720; Cronaca di Bonaccorso Pitti. Con annotazioni, ristampata da A. Bacchi della Lega. Bologna, 1905. *Питти Б.* Хроника / Пер с ит. З. В. Гуковской. Подгот. изд. З. В. Гуковская, М. А. Гуковский, В. И. Рутенбург. Л.: Наука, 1972. 247 с. (Литературные памятники).

^{xvii} Аламанно Ринуччини (Alamanno Rinuccini) (1426–1499) – итальянский гуманист и политический деятель. Выходец из состоятельной купеческой семьи. Посвятил себя государственной службе, ставшей основным источником доходов. Занимал ряд высших должностей, в том числе, в 1471 г., стал гонфалоньером справедливости. Конфликт с Лоренцо Медичи в 1475 г. привел у его отставке. Автор «Диалогов о свободе» («Dialogus de libertate»), написанном после неудавшегося заговора против Медичи в 1479 г., а также «Исторических записок» («Ricordi storici») – хронике, начатой его отцом Филиппо и с 1460 г. продолженной Ринуччини, а позже – его братом Нери. См.: La libertà perduta. Dialogus de libertate di Alamanno Rinuccini / A cura di G. Civati. Monza: Vittone editore, 2003; *Rinuccini A.* Lettere ed orazioni / A cura di V. R. Giustiniani. Firenze: Olschki Ed., 1953; *Ринуччини А.* Диалог о свободе / Пер. М. М. Оценковой и Л. М. Поповой // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985; *Он же.* Речь Аламанно Ринуччини на похоронах Маттео Пальмиери, сочиненная им и публично произнесенная 15 апреля 1475 г. / Пер. М. М. Оценковой и Л. М. Поповой // Там же.

^{xviii} Бенедетто Варки (Benedetto Varchi) (1503–1565) – итальянский гуманист, писатель, историк и филолог. Выходец их хорошей, благополучной семьи, которая имела некоторое влияние в политической жизни Флоренции. В 1530 г. был изгнан из Флоренции за свое враждебное отношение к дому Медичи. Пристанище находит в Падуе, где входит в среду университетских интеллектуалов. В 1543 г., по настоянию Козимо I Медичи, возвращается во Флоренцию и становится членом Флорентийской Академии, на заседании которой читает перед публикой Данте и Петрарку. Б. Варки является автором «Истории Флоренции» («La storia fiorentina»), написанной по поручению герцога Козимо, в 16 книгах, охватывающих период истории города с 1527 по 1530 гг. Он также является автором комедии «Теща» («La suocera», 1569 г.), курирует издание «Прозы на народном языке» («Prose della volgar lingua») Пиетро Бембо (1549 г.) и издание «Божественной комедии» Данте (1595 г.), а кроме того автор работ по теории литературы и филологии и других работ. См.: *Opere di Benedetto Varchi: ora per la prima volta raccolte.* Vol. 1-2. Trieste: Lloyd austriaco, 1859; *Storia fiorentina di Benedetto Varchi* // Per cura e opera di G. Allazzi e L. Arbib. Vol. 1-3. Firenze: Società ed. delle storie del Nardi e del Varchi, 1843–1844; Ercolano, dialogo nel qual siragiona generalmente delle lingue e in particolare della fiorentina e della toscana. Firenze: Giunti, 1520; *Lezioni sul Dante e prose varie di Benedetto Varchi.* Vol. 1-2. Firenze: Società ed. delle storie del Nardi e del Varchi, 1841.

^{xix} Орландо Малавольти (Orlando Malavolti) (1515–1596) – выходец из знатной сиенской семьи. Автор «Истории Сиены» («Dell'Historia di Siena»), посвященная событиям истории этого тосканского города от происхождения и до 1555 г. См.: *Malavolti O.* Historia de fatti e Guerra de'Sanesi, cosi esterne, come civili, seguite dall'ordine della lor'Citta a'fino all'anno MDLV. Venezia, 1559.

^{xx} Керубино Гирардаччи (Cherubino Ghirardacci) (1519–1598) – августинский монах и историк, первый историк Болоньи. Учился во многих августинских мона-

стырях Италии (Болонья, Рим, Сиена), а в 1543 г. стал священником. Вернувшись в Болонью в 1548 г., начал изучение сохранившихся документов в монастырях, читая одновременно лекции по теологии. В 1582 г. стал приходским священником церкви Санта Чечилия, где продолжил изучение материалов по истории города, которые вскоре вылились в «Историю Болоньи» («*Historia di Bologna*»), которая впервые увидела свет в 1596 г. В честь Гирардаччи в Болонье назван центр исследований, который занимается поиском и публикацией документов по истории августинского ордена. См.: *Ghirardacci C. Historia di Bologna. A cura di A. Forni. Bologna, 1973.*

^{xxi} Ильдефонсо ди Сан Луиджи (Ildefonso di San Luigi) (1724–1792) – религиозный деятель, эрудит. При крещении получил имя Джулио Гаспаре Мария Фредиа-ни, однако, вступая в 1740 г. в орден Кармелитов принимает имя отца Ильдефонсо ди Сан Луиджи Гонзага. В 1748 г. от становится преподавателем философских и теологических дисциплин в Сиене, а потом и других тосканских центрах. Член различных тосканских академий, в том числе, с 1784 г. был сотрудником Словаря Круска. В 1789 г. был выбран главой ордена Кармелитов. В 1782 г. издал собрание актов синодов флорентийской церкви за период с 1327 по 1732 гг. Его главное начинание, с которым чаще всего ассоциируется имя Ильдефонсо ди Сан Луиджи, это «*Delizie degli erudite toscani*» («Радости тосканских эрудитов»), в 25-ти томах, издававшихся с 1770 по 1789 гг. Это издание, где собраны хроники и народные произведения флорентийцев и сиенцев XIV–XVI вв., снабженные обширными историческими, биографическими и генеалогическими примечаниями. См.: *Etruria sacra, triplici monumentorum codice canonico, liturgico, diplomatico per singulas dioceses distributa, I, Firenze, 1782; Delizie degli eruditi toscani, tomi I-XXV, Firenze, Cambiagi, 1770–1789.*

^{xxii} *Libro dei danni dati* («Книга нанесенного ущерба») – книга, которая представляет собой оценку специальной гвельфской комиссией вреда, нанесенного отдельным представителям гвельфской партии гибеллинами после битвы при Монтаперти (4 сентября 1260 г.).

^{xxiii} *Libro del chiodo* («Книга гвоздя») – один из наиболее ценных памятников истории Флоренции, хранящихся в Государственном Архиве Флоренции (Archivio di Stato di Firenze). Свое название этот источник получил от железного, шестнадцати сантиметрового, гвоздя на переплете. Документ, авторство которого принадлежит партии гвельфов, содержит список вынесенных приговоров между 1268 и 1379 гг. противникам (гибеллинам и Белым гвельфам). Этот памятник известен также тем, что здесь находится текст судебного приговора, вынесенного Данте Алигьери, осужденного в 1302 г. к изгнанию из Флоренции. См.: *Il Libro del chiodo, riproduzione in fac-simile e edizione critica a cura di Francesca Klein con la collaborazione di Simone Sartini, introduzione di Riccardo Fubini. Firenze: Edizioni Polistampa, 2004.*

^{xxiv} Реестры и протоколы постановлений (ит.)

^{xxv} Вписано над строкой прилагательное «практические».

^{xxvi} Капитаны Партии и Имущество Партии (ит.)

^{xxvii} Нотариальный архив (ит.)

^{xxviii} Протоколы флорентийских нотариусов (ит.)

^{xxix} Библиотека Риккардиана (*Biblioteca Riccardiana*) – государственная публичная библиотека, располагающаяся во Дворце Медичи Риккарди (*Palazzo Medici Riccardi*), на улице Джинори, в зоне Центрального Рынка (*Mercato Centrale*) Флоренции. Основана в XVII в. (1600 г.) Риккардо Ромоло Риккарди (*Riccardo Romolo Ric-*

cardi). Однако большую известность приобрела эта библиотека только в 1659 г., когда у дома Медичи был приобретен Палаццо на Виа Ларга (Palazzo di Via Larga), в котором располагается и по сей день. Особую гордость библиотеки составляют хранящиеся в ней автографы произведений Дж. Боккаччо, Ф. Петрарки, Дж. Савонаролы, «Истории Флоренции» Н. Макиавелли и других известных гуманистов, корреспонденция знаменитых персонажей, ядра важнейших гуманистических и патрицианских библиотек и др.

^{xxx} Семья Перуцци (Peruzzi) – знатная семья Флоренции. Она возглавляла торговую компанию (вторая половина XIII – первая половина XIV в.), занимавшуюся экспортом шерсти из Англии и хлеба из Неаполитанского королевства, а также обменными операциями на Шампанских ярмарках. Перуцци обладали значительным капиталом, занимались банковскими операциями. На деньги семьи Перуцци и других банкиров Флоренции, велась Столетняя Война. Перуцци ссужали деньгами как королей, так и римскую курию, монашеские ордены. Филиалы компании Перуцци находились в Венеции, Генуе, Пизе, Неаполе, Авиньоне, Брюгге, Лондоне, Париже и т.д. Перуцци потерпела крах в 1343 г. ввиду отказа королей погасить долги.

^{xxx1} Семья Черки (Cerchi) – древняя патрицианская фамилия. Переселились во Флоренцию в первой половине XIII в. из контадо. Занимаясь торговлей и финансовыми операциями сделала состояние и стала одной из наиболее богатых флорентийских семей той эпохи. Принимала активное участие в политической жизни Флоренции. Представители фамилии Черки возглавляли партию «белых» гвельфов. В результате столкновений и временной победы «черных» гвельфов они были изгнаны из города, но через год после своего изгнания, в 1303 г., вернулись в город.

^{xxxii} Семья Торнаквинчи (Tornaquinci) – согласно традиции, семья происходит из Рима. Обладали обширными владениями, сконцентрированные по побережью Арно. Имели значительное влияние в политической жизни Флоренции. В 1260 г., с поражением гвельфов, покинули город. Впоследствии многие влиятельные члены семьи (Мессер Чиприано, Мессер Джентиле, Мессер Кардинале и другие) подписали мир Кардинала Латини в 1280 г. и были допущены в магистратуры города. С реформой Джано дела Белла Торнаквинчи были исключены из правительства за принадлежность к магнатам, и не могли более достигать главных магистратур города. Занимали значительные должности в других городах Италии (Мессер Герардо был Подестой в Каstellо, Фано, Асти). Известны также тем, что во время бурных событий XIII в. поменяли фамилию Торнаквинчи на Пополески, что позволило им заниматься коммерцией, открывать мастерские. Последний Торнаквинчи умер во второй половине XVIII в. В 1751 г. специальным декретом семья Торнаквинчи приписана к числу флорентийских патрициев.

^{xxxiii} Родолико Никколо (Rodolico Niccolò) (1873–1969) – итальянский историк, медиевист, новист. С 1935 г. и до своей смерти был руководителем итальянского исторического журнала *Archivio storico italiano*. Основные работы: *Dal comune alla signoria: saggio sul governo di Taddeo Pepoli in Bologna*, Bologna, Zanichelli, 1898; *Saggi di storia medievale e moderna*, Firenze, Le Monnier, 1963; *Il popolo minuto. Note di storia fiorentina (1343–1378)*, Bologna, Zanichelli, 1898; *La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378–1382)*, Bologna, Zanichelli, 1905; *I Ciompi. Una pagina di storia del proletariato operaio*, Firenze, Sansoni, 1945; *Il popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia*

meridionale, 1798–1801, Firenze, 1925; Stato e Chiesa in Toscana durante la reggenza lorenese, Firenze, Le Monnier, 1910.

^{xxxiv} Анцилотти Антонио (Anzilotti Antonio) (1885–1924) – итальянский историк, новист. Преподаватель современной истории в многочисленных университетах Италии (Флоренции, Рима, Катаньи, Павии, Пизы), архивариус Флоренции (с 1908 по 1923 гг.) и Неаполя. Основные работы: La costituzione interna dello Stato fiorentino sotto il Duca Cosimo I de' Medici. Firenze, 1910; La crisi costituzionale della Repubblica fiorentina. Firenze, 1912; L'economia toscana e l'origine del movimento riformatore del secolo XVIII // Archivio storico italiano. LXXIII. 1915, P. 82-118 e 308-352. О теплых отношениях между Н. П. Оттокар и А. Анцилотти свидетельствует также тот факт, что свою книгу, посвященную истории флорентийской коммуны в 1280–1295 гг. Оттокар сопроводил следующим посвящением: «Alla memoria dell'indimenticabile amico Antonio Anzilotti» – «Памяти незабываемого друга Антонио Анцилотти».

^{xxxv} Обведено чернилами выражение «и к Вам».

^{xxxvi} Вычеркнуто рукой И. М. Гревса, по получении текста.

^{xxxvii} К сожалению, судьба данной переписки до сих пор остается не известной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А. В.* «Талантливый и оригинальный, увлеченный и трудолюбивый, очень ценный ученый» // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010 (в печати).
- Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, сост. примеч., указ. имен А. И. Добкина. М.: Феликс; Культурная инициатива, 1992. 512 с.
- Васильева Н. Е., Кертман Л. Е., Шустов С. Г.* Первый на Урале. Пермский государственный университет. 1916–1986. Пермь: Пермское книжное издательство, 1987. 236 с.
- Вейдле В. В.* Воспоминания / Публикация И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы. Вып. 2. СПб: Феникс, 2001. С. 24-153.
- ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 522а; Оп. 2. Д. 257.
- Гревс И. М.* К теории и практике «экскурсий» как орудие научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. 48 с.
- Известия Российской Академии Наук. XVI. Л., 1922.
- Из личного дела профессора Пермского университета Н. П. Оттокара / Предисл., подгот. текста и сост. научного комментария А. И. Клюев // Европа: международ. альманах. Вып. 9. Тюмень: Экспресс, 2010. С. 15-161.
- Клементьев А. К.* Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург – Пермь – Петроград - Флоренция) // Исторические записки. М: Наука, 2004. № 7. С. 323-338.
- Клементьев А. К.* Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // Зарубежная Россия 1917–1945. СПб., 2004. С. 79-104.
- Клементьев А. К., Клементьева В. А.* Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М: Русский путь, 2006. С. 377-404.

- Клюев А. И.* Н. П. Оттокар в Перми: основные вехи // Историк и его эпоха. Тюмень: Мандр и К^а, 2009. С. 383-388.
- Клюев А. И.* Пермский период жизни Николая Петровича Оттокара // Европа: международ. альманах. Вып. 9. Тюмень: Экспресс, 2010. С. 54-68.
- Клюев А. И.* Столичный медиевист в провинциальном университете. Пермский период жизни Н. П. Оттокара // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны: сб. научн. трудов. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 407-409.
- Клюев А. И., Свешиников А. В.* Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2009. С. 350-364.
- Кололова Н. П.* Профессор Флорентийского университета Н. П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука, 2003. С. 157-164.
- Кололова Н. П.* Страницы итальянской истории по Н. П. Оттокару // Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М.: Наука, 2005. С. 396-403. ОР РНБ. Ф. 254. Д. 233.
- Оттокар Н. П.* К истории взаимоотношения церкви и города в итальянском средневековье (Орега ecclesiae во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в заведывание коммуны) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1909. Т. XXIII. С. 1-23.
- Оттокар Н. П.* Опыты по истории французских средневековых городов в средние века. Пермь, 1919. VIII+258. (Записки Пермского университета. Т. 1.)
- Оттокар Н. П.* Цехи и коммуна во Флоренции в XIII–XIV вв. // К двадцатилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: Сб. статей его учеников. СПб.: Общественная польза, 1911. С. 241-271.
- Оттокар Н. П.* Флорентийский дом в XIV и XV стол<етиях> (Sciaparelli. La casa fiorentina e i suoi arredi nei secoli XIV e XV. Firenze. Sansoni 1908. Vol. I) // Историческое обозрение. 1909. XV. С. 23-32.
- Письма Л. П. Карсавина И. М. Гревсу (1906–1916) / Подготовка публикации А. К. и В. А. Клементьевых // Русская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина: письма И. М. Гревсу (1906–1916). М.: ИНИОН, 1994. 172 с.
- Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову / Предисл., подгот. текста и сост. научного комментария С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства / Гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. Т. 3. М.: Собрание; Наука, 2006. С. 511-531. РГИА. Ф. 733. Оп. 154. № 559; Оп. 155. № 706.
- Свешиников А. В.* В Париж в поисках себя: отчет О. А. Добиаш-Рождественской о научной командировке в Париж в 1908–1909 г. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 11. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 375-376.
- Свешиников А. В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42-72.

- Свешников А. В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX–XX вв. // В печати.
СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. № 132; № 143.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205.
- Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: б. и., 2004. 372 с.
Compte rendu du Ve Congrès international des sciences historiques. Publié par G. Des Marez et F.L. Ganshof. Bruxelles, 1923.
- Gensini S. Nicola Ottokar Fiorentino. Note e ricordi di un ex allievo // Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze. A cura di L. Pubblici e R. Resaliti. Presentazione di G. Cherubini. Firenze: Leo S. Olschki, 2008. P. 65-77.
- Klement'eva A. K., Klement'eva V. A. Nicolaj Petrovič Ottokar // Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze. A cura di L. Pubblici e R. Resaliti. Presentazione di G. Cherubini. Firenze: Leo S. Olschki, 2008. P. 25-45.
- Ottokar N. Le città francesi nel medio evo. Saggi storici. Firenze: Vallecchi editore, 1927. XII+242 p.
- Ottokar N. Le città francesi nel medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze: La nuova Italia, 1948. P. 179-182. (Il pensiero storico. 33).
- Ottokar N. L'istituzione del Priorato a Firenze // Archivio storico italiano. LXXXII. 1924. P. 5-71.
- Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze: Vallecchi editore, 1926. 291 p. (Collana storica. XXVI. A cura di E. Codignola).
- Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze. A cura di L. Pubblici e R. Resaliti. Presentazione di G. Cherubini. Firenze: Leo S. Olschki, 2008. 143 p.
- Sestan E. Introduzione // Ottokar N. Il commune di Firenze alla fine del dugento. Torino: Einaudi, 1962. IX-XVIII.
- Sestan E. Nicola Ottokar // Rivista storica italiana. LXXI. fasc. I. 1959. P. 178-184.

Клюев Артём Игоревич, аспирант, младший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; kluevartem@mail.ru.

С. А. ДЕНИСОВ

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПИСЬМАХ НАВПАКТСКОГО МИТРОПОЛИТА ИОАННА АПОКАВКА К ФЕОДОРУ I ДУКЕ (1215–1230)

В статье рассматривается образ власти в письмах византийских интеллектуалов XIII в. на материале писем Навпактского митрополита Иоанна Апокавка (1155–1233) к эпирскому правителю Феодору I Дуке. В эпистолярном наследии Иоанна Апокавка выделяется группа писем, посвященных военной тематике. Это говорит о сохранении на западе Балканского полуострова традиционного образа императора-воина как актуального мотива в политических условиях XIII в.

Ключевые слова: *энкомий, формуляр, апангелия, мотив, Эпирское царство.*

Первая половина XIII в. стала переломным периодом развития Византии. Взятие участниками IV крестового похода Константинополя (12 апреля 1204 г.) и распад империи на несколько независимых государств (Никейскую империю, Трапезундскую империю, Эпирское царство и Латинскую Романию) не только привели к утрате Византией позиций на международной арене, но и стимулировали постоянную внутреннюю борьбу. К 1220 г. наибольшую активность проявляли Никейская империя, расположенная в Малой Азии, правители которой считались преемниками византийских василевсов, и Эпирское царство, образованное на Западе Балканского полуострова, правители которого имели не меньшие претензии и активно соперничали с никейскими императорами. Возглавив сопротивление латинскому завоеванию на западе Балканского полуострова, эпирские правители смогли присоединить к уже находившимся под их властью областям Старого и Нового Эпира территории Фессалии, Македонии, Фракии, о. Корфу и Кефалении. В 1224 г. эпирский правитель Феодор I Дука (1215–1230) освободил от власти крестоносцев Фессалонику, второй по значению город в Византии после Константинополя, и, венчавшись на царство через год¹, бросил вызов никейскому императору.

¹ Исследователями выдвигались различные точки зрения на дату коронации Феодора I как фессалоникского императора: назывался 1225 г. (*Karpozilos*. 1973. P. 75; *Karpozilos*. 1974. 6. P. 251–261), 1227 г. (*Prinzing*. 1992. S. 25–30; *Bredenkamp*. 1995. P. 112), 1227–1228 гг. (*Stiernon*. 1959. P. 90–126.). Вслед за А. Д. Карпозилосом

Право Феодора I на престол в это время обосновали в письмах к Вселенскому патриарху Герману II (1222–1240) главы эпирской церкви: Охридский архиепископ Димитрий Хоматиан, Керкирский митрополит Георгий Вардан и Навпактский митрополит Иоанн Апокавк. Однако период внешнеполитических успехов Эпира длился недолго. В 1230 г. войско Феодора I потерпело поражение в битве при Клокотнице от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241), вмешавшегося в борьбу между эпирским царем и крестоносцами. Феодор I был пленен и впоследствии ослеплен, завоеванные им территории Македонии и Фракии отошли к Болгарии, его брат Мануил, ставший во главе царства после поражения при Клокотнице подчинился болгарскому царю. Позднее в 1340–50-е гг. эпирскому правителю Михаилу II Дуке (1231–1268) вновь удалось распространить свою власть на территорию Македонии, однако, вступив в борьбу с никейским императором Феодором II Ласкарисом (1254–1258) и позднее Михаилом Палеологом (1259–1282), он потерпел поражение в битве при Пелагонии в 1259 г.

Активность Эпирского царства в борьбе на территории Византии после падения Константинополя, делает важным вопрос о внутренних социально-политических отношениях, составляющей которых являлся формируемый правящими сословиями образ власти. В письмах глав эпирской церкви достаточно полно представлен образ эпирского правителя, являвшийся частью внутренней политической доктрины и официально позиционируемый в отношениях с Никейской империей.

Постоянная борьба, которую вели с крестоносцами и между собой независимые греческие центры, так или иначе оказывала влияние на представления о власти, распространенные среди местного населения. Были ли определяющими для данного образа кампании, проводимые эпирскими правителями в их борьбе за Константинопольский престол? Ответ на этот вопрос поможет выяснить место правителя-воина в системе власти и понять характер существовавших в эпирском обществе социально-политических отношений.

Образ правителя стал отдельным предметом исследований в византистике². Сегодня он рассматривается как информационное явление, постоянно идущий процесс трансформации и распада образов, относящихся к идеям господства и подчинения, «диалог» между субъектами социально-политических отношений: правителем, духовенством и ари-

мы полагаем, что у Феодора I не было причин откладывать коронацию на *два или три года* после взятия Фессалоники, поэтому придерживаемся даты 1225 г.

² Жолевы-Левы. 1988. С. 143-161; Чичуров. 1991. С. 3; Литаврин. 2004. С. 46-50.

стократией. Образ, представляемый правителем, может подчинять сознание подданных или вступать во взаимодействие с их представлениями, которые, в свою очередь, могут транслироваться наверх, влияя на составление «официального» образа³.

Образ императорской власти в Византии обладал характерными особенностями. Правитель выступал как помазанник Божий, владыка христиан, его власть происходила от Бога⁴, качествами императора были мудрость, мужественность, справедливость, благоразумие⁵. Этот образ постоянно менялся, что заметно уже в начальном периоде его существования⁶. К XIII в. на него оказывает влияние усиление центробежных политических сил, отделение от центральной власти провинций, находящихся под контролем местных правителей⁷. Византийская империя представляется современникам как феодальное поместье, а василевс – как «первый среди равных», предводитель слоя высшей аристократии⁸.

Переписка между представителями политической элиты отражает развитие отношений между ними и связанных с данными отношениями образов⁹. Византийская эпистолография, основанная на античной традиции и имевшая вместе с тем отличия в языке и стиле¹⁰, была тесно связана с риторическим искусством.

В сборниках риторических упражнений, так называемых прогимнасм, использовался прозаический энкомий со всеми жанровыми обязательствами энкомия как похвального слова¹¹. Данное понятие стало, помимо прочего, одной из основ для особого вида эпистолярия – писем к императору, в котором оно использовалось для восхваления правителя¹². Несмотря на то, что Феодор I Дука так и не был признан полноправным претендентом на престол со стороны Никейской импе-

³ Бойцов, Экле. 2008. С. 6-7.

⁴ Соколов. 2003. С. 26-27; Полуэктова. 1998. С. 60-62; Поляковская. 2009. С. 6; Hunger. 1964. S. 49-83; Angelov. 2007. P. 29-80.

⁵ Чичуров. 1991. С. 46; Поляковская. 2009. С. 7.

⁶ Бибииков. 2008. С. 13-18.

⁷ Удальцова. 1976. С. 4-36; Oudaltsova. 1976. P. 37-58.

⁸ Литаврин. 2004. С. 49-50.

⁹ Angelov. 2007. P. 8; Криницына. 2008. С. 114-126.

¹⁰ Krumbacher. 1897. S. 455; Hunger. 1978. S. 200-202; Mullet. 1981. P. 74-93; Kennedy. 1983. P. 325; Куц. 2005. С. 6; Böhlig. 1956. S. 248-250; Sykutris. 1930. S. 219; Karlsson. 1962. P. 14-33; Сметанин. 1970. С. 35-41; Сметанин. 1971. С. 215-216; Византийская литература... С. 207-209; Tinnefeld. 2000. S. 365, 381.

¹¹ Lausberg. 1960. S. 532-533; Hunger. 1978. S. 90-132; Аверинцев. 1996. С. 261-262, 267-271, 295-301; Oxford dictionary of Byzantium.. 1991. P. 1728-1729 (Далее: ODB); Mullet. 2003. P. 157; The Oxford Handbook of Byzantine studies... 2008. P. 832-833.

¹² Krumbacher. 1897. S. 455; Kennedy. 1983. P. 320.

рии, главы эпирской церкви стремились наиболее убедительно обосновать его претензии, используя при формировании образа власти свое риторическое искусство. При этом наиболее ярко данный образ был представлен в письмах одного из видных представителей высшего эпирского духовенства – Навпактского митрополита Иоанна Апокавка.

Иоанн Апокавок (ок. 1155–1233) получил образование в патриаршей школе в Константинополе, где учился вместе с будущим патриархом Мануилом I Харитопулом Сарантином (1217–1222). После завершения обучения, Иоанн Апокавок, приняв сан диакона, служил в Навпактской митрополии, главой которой был его дядя Константин Манассий, однако вскоре вернулся в Константинополь, где получил должность нотариуса при патриархе Никите II Мунтане (1186–1189). К началу XIII в. Иоанн Апокавок возглавил Навпактскую митрополию. После распада Византии на несколько независимых территорий, Навпактский митрополит поддержал Михаила I Ангела Дуку (1204–1215), вставшего во главе Эпирского царства. Иоанн Апокавок возглавил созданный в 1213 г. синод в Арте, который принял кандидатов на свободные кафедры епархий, предложенных основателем Эпирского царства без санкции патриарха. После прихода к власти Феодора I Дуки, Иоанн Апокавок стал активно поддерживать правителя: внешнеполитические успехи Феодора I сопровождались письмами митрополита правителю и патриарху, в которых утверждалось право Эпира на престол единой Византии. После поражения войск эпирского царя в битве при Клокотнице Иоанн Апокавок перестал участвовать в политической жизни Эпира. Вскоре после 1230 г. митрополит, сложил с себя полномочия и ушел в монастырь, расположенный недалеко от Арты, где умер в 1233 г.¹³

Отношение Навпактского митрополита к власти, и, прежде всего, к Феодору I, достаточно давно привлекало внимание исследователей. Оно рассматривалось в контексте отношений светской и церковной властей в период наибольших внешнеполитических успехов Эпира. Внимание историков привлекала поддержка, оказываемая Иоанном Апокавкой Феодору I в его претензиях на императорский титул¹⁴, ухудшение его отношений с царем, связываемое то с конфликтом митрополита с братом правителя и наместником Эпира Константином Дукой¹⁵, то с неприятием Иоанном Апокавкой церковной политики, проводимой

¹³ Wellhofer. 1913. S. 6-9; Λαμβρόπουλος. 1988. Σ. 45-67; Радошевић. 1991. С. 155-156; ODB. Vol. 1. P. 135. См. также след. прим.

¹⁴ Васильевский. С. 18-19; Miliaraki. 1898. Σ. 164-167; Успенский. 1997 (М., 1948). С. 411; Prinzing. 1992. S. 177-178; Angold. 1995. P. 218-219 и др.

¹⁵ Nicol. 1957. P. 75-82.

Феодором I¹⁶ и другие аспекты. Параллельно с изучением писем Иоанна Апокавка как источника для изучения отношений государства и церкви в Эпире, в историографии рассматривались особенности стиля и языка, характерные для эпистолярия Навпактского митрополита¹⁷. Данные направления исследований были соединены в работах, посвященных рассмотрению отраженного в письмах Иоанна Апокавка образа власти. Одним из первых на образы правителя, связанные с военной тематикой, обратил внимание выдающийся русский византист Ф. И. Успенский, отметивший, что Навпактский митрополит после взятия эпирским правителем крепости Платамон, важного в стратегическом отношении укрепленного пункта при осаде Фессалоники, сравнил Феодора I в адресованном ему письме с рыбаком, а жителей Фессалоник, которым предстояло освобождение от латинского владычества, с рыбами, которые стремятся попасть в сети к эпирскому правителю¹⁸. Позднее документ, который был использован Ф. И. Успенским как иллюстрация к политической ситуации на Западе Балканского полуострова, был специально рассмотрен Ф. Бреденкампом, который пытался выяснить, как отразилась военная кампания Феодора I на характере писем к нему представителей высшего духовенства Эпира. Для этого исследователь, использовал еще одно письмо Навпактского митрополита к Феодору I, о взятии крепости Просека, другого важного в стратегическом отношении укрепленного пункта при осаде Фессалоники. По мнению Бреденкампа, в двух письмах отражена стратегическая цель кампании, разделяемая всем западногреческим обществом – взятие Фессалоники. Кроме того, было отмечено, что в письме, посвященном взятию Плагамона, Иоанн Апокавк говорит о помощи св. Димитрия Солунского (покровителя Фессалоники) эпирскому правителю в его успешных кампаниях¹⁹.

Гораздо шире военная тема в письмах Иоанна Апокавка, рассмотрена Э. Пападопуло; она заметила одну закономерность: в письмах по военной тематике Иоанн Апокавк оперативно определял свою позицию в отношении постоянно меняющихся программ и основных направлений, внешней политики Феодора I²⁰. Таким образом, Э. Пападопуло представила использование военной темы в письмах к правителю как средство оценки митрополитом политической ситуации и соответственно как способ его участия во внешней политике Феодора I.

¹⁶ *Karpozilos*. 1973. P. 43.

¹⁷ *Черноусов*. 1914. С. 7-11; *Τομαδάκη*. 1957. Σ. 22-24; *Magdalino*. 1987. P. 28-38.

¹⁸ *Успенский*. 1997. С. 411.

¹⁹ *Bredenkamp*. 1995. P. 66-67.

²⁰ *Παπαδόπουλο*. 2008. Σ. 162.

Упомянувшиеся ранее письма Иоанна Апокавка о взятии Платамона и Просека, недавно снова оказались в центре внимания исследователей: сербский историк Д. Желебжич в специальной работе, опираясь в том числе на данные документы, рассмотрел образ власти в письмах Иоанна Апокавка. Как и Ф. Бреденкамп, Д. Желебжич отметил сходство между этими письмами, которое однако он увидел не в выражении настроений населения Эпира, а в другом. По мнению Желебжича, сходство между двумя письмами заключается в том, что в них используется один и тот же эпитет применительно к Феодору I – «совершающий великие дела» (μεγαλοϋρός), отмечается, что крепости взяты с Божьей помощью, используется игра слов, связанная с названиями взятых пунктов (так, говорится, что взятие Платамона (Πλατάμων), является разрешением уз (πλατύσιμος)²¹. В соответствии с предметом изучения, Желебжич выделил в письме, посвященном взятию Платамона, мотив сравнения Феодора I с Христом, характерный для других писем Навпактского митрополита эпирскому правителю, выраженный в данном случае через систему христианских символов (рыбака, рыбы)²².

Таким образом, в рассмотренных работах затронута только часть интересующих нас писем. При этом не рассматривался образ правителя как воина, военные мотивы и связанные с ними образы оказывались вне рамок исследований.

Всего известно 21 письмо Иоанна Апокавка к Феодору I. Из них примерно четверть (пять) касается военных походов, предпринимаемых правителем²³. Церковной политике посвящены 5 писем²⁴, восхваление царя представлено в 6-ти²⁵, в 4-х письмах рассказывается об отношениях Иоанна Апокавка и брата царя Константина Дуки²⁶, в одном письме высказываются пожелания митрополита правителю²⁷. Как видно, письма, связанные с военной темой, занимают по численности второе место в рассматриваемом эпистолярии, уступая документам, восхваляющим царя, и разделяя его с письмами, посвященными церковным вопросам. При этом только три письма напрямую касаются военных кампаний Феодора I: речь идет об уже упомянутых документах, повествующих

²¹ *Целебжич*. 2008. С. 129.

²² Там же. С. 136.

²³ *Пападопуло-Керамевс*. 1913. С. 266-269, 269-270, 272-274, 276-278, 286. (далее Noctes).

²⁴ Noctes. С. 262-263, 265-266, 279, 279-282, 287-288.

²⁵ Ibid. С. 271-272, 282-284, 284-285, 285, 285-286, 288-289.

²⁶ Noctes. С. 259-260, 263-264, 286-287, 289-290.

²⁷ Там же. С. 264-265.

о взятии Платамона и Просека, а также письме-пожелании военных успехов правителю²⁸. Остальные два письма косвенно касаются военной темы, в общих чертах сообщая о военных заслугах правителя. Их главной темой являются церковные вопросы²⁹.

Д. Джеблжич при изучении писем Навпактского митрополита, адресованных Феодору I, разделил документы на две группы: до и после коронации Феодора I как императора в 1225 г.³⁰ Основанием для такого деления стали особенности внутренней формы писем, выраженной в указании на имя адресата. В письмах 1215–1225 гг. часто приводится одно из фамильных имен, сопровождаемое эпитетами «совершающий великие дела» (μεγαλοϋργός), «оберегаемый Богом» (προφανῶς Θεοφροῦρητος)³¹, «сильнейший» (κράτιστος)³² и др. В письмах 1225–1230 гг. для обозначения адресата используются только эпитеты, соответствующие его положению – «царь и господин», «царь», которые сопровождают эпитеты «величайший» (μέγιστος), «направляемый Богом» (Θεοκυβέρνητος). В нашем случае к первой из данных групп относятся письма, посвященные взятию Платомона и Просека, ко второй – остальные, в общих чертах повествующие о военных заслугах эпирского правителя. Однако малочисленность писем, посвященных военной тематике, не позволяет проследить систематические изменения среди документов данной группы, относящихся к разным периодам. Соответственно более целесообразным нам представляется изучение указанных писем Иоанна Апокавка как единого комплекса документов, без дополнительного хронологического деления.

Переходя к изучению характерных черт писем, следует сделать предварительное замечание относительно используемой методики. Для анализа писем будет использована система, предложенная в монографии В. А. Сметанина по отношению к широкому кругу эпистолярия XIII–XV вв. Она подразумевает изучение структуры (архитектоники) письма, в которой выделяются две главные части: формульная, основа которой – семантема – образует по выражению исследователя «каркас письма», и содержательная (апангелия), которая представляет собой собственно сообщение и является связующим звеном между формулами. При этом формульная часть подчиняется определенным законам построения и ее

²⁸ Там же. С. 286.

²⁹ Там же. С. 272–274.

³⁰ *Целебжич*. 2008. С. 126.

³¹ *Noctes*. С. 266–270.

³² Там же. С. 259.

изменения находятся в достаточно узком диапазоне, апангелия, напротив, не имеет строгих рамок³³.

Формульная части и мотивы писем Иоанна Апокавка были изучены сербской исследовательницей Н. Радошевич которая выделила важные составляющие формулы писем, такие как инскрипцию, формулы дружбы, а также традиционное сочетание, выражающее отношение к полученному от друга письму, здоровья, присутствия, памяти. В качестве мотивов Н. Радошевич выделила темы, связанные с формулами здоровья, дружбы, памяти, присутствия, относящиеся к содержательной части документов, а также мотив красивого места (*locum amoenus*)³⁴. Но основное внимание Радошевич уделила общей характеристике писем, большей частью адресованных представителям высшего духовенства. Особенности писем митрополита к Феодору I она не изучала. Мотив старости, связанный с формулой здоровья, выделен Э. Пападопуло³⁵, однако при этом не рассматривались особенности данного мотива (и формулы) применительно к письмам военной тематики. Таким образом, несмотря на имеющийся опыт изучения формульной части писем Иоанна Апокавка, полного освещения архитектоники писем, посвященных военной теме, до сих пор не получила.

Изучение интересующих нас писем будет состоять из двух этапов: анализ формульной части (состав, количество и распределение формул в письмах военной тематики) и анализ мотивов и образов, используемых как в формульной части, так и в апангелии. На каждом из этапов предстоит решить вопросы о специфике писем, посвященных военной теме. Для этого по мере определения особенностей внутреннего строения писем будет проведено их сравнение с чертами, характерными для остального эпистолярия. Начнем с первого из указанных этапов.

1) Формульная часть

Изучение архитектоники письма подразумевает анализ ряда отдельных устойчивых частей эпистолярия. В. А. Сметанин выделил в качестве таковых несколько составляющих: *intitulatio*, *inscriptio*, *praescriptio*, семантема, *clausula*, *datum*, которые в совокупности состоят из 21 формулы³⁶. Такое количество выделенных формул обусловлено широким кругом используемого исследователем эпистолярия: многие из традиционных фраз в отдельных случаях могут отсутствовать.

³³ Сметанин. 1987. С. 195, 203-206; Он же. 1979. С. 58-93; Он же. 1980. С. 68-72.

³⁴ Радошевич. 1987. С. 157-163.

³⁵ Пападопуло. 2008. С. 160-161.

³⁶ Сметанин. 1980. С. 68-72; Сметанин. 1987. С. 195-204.

Приступая к анализу архитектоники писем необходимо отметить отсутствие в них некоторых частей формуляра – *intitulatio*, представляющей собой указание на имя трассанта, *praescriptio* (заголовок письма со стержневым словом *χαίρειν*), *datum*, подпись. Эта черта характерна также для других писем Навпактского митрополита, к Феодору I³⁷, и потому ее можно отнести к особенностям писем данной группы. Таким образом, изучение внутреннего строения документов возможно и в отношении оставшихся частей формуляра: *inscriptio* (указание на имя адресата), семантемы и *clausula* (заключительная формула-пожелание), представляющих соответственно начальную, среднюю и заключительную часть письма³⁸.

Итак, архитектура писем в нашем случае начинается с *inscriptio*.

Как было отмечено, в зависимости способов обозначения имени правителя рассматриваемый эпистолярный документ разделяется на две группы: документы, относящиеся к периодам до и после 1225 г. Однако только этим элементом *inscriptio* не исчерпывается. В нашем случае важной составляющей обозначения адресата является также более или менее подробное описание его качеств. В четырех случаях речь идет о военных заслугах правителя: говорится о победе над врагами³⁹, присоединении городов⁴⁰ и победном завершении походов⁴¹. Среди остальных писем «дополнительные» эпитеты, входящие в *inscriptio*, встречаются лишь в одном случае⁴², что позволяет говорить о перечислении военных заслуг правителя как о характерном признаке вводной части писем, касающихся военной тематики. При этом в одном случае сообщается об успешном результате похода, а в остальных о военных кампаниях говорится в общих чертах. Отметим и особенности расположения *inscriptio* в одном из писем, представляющем собой краткое пожелание царю: указание на имя адресата находится в данном случае в середине письма.

³⁷ Исключение составляют два письма, имеющие *praescriptio*: первое содержит жалобу на Константина Комнина Дуку (Noctes. С. 259), второе посвящено теме восхваления царя (Там же. С. 279).

³⁸ Указание на имя адресата отсутствует в одном из писем письма вследствие его плохой сохранности (Там же. С. 276-278).

³⁹ Там же. С. 272, 286.

⁴⁰ Там же. С. 272.

⁴¹ Там же. С. 266.

⁴² В этом письме, посвященном вопросу о статусе Навпактской митрополии, военная тема выражена только в *inscriptio* (Там же. С. 287), и потому документ не был включен в число рассматриваемых писем. При этом от перечисления военных заслуг правителя митрополит в семантеме переходит к формуле здоровья, сообщая о своей войне с болезнью и, таким образом, «играя» содержанием фраз.

Говоря о формулах, составляющих семантему поздневизантийского эпистолярия, В. А. Сметанин выделил 14 устойчивых словосочетаний⁴³, из которых в рассматриваемых письмах встречаются три: формула восхищения, формула мнения, формула здоровья. При этом первая из них встречается во всех пяти документах⁴⁴, вторая – в трех письмах⁴⁵, последнюю только два письма⁴⁶. Итак, наиболее часто употреблялась формула восхищения адресатом, что вполне объяснимо, учитывая восхваляющий характер писем Навпактского митрополита Феодору I, а расположение данной формулы по традиции одной из первых в письме еще более подчеркивает восторженное отношение митрополита к царю.

Выявленные формулы неизменно присутствуют в других письмах Иоанна Апокавка к Феодору I, являясь традиционными сочетаниями. При этом их соотношение в данном случае сходно с наблюдаемым в письмах военной тематики: формулу здоровья содержат 10 писем, формула восхищения встречается в 8 письмах, формула мнения – в четырех. По группам писем они распределены следующим образом. Среди *писем, посвященных церковным вопросам*, формулу здоровья содержат 3 документа⁴⁷, формулу восхищения – 2 документа⁴⁸, одно письмо – формулу мнения⁴⁹. Среди *писем, восхваляющих царя*, формула восхищения встречается в 5 письмах⁵⁰, такое же число документов содержат формулу здоровья⁵¹, в двух письмах встречается формула мнения⁵². Менее всего рассматриваемые формулы представлены в *письмах с жалобой на Константина Дуку*: два из них содержат формулы здоровья⁵³, одно – формулы мнения⁵⁴ и восхищения⁵⁵.

Как видно, письма военной тематики сходны по количественному соотношению формул с письмами, восхваляющими царя. При этом сходство наблюдается в частоте употребления формулы восхищения и

⁴³ Сметанин. 1979. С. 71-72; Сметанин. 1980. С. 68-72; Сметанин. 1987. С. 196-199.

⁴⁴ Noctes. С. 266, 269, 272, 276, 286.

⁴⁵ Там же. С. 267, 270, 273.

⁴⁶ Там же. С. 268, 277.

⁴⁷ Там же. С. 265, 279, 287.

⁴⁸ Там же. С. 262-263, 282.

⁴⁹ Там же. С. 263.

⁵⁰ Там же. С. 264, 282, 284-285, 285, 286.

⁵¹ Там же. С. 271, 279, 284 (в двух письмах), 285-286.

⁵² Там же. С. 256, 263.

⁵³ Там же. С. 260, 288.

⁵⁴ Там же. С. 289.

⁵⁵ Там же. С. 290.

мнения, использование формулы здоровья сильно различается. Формула восхищения встречается во всех письмах, относящихся к двум группам, формула мнения в письмах военной тематики встречается три раза, в письмах, восхваляющих царя, дважды. Формула здоровья использована в первой из рассматриваемых групп два раза, в документах второй группы – пять раз. Кроме того, сходство в употреблении формулы здоровья письма военной тематики обнаруживают с письмами, посвященными церковным вопросам, в которых данная формула употреблена два раза (в то время как в письмах военной тематики данная формула используется в трех документах).

Общее сходство в соотношении формул, употребляемых в письмах трех групп, в целом, говорит об использовании однотипных приемов при составлении писем вне зависимости от тематики. Безусловно, для отдельных групп характерно более или менее частое употребление тех или иных формул, как в случае с формулой восхищения в письмах, касающихся военной тематики, или восхваляющих царя. Однако при этом, из-за наличия общих черт, как минимум для двух групп (как показано выше), сложно говорить о какой-то специфике в частоте употребления формул в письмах, составляющих отдельную категорию.

Кроме количественного соотношения формул составляющих семантему, важным вопросом для понимания специфики писем военной тематики является, на наш взгляд, состав данных элементов. Влияла ли военная тема на выражение формул восхищения, мнения и здоровья? При этом для того, чтобы выделить данное влияние необходимо не только определить наличие военных мотивов в указанных формулах, но также и сопоставить данные формулы с другими аналогичными элементами, которые содержатся в письмах остальных групп, что позволит с уверенностью говорить о данном влиянии как характерном признаке отдельной группы.

Итак, в формулах, образующих семантему интересующих нас писем, содержатся следующие военные мотивы. В письмах, посвященных взятию крепостей Просека и Платамона, во всех трех формулах фигурирует военная тема: говорится о военных доблестях правителя, напрямую упоминаются результаты военной кампании – взятые Просек и Платамон⁵⁶. Реже военные мотивы представлены в письмах, посвященных вопросам церковной политики. В одном из них военный мотив содержит формула мнения⁵⁷, в другом – формула восхищения⁵⁸. В

⁵⁶ Там же. С. 266-270; *Целебуш*. 2008. С. 129.

⁵⁷ *Noctes*. С. 273.

обоих случаях мотив представлен указанием на победу над латинянами (италийцами). Наконец, в еще одном письме, представляющем пожелание царю, военный мотив содержится в формуле восхищения и представляет собой более общее, чем в предшествующих случаях, указание на победу над врагами⁵⁹.

В письмах, касающихся других тем, военные мотивы в формулах встречаются значительно реже и выражены не столь рельефно. Речь идет о трех письмах, представляющих все остальные группы. В первом из них, восхваляющем царя, военные мотивы содержатся в формуле восхищения и выражены в перечислении его военных доблестей⁶⁰. Во втором письме, посвященном церковному вопросу, рассматриваемые мотивы представлены в формуле здоровья: Иоанн Апокавк сравнивает свою болезнь с противником⁶¹. В третьем случае, речь идет о письме с жалобой на действия Константина Дуки, которое содержит в формуле восхищения правителем указание на военные заслуги царя⁶².

Как видно, письма военной тематики достаточно сильно выделяются в области выражения соответствующих мотивов в формульной части. Эти мотивы представлены во всех без исключения документах, и в большей части писем представлены как фразами общего содержания (указание на военные доблести правителя), так и конкретной информацией (завоевание отдельных городов, победа над латинянами (италийцами). Наоборот, в письмах, относящихся к другим темам, военные мотивы не часто использовались для выражения формул семантемы; в тех же случаях, когда это происходило, употреблялись только фразы общего содержания (говорилось о доблести правителя, его военных заслугах, противник сравнивался с болезнью).

Таким образом, можно говорить о специфике семантемы для писем военной тематики, которая заключается в ярком отображении военных мотивов в составляющих ее формулах.

Переходя к изучению заключительной части письма – клаузулы – следует отметить, что данный элемент представлен в двух документах рассматриваемой группы⁶³. Одно письмо военной тематики завершается вопросами митрополита к царю⁶⁴, два других – пожеланием о мудром

⁵⁸ Там же. С. 277.

⁵⁹ Там же. С. 286.

⁶⁰ Там же. С. 264.

⁶¹ Там же. С. 287.

⁶² Там же. С. 290.

⁶³ Там же. С. 270, 278, 286.

⁶⁴ Там же. С. 268-269.

решении церковных вопроса⁶⁵. Среди писем, относящихся к другим группам, такое нестандартное завершение встречается в двух письмах по церковным вопросам, в которых митрополит высказывает пожелание царю о благополучном разрешении спора⁶⁶. Среди писем других групп эти черты не встречаются⁶⁷. Данное соотношение позволяет выделить нестандартное завершение посвященных военной теме и церковной политике писем как специфическую черту документов, принадлежащих к данным группам, однако выделить при этом какие-либо особенности для писем военной тематики по двум документам не представляется возможным. Однако можно рассмотреть их соотношение с завершающими формулами писем, относящихся к остальным группам.

Состав клаузул для других групп однотипен: краткое пожелание адресату, чтобы ему сопутствовала удача. Речь идет о формулах со стержневым словом *ἡ εὐχή* – молитва (*ὁ σὸς εὐχέτης ἐγὼ θερμότητος ἔξαπῶ...*⁶⁸ – «я, горячо молясь за тебя, прошу...»⁶⁹) и о благословении правителя с ключевым словом *χαρίζεῖν* – благословить (*ἐμοὶ δὲ χαρίσαίτο τὴν σὴν εὐμένειαν καὶ ἀντίληψιν*⁷⁰ – «я же желаю, чтобы благословились твои доброе помышление и возвращение»⁷¹), что является типичным для клаузул поздневизантийского эпистолярия⁷². В двух письмах по военной тематике пожелания императору выражены несколько иначе. Вместо общих фраз говорится о его будущих победах⁷³. При этом такого рода пожелания не встречаются в письмах других групп, кроме одного случая, когда в письме, восхваляющем царя в клаузуле употреблен эпитет «спаситель [и] защитник всем нам» (*πᾶσιν ἡμῖν σωτὴρ πρόμαχος*)⁷⁴. Однако данное выражение военной темы в клаузуле, очевидно, является менее ярким, чем приведенные выше.

⁶⁵ Там же. С. 274, 278.

⁶⁶ Там же. С. 282, 288.

⁶⁷ В одном из писем, восхваляющем царя, после официальной формулы-пожелания, традиционно завершающей письмо, приведена просьба митрополита о разрешении его спора с Константином Комнином Дукой (Там же. С. 284). Так как данный документ все же имеет свое официальное завершение, то он рассматривается среди остальных писем, имеющих клаузулы.

⁶⁸ Там же. С. 263.

⁶⁹ Там же. С. 284, 289. В одном из случаев вместо *ἡ εὐχή* используется *ἡ εὐτυχίμα* – пожелание успеха. (Там же. С. 285).

⁷⁰ Там же. С. 272.

⁷¹ Там же. С. 264, 265, 279, 287, 291.

⁷² *Сметанин*. 1980. С. 68-72; *Сметанин*. 1987. С. 199.

⁷³ *Noctes*. С. 270, 286.

⁷⁴ Там же. С. 286.

Таким образом, в клаузулах двух рассматриваемых писем военные мотивы выражены достаточно рельефно, что отличает их от завершающих формул, присутствующих в остальных письмах.

Подводя итог изучению формульной части писем военной тематики, отметим следующие характерные ее черты: 1) количественное распределение формул семантемы, *inscriptio* и клаузул для писем военной тематики является таким же, как для писем остальных групп, что позволяет говорить о единообразии в этой области эпистолярия Иоанна Апокавка, адресованного к Феодору I; 2) формулы изучаемых писем содержат военные мотивы, которые выражены сообщениями о военных заслугах правителя (покорении городов, победе над италийцами и др.). Данная черта отсутствует среди писем, относящихся к другим группам, что позволяет говорить о ней, как специфическом признаке писем военной тематики.

2) Мотивы и образы

Изучение мотивов и образов, используемых в рассматриваемых письмах, подразумевает, как и в случае с формульной частью, решение двух вопросов. Во-первых, как мотивы, характерные для писем всех групп, отражены в письмах военной тематики. Во-вторых, какие мотивы писем военной тематики являются специфическими для данной группы.

Итак, Д. Желебжич выделил следующие мотивы: 1) правитель признается законным претендентом на престол Византии⁷⁵, 2) правитель сравнивается с предшествующими царями, и значительно превосходит их по своим качествам⁷⁶, 3) божественное происхождение власти правителя⁷⁷, 4) сравнение правителя с Христом⁷⁸ и солнцем⁷⁹.

Распределение мотивов среди рассматриваемых писем следующее. Первый мотив содержат четыре письма: для обоснования прав правителя на престол он сравнивался с правителями-воинами, упомянутыми в Старом Завете⁸⁰, а также использовались военные успехи правителя, в частности, взятие городов Пресека и Платамона⁸¹.

⁷⁵ *Целебний*. 2008. С. 127-132.

⁷⁶ Там же. С. 133-134.

⁷⁷ Там же. С. 138.

⁷⁸ Там же. С. 135-137. Еще один мотив, который заключается, по мнению Д. Желебжича, в том, что автор письма не может подобрать слов, чтобы рассказать о достоинствах царя (Там же. С. 133), представляет собой скорее вариант формулы восхищения, нежели составную часть апангелии.

⁷⁹ Там же. С. 129.

⁸⁰ *Noctes*. С. 276, 286, 289.

⁸¹ Там же. С. 268, 270.

Второй мотив встречается в одном из писем, посвященных военной тематике⁸². Мотив Божественного происхождения власти правителя встречается также в одном письме⁸³. Мотив сравнения правителя с Христом, как уже было отмечено, встречается в письме, посвященном взятию Платамона. Сравнение правителя с солнцем употреблено в письме, посвященном взятию Просека⁸⁴.

Можно констатировать, что, исключая первый из указанных мотивов, литературные приемы и образы, традиционно используемые Иоанном Апокавком, встречаются в рассматриваемых письмах не часто.

Далее выделим остальные мотивы, присутствующие в письмах Иоанна Апокавка, и выясним, насколько они являются специфическими для рассматриваемых документов. Речь идет о следующих мотивах: 1) военные кампании правителя, завершающиеся взятием городов и победой над противником⁸⁵; 2) борьба с латинянами (италийцами)⁸⁶; 3) образ святого Димитрия⁸⁷; 4) параллели с античными героями-воинами⁸⁸; 5) образ реки, в которой митрополит омоет ноги после победы Феодора I⁸⁹. Три последних мотива характерны для писем, посвященных взятию Просека и Платамона, мотив борьбы с латинянами (италийцами) характерен для трех писем, мотив военных кампаний присутствует во всех рассматриваемых документах. Представленные образы практически не встречаются в письмах других групп, будучи специфическими для писем военной тематики. При этом, как и в случае с формульной частью, упоминания об отдельных воинских доблестях правителя периодически встречаются в других документах⁹⁰, однако систематически военные мотивы в них не выражаются.

Таким образом, в отношении используемых мотивов и образов письма военной тематики, обладая некоторыми чертами, сближающими их с другими группами (общие мотивы), тем не менее, имеют свою специфику, которая заключается в систематическом выражении военной темы через систему образов (постоянное упоминание военных кампаний правителя и его борьбы с латинянами, указание на героев-

⁸² Там же. С. 272.

⁸³ Там же. С. 273.

⁸⁴ Там же. С. 268.

⁸⁵ Там же. С. 266-267, 269, 272-273, 276-277, 286.

⁸⁶ Там же. С. 269, 273, 277.

⁸⁷ Там же. С. 267, 270.

⁸⁸ Там же. С. 267.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 264, 281, 289 и др.

воинов из античной мифологии, образ местности, которая в будущем окажется завоеванной). Следует при этом отметить, что и общие мотивы писем Иоанна Апокавка, и мотивы, относящиеся к военной теме представляют собой традиционные сюжеты для византийской эпистолографии⁹¹. Исследуемая специфика заключается, таким образом, не в составе образов, а в частоте их употребления.

Подводя итог проведенному нами изучению военной тематики писем Иоанна Апокавка, адресованных Феодору I Дуке, можно сделать следующие выводы. Рассматриваемые письма, являясь частью большого эпистолярия, объединенного темой отношения митрополита и царя, обладали рядом черт, общих для других документов данной группы. К таким чертам можно отнести типичное распределение среди рассматриваемых писем формул восхищения, здоровья и мнения, составляющих семантему, а также наличие в их апангелии мотивов, характерных для остальных документов (обоснование права правителя на престол, его сопоставление с правителями-воинами, упомянутыми в Ветхом Завете и др.). Вместе с тем, письма военной тематики имеют специфическую черту: систематическое выражение военных мотивов, как в формульной части, так и в апангелии. В формульной части данные мотивы выражены в инскрипцио, семантеме и клаузуле. Во всех случаях говорится о военных кампаниях правителя, покорении им городов, победе над латинянами (италийцами). Подобные сведения содержатся в апангелии, однако они никак не связаны с указанными формулами. Кроме того, в апангелии используются образы античных героев-воинов и покоренной в будущем местности.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Никейской империи, где в письмах к правителю представители никейского духовенства также особо выделяли военную деятельность императора и его качества как полководца⁹². Данное обстоятельство позволяет интерпретировать выявленные особенности писем, как, в целом, черту, характерную для византийской риторической литературы первой половины XIII в., обусловленную как традиционным пониманием одного из качеств императора как воина, так и сложившейся политической ситуацией, характеризующейся постоянными военными кампаниями. Нахождение, таким образом, писем Иоанна Апокавка в общем русле развития

⁹¹ Византийская литература... С. 210, 214; *Hunger*: 1964. S. 226-227.

⁹² *Радосевич*. 1987. С. 77-79; *Культура Византии...* С. 64-65. Аналогичные тенденции представлены также в риторической литературе Трапезундской империи, относящейся к более позднему времени XIV в. (*Карпов*. 2007. С. 460).

византийской риторической литературы еще раз доказывает высокий уровень и современность его эпистолярия, не уступавшего, как видно, в отдельных аспектах лучшим византийским образцам этого жанра в более позднюю эпоху.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
- Бибииков М. В.* «Блеск и нищета» василевсов: Структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Наука, 2008. С. 9-18.
- Бойцов М. А., Эскле О. Г.* Предисловие // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Наука, 2008. С. 5-8.
- Васильевский В. Г.* Обновление Болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Т. 238. № 3. Отд. 2. С. 1-56.
- Византийская литература / Л. А. Фрейберг, Т. В. Попова. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Целебичић Д.* Писма Јована Апокавка Теодору Дуке // Византолошки институт. Зборник радова. 2008. Т. 47. С. 125-140.
- Жолеви-Леви К.* Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 143-161
- Карпов С. П.* История Трапезундской империи / Византийская библиотека. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с.
- Кринуцьна Е. С.* «Nostre parti procul dubio patet iustitia...»: Образ правителя Толедского королевства VII в. в переписке Браулиона Сарагосского // Вестник РГГУ. Сер. История. 2008. №12. С. 114-126.
- Культура Византии. XIII – первая половина XV вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1991. 620 с.
- Куц Т. В.* Эпистолярная практика в поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 5-15.
- Литаврин Г. Г.* Этапы эволюции верховной власти и ее репрезентации в Византии VII–XII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная и Восточная Европа). Тез. XXII научной конференции «Славяне и их соседи». Москва. 14–16 мая 2004 г. / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Наука, 2004. С. 46-50.
- Полужатова О. С.* К вопросу о сущности церемониала в связи с императорской идеей // Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов (Барнаул, 29 мая – 2 июня 1998 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 60-62.
- Поляковская М. А.* Поздневизантийский чин коронования василевса // Византийский временник. 2009. Т. 68 (93). С. 5-24.
- Радосевич Н.* Никејски цареви у савременој им реторици // Византолошки институт. Зборник радова. 1987. Т. 26. С. 65-82.
- Радосевич Н.* Епистографија Јована Апокавка // Византолошки институт. Зборник радова. 1991. Т. 29-30. С. 155-167.
- Сметанин В. А.* Эпистолагафия. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1970. 65 с.

- Сметанин В. А.* Из истории эпистографии // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 212-216.
- Сметанин В. А.* Теоретическая часть эпистологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии // АДСВ. Свердловск, 1979. С. 58-93.
- Сметанин В. А.* Эпистология поздней Византии, прозевсис // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1980. С. 68-72.
- Сметанин В. А.* Византийское общество XIII-XV вв. по данным эпистографии. Свердловск, 1987. 288 с.
- Соколов И. И.* О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии / Вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 272 с.
- Удальцова З. М.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071–1261): Социально-экономические аспекты проблемы // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. 1: Histoire. Athenes: K. Michalas, 1976. С. 4-36.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи XI-XV вв. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997 (М., 1948). 829 с.
- Черноусов Е. А.* Из византийского захолустья XIII века. Харьков, 1913. 15 с.
- Чичуров И. С.* Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991. 176 с.
- Angelov D.* Imperial ideology and political thought in Byzantium. Cambridge: Cambridge University press, 2007. 453 p.
- Böhlig G.* Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 278 s.
- Bredenkamp H.* The Byzantine Empire of Thessalonike (1224–1242). Thessalonike: Municipality of Thessalonike, 1995. 292 p.
- Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München: Beck, 1978. Bd. 1. 542 s.
- Hunger H.* Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden // Wiener byzantinische Studien. Wien: Akademie-Verlag, 1964. Bd. 1. S. 49-83.
- Karlsson G.* Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie Byzantines. Textes du Xe siècle, analysés et comments. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1962. 157 p.
- Karpozilos A. D.* The ecclesiastical controversy between the kingdom of Nikaia and the principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973. 108 p.
- Karpozilos A. D.* The Date of Coronation of the Theodore Doukas Angelos // Byzantina. 1974. 6. P. 251-261.
- Kennedy G. A.* Greek rhetoric under the Christian emperors. New Jersey: Princeton University press, 1983. 333 p.
- Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. Munich: C. H. Beck, 1897. 1193 s.
- Λαμβρόπουλος Κ.* Ίωάννη Απόκαυκος. Συμβολή στην έρευνα του βίου και του συγγραφικού έργου του. Αθήνα: Ιστορικές Εκδόσεις Στ. Δ. Βασιλόπουλος, 1988. 311 σ.
- Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. München: Max Hueber Verlag, 1960. Bd. 1. 560 s.
- Magdalino P.* The literary perception of everyday life in Byzantium // Byzantinoslavica. 1987. 47. P. 28-38.
- Miliaraki A.* Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου 1204–1261. Αθήνα: Εκδόσεις Κ. Κακουλίδη, 1898. 514 σ.

- Mullet M.* The classical tradition in byzantine letter // Byzantium and the classical tradition / Ed. M. Mullet, R. Scott. Birmingham: Centre for Byzantine studies, University of Birmingham, 1981. P. 74-93.
- Mullet M.* Rhetoric, theory and the imperative performance in Byzantium and now // Rhetoric in Byzantium: Papers from the thirty-fifth spring symposium of Byzantine studies, Exeter College (University of Oxford, March 2001). Oxford: Oxford university press, 2003. P. 151-170.
- Nicol D.* The Despotate of Epiros. Oxford: Oxford university press, 1957. 220 p.
- Oudaltsova Z. M.* Forces centrifuges et centripètes dans la monde Byzantines // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. 1: Histoire. Athènes: K. Michalás, 1976. P. 37-58.
- Παπαδόπουλο Ε.* Περί της ηλικίας και του γηράτος από τη γραμματεία του ενδεκάτου και δωδεκάτου αιώνα // Συμμείκτα. 2008. Τ. 17. Σ. 131-198.
- Παπαδόπουλο-Κεραμεως Α. Ι.* Noctes petropolitanae. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1913. 302 с.
- Prinzing G.* Das byzantinische Kaisertum im Umbruch: zwischen Regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204–1282 // Legitimation und Funktion des Herrschers. Stuttgart: Steiner, 1992. S. 146-182.
- Oxford dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan, A.-M. Tallbot. Oxford: Oxford university press, 1991. Vol. 1. P. 1-729; Vol. 3. P. 1475-2233.
- The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford: Oxford university press, 2008.
- Stiernon L.* Les origines du despotat d'Épire // Revue des Études byzantines. 1959. T. 17. P. 90-126.
- Sykutris J.* Epistolographie // Paulys Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart: J. B. Metzler, 1930. Supplbd. 5. S. 185-220.
- Tinnefeld F.* Zum Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // Πολύπλευρος Νοῦς. Miscellanea für P. Schreiner zu seinem 60 Geburtstag / Hgb. C. Schulz, G. Markos. Leipzig: K. G. Saur, 2000.
- Τομαδάκη Ν. Β.* Οἱ λόγιοι τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου // Ἐπετερις τῆς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1957. Τ. 27. Σ. 3-63.
- Wellnhofer M.* Iohannes Apokaukos, Metropolit in Aetolien. Freising: Dr. F. P. Datterer & Cie, 1913. 19 s.

Денисов Сергей Александрович, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук; Densera@yandex.ru.

СВИДЕТЕЛЬСТВА КРИЗИСА И ЖАЖДА СПАСЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННАЯ РОСКОШЬ, СВЯТАЯ БЕДНОСТЬ, ИСКУПИТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ*

Понятие «кризиса эпохи» подразумевает анализ особых моделей поведения, моральных и религиозных требований, которыми эпоха маркируется не меньше, чем войнами или сменой династий, восстаниями или неурожайными годами, эпидемиями и климатическими аномалиями. Поскольку современники не располагают статистикой, доступной историку, не оперируют экономическими и демографическими показателями, то и опора на «данные» в до-индустриальном историческом сообществе уступает возможностям использования опорных стереотипов или входящих в моду идей и манер поведения.

Ключевые слова: *цивitas, история права, история церкви, религиозный менталитет, кризис, переходные эпохи, историческая память, роскошь, юбилей.*

Зададимся, прежде всего, вопросом: что такое кризис и что есть свидетельство о нем? Термин «кризис» – недостаточно четкий и однозначный, он позволяет несколько интерпретаций, что не удивительно, поскольку передаваемое понятие является весьма сложным; в некоторых трактовках даже создается образ, не просто пересекающийся, но почти совпадающий с историографическим образом социальной революции¹.

Принципиально важно, позиционирует ли исследователь кризис как нечто пиковое и моментальное, или же протяженное явление со своей предысторией и перспективой развития. Период Треченто в историографии итальянской истории традиционно фигурирует как время кризисов и перемен – революционных изменений² и религиозных исканий³,

* Исследование выполнено по проекту «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

¹ Среди многочисленных симпозиумов и конференций, посвященных теме кризиса Треченто, отметим научный форум, проходивший в Италии, но, выстраивавший общеевропейский контекст эпохи: кризисов и мятежей, революционных изменений потрясавших Европу после 1300 и на протяжении всего века: *Rivolte urbane e rivolte contadine nell'Europa del Trecento: un confronto* (Firenze, 30 marzo-1 aprile 2006). В резюме этой конференции было отмечено, что сам термин революция был как бы вновь введен в историографический дискурс после некоторой цезуры.

² Не рискуя употреблять фигурирующий в европейской историографии, но излишне политизированный в России термин «революции», применительно к кризис-

переустройства городского самоуправления и перестройки сеньориальной системы, оставивших разнообразные следы в документах эпохи и долгой исторической памяти. Общепринято и более узкое определение – «кризис Треченто», но даже в этом случае термин, относящийся к XIV веку, подразумевает, по большей части, его вторую половину, прошедшую под знаком Черной смерти – эпидемий чумы, троекратно случившихся именно в этот период и вызвавших глубокие перемены в развитии общества на фоне демографического коллапса⁴.

Для XIII в., и даже для большей части печально знаменитого периода Треченто, неоднократно можно говорить не о кризисах как моментах упадка, но именно о структурных перестройках общества (в том числе на пике процветания и обогащения социума). Отметим также, что в случае отлично документированной жизни позднего средневековья в Италии у историков имеется возможность судить о сдвигах в общественном сознании в соответствующие периоды, о трансформации социальных ролей и смене представлений и клише поведения – от религиозного до экономического характера.

Мне представляется более интересным и удачным в плане дальнейшей исследовательской стратегии то представление о кризисе, которое акцентирует внимание не на моменте упадка и утраты импульсов развития, но позволяет не упускать из виду, как распространяющееся в социуме предвосхищение, предощущение негативных или просто новационных отрезков общественного развития, так и дальнейшие перспективы, раскрывающиеся через кризисы. Такое историческое понятие кризиса эпохи подразумевает анализ особых моделей поведения, моральных и религиозных требований, которыми маркируется эпоха ничуть не хуже, чем войнами или сменой династий, восстаниями или неурожайными годами, эпидемиями и климатическими аномалиями.

В подобной широкой трактовке восприятие кризиса ближе к представлению о революции, но в не социальном, а в религиозном дискурсе (*revolutio* как воскресение), и в этом смысле учреждение христианских

ным периодам, ограничимся ссылкой на интереснейшую содержательную монографию, разбирающую практически все оттенки смысла, мобилизуемые историками и социологами Европы и Северной Америки в связи с использованием термина «революция» при анализе социальной истории в моменты резких перемен: *Kotowski C. M. Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis*, Beverly Hills, 1984.

³ *Branca*. 1939. P. 198-212; *Sapegno*. 1963; *Getto*. 1967; *Petrocchi*. 1957; *Tartaro*. 1972. P. 433-515.

⁴ *Morire di peste...tiche e interpretazioni moderne della "peste nera" del 1348* / A cura di O. Capitani, Bologna 1995; *Simoneschi*. 1889.

юбилеев – нововведение, которым открывается период Треченто, – можно отнести и к революционным изменениям, и к кризисным моментам истории. Более того, смело можно предположить, что, поскольку современники не располагают статистикой, доступной историку, не оперируют рядом экономических и демографических показателей, то и опора на «данные» в до-индустриальном историческом сообществе уступает возможностям использования опорных стереотипов или входящих в моду идей и манер поведения.

Такие модусы поведения не всегда являются прямолинейным отражением экономической ситуации и не обязательно рациональны по своей природе. И, даже когда мы имеем дело с резко драматическими моментами истории, такими как «черная смерть» Треченто, реакции отдельных больших сообществ и малых социумов явно не так буквально повторяют кризисные сценарии, предписанные им постфактум историками, а компенсаторные механизмы упреждают и даже снимают чисто пессимистические настроения, меняя их на более амбивалентные дискурсы, которые, вероятно, несли не только известные нам литературные герои Декамерона, но безвестные современники катастрофы.

При изучении причудливых отражений исторических социальных трансформаций в коллективной исторической памяти, вполне применимы, (в данный момент ставшие общепринятыми в академическом сообществе, если не классическими) теории П. Бурдьё о непрямом характере взаимоотношений социального поля с другими полями. И, тем более, не вызывает сомнений, что логика средневекового рефлексирования не может совершенно адекватно восприниматься современным сознанием.

Слово «свидетельство» – само по себе – также вызывает противоречивые ассоциации. У сторонников позитивизма и истории «как это было на самом деле» есть иллюзия объективности свидетельства. Свидетельство в такой интерпретации – это то, что отражает суть дела, причем ценность свидетельства – в том, насколько оно объективно. Таким образом, круг замыкается.

Но есть и иная точка зрения: свидетельство есть субъективное отражение, максимально субъективное, и ценное именно своей специфичностью. Наиболее последовательно и филигранно этот тезис был представлен известным медиевистом Ж. Дюби почти четыре десятилетия назад в такой краткой форме: «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями»⁵.

⁵ *Duby*. 1974. P. 148.

Соответственно, историку не просто следует, а единственно возможно изучать именно формирующие и формируемые «опорные образы», не важно, будут ли это исторически изменчивые представления, сиюминутно принятые как объективная истина в том или ином социуме, или же традиционные стереотипы, достаточно долго принимаемые на веру сменяющимися поколениями. Не стоит говорить, что это отказ от поиска некой «объективной истины» и приближения к ней, это – всего лишь отказ от ложного противопоставления, придуманного не так давно, но прочно вошедшего в лексикон историка. Тому, кто мыслит не предвзято, трудно не согласиться с тем, что «все эти оппозиции между макро- и микро-, объективностью и субъективностью или, как в сегодняшней исторической науке, между экономическим и политическим анализом и т.д. — это искусственные противопоставления, не выдерживающие и трех секунд теоретического рассмотрения»⁶.

Те примеры, которыми мы собираемся заняться, как раз и показывают, насколько причудливо и неразрывно связаны людские «представления» и экономически и политически значимые деяния, напомнить о том, что, по крайней мере, для членов средневекового социума, индивидуальные поступки и массовые предприятия являются такой же реальностью, как и попечение о вечном спасении или цена прегрешений, в которые вводит сиюминутная мода. При этом анализировать представления, распознавать образы – значит не только и не столько исследовать литературные клише и метафоры, произведения изобразительного искусства, те или иные авторские высказывания, но и изучать коллективные высказывания, своеобразное кредо малого социума. От имени социума (через набор понятных этому сообществу клише) могли транслироваться отдельными лицами или группой лиц, облеченных общественным доверием, стереотипы недолжного или наоборот, благочестивого поведения, нормативные способы демонстрации роскоши, привилегий, достоинства и знатности, подобным же образом формулировались клише восприятия обязанностей, верности, должного и недолжного способа трат, индивидуального спасения и общего блага.

Важным источником для исследования, естественно, являются образы, которые запечатлели создатели популярных сочинений религиозного содержания, творцы образцовых проповедей⁷. Однако это далеко не един-

⁶ Бурдые, Шартье. 2003.

⁷ Относительно религиозных авторов и идей Треченто библиографический лист, который можно представить, обширен настолько, что обычно указывается не только литература общего характера (*Levasti*. 1960; *De Luca*. 1954; *Croce*. 1933. P. 163-187; *Branca*. 1939. P. 198-212; *Sapegno*. 1952. P. 499-570; *Sapegno*. 1963; *Getto*.

ственный «след», оставленный нам «историей» или, точнее говоря, мифологией социальных кризисов и трансформаций. Для исследователя открываются возможности рассмотреть, как средство ретрансляции традиционных или новоизобретенных клише относительно кризисного состояния общества и поисков путей спасения – проповеди и публичные ритуалы покаяния, о которых мы имеем представления по ряду зафиксированных письменно образцов, votivные изображения, надгробия и места захоронения при церквях, отмеченные фресковой живописью, на которой обычно представлен покойный со святыми покровителями и свидетельствами своих добрых дел, правовое письменное изложение последней воли и обоснования дарений в пользу церкви, точнее – в пользу той или иной конкретной церкви, прихода, религиозного братства.

Особо следует пояснить, что огромную роль в этом ряду играют (бесспорно относящиеся к числу значимых стереотипов) общепринятые нормы права. Ценные материалы и примеры могут дать исследователю как статуты сельской или городской общины, консортерии, религиозного братства, так и хроники и даже образцы эпистолярного жанра, нотариальные акты и судебные казусы, связанные с нормативным восприятием привилегий и обязанностей, роскоши, достоинства и знатности. Правовые формулы – это яркие представления, свойственные менталитету средневекового человека, жившего в итальянских землях в XIII в., в период Треченто, своеобразные стереотипы и общеизвестные нормы, в то же время, вызывающие вопросы и интерпретации (см. например, публикации Манлио Белломо⁸ или глобальный Интернет-проект Iuga Communia (il sito del diritto comune). Но также историку следует уделить внимание и совсем другими стереотипам, не менее, а может быть более остро и реально воспринимавшиеся современниками периода Треченто: прежде всего, вопросами загробной участи и путей спасения, достигаемых через свершения социальных и имущественных актов, способствующих избавлению от грехов. Естественно, что и вопрос о социокультурных трансформациях, кризисах в развитии общины связан с изменениями представлений о должной и недолжной роскоши, что особое внимание к проблеме демонстрации богатства или изменение отношения к роскоши и нарочитым тратам может послужить маркером кризиса и явиться спутником переломных моментов в истории общины (причем, наиболее документированным явление борьбы с роскошью

1967; *Petrocchi*. 1957; *Petrocchi*. 1965. P. 637-682; *Tartaro*. 1972), но и многочисленные списки значимых публикаций по отдельным персоналиям.

⁸ *Bellomo*. 2000; *Bellomo*. 1997.

оказалось в Италии); это социально-правовое наследие борьбы с роскошью сохранялось на итальянской земле от Античности к Ренессансу и Новому времени, но видимо, каждый раз актуализировалось с новыми оттенками значения⁹. Вместе и одновременно с вопросами, которые вызывают недолжные траты на суету, проблемы «добродетельных трат» приобретают особую остроту и оживленно дискутируются всеми: и мирянами, и клириками, и купцами, и нищенствующими.

Названные выше темы: во-первых, история борьбы общины (цивитас) с роскошью и история демонстрации статусных различий; затем – вопросы завещаний мирян в пользу церкви, конкретно – пожертвований в пользу новых религиозных нищенствующих братств и на различные виды благотворительности денежных средств, движимости и недвижимости; и наконец, проблема возникновения традиции христианских юбилеев и их социальных последствий для Рима, Италии и христианского мира в целом – представляются магистральными и ключевыми для исследования социальной жизни итальянских земель.

Все эти тематические блоки исследовались мной по отдельности. Но поскольку данные феномены актуализируются в близких хронологических рамках, возникла идея объединить эти темы исследовательскими ходами, связанными между собой и образующими систему изучения стереотипов демонстрации и использования богатства, восприятия бедности и ее ре-актуализации, идеи богоугодности нищеты, а также роли богатств и материальных благ в жизни церкви на рубеже Треченто. Так, например, сюжет отношения к роскоши в городской общине важен сам по себе, и в схоластических целях может и должен быть обособлен и прослежен в многовековом развитии цивитас Италии. Но, в то же время, специфическое отношение к роскоши, выработанное латинским христианским миром, требует прояснения взаимосвязей, казалось бы, антагонистических идей и компонентов культуры, а именно, оппозиций: община светская – община церковная, легальность демонстрации статусных различий – и проповедь самоограничения, а также смирения и почитания бедности. Мы постараемся совместить в одном исследовательском поле зрения темы: 1) истории роскоши, демонстрация которой имела иногда чисто символический и статусный характер, а не показывала жажду присвоения как таковую; 2) проповеди святой бедности и идеалов нищенствования (подчас обраставших огромным грузом имущественных про-

⁹ Paoli. 1980. P. 90-96; Eisenbart. 1962; Bulst. 1992. P. 29-57; Le discours du costume... 1995. P. 165-17; Muzzarelli. 1996 (особенно глава под названием «Tre secoli della normative suntuaria bolognese»); Zanella. 1994. P. 49-135.

блем) и вытекающие отсюда проблемы роли благочестивых траг и пожертвований; 3) формирование в народном сознании идеи «искупления юбилейного года»: потребность в ментальной модели «общедоступного» спасения, приобретаемого также и ценой жертвований материальных средств и издержек дальнего паломничества; историческая память о юбилеях, требования повторения юбилеев, и их последствия.

Все вопросы могут быть связаны рядом исследовательских перспектив, поэтому очередность их рассмотрения не может быть совершенно жесткой. Первым блоком вопросов как будто бы правильнее будет рассмотреть именно вопрос о запретах на роскошь, поскольку идея борьбы гражданской общины с роскошью является наиболее протяженной в истории. С другой стороны, античные идеалы борьбы с роскошью в среде ее членов актуализируются в определенные исторические моменты. Если же мы обратимся к вопросам инвестиций во спасение души, призывам и проповедям нового идеала благочестия, и, наконец, рассмотрим, проблему возникновения христианских юбилеев-отпущений, то и здесь, безусловно, существует глубокий культурный слой, который выходит на поверхность однократно или многократно, но не постоянно, часто скрыт от наших глаз и суждений. И именно в таких разломах исторической почвы, при трансформационных сдвигах и на пике кризиса или в его преддверии, на первый взгляд, далекие друг от друга явления можно увидеть как взаимопроникающие, связанные.

При этом надо отметить, что базовое понимание глубинной роли представлений, руководящих людьми, ни сколько не отрицает того, что адепты этого научного взгляда, не в меньшей, а может быть и в большей степени, чем марксисты, должны изучать систему социальных казусов и практик, связанных с религиозными представлениями или чаяниями и идеалами, анализировать двойственность природы этих идеалов и амбивалентность социальных последствий духовных поисков, исследовать особенности возникновения стереотипов поведения, имеющих прототипы, но далеко не всегда этот прототипы напоминающих.

Так, великодушный и изначально совершенно иррациональный жест молодого Св. Франциска из Ассизи, буквально разорившего богатство рачительного отца, стал рациональной и даже – благодаря распространению учения миноритов – ритуализированной стереотипной стратегией, закрепленной в особых институтах¹⁰. Но, конечно, более

¹⁰ См важнейшую литературу по истории францисканства: *Manzoni*. 1888; *Garavani*. 1904, 1905; *Garavani*. 1905; *Facchinetti*. 1918; *Bughetti*. 1926. P. 321-333; *Marconi*. 1926. Pp. 355-366; *Terracini*. 1930; *Tosi*. 1938; *Pellegrini*. 1952). P. 1-27.

озабоченными небесным благом (приобретаемым за материальные средства) обычно были не юнцы, а люди почтенного возраста – те, кто заранее стремился облегчить свою душу в виду скорого перехода в загробный мир, не просто дарители *inter vivos*, но завещатели на пороге смерти или родственники покойных, желавших отметить себя благими пожертвованиями. Вовсе не обязательно бунтари, бросающие вызов почтенному образу жизни и богатству отцов, являются проводниками религиозных исканий, но и подобные отцу молодого Франциска почтенные обыватели, зажиточные люди, бывают вполне в состоянии создать собственный религиозный идеал и вполне материальный пьедестал для него! Процесс же перетекания благ мирских в чаяния загробного блаженства, который эти почтенные отцы семейств инициировали рядом пожертвований и дарений, материальной поддержкой избранных конгрегаций, культов, монастырей и капелл, предполагаемых мест последнего упокоения, можно назвать, согласно меткому выражению одного из современных исследователей Микеле Баччи, «инвестициями в потустороннее» (*investimenti per l'aldilà*)¹¹.

Эти благочестивые инвестиции на пороге Треченто становятся почти так же значимы, как и знаменитые постройки пирамид и интерес к загробной жизни в Древнем Египте, однако, имеют иную побудительную причину и иную цель: перемену неотвратимой участи, а не посмертного комфорта и почета, предназначенного почившему. То, что являлось в древнем мире побудителем предварительной заботы живущего о собственной иной жизни, по-видимому, исключало идею посмертной помощи со стороны живущих тем, кто уже оставил сей мир. В средневековом же сознании первостепенной была идея передачи какому-то поручителю и наследнику заботы о душе завещателя и дарителя (это мог быть и формальный прокуратор, и любое светское лицо, вместе с наследством принявшее обязательство молиться за упокой души своего благодетеля и конкретная приходская или орденская церковь). В ранний период средневековья Церковь получала щедрые дары, в том числе недвижимость, за счет чего и стала крупным землевладельцем. В период позднего средневековья такой энтузиазм как будто исчерпался, по крайней мере, по отношению к традиционным институтам церкви, но только для того, чтобы смениться новой волной благочестивых пожертвований в основном в пользу новых церквей и религиозных орденов, сначала обосновавших свои центры подле стен города, а потом уже смело занявших само городское пространство.

¹¹ Bacci. 2003.

Опорой новых религиозных начинаний, в частности нищенствующих, стали отнюдь не бедняки, но преуспевающие горожане, семьи из костяка городской коммуны. Именно эти лучшие люди города: купцы, богатые ремесленники, нотариусы и судейские, своими прижизненными дарениями и завещаниями, религиозным выбором в пользу нищенствующих, а не приходского клира, связью с общинами францисканцев или доминиканцев, не прекращавшейся и со смертью благодетеля, в очередной раз революционно изменили основу взаимоотношений клира и мира, а, значит, ввели множество социальных практик и клише менталитета. Именно о многочисленных завещаниях и дарениях благочестивых горожан напоминают сохранившиеся до сих пор памятники, особенно часто создававшиеся во второй половине XIII века и Треченто.

Причудливые надгробные памятники, пояснительные надписи и изображения почившего, предстоящего в молитвенной позе перед святыми покровителями и самой и Богородицей с Христом, должны были засвидетельствовать благочестивый вклад, внесенный им при жизни в дело спасения души, а также и способствовать континуитету памяти, они призваны были обратить внимание на себя проходящих мимо ближних и дальних, заставить их сотворить соответствующую случаю молитву или, хотя бы, в кратких словах помянуть покойного – призвать небесных покровителей молиться о спасении его души. Но, естественно, не ограничиваясь этой возможностью случайного благочестивого поминовения, средневековый итальянец стремился обеспечить себе гарантированную посмертную заботу о душе.

Есть предположения о том, что и имена и даты, указанные при захоронениях в капеллах, должны были напомнить отправлявшим службы клирикам о заслугах покойного, оставившего по себе особую память в виде пожертвований на заупокойные службы и собственно о датах поминовения. Итальянец средневековой эпохи стремился не просто оставить знак живым, «чтобы помнили», а добиться памяти и заботы как законного результата в лучших правовых традициях. Завещания и прижизненные распоряжения имуществом получают в этой связи особую роль, далеко выходящую за рамки собственно экономической или правовой истории, перетекая в сферу истории ментальности, или истории религиозных институтов: например, под таким углом зрения в новом свете предстает развитие церковного прихода и новых средневековых орденов церквей, которым адресовались различные пожертвования.

Продолжением этой озабоченности инвестициями в загробный мир стало и низовое, по сути народное чаяние, и даже требования от церкви особого юбилейного года отпущения и прощения грехов, что явилось

началом далеко идущей практики индulgенций. С другой стороны, параллельно с представлениями о должном, хотя, казалось бы, совершенно иррациональном инвестировании в будущую жизнь души с приличествующей роскошью демонстрации благочестия, формировался и стереотип недолжной роскоши, хотя и та суетная роскошь была призвана в сущности к тем же целям – продемонстрировать смелость затрат, которые может на себя принять достойный горожанин или видное семейство.

Не случайно то, что борьба против роскоши включала в период Древнего Рима контроль за пышностью погребений. Мы знаем, что не у всех народов роскошь воспринималась как нечто предосудительное, но именно Рим – и античный, и ренессансный – дает такие яркие примеры осуждения роскоши обществом. В некоторых обществах против роскоши выступали религиозные авторитеты или отдельные морализаторы. И лишь в особых случаях мы можем увидеть серьезные усилия, направленные против роскоши, подрывающей основы стабильности общины, причем облеченные в форму закона, проводимого светскими властями. Разнообразные меры, направленные на обуздание роскоши в древнем Риме, получили название *leges sumptuariae*, и этот термин (или его калька *leggi suntuarie* на нарождающемся народном языке вольгаре) стал использоваться для обозначения аналогичных мер, предпринимавшихся в период средневековья с XIII в. и до Нового времени.

Эволюция сумптуарного законодательства, его отражение в исторической памяти, проблемы ре-актуализации и мифологизации данной идеи, заслуживают внимания не столько историков права, сколько исследователей интеллектуальной истории, а также и современных исследователей социального устройства и общественных институтов. При всей, казалось бы, очевидности и наглядности бытовых представлений о роскоши, которые так или иначе имеет всякий обыватель, вопрос о том, какие проблемы таит в себе историческое понятие роскошь (*sumptus*) не так прост, особенно, если рассматривать эволюцию его восприятия в большой длительности, применительно к периоду от античности до Ренессанса. К трагам, которые непосредственно соприкасались с понятием *sumptus*, еще в античности относили издержки на погребение, строительство богато отделанных зданий, судебные расходы, пиры и отдельные виды лакомств, одежды, отдельные элементы платья, украшения и благовония. Но этот перечислительный подход к описанию истории *sumptus* совершенно не достаточен, так как основную смысловую нагрузку несут изменения в представлениях о роскошном, смена парадигм восприятия, которую надо изучать казуально, но и компаративно. Здесь же достаточно отметить, что именно в период Треченто усилились ак-

центы статусно обоснованной демонстрации важности семейных драгоценностей и пышных новомодных одеяний, обострилось восприятие должной и недолжной роскоши. Однако, в целом, можно сказать, что представления о роскоши бывают в отдельные периоды истории настолько переменчивы и трудно объяснимы для тех, кто не был приобщен к этим представлениям с детства, что историку требуется рассматривать каждый из случаев злоупотребления, излишних трат и демонстрации того, что в данный момент входит в понятие роскоши в том или ином своеобразном историческом контексте.

Вслед за Тацитом, законотворцам, предпринимавшим попытки обуздать роскошь, как и кабинетным ученым нашего времени, изучающим историю роскоши и борьбы с ней, оставалось лишь вопрошать: «Что запретить или ограничить, возвращаясь к прежним обычаям? Огромные размеры загородных поместий? Число рабов и их принадлежность к множеству различных племен? Вес золотой и серебряной утвари? Чудеса, созданные в бронзе и картинах? Одинаковые одеяния мужчин и женщин или пристрастия одних только женщин?» (Тас. Ann. III. 53).

Приведенный пассаж сочинения популярного античного автора наводит на ряд соображений. Во-первых, показательно, что изначально, с римской античности запреты роскоши и попытки ее ограничивать риторически мотивировались моралистами как возможность возврата к золотому прошлому общины, к праведной жизни без излишеств. Этот мотив, как призыв к изначальной простоте и гармонии, может использоваться в различных исторических переходных ситуациях, переживаемых цивилизацией. Точно так, как невозможно без множества поправок говорить об античном законодательстве борьбы с роскошью, так и совершенно невозможно игнорировать параллелей между античной риторикой и отдельными моментами борьбы с роскошью и пред-Ренессансом, периодом возрождения античности, когда и эти идеи возможности контроля общины за излишними тратами ее членов возрождаются.

Кроме того, возникает вопрос о связи идей моралистов и законодателей эпохи, будь то христианская или до-христианская мораль, при традиционной особой озабоченности ревнителей нравственности всех эпох поведением и пристрастиями женщин. Особый блок вопросов соответственно связан с успешно развивающимися исследованиями мотивов регламентации в гендерной перспективе. Но также, говоря о христианском средневековье нельзя вынести за рамки вопросы истории церкви, приходов, религиозных братств, особенностей проповеди и исповеди, и даже юридического менталитета церковных деятелей средневековой Италии.

Если основную сюжетную линию составляет изучение мер и законов, принимаемых общиной в целях борьбы против роскоши, то нельзя упустить того, что община – это еще и церковный мир, ценности которого не являются вечными, но подвержены особым колебаниям религиозности, даже определенным ослеплениям вспышками религиозности – проще говоря, моде на тип религиозного поведения и способы его демонстрации. В Италии, в отличие от многих других исторических областей христианского Запада, особую юридическую форму получали и эти вопросы религиозной морали. Если взять центральные области Италии – Тоскану и Папскую область, то станет очевидно, что проповедь идеала нищеты и смирения, предложенного новыми нищенствующими братствами, здесь прямо оказывала влияние на законодательство.

Список приобретений и трат, почитавшихся показательными для роскошного образа жизни в разные периоды истории и в разных областях, можно составить, используя как материалы нарративов, так и источники визуальной информации, что и делает ряд современных исследователей¹². Каждый из объектов, призванных к демонстрации роскоши, может составить сюжет исследования, интересный как историкам костюма и искусствововедам, либо археологам, так и историкам права, изучающим документы, связанные с погребениями или завещаниями и т.д. Такую пеструю картину и представляет собой историография темы роскоши и борьбы с излишествами среди членов общины, как рядовых, так и принадлежащих к элите. Но сюжеты истории историографии обычно разнесены на отдельные полки, и даже явно пересекающиеся линии рассматриваются изолированно. Если же принять во внимание сложную систему взаимодействия социальных полей, то развитие законов против роскоши, включенное в развитие *цивитас*, служит особым маркером динамики социальных процессов. Особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период, в различных социумах – становятся понятными при рассмотрении темы роскоши и отношения закона к проявлениям роскоши со стороны отдельных представителей общины. Что касается особенностей борьбы против роскоши *цивитас* средневековья, то основным отличием от положения дел в древнеримского государства как будто бы должно было являться отсутствие постоянного вмешательства (и поддержки) центральной власти в дела и траты общины. Естественно меняются некие мелкие объекты просто в связи с изменением костюма и моды (пуговицы, застежки) или в связи с особенностями социальной стратификации в

¹² См., напр., *Dalby*. 2000; *Muzzarelli*. 1996.

средневековые послабления получают другие группы: например, медики и судьи в средневековье пользуются особым статусом, как всадники или сенаторы в Риме. Иное сочетание светского и сакрального в средневековье диктует некоторые особенности (в землях Церкви). В таком университетском центре (прежде всего, центре изучения права) как Болонья исключения делались не только для жен рыцарей, но и докторов наук: по статутам Болоньи, которые составлялись нотариями, принадлежавшими к тому самому слою, который получал привилегии (1389 г.)¹³

Что касается динамики развития представлений о роскоши, то в целом складывается такая схема изложения исследовательских выводов: роскошь как статус – представление стабильной эпохи. Не роскошь, а нарушение статуса – это преступление, согласно менталитету такого периода. Роскошь как подрыв общественных устоев – такое представление складывается в кризис. При этом акцент с недозволенной роскоши может переноситься на вопросы исполнения должных, хоть и еще менее рациональных трат – в пользу благотворительных начинаний и на помин души, о чем заботились задолго до явной угрозы кончины.

Рассматривая ряд сюжетов, связанных с историей миноритов, успехом их проповеди в городах и основными последствиями этого проникновения францисканства в жизнь членов приходских и городских общин, исследователь и читатель «историй» примет без колебания версию о том, что идея искупительного христианского юбилея родилась в этой мирской среде, пропитанной новыми религиозными чаяниями, а не предписана с высоты папского престола.

В канун рождества под 1300 г. толпа верующих как будто бы стихийно стала требовать от понтифика особого юбилейного отпущения грехов. Папа, справившись с церковными хрониками, не нашел никакого прямого аналога в истории церкви для установления традиции юбилейных торжеств с провозглашением полного прощения грехов. Тем не менее, понтифик пошел на этот шаг и установил традицию, которая не только успешно привилась, но и не прерывается до сих пор (напротив, популярность римских юбилеев привела к тому, что их стали проводить сначала раз в 50, затем в 33 и даже 25 лет).

В феврале 1300 г. папа Бонифаций учредил институт юбилейных святых лет, когда каждый пилигрим посетивший Рим и его древнейшие христианские святыни, прежде всего базилики Свв. Апостолов Петра и Павла, получали полное отпущение грехов. Для странников, проделавших дальний путь в Рим требовалось 15-кратное посещение мест культа

¹³ *Muzzarelli*. 1996 (глава “Tre secoli della normative suntuaria bolognese”).

Петра и Павла, Богородицы (базилик Санта Мария Маджоре и Санта Мария ин Трастевере) и Св. Креста (Санта Кроче ин Джерусалеме). Примечательно, что речь шла не о причастии, получаемом на богослужениях с папским присутствием в главных храмах латинского Запада, но именно о посещении «святых мест». Для историка этот акцент не удивительно подметить в общем юбилейном дискурсе, учитывая уже описанный нами по источникам предшествующих десятилетий обостренный интерес к выстраиванию иерархии «более священных» и «менее религиозно почитаемых мест». Точно так же и вопросы, связанные с античной символикой Города, не казались отвлеченными в средневековом Риме. Наоборот, эти вопросы были насущными и ответы на то, как можно интерпретировать городскую символику, в том числе, символику античную, обсуждались весьма остро на протяжении римского средневековья с самыми практическими видами, например в связи с тем, какие районы города стоят в иерархии символических ценностей выше.

И для античного, и для средневекового сознания было характерно представление города Рима в виде льва и употребление описания формы города как *forma leonis*. Этот образ был краеугольным для развития и восприятия средневековой римской цивитас¹⁴. Есть примеры образцов средневековой картографии и нарративов, использующих этот образ¹⁵. Как можно интерпретировать символически нахождение сеньориальных или мест расположения пилигримов на карте Города? Голова или брюхо зверя – львиного образа средневекового Рима – заключает в себе родовое гнездо того или иного римского семейства? Эти вопросы приобрели особую значимость к концу средневековья и началу эпохи юбилеев. Символические репрезентации важны для любой городской общины, для городской культуры средневековья в целом. Рим – Вечный город – сам по себе был определенной моделью сакрального пространства, архетипом городской жизни и славы. Видимые свидетельства городской силы и мощи лишь отражали основные символические константы идеи Рима: этими свидетельствами являлись и прекрасные величественные общественные и частные здания, многолюдность города, размах празднеств, заказ масштабных фресковых росписей и грандиозных скульптур.

Как и в случае с выражением религиозности путем создания настенных фресковых росписей и восковых вотивных изображений в мес-

¹⁴ *Guidoni*. 1979-83. Т. V. P. 309-316.

¹⁵ Этот вопрос разбирается историками не часто, зато имеющиеся примеры анализа можно назвать блестящими. Образцовым исследованием, и по объему интерпретируемых источников, и по разнообразию сюжетов, и по содержательности изложения, на мой взгляд, является: *Jacks*. 1993. P. 54.

тах последнего упокоения заказчиков, в почитаемых центрах францисканского духа и культа, точно так же, если не в большей степени, в римской истории, в том числе и истории римских юбилеев, немалую роль играли эстетические вкусы, патронаж над искусством и активное участие заказчиков в создании художественных программ, которые являются важным свидетельством эпохи.

Любопытно, что в течение многих веков средневековой римской истории не существовало конфронтации между клиром и миром Рима, не было эстетического диссонанса между вкусовыми предпочтениями римских церковных иерархов и горожанами Рима, или, по крайней мере, церкви и элиты общины, которая и выступала обычно в качестве заказчика. Это не удивительно, если проследить историческую близость римского папства и римского нобилитета, которая, сложившись в период Поздней Античности, стала чертой средневековой жизни Рима. Поэтому своеобразному «паганизму» – через влияние античного искусства – были подвержены не только произведения, выполненные по заказу донаторов-мирян, но и лиц духовного звания. Папские троны, стоявшие в S. Maria in Cosmedin, S. Lorenzo in Lucina, S. Clemente, поражают обилием подобных языческих элементов: декором, в котором преобладали играющие путти, гербы и венки античной формы.

Папство в лице образованных представителей итальянской элиты, прежде всего римского нобилитета занимало весьма активную позицию в деле освоения античного наследия и использования римского мифа для собственного политического усиления и морального авторитета. Именно в этом смысле можно констатировать, что на переломе столетий, в 1300 г., Бонифаций, папа из рода Каэтани, рожденный в Римской округе, образованный и ученый деятель церкви, опираясь на кардиналов также римского происхождения, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния толпы пилигримов и риторику власти, прошлое и будущее Вечного города.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов, сыграла свою роль и историческая память о традиции, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием "*Carmen Saeculare*". Так или иначе, понтифик и римские кардиналы пошли навстречу пастве и решились на спорный шаг провозглашения юбилейного года. Появилась специальная папская булла, подводящая основание под нововведение *Antiquorum fida relati*, хотя в булле нет упоминания самого слова «юбилей». В названии же сочинения современника и идеолога нововведения – юбилея 1300 года – кардинала

Якопо Стефанески (что важно – отпрыска исконно римских семейств *Stefaneschi* и *Orsini*) содержатся оба ключевых слова – «юбилей» и «столе́тие»: *De Centesimo seu Jubileo anno liber*.

Роль созданного усилиями пап и римской элиты и народным сознанием, прежде всего рассказами пилигримов, образа святого вечного города и его сакрального пространства в грандиозном предприятии юбилеев не вызывает сомнений. Не менее важно показать, что и идея возможности отпущения грехов именно в этом святом месте, но в определенные назначенные моменты или на строго определенных условиях, формировалась с двух сторон – как бы «сверху» и «снизу». Однако в этой связке, думается, определяющим было все же более широкое низовое влияние, религиозные импульсы и ритм социальной жизни, проявившийся к началу Треченто.

Примечательно, что народное требование римского отпущения грехов сформировалось и нашло свое воплощение в празднования юбилея задолго до того, как словно бич Божий на Европу и, прежде всего, Италию с ее перенаселенными городскими центрами, обрушилась чума. В требовании продолжения традиций юбилейных отпущений грехов эта трагедия черной смерти сыграла свою роль, но далеко не сразу.

Точно также и ощущение конца времен, к которому необходимо было подготовиться через юбилейное прощение грехов, было сформировано предшествовавшими религиозными и мирскими общественными чаяниями, нашедшими свое отражение и в борьбе городской общины с роскошью, и в переустройстве основ ее религиозной организации вокруг новых привлекательных принципов и практик отправления культа. Мы можем проследить эти тенденции обновления форм религиозности и ее агентов в общей картине развития городской жизни Центра и севера Италии от XIII столетия к Треченто, и в частных случаях. Один из таких ярких примеров привязанности городского купеческого рода к францисканской среде можно отметить особо, поскольку начало формирования религиозного выбора семейства Тиньозини из Лукки иллюстрируется множеством документов судебного характера. Глава рода Бонаджунта Тиньозини доказывал свое право покинуть приход, к которому семья как бы автоматически относилась по факту проживания в данном квартале города, и не только посещать мессы, проповеди и исповеди братьев общины миноритов, но и избрать францисканскую церковь местом последнего упокоения – в более достопочтенном и почитаемом месте культа, поручив тем же нищенствующим братьям свершить обряд погребения и служить за его душу заупокойные мессы (на что по завещанию были ас-

сигнованы особые суммы). Добиться признания своей последней воли купец Бонаджунта смог лишь посмертно, зато этот исторический прецедент облегчил другим горожанам возможность свободы выбора церковной общины. Семья же Тиньозини своего выбора, по имеющимся у нас данным, придерживалась на протяжении нескольких поколений, и потомок Бонаджунты, живший в эпоху Треченто, также благотворил миноритам и упокоился при церкви францисканской общины.

Францисканская религиозность уже не только как идеал благочестия, а как объединяющая религиозная практика, продолжала играть огромную роль в среде горожан Треченто – купцов, нотариев, судейских, т.е. людей, казалось бы, по роду своих занятий максимально дистанцированных от всего спиритуального, тем более – от служения «святой бедности». Тем не менее, интенсивность религиозных чувств представителей этой среды – воплощения *vita attiva* – не поддается сомнению, а умение перевоплощать мирские блага в благочестивые деяния поражает своими масштабами. Не удивительно, заметим в скобках, что эти благочестивые жертвователи ожидали как вполне обоснованного и заслуженного дела и скорейшего спиритуального воздаяния – как бы методом двойной возгонки материального в духовное благо.

Мы можем приподнять завесу над миром чувств и мыслей людей, которые считались в свое время лучшими сынами города, читая произведения эпистолярного жанра, представляя себе авторов и адресатов личных писем¹⁶. Весьма интересный материал был собран под рубрикой «Религиозные писатели эпохи Треченто»¹⁷ и издан Джорджио Петрокки в 1974 г. (этот текст в электронной форме был недавно приобщен к коллекции портала Reti Medievali). В частности, обращает на себя внимание переписка нотариуса и судьи Лаппо Матеи и купца Франческо Датини из Прато. Свежий взгляд на эпоху нотариев и стряпчих, и самих этих деловых людей обретет тот, кто прочтет начало письма, составленного в самом конце Треченто в Тоскане. С первых же слов: «уже три часа пополуночи, а я, свободный и одинокий в своем кабинете, перечитываю Ваше письмо, дорогой Франческо»¹⁸ (далее следует длиннейшая благо-

¹⁶ Такой материал не просто имеется в доступности в опубликованном виде, но и может быть свободно использован любым лицом вне зависимости от принадлежности к академическому сообществу: например, через Интернет-порталы итальянских медиевистов, прежде всего Reti Medievali (как рубрика *didattica*, так и *scafali*).

¹⁷ Scrittori religiosi del Trecento...

¹⁸ Цитирую (по электронной публикации RM Fonti – Scrittori religiosi del Trecento – Testi, 11.htm/27.04.08/) письмо, составленное во Флоренции, 13.11.1395. «Francesco carissimo. In questa ora 3 di notte, libero e solo nel mio studiolo, ho

честивая преамбула) – ломаются стереотипы восприятия, представления о казенном языке и стиле жизни, которые ассоциируются, по крайней мере, в русской культуре, с традицией законников и миром писарей. Скорее, читателю переписки нотариуса и купца итальянского средневековья представляется некая божественная атмосфера, в которой живет человек, жгущий свечи бессонной глухой ночью, забывающий обо всем, и даже о времени, ради интеллектуального удовольствия и дружеских чувств. Но и это впечатление сменяется.

Когда вчитываешься в текст письма, в котором упоминаются стигматы Св. Франциска и передаются весьма эмоциональные благочестивые размышления, создается кентаврический образ предпринимателя и одновременно удачливого вершителя какой-то потусторонней тяжбы, человека весьма преуспевающего в мирских делах, но ставившего превыше всего религиозные переживания и созерцательную жизнь. Заметим, что и автор, и адресат письма относились к числу активных жертвователей и дарителей, чьими заботами процветали францисканские церкви и общины Тосканы. В особенности адресат – благочестивый купец, наживший огромное состояние дальней средиземноморской торговлей, практически все его превратил в те самые инвестиции в иной мир, чему наглядное свидетельство – дожившие до нас в целостности и сохранности стены францисканской церкви города Прато.

Несомненно, что именно таким одухотворенным мирянам нужен был юбилей и отпущение, и даже сформированная затем практика индивидуальных индульгенций. Ведь им, предпринимателям, знающим цену каждой заработанной монете, отнюдь не прожженным дельцам, казалось возможным и даже вполне благочестивым и справедливым то, что с трудом, потом и кровью заработанные средства служат небесному искуплению, при соответствующем умонастроении и покаянном чувстве: здесь происходил, на их взгляд, честный обмен материальных усилий на духовную силу разрешения от грехов, как и при всяком несении епитимии и покаяния. В любом случае, такая инициатива – гораздо более честная и цельная система, чем система инвестиций современного бизнеса, поскольку все участники процесса изначально имели сходные

riletta la vostra lettera. Benché piena di piacevolezze che spesse volte si richieggono nelle amistadi, pure il fine del pensieri vostro era et è ottimo, cioè del luogo delle Sacca, presso al vostro abitare, ecc. E prima ch'io ne dica mio parere, vi farò questo preambulo nell'amore di Cristo... che troverete tosto darà gran sole e gran lume al mondo e alla fede ch'era come spenta, e forse molto maggiore che non fè la povertà e la ubbidienza e le stimate di san Francesco. Il qual proemio o preambulo è questo: ch'io tengo che catuno vivente abbia alcuno singular dono e speciale grazia da Dio in questo mondo...”

представления, а не пытались вводить в заблуждение партнеров заведомо ложными обещаниями. К тому же такой вариант параллельной экономики гораздо менее виртуален, чем современные инициативы типа МММ, которые собственно не привносят ничего в экономическое и социальное развитие, в то время как средневековые инвестиции в загробное будущее имели весьма ощутимые последствия, в том числе и для спонсирования искусства и для развития благотворительности. Тем более бессмысленно отрицать огромную роль традиции римских христианских юбилеев в процессе превращения обнищавшего средневекового Рима в процветающую апостольскую столицу.

Это очень интересный вариант построения особой виртуальной экономики – параллельной исключительно нашему современному сознанию и представлению об экономических «реалиях», но никак не противоречившей представлениям о реальности средневекового человека, для которого не существовало разрыва светского и сакрального, а чаемое и уму непостижимое почиталось высшей реальностью.

Проблема глобального кризиса в последние годы стала для общественного сознания необычайно актуальной, настолько, что, кажется, затмила дискуссии по поводу религиозного возрождения, а обсуждения роскоши отдельных частных лиц и бедности определенных групп общества всегда являются широко востребованными. Таким образом, казалось бы, вместо «Италия средневековья» можно было подставить другие хронологические и региональные рамки и сохранить ту же постановку темы. Однако специфика итальянских городских центров играет особую роль в историческом развитии данной темы, а специфика средневековых исторических свидетельств и степень их сохранности позволяют рассматривать данные проблемы в различных контекстах и интерпретациях.

После десятилетий моды на исследования казусов, со всех сторон раздаются пожелания и даже требования обретения глобального нарратива, контекста, иногда формулируемое как обращенный к историку наказ «вписать» индивидуальное исследование в этот пресловутый общий контекст. Это требование поражает наивностью и обилием внутренних противоречий, как и стремление разделить некие базовые факты и базовые интерпретации. Контекст, как и казус, безусловно, исследовательские конструкты, а не артефакты. Поэтому, логично заключить, что никакого незыблемого центра этого конструируемого мира нет, и не может быть. Есть более или менее принятые на данный момент представления о маргинальном, магистральном и их взаимосвязи.

Попытки каждый раз сложить заново из фрагментов некий большой контекст хороши исключительно тем, что позволяют и даже застав-

ляют перетасовывать и эти представления, пересматривать обманчивые «константы». Тот единый контекст, который выстраивается из интересующих автора данной статьи исторических сюжетов, весьма обогащает восприятие каждого отдельно взятого вопроса исследования. При исследовании многосторонних «историй», пытаясь выстроить иерархию взаимосвязанных феноменов, с неизбежностью убеждаешься, что, условно говоря, пограничье «территории историка» вдруг становится центральной ее частью, доминирующей во многих проявлениях.

Отдавая себе отчет в условности и конструируемости того, что мы, историки, называем контекстом и выстраиванием большого нарратива, можно и нужно допустить и то, что казусы, совершенно как будто бы не связанных между собой, в конечном итоге, окажутся объединенными в один ряд, и это укрупнение масштабов станет наиболее перспективной общей магистральной исследовательской стратегией.

Разумеется, такое расширение территории исследования не является конечным достижением, целью и абсолютной истиной, которую нельзя было бы пересмотреть в дальнейшем, хотя бы и в сторону неких апробированных в прошлом методик исследования, показавшихся на каком-то этапе архаическими. Однако, изобретать новые контексты для старых казусов истории, не только необходимо, но и достаточно для динамичного развития дисциплины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бурдые П., Шартье Р.* Люди с историями, люди без историй // Новое литературное обозрение. 2003. № 60.
- Bacci M.* Investimenti per l'aldilà. Arte e raccomandazione dell'anima nel Medioevo. Bari: Laterza, 2003.
- Bellomo, Manlio.* I fatti e il diritto : tra le certezze e i dubbi dei giuristi medievali (secoli 13.-14.) / Manlio Bellomo. Roma: Il Cigno Galileo Galilei, c2000. Collocazione: ECC 340.55 LIB 27.
- Bellomo, Manlio.* Medioevo edito e inedito / Cura di Manlio Bellomo. Roma: Il Cigno Galileo Galilei, c1997. Collocazione: ECC 340.55 LIB 20.1-3.
- Branca V.* Note sulla letteratura religiosa del Trecento // La Nuova Italia. X. 1939.
- Bughetti V.* Alcune idee fondamentali sui f di s.F. // Archiv. Franc. Histor. XIX (1926).
- Bulst N.* Zum Problem städtischer und territorialer Kleider-, Aufwands- und Luxusgesetzgebung in Deutschland (13.-Mitte 16. Jahrhundert) // Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'Etat / Dir. A. Gouron, A. Rigaudière. Montpellier, 1992.
- Croce B.* Poesia popolare e poesia d'arte. Bari, 1933. P. 163-187.
- Dalby A.* Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World. London; New York, 2000.
- De Luca G.* Prosatori minori del Trecento. T. I. Scrittori di religion. Milano-Napoli, 1954.

- Duby G.* Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (Ed.) Faire de l'histoire. T. 1: Nouveaux problèmes. P., 1974.
- Eisenbart L. C.* Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des deutschen Bürgertums. Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1962.
- Facchinetti V.* Intorno ai F. Quaracchi, 1918.
- Garavani G.* Il Floretum di Ugolino da Monte Giorgio e i F. di s.F. // Atti e Memorie della Deputaz. di Storia patria delle Marche. I (1904), e II (1905).
- Garavani G.* La questione storica dei F. di s.F. e il loro posto nella storia dell'Ordine // Rivista storico-critica delle scienze teologiche. II (1905).
- Getto G.* Letteratura religiosa del Trecento. Firenze, 1967.
- Guidoni E.* Roma e l'urbanistica del trecento // Storia del arte italiana. Torino, 1979-83.
- Jacks Ph.* Antiquarian and the myth of Antiquity. Cambridge, 1993.
- Kotowski C. M.* Revolution in Social Science Concepts. A Systematic Analysis, Beverly Hills, 1984.
- Le discours du costume chez Gil Vicente // Nouvele Revue du Seizième Siècle. 13/2 (1995).
- Levasti A.* Mistici del Duecento e del Trecento. Milano, 1960.
- Manzoni L.* Studi sui F. di s.F. // Miscellanea francescana. III (1888).
- Marconi A.* Attorno agli autori dei F. // Studi francescani. XII (1926).
- Morire di peste: testimonianze antiche e interpretazioni moderne della "peste nera" del 1348 / A cura di O. Capitani, Bologna 1995.
- Muzzarelli M. G.* Gli inganni delle apparenze. Torino, 1996.
- Paoli U. E.* Vita romana. Usi, costumi, istituzioni, tradizioni. Cles (Trento), 1980 (1 ed. Firenze, 1962).
- Pellegrini L.* I F. del glorioso messere ecc. // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, classe Lettere, XXI (1952).
- Petrocchi G.* Ascesi e mistica trecentesca, Firenze, 1957.
- Petrocchi G.* Cultura e poesia del Trecento, in Storia della letteratura italiana / A cura di E. Cecchi e N. Sapegno. Vol. II. Milano, 1965.
- Sapegno N.* Il Trecento. Milano, 1952.
- Sapegno N.* Storia letteraria del Trecento. Milano-Napoli, 1963.
- Scrittori religiosi del Trecento//RM Fonti - Scrittori religiosi del Trecento - Testi, 11.htm.
- Simoneschi L.* Ordinamenti sontuari pisani per gli anni 1350-1368 (per nozze). Pisa, 1889.
- Tartaro A.* Scrittori devoti, in La letteratura italiana. Storia e testi / A cura di C. Muscetta. Vol. II. Bari, 1972.
- Terracini B. A.* Appunti su alcune fonti dei F. // Bollettino critico di cose francescane. III (1930).
- Tosi G.* La lingua dei F. di s.F. Messina-Milano, 1938.
- Zanella G.* Italia, Francia e Germania: una storiografia a confronto // La peste nera: dati di una realtà ed elementi di una interpretazione. Spoleto, 1994 (Atti del Convegno internazionale dell'Accademia Tudertina del 1993).

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; spesbona@mail.ru.

ПУБЛИКАЦИИ

М. С. ПЕТРОВА

ВОСПРИЯТИЕ ЛАТИНСКОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ РУССКОЙ УЧЕНОСТЬЮ В XVI ВЕКЕ

НА ПРИМЕРЕ ДМИТРИЯ ГЕРАСИМОВА И ДРУГИХ...*

Работа посвящена изучению восходящего к *Ars grammatica* Доната (IV в.) текста, известного под именем Дмитрия Герасимова (XVI в.), опубликованного И. В. Ягичем по Казанской рукописи с учетом разночтений списка Основного собрания рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Предпринимается сравнительный анализ грамматических разделов о буквах, частях речи и, специально, имени из текстов Дмитрия Герасимова и Доната; выявляется общее и особенное в их изложении; отмечается сходство в методе обучения латинскому и русскому языкам. Делается вывод о косвенном отношении текста Дмитрия Герасимова (и его переписчиков) к Донатовой *Ars grammatica* и его опосредованной зависимости от Присциана.

Ключевые слова: грамматика, текст, источник, грамматическая традиция, метод, образование, обучение, сходство, особенность.

Появление в 2002 году подготовленного Витторио Томеллери¹ критического издания так называемого перевода Дмитрия Герасимова (1465–1535/6)² «Науки грамматики» (*Ars grammatica*) Доната (IV в.)³ на

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 09–01–00063а). Мы выражаем благодарность Т. В. Гимону за сверку отдельных разделов текста со славянским оригиналом. Эта статья предваряет наш перевод релевантных разделов из *Ars Grammatica* Доната, который будет опубликован в следующем выпуске журнала.

¹ См. *Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri*. Köln – Weimar – Wien: Böhlau, 2002. 511 S. (далее: *Tomelleri* — при ссылках на изданный текст; *Tomelleri* [2002] — при ссылках на исследование).

² О жизни и деятельности Дмитрия см.: Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: АН СССР, ИРЛИ, 1988. Т. 2. Вып. 1; *Она же*. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // *Проблемы истории международных отношений*. Л., 1972. С. 248–266; или см.: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3816> (февраль, 2010); Захарьин Д. Б. О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // *Russian Linguistics* (далее — RL) 15/3 (1991) (далее — Захарьин [1991]). С. 4–7; Макарий (Веретенников). Толмач Дмитрий Герасимов // *Макарий (Веретенников)*. Святая Русь: агиография, история, иерархия. М.: Индрик, 2005 (далее — Веретенников [2005]). С. 173–192. Как указывает Д. Б. Захарьин, дата рождения Дмитрия

русский⁴ язык, сопровождаемого тщательным исследованием, как самого текста, так и исторической ситуации, сложившейся вокруг него, явилось важным событием в истории изучения отечественной грамматической мысли. Ценность этого издания состоит в том, что в его основу был положен текст неизвестной ранее рукописи конца XVI века (которую автор обнаружил в 1990-х гг. XX века в Архангельском собрании БАН [№ 476])⁵. Эта рукопись, помимо перевода Дмитрия Герасимова, местами содержит параллельный латинский текст, переданный кириллицей⁶.

реконструирована по показаниям его итальянского знакомого Павла Йовия, дипломата, писателя и автора сочинения *Libellus de legatione Basilii. Magni principis Moscoviae ad Clementum VII...* 1525 г. Йовий (в 1525 г.) пишет о своем русском коллеге как о шестидесятилетнем старце (*sexagenarius senex*), в связи с чем 1465 г. может быть годом его рождения — см. *Захарьин* (1991). С. 4, со ссылкой на исследование: *Berkov, P. N. Ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen in der vorpetrinischen Zeit // Zeitschrift für slavische Philologie* 30 [1962] (далее — *Berkov* [1962]). S. 355-361.

³ Оригинальный текст см.: *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe-IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981* (далее: *Holtz* — при ссылках на латинский текст Доната; *Holtz* [1981] — при ссылках на исследование). P. 585-674; или см.: *Donati ars grammatica / Ed. H. Keil // Grammatici Latini. Lipsiae, 1864. Vol. IV* (далее — *Keil*). P. 355-402. О времени жизни Доната см.: *Петрова М. С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем* (далее — ДсВ) 22 (2008) (далее — *Петрова* [2008]). С. 80-92. Кратко о содержании и источниках *Ars grammatica*, см.: *Петрова М. С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: "Ars minor" Доната // ДсВ* 1 (1999) (далее — *Петрова* [1999]). С. 295-305.

⁴ Здесь и далее мы употребляем этот термин, принимая во внимание сложность решения вопроса относительно того, на какой язык (церковно-славянский или русский) был выполнен перевод Дмитрием. См.: *Мечковская Н. Б. Ранние восточно-славянские грамматики / Ред А. Е. Супрун. Минск: Изд. Университетское, 1984* (далее — *Мечковская* [1984]). С. 34; *Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник (О книге D. S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus. 1983. 176 p.) // RL* 10 (1986) (далее — *Живов* [1986]). С. 91; *Захарьин* (1991). С. 1-3 (со ссылкой на *Worth D. S.* — см. *выше*). Мы полагаем, что текст Дмитрия принадлежит обеим языковым и литературным традициям.

⁵ Санкт-Петербург, Российская Академия Наук. Архангельское собрание. № 476. XVI век. Листы 8-93 (см. *Tomelleri* [2002]. S. 205).

⁶ См. *Tomelleri*. S. 219-501. Не содержат подстрочного латинского текста те места рукописи, которые, очевидно, были дописаны или Дмитрием, или его последователями. Е. г. введение (Ib. S. 219-220); фрагмент об особенностях склонения латинских слов *sacerdos*, *aquila*, *milvus*, *felix* (Ib. S. 256-259); абзацы со сведениями о склонениях латинских слов (первом — Ib. S. 260-261, втором — Ib. S. 264-265, третьем — Ib. S. 269-270, четвертом — Ib. S. 274, пятом — Ib. S. 277) et cet.

В обзорной рецензии В. А. Ромодановской (2004 г.) описано содержание исследования, показана его структура, отмечены заключения, которые получил Томеллери. Сделан вывод, что «на сегодняшний день это издание и сопровождающее его исследование является наиболее полным»⁷, и что оно, по мнению автора рецензии, «по своей значимости и удобству»⁸ со временем заменит издание И. В. Ягича⁹ (1838–1923)¹⁰.

Ни в коей мере не отвергая прочие выводы рецензента, мы полагаем, что работу В. Томеллери следует позиционировать как дополнение к изданию И. В. Ягича, основанного на тексте иной рукописи XVI века — Казанской¹¹ (с учетом разночтений списка Основного собрания рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге¹²). Текст, изданный Томеллери, не заменяет публикации Ягича. На это указывает, во-первых, то, что латинский текст, с которого был выполнен перевод Дмитрием Герасимовым, утрачен¹³. Во-вторых, то, что собственный, первоначальный (также утраченный¹⁴) вариант работы¹⁵ Дмитрия в дальнейшем претерпел

⁷ См. Ромодановская В. А. Рецензия. Новая книга о «Русском Донате» // Русский язык в научном освещении 2 [8] (2004) (далее — Ромодановская [2004]). С. 269 [268-274]. В рецензии, помимо аналитического анализа работы Томеллери, дано краткое изложение истории изучения «Русского Доната», содержащее библиографические данные.

⁸ Заметим, Томеллери сравнил текст Архангельской рукописи с восемью другими списками, среди которых и изученные И. В. Ягичем Казанский и Санкт-Петербургский (см. критический аппарат к изданию Томеллери), изложив их структурные и содержательные отличия в виде таблиц (см. Tomelleri [2002]. S. 506-511).

⁹ См. Ягич И. В. Разсуждения южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ. СПб., 1896 (далее: Ягич [1896] — при ссылке на исследование; Ягич — при указании на текст Дмитрия). С. 528-623. Или см. в сб.: Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1895–1895. С. 812-911.

¹⁰ См. Ромодановская (2004). С. 274.

¹¹ Несмотря на то, что сам Томеллери посвящает раздел своего исследования описанию Казанского списка и его сравнению с рукописью из Архангельского собрания БАН (см. Tomelleri [2002]. S. 21-60). Об изучении Казанской рукописи, а также ее описание исследователями XIX в. Артемьевым (1882 г.) и М. П. Петровским, см. Ягич (1896). С. 712.

¹² В издании Ягича: рукопись Императорской публичной библиотеки О. XVI. 2, или Санкт-Петербургский список (далее, мы употребляем последнее название); описание рукописи см. Ягич (1896). С. 694-697. Ныне рукопись хранится в Российской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга под тем же номером.

¹³ См. Мечковская (1984). С. 39; Захарьин (1991). С. 17.

¹⁴ Об этом см. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1: XIII в. — 1825 г. СПб., 1904 (далее — Булич [1904]). С. 157; Мечковская (1984). С. 39; Захарьин (1991). С. 17. Tomelleri (2002). S. 36-38; Ромодановская (2004). С. 270.

¹⁵ Этот труд Дмитрия, вероятно, состоял в замене подстрочных немецких глосс русскими, что было по силам школьнику, поскольку вся работа по осмысле-

изменения¹⁶, в связи с чем исследователи имели (и, очевидно, будут иметь) дело лишь с поздними его версиями, не свободными от купюр и добавлений¹⁷. В-третьих, то, что и Ягич, и Томеллеры приводят тексты двух разных списков, весьма сильно различающихся между собой в содержательном и языковом планах, что вынуждает рассматривать каждый из них отдельно и независимо друг от друга (впрочем, как и другие сохранившиеся¹⁸). Кроме того, в издании Ягича текст Дмитрия (названный исследователем «особым»¹⁹) дан в контексте разнообразных грамматических работ XV–XVII вв., восходящих к греческим оригиналам и обеспечивающих интеллектуальный фон²⁰, без учета которого вряд ли возможно вписать текст Дмитрия, основанный на латинских источниках, в русскую грамматическую традицию²¹; сопоставить русскую терминологию

нию и калькированию исторически формировавшейся латинской терминологии уже была осуществлена немецкими глоссаторами до Герасимова — см. *Захарьин* (1991). С. 17; *Ромодановская* (2004). С. 270. Об изданиях, с которыми, возможно, работал Дмитрий, см. *ниже*, Примеч. 28 (с. 316).

¹⁶ Эти изменения, очевидно, могли быть внесены как самим Дмитрием (такого мнения придерживается большинство исследователей), так и правщиками, и переписчиками его текста. См. также *ниже*, С. 318–320.

¹⁷ Всего выявлено 25 рукописей (XVI–XVII вв.) с различными вариантами текста Дмитрия, в число которых включены и восходящие к нему. См. *Tomelleri* (2002). S. 44–48.

¹⁸ Хороший пример дает опубликованный Ягичем текст (С. 614–619), озаглавленный «Книга глаголемаа Грамматикіа меньшаа» (=olim: рукопись 972 Румянцевского музея; ее описание см. *Ягич* [1896]. С. 708). С одной стороны, он восходит к Казанской рукописи (в пояснениях к публикации Ягич приводит весьма существенный перечень дополнений и отличий этого текста от такового из Казанского списка), с другой — зависит от трактата «О восьми частях слова» (см. также *ниже*, Примеч. 20). См. также *Булич* (1904). С. 159; *Мечковская* (1984). С. 39.

¹⁹ *Ягич* (1896). С. 524.

²⁰ В таком ракурсе важной является публикация Ягичем двух редакций текста, названного «О восьми частях слова» (см. *Ягич* [1896]. С. 40–54), сопровождаемая его же исследованием (Там же. С. 38–40 и 54–77). См. также *Мечковская* (1984). С. 35–38.

²¹ Здесь важен факт дальнейшего усвоения и рецепции латинского грамматического знания русской ученостью. Пример такого усвоения являют собой опубликованные Ягичем (С. 629–661) «Простословія», составленные в двух частях Евдокимом в конце XVI в. (=olim: рукопись Московского Чудова монастыря № 236–34, XVI в.). Первая часть — фонетико-орфографическая, восходящая к греческим источникам; вторая — морфологическая, похожая на изложение русского «Доната» (см. *Ягич* [1896]. С. 624–625; *Мечковская* [1984]. С. 39). Есть и другой список, датированный второй половиной XVII в., несколько отличающийся от «Простословий», автором которого является некий Боголеп, который, вероятно воспользовался компилятивным трудом Евдокима (если только оба они не одно лицо, носившее два имени, монашеское и светское). См. *Булич* (1904). С. 160.

гию Дмитрия и латинскую терминологию Доната, в свою очередь, восходящую к греческой.

Что касается отмечаемой отечественными исследователями «ущербности»²² Казанского списка, выражающейся в частой передаче отдельных эквивалентов латинских слов на русский язык с латинскими окончаниями (по сравнению с Архангельской рукописью, в которой, напротив, сохранены переданные кириллицей латинские написания)²³, то к ней следует отнести двояко. Действительно, с одной стороны, с точки зрения становления и функционирования русского языка, бессмысленность записи отдельных латинских слов кириллицей Казанской рукописи очевидна²⁴. С другой стороны, наличие таких «странностей» возможно рассмотреть и объяснить вне лингвистического контекста. Например, в аспекте интеллектуальной истории — а именно, восприятия и усвоения (пусть единичного и нетипичного) русской ученостью XVI века заимствованного из Западной Европы грамматического знания.

Первоочередная задача нашего исследования заключается в детальном сравнении «Доната»²⁵ Дмитрия Герасимова²⁶, изданного И. В. Ягичем, с оригинальным Донатовым текстом, известным под титулом *Ars grammatica*²⁷. При этом мы отдаем себе отчет в том, что, во-первых,

²² См. Ромодановская (2004). С. 272.

²³ Сравнительный пример см. Ромодановская (2002). С. 272.

²⁴ Возникновение таких нелепостей можно отчасти объяснить тем, что переписчик мог включить интерлинейные глоссы в копируемый текст, заменяя ими первоначальный вариант написания той или иной лексемы, или, напротив, присоединяя их к исходному варианту — см. [Дмитрий Герасимов]. «Донат». Предисловие // Ягич. С. 530 и 531-532; Tomelleri (2002). S. 133-135. Еще одно объяснение может быть таким: текст мог копироваться под диктовку, и переписчик, плохо зная латинский язык (или не зная его вовсе), передавал в кириллическом написании то, что слышал от диктующего. Такой метод переписывания текстов был весьма широко распространен на территории Западной Европы, в частности, при копировании сочинений Дионисия Ареопагита. Об этом см. *Études Dionysiennes*. Hilduin, Traducteur de Denys / Par le P. G. Théry. T. I-II. Paris, 1932, 1937.

²⁵ Напомним, в средневековой Европе «Донатом» назывались многие и разные по содержанию учебники латинской грамматики (подробнее см. Петрова [1999]. С. 298-299), в связи с чем титул «Донат» Казанской рукописи вполне традиционен.

²⁶ Поскольку авторство Дмитрия указано в Казанском списке, мы традиционно употребляем это имя применительно к рассматриваемому нами тексту, осознавая условность такого употребления и обращаем на это внимание читателя — е. г.: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект-Пресс, 2002; 1-е изд. — München, 1987 (далее — Успенский [³2002]). С. 226, 232, 248.

²⁷ О титулах *Ars minor* и *Ars maior* применительно к *Ars grammatica* Доната, см. Петрова (2008). С. 80-81. Примеч. 2. Далее мы, следуя традиции, называем *Ars minor* («Малой грамматикой») первую часть работы Доната, построенную в виде

Дмитрий, работая с «Донатом», пользовался какими-то ранними латинско-немецкими изданиями (так называемыми интерлинеарами), которые представляли собой компиляции на основе оригинального сочинения Доната. Латинский текст (содержащий парадигмы склонений и спряжений) сопровождался в таких интерлинеарах немецкими параллелями²⁸. Во-вторых, мы принимаем во внимание тот факт, что текст Казанской рукописи содержит в себе ряд разных слоев. — Здесь мы имеем в виду то, что с момента своего появления *Ars grammatica* Доната существовала не только в оригинальном виде. Этот текст, в зависимости от конкретных обстоятельств и образовательных нужд²⁹, переписывался, перерабатывался³⁰ и дополнялся³¹. Как правило, такого рода версии сохраняли название «Донат», несмотря на то, что представляли собой лишь выборки из Донатовой *Ars grammatica* и весьма отличались от оригинала. Получившиеся компиляции в свою очередь претерпевали изменения. В них вносились добавления (не обязательно из текста Доната, но и из других авторов), делались купюры, включались маргинальные и интерлинейные глоссы, как правило, на латинском языке, а со временем и на новоевропейских (например, на немецком³²). Одна из таких версий (традиционно названная «Донатом») и оказалась в руках Дмитрия Герасимова³³, выполнившего ее перевод³⁴. В свою очередь, текст Дмитрия также претерпел изменения,

вопросов и ответов; *Ars maior* («Большой грамматикой») — вторую, описательную часть, более насыщенную по содержанию, по сравнению с первой.

²⁸ На основании сопоставления обнаруженной им интерлинейной рукописи с реконструкцией латинского текста, выполненной П. Швенке (см. *Schwenke, P. Die Donat- und Kalendartypen. Mainz, 1903*), а также на основании включения в состав русского «Доната» трактата «Правила или уставы грамматичные меньшие (*Regulae congruitatum. Constructiones, Regimina ad patrem cum exemplis*)» (см. *Ягич* [1896]. С. 594-601), Томеллери (см. *Tomelleri* [2002]. S. 66-92) пришел к выводу, что Дмитрий мог пользоваться неким изданием Доната 1490 г. либо 1514 г. Однако ни одно из них по времени не могло быть использовано в период обучения Дмитрия — об этом см. *Ромодановская* (2004). С. 271. Описание изданий см. на сайте Mainzer Inkunabel Datenbank, по адресу: http://www.gutenberg-bibliothek.de/datenbanken/staub/resulta.php?index_volltext=95 (март, 2010).

²⁹ Здесь следует упомянуть и комментарии на *Ars grammatica*, как ранние (V–VI вв.), напр., Сервия, Сергия, Кледония, Помпея, так и более поздние, напр., Ремигия (IX–X вв.). Однако такие тексты следует рассматривать как самостоятельные произведения (об этом см. *Петрова* [1999]. С. 298. Примеч. 11).

³⁰ В пример можно привести грамматику Аспера. См. *Holtz* (1981). P. 272-283. Кратко о ней на русском языке см. *Петрова* (1999). С. 302-303.

³¹ См. *Chase W. J. [Preface] // Ars minor of Donatus. Madison: University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History, 1926. P. 4-24.*

³² См. *Захарьин* (1991). С. 7-8.

³³ См. *Булич* (1904). С. 157.

³⁴ Согласно Дмитрию, он выполнил перевод (ныне утрачен) для себя во время

уже в русской грамматической традиции — далее такой текст мы будем называть русским «Донатом».

Таким образом, в тексте Казанской рукописи четко выделяются, как минимум, четыре последовательных слоя. *Первый* из них — оригинальный латинский текст, известный под именем Доната (*Ars grammatica*). *Второй* — измененный по сравнению с оригиналом латинский текст, представляющий собой переработку, содержащую в себе: а) внесенные неизвестными переписчиками латинские добавления из сочинений других латинских грамматистов (например, Присциана³⁵ и Александра³⁶); б) глоссы, вписывавшиеся сначала на латинском, а позднее, на новоевропейских языках³⁷; в) купюры. *Третий слой* — выполненный Дмитрием перевод находившейся в его руках такой переработки на русский язык. *Четвертый* — текст, созданный на основе русского перевода Дмитрия, претерпевший исправления, содержащий различные добавления, пояснения и купюры.

Но вернемся к поставленной задаче детального сравнения русского «Доната» и Донатовой *Ars grammatica*. Решая ее, мы намерены:

- — показать не только содержательные и текстуальные сходства (если таковые имеются) между Донатовой *Ars grammatica* и русским «Донатом», но и отличия между ними, иллюстрируя наши выводы либо переводом соответствующих фрагментов из текста Доната на русский язык, либо отсылками к изданию, в котором такой перевод опубликован;

- — понять, в каком виде опосредованное, в том числе через Дмитрия и его последователей, латинское грамматическое знание оказалось воспринятым и, как представляется, востребованным в образовательной сфере России в XVI веке;

- — определить, насколько дошедший до нашего времени текст Казанской рукописи соотносится с оригинальной Донатовой работой;

- — выявить метод работы Дмитрия над текстом Доната.

При сопоставлении терминологии Доната и терминологии Дмитрия, мы намеренно сохраняем последнюю (транслитерируя ее). В настоящей публикации мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких разделов русского «Доната», а именно, разделов о буквах, частях речи и, специально, имени, а также примерами имен.

обучения в училище немецкому и латинскому языкам (см. *ниже*, С. 320).

³⁵ Имя Присциана упомянуто в разделе, посвященном анализу фраз и выражений (*Ягич*. С. 602-603).

³⁶ См. также *ниже*, Примеч. 55 (с. 321) и Примеч. 206 (с. 360).

³⁷ О средневековой немецкой традиции и ее влиянии на русскую грамматику, см. *Захарьин* (1991). С. 7-17.

* * *

Прежде, чем приступить к решению поставленных задач, следует кратко изложить выводы И. В. Ягича в отношении текста Дмитрия (см. Предисловие к выпущенному им изданию), дополнив их заключениями, полученными другими исследователями. Так, Ягич (1) отметил, что работа Дмитрия не дошла до нас в исходном виде и сохранилась лишь в позднейших рукописных переработках³⁸. В доказательство он привел свидетельство из «Послесловия» Казанской рукописи, которое было составлено неизвестным переписчиком в 1562 или 1563 году³⁹:

«До здѣ совершился конецъ
книги глѣмыа Донатѣ съ еже именуется начало граматикѣ, преведена же
бысть из латинскаго языка на рускѣи Димитріемъ Толмачемъ немецкаго
языка. И такоже онъ самъ писанъ есть в предисловіи силъ книги сего, аз же
послѣди его переводѣ S. T. списахъ сию книжкѣ единѣи русскимъ языкомъ,
без латинскаго, да бы прочитающимъ ю и оучащѣмъ въ неп болѣе раз-
умно было. В лѣтѣ 7041 М начала миръ мѣся июля в 7 днѣ».

На основании этих слов Ягич сделал правомерное заключение, что безымянный переписчик перевода Дмитрия внес в его текст некоторые изменения⁴⁰. Далее (2), судя по словам:

«еднымъ русскимъ языкомъ безъ латинскаго», —

исследователь предположил, что в версии Анонима оказались пропущенными или замененными какие-то латинские части текста Дмитрия, например, относящиеся к примерам склонений имен и спряжений глаголов⁴¹. Согласно словам Ягича, на это предположение его навело то обстоятельство, что в тексте русского «Доната» образцы латинских склонений имен перечисляются беспорядочно, «в виде русского перевода ла-

³⁸ См. также Tomelleri (2002). S. 44-48.

³⁹ См. Ягич. С. 614, 525.

⁴⁰ См. Ягич (1896). С. 525.

⁴¹ По мнению А. И. Соболевского, в связи с тем, что Дмитрий намеревался дать русским учащимся руководство для изучения латинского языка, переписчики его труда удалили из него все, что было записано латинскими буквами, оставив лишь русский текст — см.: Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков профессора А. И. Соболевского. СПб.: Синодальная Типография, 1899 (далее — Соболевский [1899]). С. 73. Разные точки зрения о цели и назначении текста Дмитрия см.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. // Библиографические материалы № 1. СПб., 1903. С. 122; Мечковская (1984). С. 39; Живов (1986). С. 91; Захарьин (1991). С. 1-3; Tomelleri (2002). S. 132; Ромодановская (2004). С. 268-269 и 272.

тинских форм», в которых лишь изредка сохраняется след латинского оригинала. В связи с этим Ягич пришел к заключению, что «сочинение представляет собой странную смесь латинского языка с русским — “латинский остов в русском облачении”» (современные исследователи видят в этом ущербность⁴²). Обнаруженный Томеллери Архангельский список подтверждает вывод Ягича о наличии в исходном тексте Дмитрия латинских слов, сопровождаемых русским переводом, поскольку в нем, в отличие от Казанской рукописи, они большей частью сохранены⁴³.

Ягич (3) обращает внимание на невозможность определения первоначального объема текста Дмитрия, в связи с тем, что ни в латинской редакции Донатова текста, ни в Санкт-Петербургской рукописи (которая привлекалась им для сравнения) нет в полном объеме того текста, что представлен под титулом «Донат» в Казанском списке. Во-первых, поясняет Ягич, в оригинальном тексте Доната и в Санкт-Петербургской рукописи отсутствует «Предисловие»⁴⁴, составленное, судя по Казанскому списку, самим Дмитрием для пояснения цели его труда. Во-вторых, в Санкт-Петербургской рукописи нет «Сказания о буквах», которого нет и в краткой версии латинского текста Доната (т.е. в *Arg minog*)⁴⁵. В-третьих, несмотря на совпадение заглавий русского «Доната» Казанского и Санкт-Петербургского списков (за исключением слова «Малый» во втором из них):

Казанский список

«Книга глагола Донатъсь меншей, в ней же бесѣдѣ ѿ ѿсми чаете^х вѣщанна, сврѣ ѿ имени, ѿ проименнї, ѿ словѣ, ѿ предлозѣ слова, ѿ причастнї слова и имени, ѿ сооузѣ, ѿ представленї, і ѿ различї, еаже оучать оученицы новоначалнї послѣ азбѣки и т. д.»

Санкт-Петербургский список

«Книга глагола Донатъсь, в нейже бесѣдоуеѣтъ ѿ осми чаете^х и вѣщаннїа сврѣч' ѿ имени, ѿ проименнї, ѿ словѣ, ѿ предлозе слова, ѿ причастїи слова і имени, ѿ сооузѣ, ѿ представленїи і ѿ различїи, еаже оучать оучицы новоначалнїи после азбѣки и т. д.»

⁴² См. Ромодановская (2004). С. 272.

⁴³ См. Tomelleri (2002). S. 134-135. Этот факт отмечен в рецензии В. А. Ромодановской (С. 272).

⁴⁴ Развернутый план русского «Доната» см. ниже, С. 327-328.

⁴⁵ Подробнее см. ниже, С. 322-324. См. также Булич (1904). С. 158.

а также их зависимость друг от друга⁴⁶, в них имеются и различия. Например, по сравнению с текстом Казанской рукописи, в Санкт-Петербургском списке имеются пропуски и сокращения текста, редко — дополнения, иногда — замены образцов склонений.

Что касается подписи к «Предисловию»:

«Азъ же свѣ писѣхъ собѣ пѣматѣ дѣа поелѣкѣ ѳразѣмѣ пребывѣа ѣ оучѣса во оучѣлище двѣма грамотами и двѣма ѣзѣки, латѣнскѣа и немѣцкѣа, а по рѣскѣи преже того поѣчѣхса Ѡчасти, а не пооучѣвса по рѣскѣи в тѣмошнее оучѣлище помоцно пристѣтѣ. А какѣ оуже рѣзѣма прибыло, ѣно в тѣ время в сѣтаѣ мира сего поспѣха ѣ сѣлы телесныа оубыло. Ѡи тогѣ ради сѣа кнѣга начѣсто не испрѣвлена ѣ не преписана ѣстала, а здѣ се того ѣ не пытѣютѣ», —

то Ягич (4) полагает, что она принадлежит самому Дмитрию и на этом основании заключает, что Дмитрий выполнил перевод в период обучения в латинско-немецком училище (1470–1480 гг.⁴⁷) в Ливонии⁴⁸. Исследователь обращает внимание и на слова Дмитрия об отсутствии у него в дальнейшем возможности вернуться к этому тексту из-за «суеты жизни», чтобы «кое-что исправить и переделать». Слова Дмитрия:

«а здѣ се того ѣ не пытѣютѣ», —

по мнению Ягича, свидетельствуют о том, что в период, когда он, вспомнив о занятиях латинским языком в юношестве, переписывал свою ученическую тетрадь, окружавшая его среда не проявляла интереса к вопросам такого рода⁴⁹. Однако последующие исследования показали, что Дмитрий не единожды возвращался к своему тексту (начиная с 1522 года⁵⁰) и перерабатывал его в течение всей жизни⁵¹.

⁴⁶ По этой причине Ягич посчитал нецелесообразным печатать отдельно тексты двух рукописей и, взяв за основу лучший, Казанский список, дополнил его разночтениями из Санкт-Петербургского в постраничных примечаниях.

⁴⁷ Ср. Захарьин (1991). С. 4, 6; Tomelleri (2002). S. 32.

⁴⁸ О местонахождении училища, основываясь на рассказе самого Герасимова, свидетельствует Павел Йовий (см. выше, Примеч. 2 [с. 311–312]). По словам Йовия Дмитрий обучался в Ливонии, где получил первые начатки знаний (prima literarum rudimenta) — см. Захарьин (1991). С. 4 со ссылкой на: Berkov (1962). S. 355–361. См. также Tomelleri (2002). S. 32.

⁴⁹ Ягич. С. 526; Булич (1904). С. 157–158.

⁵⁰ Захарьин (1991). С. 4–7; 17–25; Tomelleri (2002). S. 33 sqq.

⁵¹ В частности, Д. Б. Захарьин полагает, что Герасимов осуществил новую переработку грамматики в подражание изменившимся канонам немецкой грамматической традиции (см. Захарьин [1991]. С. 17–21). О культурно-исторической обстанов-

Ягич не отвечает на вопрос, сам ли Дмитрий снабдил свой перевод вводным разделом — «Сказанием о буквах», собственноручно почерпнув материал для него из каких-то иных грамматических трудов, толкующих о буквах⁵², например, из одноименного раздела (*De littera*), вошедшего в состав пространного Донатова изложения (*Ars maiior*⁵³); или же этот текст был добавлен позднейшими переписчиками русского «Доната».

Ягич также замечает, что сохранившаяся в Казанской рукописи титульная надпись:

Донатъ съ⁵⁴

сиречь граматика и азбука переведенная Димитриемъ толмачемъ съ
латинскаго языка 1522-го, а списана 1563-го года. Выбранная ѿ четы-
рехъ книгъ учителя Александра, —

является поздней не только по отношению ко времени отрочества Дмитрия, но и ко всей его жизни, поскольку сделана полууставом в XVIII столетии и помещена не в самом тексте Дмитрия, а на корешке манускрипта⁵⁵.

Выводы Ягича явились отправными положениями для всех последующих исследований вплоть до нынешнего времени. Отдав им долж-

ке и переводческой деятельности Дмитрия см. Мечковская (1984). С. 14 сл.; Веретенников (2005). С. 173-192; Ковтун Л. С., Синицына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973. С. 100, 103-104. Примеч. 19; Успенский (2002). С. 232.

⁵² См. корпус текстов, восходящих к древнегреческим образцам, опубликованных и рассмотренных Ягичем в разделе «Различные статьи грамматического содержания» (см. Ягич. С. 346-523).

⁵³ Keil. P. 367, v. 8 – 368, v. 16; Holtz. P. 603, v. 5 – 605, v. 9.

⁵⁴ См. Ягич. VIII. С. 528. Примеч. 1.

⁵⁵ Заметим, что указанное в подписи имя учителя Александра встречается и после фразы об окончании текста русского «Доната» (см. ниже, С. 329). Оно также записано на титуле издания 1520 г., которым, по всей видимости, пользовались Дмитрий и другие грамматисты XVI в. — подтверждением этому предположению служит факт включения в состав Казанской рукописи двух текстов, переведенных с латинского языка. Первый из них «Краткие грамматические правила или установления» (см. Ягич. С. 594-601). Его латинский оригинал помещен в Приложении к упомянутому изданию под названием «Regule congruitatum. Constructiones, regimina ad partem cum exemplis» (см. Ягич. С. 594. Примеч. 3). Второй — о различных выражениях. Его оригинальная версия, начинающаяся со слов «Constructio tripliciter capitur, scilicet...» не имеет названия (см. Ягич. С. 602-614). Упоминание имени Александра можно рассматривать и как свидетельство того, что работа Дмитрия сохранила преемственность по отношению к традиции составления средневековых латинско-германских грамматик (см. также Захарьин [1991]. С. 7-8).

ное⁵⁶, перейдем к сравнению разделов о буквах, частях речи и, собственно, имени из русского «Доната» и *Arg grammatica* Доната.

* * *

Напомним, после «Предисловия» и пояснения к нему в тексте Казанской рукописи следует вводный раздел о буквах [Введение 1]⁵⁷:

Сказание ѡ бѣквѣхъ, сирѣ ѡ ѡбразѣхъ азбѣчныхъ словъ написаниѣ
толкованиѣ

Бѣквен сирѣ азбѣчныхъ слѡ, ѡви сѣтъ звѣтелниѣ нарицаѡтсѧ, дрѣзїи согласѡщиѣ, и ѣниѣ ползѣвѣтелниѣ, и дрѣзїи пѣмые. звѣтелниѣ ѣбо пѣтъ еже сѣтъ· а є ї ѡ ѡ, но повѣже ї тоже єсть ї звѣтелное. согласѡщиѣ же нѣцѣи сѣтъ ползѣвѣтелниѣ. ползѣвѣтелныхъ же сѣтъ сѣдмь, сирѣчь· л м н р с зѣ ж. пѣмыѣ же сѣтъ ѡ, сирѣчь· в ц д ф г х п к т, а ї и ѡ положени прѣ звѣтелныѣ того склѡда, їко· ї юно, и венѣсь. звѣтелниѣ же нарицаѡтсѧ того ради, їже по себѣ полныѣ гла сотворѡю. ползѣвѣтелниѣ нарпцаѡтсѧ, їже полнаго гласа по себѣ не имѣю. нѣмые же глѡтсѧ, не ѡко не имѣю гласа, но емо малѣ часть гласа имѣю. ї ѡ сѣмѣ єсть долга бесѣда, но не ѡ єсть врема таковоѣа к(осн)ѣтсѧ,—

в котором перечислены их виды («звательные», «согласующие», «полузвательные», «немые»), указано их количество, даны разъяснения, отчего они так называются.

Как уже было отмечено выше, в сокращенной редакции текста Доната (*Arg minor*) раздел «О буквах» отсутствует. Однако пространная версия Донатова текста (*Arg maior*) содержит соответствующий параграф — *De littera* (превышающий текст Казанской рукописи примерно в 4 раза), в котором имеются сведения о латинских буквах и их соответствиях греческим⁵⁸. Тем не менее, в рассматриваемых текстах имеются не

⁵⁶ Заметим, что титул исследования Ягича: «Донат в русском переводе Дмитрия Толмача и других», сформировал в научной среде ошибочное представление о существовании русского перевода *Arg grammatica* Элия Доната. См., например, Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: УРСС, 2004 (1953) (далее — Кузнецов [2004]). С. 27, 264.

⁵⁷ Здесь и далее для удобства оперирования материалом мы вводим нумерацию разделов рассматриваемого текста (план русского «Доната» см. ниже, С. 327-328).

⁵⁸ См. *Keil*. P. 367, v. 8 – 368, v. 16; *Holtz*. P. 603, v. 5 – 605, v. 9. См. перевод соответствующего фрагмента (в следующем выпуске журнала).

только отличия, но и некоторые сходства. Например, (как и у Доната) в тексте Казанской рукописи выделены пять⁵⁹ звательных (т. е. гласных) букв: а е і о ѝ — хотя оговаривается, что буква ѥ как и і тоже является звательной; семь⁶⁰ согласующих или полувзательных (т. е. согласных): л м н р с ѡ з; девять немых: в ц д ф г х п к т. Также в нем особо отмечены буквы і и ѝ, что, вероятно, было инициировано желанием автора показать двойное употребление латинских букв і и u (для і — і и j, для u — u и v)⁶¹. Кроме того, в тексте Казанской рукописи имеются и восходящие к Донату объяснения, отчего «звательные», «полувзательные» и «немые» буквы получили свои названия, а именно: звательные — составляют полный слог; полувзательные — полного слога не составляют; немые — вообще никакого слога не составляют, будучи лишь малой его частью (что имеет прямое отношение к изложению Доната). Далее текст Казанской рукописи заканчивается фразой, что эта тема требует долгого разъяснения, *но времени нет этого касаться* (выделено нами. — М. П.). Таким образом, можно предположить, что автор «Сказания о буквах», оттолкнувшись от текста Доната, последовал общепринятой грамматической традиции, начав свое изложение с разъяснения букв, предприняв попытку применить Донатов текст к родному языку. Но, возможно, осознав неудачу такого действия в силу иной языковой специфики, он, сославшись на недостаток времени, сделал это поверхностно, не вдаваясь в детали⁶².

Важно обратить внимание и на терминологию, сравнив ее с Донатовой. Так гласные в «Сказании о буквах» названы «звательными» (у Доната — *vocales*), полугласные и согласные — «полувзательными» (у Доната — *semivocales, consonantes*)⁶³; согласные — «согласующими»

⁵⁹ Например, в текстах значатся 13, 14 или 20 гласных букв (см. *Ягич*. С. 518-520). Ср. *Мордовцев Д.* О русских школьных книгах XVII в. М., 1862 (далее — *Мордовцев* [1862]). С. 48.

⁶⁰ Указываются также 24 или 25 полувзательных букв (см. *Ягич*. С. 519-520). Ср. *Мордовцев Д.* (1862). С. 48.

⁶¹ См. *Ягич*. С. 532. Примеч. 2.

⁶² Подобные «ходы» имеются и у позднеантичных латинских авторов. Например, у Макробия (V в.), который, дабы избежать сложных рассуждений, пишет о своем намерении что-то опустить из них. См. *Макробий*. Комментарии на «Сон Сципиона» I, 11, 7; II, 12, 8 / Пер. с лат., примеч. М. С. Петровой // *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007. С. 74.

⁶³ О терминах «звательные» для *vocales*, «полувзательные» для *semivocales*, а также «склад» для слога, см. *Ягич*. С. 518, 527. Заметим, что автор предложил аналогии и другим латинским грамматическим категориям, например, *Plusquamperfectum* передал как «минувшее пресвершенное» (е. г. *Ягич*. С. 565-566; об этом см. *Кузнецов* [2004]. С. 264-265). См. также *Успенский* (2002). С. 226-227.

(у Доната — consonantes), есть еще «немые» (у Доната — mutae). Эти термины встречаются и в грамматических работах, переведенных с древнегреческого языка⁶⁴, циркулировавших на территории России в XVI–XVII вв., что свидетельствует о некотором влиянии на русских авторов (переписчиков, переводчиков) латинского грамматического знания, воспринятого ими, очевидно, опосредованно⁶⁵. Термины «звательные» (vocales) и «полузвательные» (semivocales) применительно к буквам, скорее, восходят к латинскому языку, чем к древнегреческому, где использованы термины *φωνήεντα* и *ἡμίφωνα*.

После «Сказания о буквах» следует краткое содержание работы [Введение 2]:

Кни́га глѣмаа донáтѣсъ менѣшей,

в неѣже бесѣдѣѣ ѡ ѡсмѣи чáстѣ вѣщáнна, сирѣ ѡ ѣмени, ѡ про-
имени, ѡ словѣ, ѡ прѣдлозѣ слова, ѡ причáстїи слова ѣ ѣмени, ѡ сооужѣ,
ѡ прѣдстáвлениї, і ѡ разлїчїи, еѣже учать оученицы новоночáлнїи послѣ
áзбѣки. зане⁶⁶ тѣ ѡсновáние пѣрвое ѣ подѣшва мѣрѣости грамáтїчноя.
а грамáтїкѣа ѡсновáние ѣ подѣшва всеѣмъ свободнѣи мѣдростѣ. в сѣй
же настѣоáщей книзѣ бесѣдуетъ, ѣ пѣрвое ѡ вѣшеречѣннѣи ѡсмѣи чáстѣ
вѣщáнна постáвлены воспрѣсы áки в лице оучитѣлево, ѣ вѣщáнна áки
в лицѣ оученичѣ. ѣ потѣ ѡ колїчествоѣ имѣ ѣ ѡ кáчествоѣ ѣ ѡ
родѣѣ і ѡ оуклонѣнїиѣ, ѣ ѡ падѣнїиѣ і ѡ чїслеѣ і ѡ вїдѣѣ і ѡобразѣѣ ѣ
ѡ лицѣѣ ѣ ѡ степенѣѣ ѣ ѡ собѣствеѣ ѣ ѡ ѡбщѣствѣѣ, ѣ ѡ прѣчїиѣ при-
стѣоáщи к сїмѣ. потѣмъ ѡ временѣѣ ѣ чинѣѣхъ і ѡ прочїиѣ. Гїѣ блѣви.

С первых строк становится ясным, что в «Книге» речь пойдет о восьми частях речи⁶⁶; о том, что к их изучению ученики должны перейти после освоения букв и слогов, поскольку в них заложена основа грамматической науки⁶⁷; и что вначале изложение будет построено в

⁶⁴ Примеры см. *Ягич*. С. 195, 360, 640.

⁶⁵ См. *Булич* (1904). С. 152-156.

⁶⁶ Ср. у Максима Грека (см. *Ягич*. С. 306-307) и разъяснения к этому тексту (Там же. С. 308-309). Также см. *Булич* (1904). С. 150; *Мечковская* (1984). С. 35-38.

⁶⁷ Слова о том, что «грамматика есть основание и подошва всем свободным мудростям» указывают на цикл семи свободных наук, оформившийся к концу V века (об этом см. *Петрова М. С.* Марциан Капелла: просопографический очерк // *ДсВ* 2 [2000]. С. 118-119). Во всяком случае, в относящемся к XVII в. Азбуковнике, описанном Д. Л. Мордовцевым, кратко излагается сущность и значение семи наук (грамматики, диалектики, риторики, музыки, арифметики, геометрии, астрономии), названных «мудростями». См. *Мордовцев* (1862). С. 55-65.

виде вопросов учителя и ответов ученика, а далее будет сказано о свойствах имен, глаголов и других частей речи⁶⁸. Подобный раздел, представляющий собой своеобразную разъяснительную преамбулу и заканчивающийся воззванием к Господу («Господи благослови!»)⁶⁹, отсутствует у Доната, хотя вступительный параграф о частях речи и их количестве у него есть⁷⁰. Кроме того, в той части текста римского грамматиста, которая построена в вопросе-ответной форме (т.е. *Ars minor*), реплики учителя и ученика специально не выделены⁷¹. Автор русского «Доната», напротив, акцентирует внимание на том, что «вопрос» будет принадлежать учителю, «ответ» — ученику.

Термины, обозначающие части речи, у Дмитрия таковы: «имя»⁷² (*νομεν, ὄνομα*), «проимья» — местоимение (вместо имени, *pronomen*), «слово» — глагол (*verbum, λόγος; λέξις*), «предлог к слову» — наречие (приречие, *adverbium, ἐπίρρημα*), «причастие» (*participium, μετοχή*), «союз» (*coniunctio, σύνδεσμος*), «представление» — предлог (*praepositio, πρόθεσις*), «различие» — междометие (*interiectio*)⁷³. Термины, обознача-

⁶⁸ В этих словах просматривается методика обучения языку, подробно изложенная в Предисловии (см. *Ягич*. С. 528-532). См. *ниже*, С. 359 сл. Примеч. 206-208.

⁶⁹ Фраза «Господи благослови!» традиционна для всех христианских авторов (в число которых Донат не входит). Изданные Ягичем грамматические фрагменты повсеместно содержат подобные обращения (е. г. см. *Ягич*. С. 349). В этой связи укажем на Кассиодора (ок. 487 – ок. 578), принадлежащего латинской традиции, который завершает свой трактат подобным обращением, построенном в виде молитвы. См. *Cassiodorus. De anima* 18 / Ed. J.-P. Migne // *Patrologia Latina*. Vol. 70. Col. 1308. О текстах Кассиодора применительно к деятельности Дмитрия Герасимова см. *ниже*, Примеч. 205 (с. 360).

⁷⁰ Перевод упомянутого раздела см. в следующем выпуске журнала. Также ср. *Донат*. Краткая наука о частях речи / Пер. с лат., примеч. М. С. Петровой // *ДсВ* 1 (1999) (далее — *Донат*. Краткая наука...). С. 306-307. Там же см. латинский текст.

⁷¹ См. *Донат*. Краткая наука... С. 307-334.

⁷² Здесь и ниже соответствующие примеры см. в текстах (XV–XVII вв.), опубликованных Ягичем. 1) Имя — см. *Ягич*. С. 41, 461, 465, 472-473. 2) Местоимение — см. *Ягич*. С. 41, 47, 461, 465 (заметим, что термин «проимение» встречается лишь в текстах, зависящих от Доната — см. *Ягич*. С. 527, 530, 533, 536, 547 sqq.). 3) Термин «слово» в значении глагола в основном встречается в текстах, восходящих к Донату (см. *Ягич*. С. 527, 530, 533, 590, 614; но ср. *Ягич*. С. 195 [λόγος]; *Он же*. С. 47, 50 [глагол — речь]). 4) Предлог к слову — см. *Ягич*. С. 41, 461, 465, 472-473, 481 (о терминах наречие, приречие, см. *Он же*. С. 308-309). 5) Причастие — см. *Ягич*. С. 41, 47. 6) Союз — см. *Ягич*. С. 41, 47, 465, 481. 7) Предлог — см. *Ягич*. С. 41, 47, 460, 461, 465, 480. 8) Междометие — также имеет место в текстах, зависящих от Доната, см. *Ягич*. С. 527, 530, 533, 565, 603, 610, 618, 641.

⁷³ В греческой грамматике также существовало восемь частей речи, которые перечислялись в следующем порядке: 1) имя; 2) речь (т.е. глагол); 3) причастие; 4) различие (т.е. член, артикль); 5) местоимение; 6) предлог; 7) наречие; 8) союз. При

чающие свойства имен, разделяемых на «собственные» (*proprium*) и «общественные»⁷⁴, следующие: количество (*quantitas*), качество (*qualitas*), род (*genus*), склонение, падение (т.е. падеж, *casus*), число (*numerus*), вид (*species*), образ (т.е. способ образования слов, *figura*), лицо (*persona*), три степени сравнения (*gradus comparationis*)^{75, 76}. Для глаголов выделены время (*tempus*) и чин (т.е. залог, *genus*).

Рассмотрев терминологию Дмитрия и сравнив ее с той, что фигурирует у Доната⁷⁷, а также встречается в текстах, находившихся в обращении на территории России в XVI–XVII вв., можно сделать вывод, что Дмитрий при передаче латинских терминов, с одной стороны, использовал уже имеющиеся в русском языке эквиваленты; с другой стороны, при отсутствии таковых, предложил свои варианты, например, «проимья» (*pronomen*), «слово» (*verbum*), «предлог к слову» (*adverbium*).

этом имела место попытка сближения греческой и латинской теорий, проявившаяся в том, что «различие» обозначало по одной теории «член» (*ἄρθρον*), по другой — *interiectio*. Еще одна попытка такого сближения обнаруживается в подборе грамматического материала, относящегося к правописанию, и соединении его с изложением о восьми частях речи, в основе которого лежит текст Доната. Такого рода компиляция под титулом «Простословия», вероятно, выполненная Евдокимом, опубликована Ягичем (см. *Ягич*. С. 624–661). См. также *Ягич И. В.* История Славянской филологии. СПб., 1910; репринт М.: Индрик, 2003. С. 26–27.

⁷⁴ Во Введении применительно к «общественным» именам употребляется также термин — «прикладные» (очевидно, обозначающий имена нарицательные, а также «собирательные» и «вещественные» — см. *Гаманович [иеромонах Алипий]*. Грамматика церковно-славянского языка. М.: Худож. литерат., 1991. С. 37). Отметим, что у Доната выделяются лишь собственные и нарицательные имена. См. *Донат*. Краткая наука... (С. 306–307). Ср. также: *Донат*. Наука грамматики [*Αἴτιαι μαθηματικῆς*] (см. в следующем выпуске журнала).

⁷⁵ Далее, в первом разделе Дмитрий употребляет иной термин — «прилагание», в том же смысле сравнения (*comparatio*). См. *Ягич*. С. 534.

⁷⁶ Здесь важно то, что Дмитрий использовал такие термины, как имя «собственное» или «сущее» (*proprium*) и имя «общее», т.е. «нарицательное», с примерами, заимствованными у Доната (для собственных — «Рим» и «Тибр», для нарицательных — «град» и «река»). Он также различает три «степени прилагания»: положительную, прилагательную (т.е. сравнительную) и надприлагательную или превышнюю (т.е. превосходную), оперируя такими понятиями как «качество» и «количество». Кроме того, Дмитрий выделяет два числа, единственное и множественное, и четыре рода имен: мужской, женский, «посредний» (т.е. средний) и общий, который также называется «смешанным» или «смесным», шесть падежей («падений»), а также разделяет имена на «единорядные» (т.е. простые) и «сложные» (т.е. составные). Об этом см. *Булич* (1904). С. 158.

⁷⁷ Ранее мы уже отмечали, что Донат не оригинален в выборе грамматической терминологии (см. *Петрова* [2009]. С. 207. Примеч. 36). О его грамматических источниках см. *Петрова* (1999). С. 299.

В свою очередь, то новое, что получилось в результате такого подбора, впоследствии вошло в принятую в России практику обозначения соответствующих языковых понятий.

Содержание «Книги» с развернутыми названиями составляющих ее разделов таково:

№ п/п; страницы издания <i>Ягича</i> []	Название раздела
1. [С. 528-532]	Предисловие.
2. [С. 532]	[Введение 1]: Сказание о буквах.
3. [С. 533]; (0. S. 219-220) ⁷⁸	[Введение 2]: О «Малом Донате».
I. [С. 533-536]; (1.1. S. 221-230)	Беседа А [первая] о восьми частях вещания или речи, вопросы и ответы.
II. [С. 536-537]; (1.2.1. S. 231-233)	Пример [первый: склонение] имени нарицательного, мужского [рода] — <i>учительъ</i> .
III. [С. 537-538]; (1.2.2.1. S. 234-235)	Пример второй: [склонение] имени нарицательного, женского рода — <i>мѣзика</i> (или <i>мѣдростьъ, мѣза</i>).
IIIa. [С. 538]; (1.2.2.1. S. 236-239)	’ <i>Ѣ</i> <i>мѣзикѣи</i> (глосса).
IV. [С. 538-539]; (1.2.3. S. 240-241)	Пример третий: [склонение] имени нарицательного, среднего рода — <i>скамнѣмъ</i> (<i>сѣдлицѣ, корѣсло</i>).
V. [С. 539]; (1.2.4.1-2. S. 242-245)	[Пример четвертый: склонение имени нарицательного, общего рода — <i>сасѣрдосъ</i> (<i>сѣнникъ</i>)].
VI. [539-541]; (1.2.5.1-2; 1.3.2. S. 245-248; 257-259)	[Пример пятый: склонение имени нарицательного всяческого рода — <i>феликсъ</i> (<i>чтѣнь, счастѣ</i>)].
VII. [541]; (1.2.6.1-2. S. 249-251)	[Пример шестой: склонение имени нарицательного, мужского рода — <i>плѣ</i>].
VIII. [542]; (1.2.7.1-2. S. 251-256)	[Пример седьмой: склонение имени нарицательного, женского рода — <i>списиесть</i>].
IX. [542-543]; (1.4.1.1-3. S. 260-263)	Вопросы и ответы [по первому склонению латинских имен].
X. [543-545]; (1.4.2.1-3. S. 264-268)	[Вопросы и ответы по второму склонению латинских имен].

⁷⁸ Здесь и далее, в разделе об имени, в круглых скобках (), мы приводим рубрику Томеллери с указанием страниц его издания.

- XI. [545]; (1.4.3.1-3. S. 269-273) Вопросы и ответы [по третьему склонению латинских имен].
- XII. [546]; (1.4.4.1-3. S. 273-276) Вопросы и ответы [по четвертому склонению латинских имен].
- XIII. [546-547]; (1.4.5.1-3. S. 276-279) Вопросы и ответы [по пятому склонению латинских имен].
- XIIIa. [547]; (2.0. S. 280) [Абзац, завершающий изложение об имени и начинающий новый раздел о местоимении].
- XIV. [547-548]; Пролог о проимени или беседа первая о второй части речи — проимени.
- XV. [548-551] Беседа вторая. О проимени.
- XVI. [551-555] Беседа о третьей части речи — о слове.
- XVII. [555-558] Беседа о четвертой части речи — о предлоге слова.
- XVIII. [558-562] Беседа о пятой части речи — причастии слова и имени.
- XIX. [562-563] Беседа о шестой части речи — союзе.
- XX. [563-565] Беседа о седьмой части речи — представлении.
- XXI. [565-566] Краткая беседа о восьмой части речи — различии.
- XXII. [566-569] Беседа первая о временах слов дельных (т.е. глаголов в действительном залоге), согласия (т.е. спряжения) первого.
- XXIII. [569-571] Беседа вторая о временах слов страдальных (т.е. глаголов в страдательном залоге).
- XXIV. [571-573] Беседа о временах слов дельных, согласия второго.
- XXV. [573-575] Беседа о временах слов страдальных.
- XXVI. [575-576] Беседа о временах слов дельных согласия третьего.
- XXVII. [576-578] Беседа о временах слов страдальных или терпелых (т.е. глаголов в медиопассивном залоге).
- XXVIII. [578-580] Беседа о временах слов дельных, согласия четвертого.
- XXIX. [580-583] Беседа о временах слов страдальных.
- XXX. [583-584] Беседа последняя о том же.

За фразой об окончании работы:

До здѣ конѣ есть квыги сеа нарицаѣмыа донатѣ, —
следует «Заключение».

Оно книжѹ учитель 'Алекса́ндръ, в нача́лѣ своѣѹ кни́ги и в нача́лѣ
перваго у́клонѣннѹ, нарица́е азбу́кою, глѣтѣ же си́це:

Послѣ азбу́ки менши́е сие у́чение да чте́тся. паки да чтѹ́ бо́лшаго мо́л
у́чениа таже послѣдѹю́тся, устрани́ти си́це. и́ сие у́чение, сирѣ́чь кни́га моѹ, да
чте́тся послѣ́ азбу́ки менши́е, сирѣ́чь послѣ́ дона́та и́ли приста́на, е́же на-
рица́е азбу́кою. Па́ки сирѣ́чь по се́", тѣ́ иже послѣ́дѹю́ мою́ у́чениѹ, сирѣ́
и́же вѣ́дѹ кни́гѹ мою, да чтѹ́ бо́лшую кни́гѹ приста́новѹ. и́ здѣ́ покаже́,
в ко́е вре́мя и́ ѿ каковы́х у́ченика́ честі́са имѣ́ють. Спа́ ѹ́бо всѹ́ кни́га
е́сть и́зата ѿ тогѹ, сирѣ́чь приста́на, и́же глѣ́тся дрѹ́ги́ и́менѹ дона́тѹсь.
и́ хо́щетъ глѣ́ти, е́же прѣ́же да чте́тся дона́тѹсь и́ли приста́н менши́, по
се́" кни́га егѹ́ трѣ́тѹ, приста́н бо́лши. а́ки рече́ и́же сѹ́ кни́га а́ки всѹ́
и́зата е́сть ѿ приста́на. и́ си́це сконча́е́тся про́лѹ и́ чи́нь кни́ги егѹ́.

Добрѹ́ ѹ́бо и́ во и́стиннѹ́ достолю́бно словесѹ́ ви́шнихъ вѣ́дение. но
е́лика к на́у́ченію е́же пра́ве глѣ́ти и́ к наѹ́щренію ра́зѹма и́ ѹ́чищенію
грама́тическое у́чение наказѹ́е́ учаща́госѹ, а не во ѹ́брѣ́тении бжѣ́твенныхъ
догма́ и́ в ра́сѹжѣ́нии, поне́" ви́ше помы́шленнѹ́ всѹ́каго сѹ́тъ, і́ ви́ше
зрѣ́ннѹ́ всѹ́каго сѹ́щественаго и́ несѹ́щественаго, вѣ́рою то́кмо зрѣ́ма
и́ позна́е́ма.

Однако на этом текст Казанской рукописи не завершается.

Далее вновь даны сведения о склонении имен (разделы II – VIII), говорится о свойствах глаголов и их спряжениях, а также о некоторых других частях речи — т.е. отчасти повторяется то, о чем было сказано ранее⁷⁹. Затем следуют грамматические правила (в количестве двадцати) о различном согласовании слов по роду, числу и падежу⁸⁰, и раздел, посвященный разбору предложений⁸¹.

Заканчивается рукопись перечнем латинских пословиц и поговорок, очевидно, свидетельствующих о практическом применении латинского языка⁸², направленности и уровне его изучения.

При рассмотрении первой беседы (I.), следует обратить внимание на ее титул:

⁷⁹ См. Ягич. С. 585.

⁸⁰ Там же. С. 594-601.

⁸¹ Там же. С. 602-614.

⁸² Там же. С. 619-623.

Бесѣда. ѿ ѿсьми частехъ вѣщанна илї рѣчи, въспросы и ѿвѣты.
слово и рѣчь за ѿдно стоїи і вѣщаніе кѣе хощешь тѣ рѣчи. И в Да-
маскинѣ ѿмѣ, рѣчь, причаствие, различіе, мѣсто ѿмени, прѣлогъ,
нарѣчіе, союзу⁸³. Въспрѣ оучителейъ, —

в котором термины «вещание», «слово» и «речь» полагаются синони-
мами, и учитель предлагает ученику сделать собственный выбор при их
употреблении. Кроме того, приводится перечень частей речи из автори-
тетного текста (автором которого выступает Иоанн Дамаскин⁸³). Текст
Доната, напротив, не содержит подобных развернутых титулов и ссы-
лок на авторитетные имена. Дальнейшее изложение беседы, на первый
взгляд, весьма похоже на перевод двух фрагментов (о частях речи и
имени) из *Arg minog* Доната⁸⁴. Ср.⁸⁵

В[опрос]: *Сколько существует частей вещания или речи?*

О[твет]: *Восемь.*

В.: *Какие?*

О.: *Имя, проимение, слово или речь, предлог к слову, причастие,
союз, представление, различие.*

В.: *Что такое имя?*

О.: *Часть речи с падением, знаменующее тело или вещь, имею-
щее собственное или общее значение. Собственные имена та-
кие, как римѣ и тивѣ. Общие такие, как грѣ, рѣка⁸⁶.*

В.: *Сколько у имени изменений⁸⁷?*

О.: *Шесть.*

В.: *Какие?*

О.: *Качество, прилагание, род, число, образ⁸⁸, падение.*

В.: *В чем [состоит] качество имен?*

О.: *В их двоечастности.*

⁸³ На ошибочность авторства Иоанна Дамаскина грамматических работ и в ча-
стности трактата «О восьми частях речи», а также их переводов, приписываемых
Иоанну Экзарху (см. напр. Материалы для словаря древне-русского языка по
письменнымъ памятникамъ / Труд И. И. Срезневского. В 3-х тт. СПб., 1893. Томъ
Второй [Л–П]. Кол. 859), было указано еще Ягичем (см. *Ягич*. С. 38-40).

⁸⁴ См. *Keil*. P. 355, v. 2 – 356, v. 36; *Holtz*. P. 585, v. 3 – 587, v. 29.

⁸⁵ См.: *Донат*. Краткая наука... С. 306-309. Ниже словесные параллели отме-
чены курсивом.

⁸⁶ Это определение больше похоже на то, что имеется в *Arg maiog*; примеры
также оттуда (перевод см. в следующем выпуске журнала).

⁸⁷ У Доната: “*Nomini quot accidunt?*” (см. *Keil*. P. 355, v. 6; *Holtz*. P. 585, v. 8).
Ср. *Донат*. Краткая наука... С. 306-307. Здесь и далее мы учитываем указанные Яги-
чем параллели, имеющиеся в русском «Донате» и *Arg minog*.

⁸⁸ В оригинале: “...*figura*” (см. *Keil*. P. 355, v. 7; *Holtz*. P. 585, v. 9), т.е. способ
составления слова.

- В.: Это как?
О.: У одной вещи есть единое имя, *собственное* или *сущее*, у многих вещей имя бывает *нарицательное*⁸⁹.
В.: Сколько у имени степеней сравнения⁹⁰?
О.: Три.
В.: Какие.
О.: Положительная, как *ученьъ*. Прилагательная, как *ученькѣ* или *ученнѣише*. Надприлагательная или превышняя, как *превченнѣише*.
В.: Какие имена сравниваются?
О.: Только нарицательные, знаменующие *качество* или *количество*. Качество — как *блгъ* или *добръ*, или *золъ*; количество — как *великъ* или *малъ*.
В.: Прилагательная *степень* какому падению служит?
О.: Отрицательному⁹¹ обоих чисел, без представления⁹².
В.: Как же это?
О.: Мы говорим: *учителнѣ онаго* или *учителнѣ инѣ*⁹³.
В.: Надприлагательная или превышняя⁹⁴ *степень* какому падению служит?
О.: Родственному только *множественного* [числа].
В.: Как это?
О.: Мы говорим: *превченнѣишии мѣдрецовъ вѣаше виргилии*, или *нарочитеиши [ѿ] народа*.
В.: Сколько родов у имен?
О.: Четыре.
В.: Которые?
О.: Мужской, как *сей учитель*; женский, как *сиа мѣдрость*; средний⁹⁵, как *сие сѣдлице*, общий, как *сей* и *сиа члкъ*. А в русском языке [тоже] есть имя общего рода⁹⁶ — сей и сиа члкъ и подобные ему⁹⁷. И есть еще трехродовой, называемый всяческий,

⁸⁹ Наш перевод см. в следующем выпуске журнала.

⁹⁰ То есть сравнения.

⁹¹ В оригинале: “Ablativo sine praepositione” (см. Keil. P. 355, v. 12; Holtz. P. 586, vv. 2-3). Ср. *Донат*. Краткая наука... С. 306-307.

⁹² То есть без предлога.

⁹³ В оригинале: “...doctior illo” (см. Keil. P. 355, v. 13; Holtz. P. 586, v. 3). Ср. *Донат*. Краткая наука... С. 306-307.

⁹⁴ В оригинале: “...superlativus cui” (см. Keil. P. 355, v. 13; Holtz. P. 586, v. 3). Ср. *Донат*. Краткая наука... С. 306-307.

⁹⁵ То есть средний.

⁹⁶ Об искусственности формы общего рода (genus commune), см. *Захарьин* (1991), С. 15-16.

⁹⁷ Здесь и далее подчеркнутые фразы, касающиеся русского языка, отсутствуют у *Доната*.

как: сѣй, сна и снѣ фелиѣ, что означает честѣ⁹⁸ или счаст⁹⁸. Есть и смешанный [род]⁹⁸, то есть в смешанном роде так говорится: сѣй врабѣи, сѣи и сна врелъ, ласица, коршѣнъ⁹⁹.

В.: Сколько чисел у имени?

О.: Два.

В.: Какие?

О.: Единственное, как сѣи *считель*, множественное, как сѣ *оучители* или снѣ *члѣцы*.

В.: Образов у имени сколько?

О.: Два.

В.: Какие?

О.: Единорядные, то есть *простые*¹⁰⁰, как *моцень*, *сиае*¹⁰¹. В русском же языке единорядные такие: *мѣтивъ*, *моцѣ*, *вѣренъ*. А сложные, как *многоямѣтивъ*, *велемоцѣ*, *достовѣре*. Сложные же такие: *немоцѣ*¹⁰², *недѣп*, *несиленъ*.

В.: Сколькими чинами или залогами имена слагаются, или образуются сложные имена¹⁰³?

О.: Четьрьмя.

В.: Какими?

О.: От двух целых [форм], как *погражданинъ*, от двух сокращенных, как *моцѣ дѣнствѣ*, *градоенецъ*; от целого и сокращенного, как *непотрѣвѣ* и *безсолень*. От сокращенного и целого, как *тщепослѣннѣ* или *лженосѣ*. Иногда от многих, как *неповѣдианъ*, *нестрашлинъ*¹⁰⁴.

⁹⁸ О различной передаче латинского термина ‘genus promiscuum’ на русский язык (смѣсанный / смешанный), см. Захарьин (1991). С. 15.

⁹⁹ Ср. Keil. P. 355, vv. 15-18; Holtz 586, vv. 5-8: “Masculinum, ut hic magister, femininum, ut haec Musa, neutrum, ut hoc scamnum, commune, ut hic et haec sacerdos. Est praeterea trium generum, quod omne dicitur, ut hic et haec et hoc felix; est epicoenon, id est promiscuum, ut passer aquila”. — Мужской род, как *hic magister*, женский — как *haec Musa*, средний — как *hoc scamnum*, общий — как *hic sacerdos* и *haec sacerdos*; кроме того, есть трехродовой [род], который называется всяческим, как *hic [felix]*, *haec [felix]* и *hoc felix*. Есть эписен, то есть смешанный [род], как *passer* и *aguila*.

¹⁰⁰ В оригинале: “...simplex” (см. Keil. P. 355, v. 20; Holtz. P. 586, v. 11). Ср. Донат. Краткая наука... С. 306-307.

¹⁰¹ В оригинале: “...decens, potens” (см. Keil. P. 355, v. 20; Holtz. P. 586, v. 11). Ср. Донат. Краткая наука... С. 306-307.

¹⁰² В оригинале: “...indecens, inpotens” (см. Keil. P. 355, v. 21; Holtz. P. 586, v. 12). Ср. Донат. Краткая наука... С. 306-307.

¹⁰³ В оригинале: “Quibus [Quot] modis nomina componuntur” (см. Keil. P. 355, v. 21; Holtz. P. 586, v. 12). Ср. Донат. Краткая наука... С. 306-307.

¹⁰⁴ Ср. Keil. P. 355, vv. 15-18; Holtz 586, vv. 5-8: “...ex duobus integris, ut suburbanus; ex duobus corruptis, ut efficax, municeps; ex integro et corrupto, ut insulsus; ex corrupto et integro, ut nugigerulus; aliquando ex conpluribus, ut inexpugnabilis, imper-

В.: Падений¹⁰⁵ у имени сколько?

О.: Шесть¹⁰⁶.

В.: Какие?

О.: Именательное, или правое по-гречески¹⁰⁷, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное¹⁰⁸. По этим падениям имена всех родов и [те, что] вместо имен и(ли) местоимения, и причастия склоняются, то есть слагаются по порядку.

Сравнение первой беседы из русского «Доната» с Донатовой *Ars grammatica* позволяет заключить, что изложение русского грамматиста представляет собой местами перевод соответствующих абзацев из *Ars minor*, местами — их парафраз, в которые инкорпорированы элементы, взятые как из Донатовой *Ars maior* (а это более развернутые, по сравнению с *Ars minor* определение имени и некоторые примеры самих имен)¹⁰⁹, так и из текстов, в основе которых лежат греческие источники (об этом свидетельствует и термин «правое» для обозначения склонения, и упоминание Иоанна Дамаскина). После первой беседы следует заключительная фраза раздела (отсутствующая у Доната), в которой говорится о том, что далее будут приведены примеры нарицательных имен всех пяти склонений, будет сказано о признаках таких имен (роде, числе, составе слова, склонении); а также о том, как склоняются имена разных родов. Эти слова как бы связывают «теоретический» и «практический» материал, изложенный автором применительно к русскому языку, хотя здесь и неясно, почему говорится о пяти склонениях.

Что касается примеров, то все они восходят к латинским образцам, представляя собой их пословный перевод на русский язык. Первые пять

tergitus¹⁰⁵. — ...из двух неизменных [форм], как *suburbanus*; из двух изменившихся [форм], как *efficax*, *muticeps*; из неизменной [формы] и изменившейся, как *insulsus*, из изменившейся [формы] и неизменной, как *nugigerulus*; иногда, из сочетания многих [форм], как *inexpugnabilis*, *inperterritus*.

¹⁰⁵ То есть падежей.

¹⁰⁶ Ср. анонимный трактат «О восьми частях речи», в котором выделены 5 падежей: «...права, родна, виновна, дательна, звательна» (см. *Ягич*. С. 41, 47; С. 38-40).

¹⁰⁷ Несмотря на то, что в латинском тексте Доната такого добавления нет, оно представляется нам важным, поскольку свидетельствует о знании Дмитрием корпуса грамматических текстов, переведенных с греческого языка, позволившем ему подобрать нужные эквиваленты для передачи латинских терминов на русский язык.

¹⁰⁸ Эти же названия падежей встречаются в «Азбуковнике» XVII в., описанном Д. Л. Мордовцевым — см. *Мордовцев* (1862). С. 53. См. также *Булич* (1904). С. 158. Примеч. 1.

¹⁰⁹ Ср. соответствующий фрагмент из «Науки грамматики» Доната (см. следующий выпуск).

воспроизводят те же самые имена, что и у Доната в *Ars minor*¹¹⁰. Их латинские эквиваленты относятся к именам существительным и именам прилагательным первых трех склонений. Два последних примера отсутствуют у Доната, и добавлены из других источников. Их латинские образцы относятся к именам четвертого и пятого склонений.

Ниже показано, каким образом латинские примеры были «приспособлены» автором к русскому языку. Первый пример (II.):

Учитель — имя нарицательное или правое, рода мужского, числа единственного, образа единородного или простого, падения именовательного и звательного; оно склоняется, то есть изменяется, таким образом:

в именовательном — **сеи учитель,**
 в родственном — **сего оучителя,**
 в дательном — **сеиѣ учителю,**
 в виновном — **сего учителя,**
 в зательном — **о учитель,**
 в отрицательном — **ѿ сегѡ оучителя**¹¹¹.

Во множественном [числе]:

в именовательном — **се оучители,**
 в родственном — **сѣхъ учительевъ,**
 в дательном — **сѣмъ учителямъ,**
 в виновном — **сѣхъ оучителейъ,**
 в зательном — **о оучители,**
 в отрицательном — **ѿ сѣхъ учительевъ.**

Далее следует приписка о том, что в русском языке у имени во множественном числе окончания родительного и винительного падежей похожи по виду и произношению. Метод работы автора заключается в следующем: взятое из Донатова текста (*Ars minor*) латинское имя мужского рода (*magister*) переводится на русский язык и склоняется в соответствии с нормами русского языка¹¹². То же происходит и с именами

¹¹⁰ Ср. у Доната (*Ars minor*) — *magister, musa, scamnum, sacerdos, felix*; у Дмитрия — **учитель, мудрость или мѡдѡ** (гlossa на полях: **сопѣль** [гусли, флейта]), или **мѡзика, сѣдалище, сасердосъ**, то есть **сценникъ, феликсъ**.

¹¹¹ Здесь и далее спектр значений латинского аблатива передается русской формулой: «предлог ‘от’ + родительный падеж имени». Как представляется, автор ставил перед собой цель показать лишь значение «отделения» (*Abl. separationis*), которое и передавал указанной формулой. Кроме того, латинский аблатив всегда переводится Дмитрием как «отрицательное падение», что свидетельствует о том, что «отрицание» и «отделение» воспринимались им как близкие понятия. См. *Захарьин* (1991). С. 9.

¹¹² В Санкт-Петербургской рукописи приводится набранное кириллицей ла-

женского и среднего родов, однако, лишь в тех случаях, когда род имен совпадает в двух языках. Заметим также, что в отличие от Доната, который вплетает парадигмы склонений имен в свое изложение, в Казанской рукописи каждый из образцов дан в специальном разделе¹¹³ (см. *выше*, содержание трактата), иногда без титула, иногда с таковым, например:

‘Образецъ вторый, ѡ имени жѣска ро^а нарицательнѣ мѣзкнѣ’.

И далее (III):

Мѣдрость¹¹⁴ или *мѣзѣ*, или *мѣзкнѣ*¹¹⁵ — имя нарицательное, женского рода, единственного числа, образа однородного, то есть простого, падения именовательного, звательного и отрицательного склоняется таким образом:

в именовательном — *сиѣ мѣр^асть*,
 в родственном — *сеѣ мѣр^асти*,
 в дательном — *сеи мѣр^асти*,
 в виновном — *сию мѣр^асть*,
 в звательном — *ѡ мѣр^асти*.
 в отрицательном — *ѡ сеѣ мѣр^асти*.

тинское имя: *магистеръ*, которое склоняется так: *си магистеръ*, *се магистеро*, *сеиоу магистерѣ*, *сею магистера*, *ѡ магистере*; во множественном числе: *сѣѣ магистры* (формы именительного и звательного падежей совпадают), *сѣѣ магистровы*, *сиѣѣ магистры^а*, *сиѣѣ магистровъ*, *ѡ сѣи магистры*, *ѡ сиѣѣ магистеровъ* (см. *Ягич*. С. 536. Примеч. 14; С. 537. Примеч. 1-12). Эта парадигма показывает, как автор (или переписчик) пытался приспособить латинские формы к родному языку, придавая им падежные окончания русского языка. Заметим, что такой способ передачи латинских слов средствами русского языка можно трактовать и как попытку автора-переписчика следовать раннесредневековой европейской рукописной традиции передачи латиницей греческих слов, с присоединением к ним латинских окончаний. Для примера можно показать, какими способами латинские переписчики попытались транслитерировать греческое слово *ὄνειροκρίτης* («толкователь снов»): *oriniocensis*, *ornicensis*, *ornicisus*, *onocrisius*, *orinecresis*, *orincrisis*, *oricresis*, *olimcretes*, *ho...tes* — См. *Stahl W. G. Introduction // Macrobius. Commentary on the 'Dream of Scipio'*. N. Y., 1952; ²1990. P. 42.

¹¹³ Вероятно, такие разделы были введены Дмитрием для того, чтобы «перекинуть мосты между латинской и национальной языковой системой» — см. *Захарьин* (1991). С. 18.

¹¹⁴ Основания для перевода латинского ‘*musa*’ словом «мудрость» отсутствуют как в русском, так и в церковно-славянском языках. Понять истоки такого перевода Дмитрия позволяет анализ соответствующего места из латинско-немецкого издания «Доната» 1400 г. В нем ‘*musa*’ истолкована как ‘*weishait*’ (в нижненемецкой орфографии). Таким образом, «мудрость» у Дмитрия является переводом не латинского слова ‘*musa*’, а немецкого ‘*Weisheit*’ — см. *Захарьин* (1991). С. 8, со ссылкой на исследование Г. Исинга — см. *Ising, G. Zur Worigeographie spatmittelalterlicher deutscher Schriftdialekte I–II*. Akademie-Verlag, Berlin. 1968. S. 60.

¹¹⁵ В Санкт-Петербургская рукописи — другой пример (*солѣль*).

Во множественном числе:

в именительном — снѣ мрѣсти,
 в родственном — сѣхъ мрѣстѣи,
 в дательном — сѣмъ мрѣстѣиъ,
 в винном — сѣхъ мрѣстѣи,
 в звательном — ѡ мрѣстѣи.
 в отрицательном — ѿ сѣхъ мрѣстѣи.

Далее, в этом разделе дано разъяснение¹¹⁶ значений имени *мѣза*, которое отсутствуют в первоначальном тексте Доната.

’Ѡ мѣзѣи. **Мѣза** много знаменуетъ и есть перваго уклонѣнѣа, рода жѣнска, глѣтса ’Амоисъ. еже есть вода. ’І по философѣ сѣть дѣветь мѣзы, сирѣчь дѣветь угоде(и) или сосудовъ или ѡргановъ къ глаголанію, еже есть двѣ губы или оустнѣ, четѣре зѣбы начѣлныя, послѣднѣа часть ѣзыка, горло дыхалное, гортани, тѣщина, плюча. и снѣ дѣветь угодѣи глѣтса мѣзы ’Амоисъ еже есть вода. зане бѣ волготы ѡнѣ еже есть бѣ мокротъ не можетъ родѣтѣся глѣ. Пѣки глѣтса мѣзѣи пѣкогда пѣтѣи и пѣкогда мрѣстѣи ѿ мѣзы глаголѣса мѣзѣи сирѣчь умѣтѣль тоѣ хѣтрости. Астрологѣи же оубо бѣ мѣзѣ глаголють дѣветь звѣковъ кѣи нѣкое слакосогласіе сотворяють. первѣи сѣмь сѣть седмѣи плавѣи, ѡсмыи есть тѣрди. дѣвѣаго убо назнаменають землю, ѣже убо не вратѣтса по себѣ, вратѣт же са убо ѡкрѣтѣ дѣяствомъ прѣчиъ спѣрѣ ѡколо ѣа. и тогѣ роди звѣкъ имѣ неѣсѣ, ѣко убо едѣа вмѣнитса межѣ прѣчиъ звѣковъ,—

В глоссе сказано, что имя *мѣза* имеет множество значений. Например, так называется *Амоисъ*, т.е. вода; согласно философам, существует девять муз, то есть девять угодий или сосудов, или органов для речи, среди которых две губы или уста, четыре передних зуба, последняя часть языка, дыхательное горло, гортань, тщина (т.е. пустота, сужение), плюча (т.е. легкие). И эти девять угодий называются музами *Амоисъ*, то есть водой — ведь без увлажнения этих [органов] не может родиться слог. Потому и говорят, что *мѣзѣи* некогда и пение, и мудрость обозна-

¹¹⁶ Очевидно, подобное разъяснение появилось вследствие затруднений у учеников в понимании смысла этого слова. Отчасти оно напоминает этимологии ранних комментаторов Доната — Сервия, Сергия и др. Здесь мы ограничиваемся лишь указанием на этот факт, поскольку рассмотрение *Ars grammatica* Доната в ракурсе ранней комментаторско-этимологической традиции заслуживает отдельной публикации.

чала; и от *мѣзгы* называется *мѣзгикъ*, то есть умелец той хитрости¹¹⁷. Астрологи же девятью музами называют девять звуков, которые производят небесное сладкогласие. Первые семь — семь планет, восьмая же — твердь [небесная]¹¹⁸. Девятая — Земля, которая не сама по себе вращается, а вокруг себя вращает прочие сферы. И того рода звук едва различается среди прочих звуков.

Заметим, что в Санкт-Петербургской рукописи эта вставка имеет собственное заглавие, свидетельствующее о ее зависимости от Гезихия:

сїе написано Ѡ ѿного писанїа. Это заимствовано изъ Гезихїа¹¹⁹.

Третий пример (IV.) посвящен склонению нарицательного имени среднего рода — *сѣддициѣ* или *крѣсло*. Как и в предыдущих случаях, прежде дана общая информация о том, что это имя единственного числа и простое по составу; указано сходство его написания в отдельных падежах единственного числа — именительном, винительном и звательном. Соответственно:

в именовательном — сїе сѣддициѣ,
в родственном — сего сѣддициа,
в дательном — сѣмѣ сѣддициѣ,

¹¹⁷ Ср. из «Азбуковника полного», вероятно составленного Карионом Истоминым (ок. 1650–1717): «Музыка... Сия мудрость, или муза, или Музыкиа имя есть нарицательное, рода женска, числа единственного, образа однородного, еже есть простого, падения именовательного, и звательного, и отрицательного. И по философии девять музы, сїе есть девять угодий, или девять сосудов или органов ко глаголанью, еже есть две губы или устне, четыре зубы начальные, последняя, сїе есть конечная часть языка, горло дыхательное, гортани тшина и паючи, и сии девять угодиа глаголются музы, амоис, еже есть вода, зане без волготы онех, еже есть без мокрот, не может родитися глас, паки Музыкиа глаголется некогда петие, и некогда мудрость, и от музы глаголется музыка, сїе есть уметель тоя хитрости...». — См. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства, XVI–XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М.: Педагогика, 1985. С. 298–299. Ср. также этот же фрагмент с ироническим указанием на то, что перед речью необходимо прополоскать рот водой (см. «Круг миротворный [Книга историкъ]» со многими выписками из сочинений реформаторов и их противников, по списку ГПБ, ОЛДЦП Ф. 184, 1540 г., л. 47 об.) — об этом см. Tomelleri [2002]. S. 59–50, со ссылкой на исследование В. В. Колесова (см.: Колесов В. В. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб., 1991. С. 216–217).

¹¹⁸ Здесь имеется в виду твердая сфера, в античной традиции названная Апланес, охватывающая семь планетарных сфер. Е. г. см. *Макробий*. Комментарий на ‘Сон Сципиона’ I, 9, 10; I, 17, 1–3.

¹¹⁹ Ягич обращает особое внимание на разночтения этого фрагмента в Санкт-Петербургской рукописи (см. *Ягич*. С. 538. Примеч. 1–22).

в виновном — снѣ сѣдалище,
 в звательном — ѡ сѣдалище,
 в отрицательном — ѿ сего сѣдалища.

Во множественном числе:

в именовательном — сиа сѣдалища,
 в родственном — сѣх сѣдалищъ,
 в дательном — сѣмъ сѣдалища^а,
 в виновном — сиа сѣдалища,
 в звательном — ѡ сѣдалища,
 в отрицательном — ѿ сѣх сѣдалищ^а, скаминистъ.

Если латинское имя среднего рода “scamnum” автору удалось «приспособить» к русскому языку, в связи с совпадением рода одного из его значений («седалище») ¹²⁰, то с четвертым примером (V.), нарицательным именем “sacerdos”, дело обстоит иначе. По этой причине в начале раздела сделано пояснение о несоответствии общего рода латинского имени “sacerdos” мужскому роду имени «священник» в русском языке. В двух косвенных падежах, винительном и отрицательном единственного числа автор сохранил латинское написание этого имени, переданного кириллицей. В остальных падежах обоих чисел дано склонение имени «священник». В именительном падеже единственного числа указаны два варианта (латинский и русский). Отсюда та «странная смесь латинского с русским», на которую указывали исследователи.

Соответственно, в тексте:

в именовательном — сси и сиа сасердосъ, то есть сценникъ,
 в родственном — сего сциника,
 в дательном — сѣмъ сциникъ,
 в виновном — сего и сию сасердо[с]темъ,
 в звательном — ѡ сциникъ,
 в отрицательном — ѿ сего и ѿ сѣх сасердо[с]те[мъ] или сасердо[с]ти.

Во множественном числе:

в именовательном — снї и сѣх сценницъ,
 в родственном — сѣх и ѡнѣх сциниковъ,
 в дательном — сѣмъ сцинико^а,
 в виновном — снї и сѣх сциниковъ,
 в звательном — ѡ сциницъ.
 в отрицательном — ѿ снїхъ сцинико^а.

¹²⁰ Такого рода введение в текст русских аналогов параллельно с латинскими формами, привел к порождению параллельных парадигм склонения. См. *Захарьин* (1991). С. 19.

После парадигмы склонения еще раз говорится о несовпадении родов имен “sacerdos” и «священник». Даны дополнительные пояснения, что в русском языке, в отличие от латинского, это имя не принадлежит двум родам (мужскому и женскому), и что оно склоняется подобно тому, как во втором склонении изменяется имя «учитель» и прочие имена, ему подобные. Таким образом, когда переводчик сталкивался с непреодолимыми языковыми различиями, он сохранял в тексте латинскую форму. При этом вполне возможно, что в первоначальной версии перевода русские эквиваленты были вынесены на поля — во всяком случае, такая методическая установка формулируется переводчиком в «Предисловии» к русскому Донату¹²¹.

Пятый пример (VI.) вводится пояснением, что латинское нарицательное имя *felix* (felix) — которое «всяческого рода, единственного числа и простое по составу» — переводится на русский язык как *чѣнѣ* или *счастѣ*. Далее дается в кириллическом написании латинское склонение этого имени с указанием одного из его русских значений (в именительном падеже единственного числа — *чѣнѣ*):

в именительном — *сеи, сиѡ, сие чѣнѣ, филиксѣ,*
 в родственном — *сеѣго фѣлиси,*
 в дательном — *сеѡмъ фѣлиси.*
 в винновом — *сеѣго, сию фѣлисеѡмъ и сие фѣликсѣ,*
 в звательном — *ѡ фѣликсѣ.*
 в отрицательном — *ѡ сеѣго, ѡ сеѡ, ѡ сеѣго фѣлисе или фѣлиси.*

Во множественном числе:

в именительном — *сиѣ, се фѣлисеѣ и сиѡ фѣлисиѡ,*
 в родственном — *сиѣ и сеѣѡмъ фѣлисиѡмъ,*
 в дательном — *сиѡмъ фѣлисиѡѡмъ,*
 в винновом — *сиѣ и сеѣѡмъ фѣлисеѣѡмъ и сиѡ фѣлисиѡ,*
 в звательном — *ѡ фѣлисеѣ, ѡ фѣлисиѡ,*
 в отрицательном — *ѡ сиѣ фѣлисиѡѡмъ.*

Затем говорится, что и в русском языке имя *чѣнѣ* имеет всяческий род. Однако в отличие от латинского имени “felix”, которое изменяется по трем родам и одному окончанию (как *сеи, сиѡ, сие фѣликсѣ*), русское имя *чѣнѣ* изменяется по трем родам и трем окончаниям: *сеи чѣнѣ, сиѡ чѣна, сие чѣно*. Вслед за тем приводятся четыре русских значения имени *felix* (*блажѣ, счастливѣ, вога, здравѣ*) и дается их склонение по трем родам и трем окончаниям:

¹²¹ См. *Ягич*. С. 530. Об этом см. *Захарьин* (1991). С. 19.

В именительном,

в мужском роде — сѣи блажѣ, счастлѣи, бога, честѣ;
 в женском роде — сѣа блаженна, счастлѣна, богата, чѣтна;
 в среднем роде — сѣе блажено, счастливо, богато, чѣтно.

В родственном,

в мужском роде — сѣго блаженаго, счастливаго, богатаго, чѣтнаго;
 в женском роде — сѣе блаженъна, счастливъна, богатъна, чѣтнъна;
 в среднем роде — сѣго блаженагѡ, счастливагѡ, богатагѡ, чѣтнагѡ.

В дательном,

в мужском роде — сѣмѣ блаженомѣ, счастливомѣ, богато^{омѣ}, чѣтномѣ;
 в женском роде — сѣи блаженои, счастливои, богатѣи, чѣтѣи;
 в среднем роде — сѣмѣ блаженомѣ, счастливомѣ, богато^{омѣ}, чѣтномѣ.

В виновном,

в мужском роде — сѣго блаженаго, счастливагѡ, богатаго, чѣтнаго;
 в женском роде — сѣю блаженю, счастливю, богатю, чѣтню;
 в среднем роде — сѣе блаженое, счастливое, богато^е, чѣтно^е.

В звательном,

в мужском роде — ѡ блажене, ѡ счастливѣ, ѡ богате, ѡ чѣтѣ;
 в женском роде — ѡ блаженна, ѡ счастлива, ѡ богата, ѡ чѣтна;
 в среднем роде — ѡ блаженое, ѡ счастливое, ѡ богато^е, ѡ чѣтно^е.

В отрицательном,

в мужском роде — ѿ сѣгѡ блаженаго, счастливаго, богатаго, чѣтнаго;
 в женском роде — ѿ сѣе блаженъна, счастливъна, богатъна, чѣтнъна;
 в среднем роде — ѿ сѣго блаженаго, счастливаго, богатаго, чѣтнаго.

Во множественном числе, [во всех родах], так.

В именительном — сѣи блаженѣи, счастливѣи, богатѣи, чѣтѣи.

В родственном — сѣи блаженънѣ, счастливънѣ, богатънѣ, чѣтнънѣ.

В дательном — сѣмѣ блаженомѣ, счастливомѣ, богато^{омѣ}, чѣтно^{омѣ}.

В звательном — ѡ блаженъна¹²², счастливѣи, богатѣи, чѣтѣи;
 ѡ блаженна, счастливѣа, богатѣа, чѣтна;
 ѡ блаженна, счастливѣа, богатѣа, чѣтна.

В отрицательном — ѿ сѣи блаженънѣ, счастливънѣ, богатънѣ, чѣтнънѣ.

Как уже было отмечено выше, два последних примера, шестой (VII.) и седьмой (VIII.), отсутствуют в *Ars minor* Доната¹²³. Первый из них вводится объяснением, что латинское имя [fructus]¹²⁴ в именитель-

¹²² Правильно: блаженѣи (как в Санкт-Петербургской рукописи). Как видно, в перечне пропущен образец винительного падежа (см. *Ягич*. С. 541. Примеч. 4).

¹²³ Об особенностях текста Доната и об отсутствии в нем отдельных, важных для обучения элементов см. *Петрова* (1999). С. 299-300.

¹²⁴ ...fructus — пропущено в Казанской рукописи.

ном и звательном падежах имеет два слога, а форма родительного падежа подобна винительному¹²⁵. Преамбула перед примером склонения также повторяется, т.е. сказано, что *плѣ* — имя нарицательное, мужского рода, единственного числа, простое по составу, именительного падежа, родительного и звательного. Затем дана парадигма склонения:

в именительном — *сеи плѣ*,
 в родственном — *се҃го плѣда*,
 в дательном — *се҃мѣ плѣдѣ*,
 в виновном — *се҃го плѣда*,
 в звательном — *ѡ плѣ*,
 в отрицательном — *ѡ҃ се҃го плѣда*.

Во множественном числе:

в именительном — *сѣк плѣды*,
 в родственном — *сѣкѣ плѣдовѣ*,
 в дательном — *сѣмѣ плѣдомѣ*¹²⁶,
 в виновном — *сѣкѣ плѣдовѣ*,
 в звательном — *ѡ плѣдовѣ*,
 в отрицательном — *ѡ҃ сѣкѣ плѣдовѣ*.

Последний пример вводится заглавием:

**Подѣбникъ се҃мыи҃ сѣце҃ ѹклонѣтсѣ по латыньскомѹ
 ѣзыкѹ ѣ ѹклонѣнїю.**

Принцип его подачи тот же самый, что и в предыдущих случаях. Однако уже в титуле указано, что имя *спецїе҃сѣ* (*species*)¹²⁷ будет скло-

¹²⁵ Д. Б. Захарьин замечает, что комментарий Дм. Герасимова о сходстве окончаний: «... по словѣньскомѹ ѣзыкѹ ... рѣственны҃ѣ подобѣ҃е҃ е҃сть виновномѹ» (см. *Ягич*. С. 541), — является верным только для одушевленных существительных, хотя Дмитрий ошибочно иллюстрирует действие правила склонением неодушевленного существительного «плод» — см. *Захарьин* (1991). С. 19 и Примеч. 18 к этому месту (см. Там же. С. 27).

¹²⁶ Ср. в Санкт-Петербургской рукописи записано: *сѣмо плѣдома* (см. *Ягич*. С. 541. Примеч. 8).

¹²⁷ Заметим, что в Санкт-Петербургской рукописи записано *спецїе҃сѣк* (см. *Ягич*. С. 542. Примеч. 3), т.е. в этом списке (в отличие от Казанского) воспроизводится средневековый тип произношения. Соответственно, далее приведены соответствующие падежные формы. Для единственного числа: в родственном — *сѣ спецїе҃сѣ* (что ошибочно), дательном — *спецїе҃сѣ*, виновном — *спецїе҃сѣ*, звательном — *спецїе҃сѣ*, отрицательном — *спецїе҃сѣ*. Для множественного числа: в родственном — *спецїе҃сѣ*, дательном — *спецїе҃сѣ*, виновном — *спецїе҃сѣ*, звательном — *спецїе҃сѣ*, отрицательном — *спецїе҃сѣ* (см. *Ягич*. С. 542. Примеч. 5-13). Ср. в латинском языке в единственном числе: nom. — *species*; gen., dat. — *speciei*; acc. — *speciem*; abl. — *specie*.

няться на латинском языке. Тем не менее, автор все же приводит русские эквиваленты для этого имени в двух падежах — именительном единственного числа и отрицательном множественного.

Спесієсь — имя нарицательное, женского рода, единственного числа, простое по составу, именительного падежа и звательного, склоняется так:

в именительном — **сиа спесієсь**, то есть **лѣпота**,
 в родственном — **сѣа спесії**,
 в дательном — **сѣи спесії**,
 в виновном — **сню спесіємъ**,
 в звательном — **ѡ спесієсь**,
 в отрицательном — **ѡ сѣа спесіє**.

Во множественном числе,

в именительном — **сѣ спесієсь**,
 в родственном — **сѣх спесієрѣ**,
 в дательном — **сѣм спесієрѣ**,
 в виновном — **сѣх спесієсь**,
 в звательном — **ѡ спесієсь**,
 в отрицательном — **ѡ сихъ лѣпотъ**.

После записанного кириллицей образца склонения для *species*¹²⁸, следует разъяснение его значений.

Слѣ же вѣдомо да естъ, чѣ ради слѣ има спесієсь по всѣмъ падѣніемъ в словенскомъ ꙗзыцѣ непреведено естъ. зане многа знаменаетъ, сирѣ спесієсь естъ лѣпота, или ѡбра^а, или сѣщество нѣкіе вѣщи, или бытїе. и еще спесієсь глѣтса нѣчто проповѣдаемое в логікѣ или в диалетікѣ. спесієсь естъ еже проповѣдзетса ѡ многи^х разлїкзющи^х в числѣ. ещѣ спесієсь глѣтса слўчая нападѣніе^х чѣстей вѣщаниа. спесіє естъ начѣльное ўражѣніе вѣщаниа, по немъ^ю бывѣѣт первоположнаго и исходнаго имени разлїчїе. глѣт же сѣа спесієсь нападѣніа или вина или вѣщъ. спесіє (sic) же глѣтса и зѣлие блѣговонное, мѣшка и корїца и ѣнбїрь и перец и ѣные! Сѣа уклонѣнна писаны по латынскомъ ѡбычаю, и ктѣ хочѣт писати по рѣскомъ ѡбычаю, и емѣ янїе концы именъ писати і слова а^бчнїе ѣнїе^ю.

¹²⁸ О характерном для Дмитрия методе параллельного предоставления читателю не только латинских слов, но и их русских эквивалентов, имевшем целью выявление сходств и различий между русским и латинским языками, стимулировавшим впоследствии возникновение параллельных парадигм склонения и способствовавшего развитию отечественной грамматической мысли, см. *Захарьин* (1991). С. 19.

Итак, *спесиесъ* есть «красота» или «образ», или «сущность» некой вещи, или ее «бытие». Еще этим именем называется то, о чем учит логика или диалектика. Кроме того, так называют то, что различается по числу, а также изменяемые свойства у частей речи и их исходные формы. Также *спесиесъ* — есть повод или причина, или вещь. Кроме того, *спеси* (*sic*) называют пряности: мускат, корицу, имбирь, перец и другие. В конце разъяснения следует наставление писать русские окончания при склонении этого имени по-русски. Нет нужды повторять, что пояснения такого рода в оригинальном тексте Доната отсутствуют.

Рассмотрев примеры склонения имен, можно заключить, что почти во всех случаях (за исключением имени “*species*”) автор смог подобрать соответствующие русские эквиваленты латинским именам, как в прямых, так и косвенных падежах, хотя и за некоторыми исключениями оговорками (как в случае с именами *sacerdos* и *felix*)¹²⁹. Остается без ответа вопрос, как можно было использовать эти примеры при обучении русскому языку, ввиду наличия латинских элементов в парадигмах склонений русских имен, а также из-за различий в числе склонений в обоих языках¹³⁰. После примеров имен, начинается следующий раздел — латинский, тоже построенный в виде вопросов учителя и ответов ученика, призванный проверить полученные знания последнего уже в отношении латинского языка. Очевидно, что все вопросы распределены в порядке изучения материала, то есть сначала говорится о латинских именах первого и второго склонений, затем об именах третьего, и после — об именах четвертого и пятого. Почти все разделы Казанской рукописи, за исключением имен второго склонения, имеют отдельные титулы, типа:

Въпрашаниа ѿ Ѡвѣщаниа.

Ниже мы даем парафраз этих диалогов, сопровождая их пояснениями, предварительно заметив, что в тексте Доната этих диалогов нет¹³¹.

¹²⁹ Рассматривая вопрос немецкого влияния на русскую грамматическую мысль и разбирая пример склонения имени *спесиесъ*, Д. Б. Захарьин замечает (см. *Захарьин* [1991]. С. 18), что Герасимов весьма точно копирует стиль «двуязычных грамматик», распространенных в ту эпоху в Германии, предполагающих эксплицитные объяснения всех тех латинских форм и значений, которые с трудом воспринимались с позиций немецкого языка.

¹³⁰ В этой связи сделанный Д. Б. Захарьиным вывод представляется весьма убедительным: «...грамматика, которую переработал Герасимов, скорее всего осталась тем, чем она и была — учебником латыни; новыми оказались лишь принципы расположения и подачи материала» (см. *Захарьин* [1991]. С. 18).

¹³¹ Изложение такого рода отчасти напоминает сильно упрощенный и сокращенный, и, очевидно, воспринятый опосредованно текст Присциана — см. *Prisciani*

[IX.] *Вопросы и ответы* [по первому склонению латинских имен]

[Вопрос]: Сколько конечных (кончальныѣ) букв¹³² и сколько окончаний (кончаниа)¹³³ в первом уклонении у латинских имен?

[Ответ]: В первом уклонении у всех латинских имен две конечные буквы; это а и с¹³⁴. Окончаний же — три, то есть а, асѣ и есѣ. Для всех трех [случаев] даны примеры в этом списке. Окончанию а — пример поэта; асѣ — внаесѣ; есѣ — вхизисѣ¹³⁵.

И по таким трем окончаниям и примерам многие латинские имена относятся к первому уклонению.

В.: В первом уклонении сколько конечных букв?

О.: Две.

В.: Какие?

О.: а и с.

В.: Сколько окончаний?

О.: Три.

В.: Какие?

О.: а, асѣ, есѣ.

Institutionum grammaticarum libri XVIII / Ed. H. Keil // Grammatici Latini. Lipsiae, 1855. Vol. II (далее — *Prisc. Inst. gramm.*). Ниже будут указаны случаи содержательного сходства между русским «Донатом» и текстом Присциана (см. Примеч. 135-136; 139-144; 149-150; 152-153; 155-159; 161-164; 166-201 — см. *ниже*).

¹³² В оригинале: Колицы сътъ буквѣв сирѣѣ слова азбѣчныѣ кончальныѣ... (см. *Ягич. С. 542*). Здесь интересно обратить внимание на сообщение Н. М. Карамзина: «В одной рукописной новгородской летописи... сказано: “Ведати подобает, яко Славено-Российский народ в лето 790 от Р. Х. начат письмены имети; зане в том годе царь греческий брань с словяны имея и мир с ними содела, посла им в знамение приятства *литеры, сиречь слова азбучныѣ* (выделено нами. — *М. П.*)...”». — см. *Карамзин Н. М. Примечания к I Тому «Истории Государства Российского» 532 (Т. I. Гл. X) // Карамзин Н. М. История государства Российского в двенадцати томах. М.: Наука, 1989. С. 312.*

¹³³ О вариативности грамматической терминологии применительно к латинскому термину flexio — коньчание / оконьчание / коньчаемое / коньчальная, см. *Захарьин (1991). С. 15.*

¹³⁴ На полях в этом месте дана глосса: *Поета ѿ нама достѣйствѣта, сирѣчь мѣцѣ. ѿленѣ, вхизисѣ, философи были я грецкѣ в старинѣ.* См. *Ягич. С. 543. Примеч. 2.*

¹³⁵ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De obliquis casibus primae declinationis (GL II. P. 284, vv. 11-16): “Prima declinatio habet terminaciones in nominativo tres, ‘a as es’: in ‘a’ tam Latinorum quam Graecorum, tam masculinorum quam feminorum et communium, in ‘as’ vero et in ‘es’ Graecorum tantum et masculinorum, ut ‘hic scriba, poeta’, ‘haec Roma, Musa’, ‘hic’ et ‘haec advena’, ‘hic Aeneas’, ‘hic Anchises’ ”* — «В первом склонении в номинативе три окончания: -а, -ас [и] -ес; на -а [оканчиваются имена] как латинские, так и греческие, как мужского, так и женского, и общего [родов]; на -ас же и на -ес — только греческие и мужского [рода], как ‘hic scriba, poeta’, ‘haec Roma, Musa’, ‘hic’ и ‘haec advena’, ‘hic Aeneas’, ‘hic Anchises’».

В.: Дай образец или подобник.

О.: [Окончание] а как поэта, аеъ как енеаеъ, ееъ как енехизеъ.

В.: Как распознать первое уклонение?

О.: Это такое уклонение, у которого родственное и дательное [падения] в единственном [числе], и именовательное, и звательное во множественном [числе] на ае продолжное¹³⁶, то есть на е долгие¹³⁷ оканчиваются¹³⁸. Виновное — на амъ сокращенное¹³⁹. Звательное [падение] подобно именовательно-му¹⁴⁰. Отрицательное [падение] — на а продолжное [оканчи-

¹³⁶ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De obliquis casibus primae declinationis* (GL II. P. 284, vv. 17-21): “Eius genetivus et dativus in ‘ae’ diphtongon desinit. Et pares habent syllabas nominativo, ut ‘hic poeta huius poetae’, ‘hic Aeneas huius Aeneae huic Aeneae’, ‘hic Anchises huius Anchisae huic Anchisae’, nisi divisio fiat in genetivo poetica, qua frequenter veteres Romanorum poetae utuntur, ‘Aeneai’ et ‘Anchisai’ et ‘pictai’ et ‘aulai’ pro ‘Aeneae, Anchisae, pictae, aulae’ dicentes”. — «У них генетив и датив завершается на дифтонг -ae. И в номинативе у них равное количество слогов, как ‘hic poeta — huius poetae — huic poetae’, ‘hic Aeneas — huius Aeneae — huic Aeneae’, если только в генетиве не происходит поэтического разделения, которым часто пользовались древние римские поэты, [как, например], говоря: ‘Aeneai’ и ‘Anchisai’, и ‘pictai’, и ‘aulai’ вместо ‘Aeneae, Anchisae, pictae, aulae’».

¹³⁷ Заметим, что в латинских грамматических текстах понятия «буква» и «звук» часто смешиваются; буква является лишь письменным знаком для выражения звука, в связи с чем, она не может быть ни согласной, ни гласной (долгой или краткой). Здесь и далее, следуя предшествующей традиции, а также для краткости мы употребляем выражения: «долгая» или «краткая», подразумевая «букву, означающую гласный (долгий / краткий) звук; либо слог с такой буквой». См. *Петрова М. С. Рецепция Донатовой Ars grammatica Кассиодором Сенатором // ДсВ (2009). С. 199. Примеч. 10.*

¹³⁸ Как и выше (см. Примеч. 127 [с. 341]) указываются окончания двух типов произношения, классического и средневекового.

¹³⁹ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo singulari primae declinationis* (GL II. P. 285, vv. 13-16): “Accusativus ‘ae’ diphtongum genetivi sive dativi mutat in ‘am’, ut ‘poetae hunc poetam’, ‘Musae hanc Musam’. Frequentis tamen invenimus in Graecis nominibus ‘as’ et ‘es’ terminantibus accusativum Graecum proferre auctores, ‘hunc Aenean’ et ‘Anchisen’ ”. — «Аккузатив изменяет дифтонг ‘-ae’ генетива или датива на ‘-am’, как ‘poetae — hunc poetam’, ‘Musa — hanc Musam’. Однако мы часто сталкиваемся с тем, что в греческих именах, оканчивающихся на ‘-as’ и на ‘-es’ авторы предпочитают греческий аккузатив, [как, например], ‘hunc Aenean’ и ‘Anchisen’».

¹⁴⁰ Но ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De vocativo casu primae declinationis* (GL II. P. 287, vv. 19-21): “Vocativus casus primae declinationis in a correptam effertur, ut ‘poetā, Musā’, nisi sit Graecum et apud Graecos producens a servet eandem etiam apud nos productam, ut ‘Aeneā’ ”. — «Вокатив первого склонения завершается на краткую -а, как ‘poetā, Musā’, если это не [собственные] греческие [имена], а у греческих [собственных имен] сохраняется та же -а, [но] долгая, также как и у нас она удлиняется, как ‘Aeneā’».

вается]¹⁴¹, родственное множественного числа — на *арѣмѣ* сокращенное¹⁴². Дательное и отрицательное — на *исѣ* продолжное¹⁴³. Виновное — на *асѣ* продолжное оканчивается¹⁴⁴.

При рассмотрении этого раздела становится очевидным, что в его начале речь идет не столько о склонении основной массы латинских имен, относящихся к женскому роду, сколько о частных случаях — склонении имен мужского рода греческого происхождения, вошедших в латинский язык. На это указывают как перечисленные окончания *-as* и *-es*, так и приведенные примеры, среди которых имена мужского рода *poeta* — «поэт» (см. также глоссу к этому месту¹⁴⁵) и собственные имена *Aeneas* («Эней») и *Anchises* («Анхиз»). Но если имя “*poeta*” склоняется по образу и подобию латинских имен женского рода с основой на *-a* (как в единственном, так и во множественном числе), то два собственных имени изменяются по падежам лишь в единственном числе и име-

¹⁴¹ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De ablativo casu singulari primae declinationis* (GL II. P. 290, vv. 11-14): “Ablativus huius declinationis in a productam desinit; ‘ab hoc poetā’, ‘ab hac Musā’, ‘ab hoc’ et ‘ab hac advenā’. Est autem quando hunc quoque poetae e producta terminant in Graecis nominibus, quae dativum Graecum in η finiunt”. — «Аблатив этого склонения завершается на *-a* долгую, [как] ‘ab hoc poetā’, ‘ab hac Musā’, ‘ab hoc [advenā]’ и ‘ab hac advenā’. Однако иногда случается, что в греческих именах поэты завершают его на *-e* долгую, как в [слове] *poetae*, подобно тому как греческий датив они оканчивают на *-η*».

¹⁴² Здесь имеется в виду гласная *u*. Но ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo plurali primae declinationis* (GL II. P. 290, v. 21 – P. 291, v. 4): “Genetivus pluralis eiusdem declinationis fit addita ablativo singulari ‘rum’ syllaba, ut ‘ab hoc poeta, horum poetarum’; ‘ab hac Musa, harum Musarum’: producitur enim a tam in ablativo singulari quam in genetivo plurali”. — «Генетив множественного числа того же самого склонения завершается на слог ‘-rum’, добавленный к [окончанию] аблатива единственного числа, как ‘ab hoc poeta — horum poetarum’; ‘ab hac Musa — harum Musarum’; ведь *-a* становится долгой, как в аблативе единственного числа, так и в генетиве множественного».

¹⁴³ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo et ablativo plurali primae declinationis* (GL II. P. 293, vv. 10-12): “Dativus et ablativus supra dictae declinationis mutat a extremam ablativi singularis in ‘is’ productam, ut ‘a poeta, his’ et ‘ab his poetis’ et ‘[a — добавлено нами. *M. II.*] Musa, his’ et ‘ab his Musis’”. — «Датив и аблатив у упомянутого выше склонения изменяет крайнюю *-a* аблатива единственного числа на *-is* [с] долгой [i], как ‘a poeta — his [poetis]’ и ‘ab his poetis’, и [a] Musa — his [Musis]’, и ‘ab his Musis’».

¹⁴⁴ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo plurali primae declinationis* (GL II. P. 294, vv. 14-15): “Accusativus quoque pluralis fit addita s ablativo singulari. Producitur enim, ut ‘hos poetās’, ‘has Musās’”. — «Аккузатив также получается присоединением *-s* к аблативу единственного числа. Ведь [его крайний слог] становится долгим, как ‘hos poetās’, ‘has Musās’».

¹⁴⁵ См. *выше*, Примеч. 134 (с. 344).

ют некоторые особенности. Эти особенности, о которых в русском «Донате» ничего не сказано, проявляются как в косвенных падежах — в аккузативе (-am/-em, соответственно) и в аблативе (-e, для Anchises), так и в прямом падеже — вокативе (-e, для Anchises)¹⁴⁶.

В заключительной части раздела, начиная с вопроса: «Как распознать первое склонение», — изложение строится иначе, применительно к склонению большинства латинских имен женского рода, имеющих в основе гласную -a, как долгую, так и краткую¹⁴⁷. Сначала перечислены случаи сходства падежных окончаний у имен в единственном и множественном числе, затем говорится об оставшихся падежных окончаниях. Все записи окончаний сделаны кириллицей. Мы же удобства изложения помещаем окончания в таблицу (1) в латинском и кириллическом написании.

Таблица 1

ОКОНЧАНИЯ ЛАТИНСКИХ ИМЕН ПЕРВОГО СКЛОНЕНИЯ

Casus (Падеж)	Numerus Singularis (Sing.) (Единственное число)	Numerus Pluralis (Pl.) (Множественное число)
Nominativus (Nom.) (Именительный)	-a [-а]	-āe (-ē) [-āе, -ē]
Genetivus (Gen.) (Родительный)	-āe (-ē) [-āе, -ē]	-ārum [-ārѹм]
Dativus (Dat.) (Дательный)	-āe (-ē) [-āе, -ē]	-īs [-исѣ]
Accusativus (Acc.) (Винительный)	-am [-амѣ]	-ās [-асѣ]
Ablativus (Abl.) (Творительный)	-ā [-ā]	-īs [-исѣ]
Vocativus (Voc.) (Звательный)	-a [-а]	-āe (-e) [-āе, -ē]

Далее следует раздел об именах второго склонения.

[X. Вопросы и ответы по второму склонению латинских имен]

[Вопрос]: Сколько конечных букв и сколько окончаний во втором уклонении у латинских имен?

¹⁴⁶ То есть эти имена в указанных случаях сохраняют греческие формы, хотя заметим, что у имени Anchises могут быть и латинские окончания (в Acc. Sing. — am; Abl. Sing. — a).

¹⁴⁷ О долготе и краткости см. *выше*, Примеч. 137 (с. 345).

О[твет]: Во втором¹⁴⁸ уклонении у всех латинских имен три конечные буквы: ρ, с, м; окончаний — шесть, то есть: еръ, ир, ѝр, ѝс, еѝс, ѝм¹⁴⁹. Всем этим шести окончаниям даны примеры в этом списке, то есть [для] ер — пример сасе̑, [для] ир — пример вир, [для] ѝр — пример сатѝр, [для] ѝс — пример доминѝс, [для] еѝс — пример тидеѝс; для оумъ — пример темплѝм¹⁵⁰. По таким трем [буквам в] окончаниях и примерам многие латинские имена второго уклонения обращаются.

В.: Сколько конечных букв во втором уклонении?

О.: Три.

В.: Какие?

О.: ρ, с, м.

В.: Сколько окончаний?

О.: Шесть.

В.: Какие?

О.: еръ, ир, ѝр, ѝс, еѝс, ѝм.

В.: Приведи пример или подобник.

О.: Окончание ер, как сасе̑¹⁵¹, то есть с̑це̑; ир, как вир, то есть муж; ѝр, как сатѝр¹⁵²; ѝс, как доминѝс, то есть Господь; еѝс, как тидеѝс¹⁵³; ѝмъ, как темплѝм¹⁵⁴, то есть церковь¹⁵⁴.

В.: Как распознать второе уклонение?

О.: Это такое уклонение, у которого родственное падение в единственном числе¹⁵⁵ и именительное, и звательное [падения]

¹⁴⁸ В издании Ягича — первом (см. *Ягич*. С. 543).

¹⁴⁹ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De obliquis casibus secundae declinationis* (GL II. P. 294, vv. 17-18): “Secunda declinatio terminationes habet nominativi sex: in ‘er’, in ‘ir’, in ‘ur’, in ‘us’, in ‘eus’, in ‘um’ ”. — «У второго склонения в номинативе шесть окончаний: ‘-er, -ir, -ur, -us, -eus, -um’».

¹⁵⁰ Пример ‘templum’ Присциан приводит при разъяснении окончаний Gen. Sing. См. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo singulari secundae declinationis* (GL II. P. 295, v. 15).

¹⁵¹ В Санкт-Петербургской рукописи: сасе̑^р (*Ягич*. С. 544. Примеч. 6).

¹⁵² Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De obliquis casibus secundae declinationis* (GL II. P. 295, vv. 4-5): “In ‘ir’ et ‘ur’ Latinorum tantum masculinorum, ut ‘vir viri’, ‘satur saturi’ ”. — «На -ir и -ur [оканчиваются] лишь латинские [имена] мужского [рода], как ‘vir — viri’ и ‘satur — saturi’».

¹⁵³ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De obliquis casibus secundae declinationis* (GL II. P. 295, vv. 10-11): “In ‘eus’ Graecorum tantum masculinorum: ‘hic Tydeus huius Tydei’, ‘hic Orpheus huius Orphei’ ”. — «На -eus [оканчиваются] только греческие [имена] мужского [рода], как: ‘Tydeus — huius Tydei’, ‘hic Orpheus — huius Orphei’».

¹⁵⁴ В Санкт-Петербургской рукописи перевод латинских слов на русский язык отсутствует (*Ягич*. С. 544. Примеч. 7).

¹⁵⁵ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo singulari secundae declinationis* (GL II. P. 295, v. 13): “Genetivus secundae declinationis in omni nomine i longa termi-

во множественном числе¹⁵⁶ оканчиваются на и продолжное; дательное и отрицательное — на w продолжное¹⁵⁷; виновное — на ѝмъ сокращенное¹⁵⁸. И тогда, когда именительное [падение] оканчивается на еръ и на ѝмъ¹⁵⁹, подобно будет ему звательное. А когда [именительное падение оканчивается] на үсъ, тогда съсъ [в звательном падении] изменится на ѐ, как доминѣс — доминиѣ¹⁶⁰. Когда же имена [оканчиваются] на иѣ, а к тому же [они и] собственные, [то] в звательном падении они [будут оканчиваться] на и, как Виргилиѣсъ — Виргилиѣ. Так и в одном имени нарицательном — то есть филиѣсъ, сын, [в звательном] — w фили и w снѣ¹⁶¹. Родственное [падение] во мно-

nantur...” — «Генетив единственного числа во всех именах оканчивается на долгую -i...».

¹⁵⁶ Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De nominativo et vocativo plurali secundae declinationis (GL II. P. 305, v. 23 – P. 306, v. 5): “Pluralis nominativus et vocativus secundae declinationis tam masculini quam feminini generis in i finitur et est similis genetivo singulari, ut ‘huius docti hi’ et ‘o docti’, ‘huius platani haec’ et ‘o platani’. In neutris vero extremam i genetivi singularis mutantes in a brevem facimus nominativum et accusativum et vocativum pluralem, ut ‘huius templi haec’ et ‘o templa’, ‘huius munii haec’ et ‘o munia’ ”. — «Номинатив и вокатив множественного числа второго склонения как мужского, так и женского родов оканчивается на -i, и таково же [окончание] у генетива единственного числа, например: ‘huius docti — hi [docti]’ и ‘o docti’, ‘huius platani — haec [platani]’ и ‘o platani’. В [именах] же среднего рода крайняя -i генетива единственного числа изменяется на краткую -a, [и так] мы производим номинатив и аккузатив, и вокатив множественного числа, как: ‘huius templi — haec [templa]’ и ‘o templa’, ‘huius munii — haec [munia]’ и ‘o munia’».

¹⁵⁷ Ср. Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo et ablativo singulari secundae declinationis (GL II. P. 297, vv. 8-13): “Dativus et ablativus singularis huius declinationis fit a genetivo mutatione extremae i in o productam...”. — «Датив и аблатив единственного числа этого же самого склонения изменяют крайнюю -i генетива на -o долгую...».

¹⁵⁸ Ср. Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo singulari secundae declinationis (GL II. P. 299, v. 16): “Accusativus quoque a genetivo fit mutatione i in ‘um’...”. — «Аккузатив также получается от генетива изменением -i на -um...».

¹⁵⁹ О сходстве падежных окончаний имен среднего рода, см. выше, Примеч. 156 (с. 349).

¹⁶⁰ Правильно: доминиѣ (Ягич. С. 544. Примеч. 9).

¹⁶¹ Ср. Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De vocativo singulari secundae declinationis (GL II. P. 300-305): “Vocativus huius declinationis, quando in r vel in m finitur nominativus, similis est ei... Sed non est vocativus a nominativo in ‘er’ desinente, sed in ‘us’ accipiendus: ‘hic Thymbrus o Thumbre’; solent enim poetae huiuscemodi saepe nomina tam in ‘er’ quam in ‘us’ proferre: ‘Teucer’ et ‘Teucus’, ‘Euander’ et ‘Euandrus’. ...In ‘us’ vero terminantia, si sint propria, i ante ‘us’ habentia, abiecta ‘us’ faciunt vocativum, ut ‘hic Virgilius o Virgili’, ‘hic Sallustius o Sallusti’, ‘hic Pompeius o Pompei’... Alia vero omnia in ‘us’ desinentia masculina seu feminina conversa ‘us’ in e faciunt vocativum: ‘hic Priamus o Priame’, ‘pius o pie’, ‘myrtus o myrte’, ‘Cynthus o Cynthie’. Exipitur unum, quod tam in e quam in i facit vocativum, quamvis sit appellativum, ‘o filie’ et ‘o fili’ ”. —

жественном числе — на *урѣмъ* сокращенное [оканчивается]¹⁶², дательное и отрицательное — на *исѣ* продолжное¹⁶³, виновное — на *исѣ* продолжное или на *а* сокращенное [оканчивается]¹⁶⁴.

Этот раздел построен так же, как и предыдущий. Вначале перечислены шесть окончаний имен, относящихся ко второму склонению (-er, -ir, -ur, -us, -eus, um). Перечень окончаний сопровождается примерами имен, соответственно: *ca[n]cer*, *i* (m) — рак; *vir*, *i* (m) — муж; *satur*, *ra*, *rum* — полный, насыщенный; *dominus*, *i* (m) — господин; *T[y]deus*, *ei* и

«Вокатив этого же самого склонения подобен [нominативу], когда номинатив оканчивается на -г или на -m... Но [у имени], номинатив [которого] оканчивается на '-er', вокатива нет, но он есть [у такого имени, которое] может принять [в номинативе] окончание '-us', [как]: 'hic Thymbrus — o Thymbre'; ведь поэты часто имеют обыкновение имена такого рода завершать как на '-er', так и на '-us', [как, например]: 'Teucer' и 'Teucus', 'Euander' и 'Euandrus'. ... А [имена], которые [в номинативе] оканчиваются на -us, если они собственные, [и] перед '-us' [они] имеют '-i', образуют вокатив отбрасыванием '-us', как 'hic Virgilius — o Virgili', 'hic Sallustius — o Sallusti', 'hic Pompeius — o Pompei'. ... Все же остальные [имена] мужского или женского родов, оканчивающиеся [в номинативе] на '-us', производят вокатив изменением '-us' на '-e', [как]: 'hic Priamus — o Priame', 'pius — o pie', 'myrte — o myrte', 'Cynthius o Cynthie'. За исключением одного, у которого вокатив бывает как на -e, так и на -i, даже если оно нарицательное, [как] 'o filie' и 'o fili'».

¹⁶² Здесь имеется в виду гласная *и*. Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo plurali secundae declinationis* (GL II. P. 306, vv. 9-11): "Et genetivus quidem fit in omni genere ab ablativo singulari assumente 'rum' ut 'ab hoc viro horum virorum', 'ab hac platano harum platanorum', 'ab hoc templo horum templorum'. — «Генетив того же [склонения] во всех родах к аблативу единственного числа присоединяет '-rum', как 'ab hoc viro — horum virorum', 'ab hac platano — harum platanorum', 'ab hoc templo — horum templorum'».

¹⁶³ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo et ablativo plurali secundae declinationis* (GL II. P. 309, vv. 7-10): "Dativus et ablativus pluralis secundae declinationis fiunt similiter ab ablativo singulari mutatione o finalis in 'is' longam, ut 'a viro his' et 'ab his viris', 'a platano his' et 'ab his platanis', 'a templo his' et 'ab his templis'". — «Датив и аблатив множественного числа второго склонения оканчиваются одинаково, изменяя конечную -o аблатива единственного числа на -is [с] долгой [-i], как: 'a viro — his [viris]' и 'ab his viris', 'a platano — his [platanis]' и 'ab his platanis', 'a templo — his [templis]' и 'ab his templis'».

¹⁶⁴ Ср. *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo plurali secundae declinationis* (GL II. P. 311, vv. 7-10): "Accusativus pluralis secundae declinationis in masculino et feminino genere fit ablativo singulari addita s: 'a docto: hos doctos', 'a platano: has platanos'. Neutra enim semper accusativum similem habent nominativo et vocativo". — «Аккузатив множественного числа второго склонения в мужском и женском роде происходит от аккузатива единственного числа, посредством добавления -s, [как] 'a docto — hos doctos', 'a platano — has platanos'. [У имен] же среднего рода аккузатив всегда подобен номинативу и вокативу».

eos (m) — Тидей; templum, i (n) — храм. Заметим, что большинство имен второго склонения в Nom. Sing. мужского и среднего родов имеет окончания -er, -us и -um; на -ig завершается часто употребляемое слово vir; на -eus, как правило, оканчиваются собственные имена греческого происхождения; -ur — значит в окончании имени прилагательного мужского рода. Далее, как и в разделе об именах первого склонения, после фразы: «Как распознать второе склонение», — упорядоченно изложены падежные окончания имен, относящихся ко второму склонению, с учетом их особенностей. Ниже они приведены в таблице (2)¹⁶⁵.

Таблица 2

ОКОНЧАНИЯ ЛАТИНСКИХ ИМЕН ВТОРОГО СКЛОНЕНИЯ

Падеж / Оконч.	Имена, оканчивающиеся в Nom. Sing. на:							
	-us		-er		-ius		-um	
	Sing.	Pl.	Sing.	Pl.	Sing.	Pl.	Sing.	Pl.
Nom.	-us	-ī	-er		-ius		-um	
Им.	[-үсць]	[-и]	[-ерць]		[-иүсць]		[-шумць]	
Gen.	-ī	-ōrum						
Род.	[-и]	[-ōрүмць]						
Dat.	-ō	-īs						
Дат.	[-ō]	[-ис]						
Acc.	-um	-ōs						-a
Вин.	[-шумць]	[-ōсць]						[-а]
Abl.	-ō	-īs						
Тв.	[-ō]	[-ис]						
Voc.	-e	-ī	-er		-i		-um	
Зв.	[-е]	[-и]	[-ерць]		[-и]		[-шумць]	

Как видно, перечень окончаний в прямых и косвенных падежах в русском «Донате» почти полный; не указано лишь окончание для Nom. Pl. имен среднего рода, которое схоже с окончанием Acc. Pl.; не говорится и об особенностях склонения собственных имен греческого происхождения (впрочем таких сведений нет и в предыдущем случае).

Следующий раздел об именах третьего склонения.

[XI.] *Вопросы и ответы [по третьему склонению латинских имен]*

[Вопрос]: Сколько конечных букв и сколько окончаний в третьем уклонении у латинских имен?

[Ответ]: В третьем уклонении у всех латинских имен десять ко-

¹⁶⁵ В незаполненных местах таблицы окончания те же, что и в соответствующих падежах у имен мужского рода, оканчивающихся в Nom. Sing. на -us.

нечных букв, а именно: а, е, о, к, л, н, р, с, т, ѝ; окончаний семьдесят восемь или немногим больше¹⁶⁶. Подобники им даны в этом списке, то есть для а — *поема*¹⁶⁷, е — *мониле*¹⁶⁸, о — *вирго*¹⁶⁹, к — *лакть*, л — *мель*, н — *номентъ*, р — *патеръ*¹⁷⁰, с — *цивельтасъ*¹⁷¹, т — *капѣтъ*¹⁷², ѝ — *фелиѝтъ*¹⁷³. И такими конечными [буквами] многие имена латинские третьего уклонения завершаются. В нашем же, русском языке следует подставлять иные русские имена.

В.: Сколько конечных букв в третьем уклонении?

¹⁶⁶ Это прямая цитата из Присциана. Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 311, vv. 11-12): “Tertia declinatio terminationes habet nominativi **septuaginta octo vel paulo plus**”. — «У третьего склонения в номинативе семьдесят восемь окончаний или немногим больше». — [Дмитрий Герасимов]. «Донат» (*Ягич. С. 545*): “... а **копчаней семдесѧ ѡсьмь, и ѡмѧло множае**”.

¹⁶⁷ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 312, v. 6): “In ‘a’ correptam neutra Graeca, ut ‘hoc poemā huius poematis’”. — «На ‘a’ краткую [завершаются] греческие [имена] среднего рода, как ‘hoc poemā — huius poematis’».

¹⁶⁸ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 312, v. 7): “In ‘e’ correptam neutra Latina, ut ‘hoc monilē huius monilis’”. — «На ‘e’ краткую [завершаются] латинские [имена] среднего рода, как ‘hoc monilē — huius monilis’».

¹⁶⁹ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 312, vv. 8-10): “In ‘o’ correptam, quam frequenter et producunt poetae, masculina desinunt vel feminina vel communia Latina vel notha: ...‘haec virgō huius virginis’...”. — «На ‘o’ краткую, хотя иногда и на долгую поэты завершают [имена] мужского или женского, или латинские [имена] общего родов, или смешанного: ... ‘haec virgō — huius virginis’...».

¹⁷⁰ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 313, vv. 19-20): “In ‘er’ correptam masculina, feminina et neutra et communia, ut ‘hic patēr huius patris’...”. — «На ‘er’ краткую [оканчиваются] имена мужского, женского и среднего, и общего родов, как ‘hic patēr — huius patris’...».

¹⁷¹ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 316, vv. 10-12): “In ‘as’ productam Graeca et Latina masculini vel feminini vel neutri vel communis generis, ut... ‘haec civitās huius civitatis’”. — «На ‘as’ [с] долгой [-a] [оканчиваются] греческие и латинские [имена] мужского или женского, или среднего, или общего родов, как ‘haec civitās — huius civitatis’».

¹⁷² Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 324, v. 5): “In ‘ut’ ‘hoc caput huius capitis’”. — «На ‘ut’ — ‘hoc caput — huius capitis’».

¹⁷³ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De tertiae declinationis terminationibus* (GL II. P. 322, vv. 26-28): “In ‘ix’ productam Graeca et Latina masculina vel feminina vel communia trium generum: ...‘hic’ et ‘haec’ et ‘hoc felīx huius felicitis’”. — «На ‘ix’ [с] долгой [-i] [оканчиваются] греческие и латинские имена мужского или женского родов, или [имена] трех родов: ... ‘hic [felīx]’ и ‘haec [felīx]’, и ‘hoc felīx — huius felicitis’».

- О.: Десять.
 В.: Какие?
 О.: а, е, ѡ, к, л, н, р, с, т, љ.
 В.: Дай образец.
 О.: а, как поема, е, как мониле, ѡ, как вирго, к, как лакъ, л, как мель,
 н, как номинъ, р, как патеръ, с, как цвѣтасъ, т, как капѣтъ, љ, как
 фелиљтъ.
 В.: Сколько [в нем] окончаний?
 О.: Семьдесят восемь или несколько больше.
 В.: Как распознать третье уклонение?
 О.: Это такое уклонение, в котором родственное [падение] единственного [числа] оканчивается на ис сокращенное¹⁷⁴; дательное — на и продолжное¹⁷⁵, виновное — на емъ или на имъ сокращенное¹⁷⁶, звательное подобно именователю¹⁷⁷ и отрицательное — на е сокращенное или на и продолжное [оканчивается]¹⁷⁸. Именовательное¹⁷⁹, виновное и звательное [падения] во множественном числе¹⁸⁰ — на ес продолжное или

¹⁷⁴ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo singulari tertiae declinationis* (GL II. P. 324, vv. 7-8): “Genetivus autem eius in ‘is’ desinit correptam...”. — «Генетив же этого [склонения] оканчивается на ‘is’ [с] краткой [-i]».

¹⁷⁵ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo casu singulari tertiae declinationis* (GL II. P. 326, v. 40): “Dativus tertiae declinationis nascitur a genetivo abiecta s producta i...”. — «Датив третьего склонения происходит от генетива, посредством удаления -s и удлинением -i».

¹⁷⁶ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo singulari tertiae declinationis* (GL II. P. 327, vv. 7-8): “Accusativus fit supra dictae declinationis ‘is’ genetivi modo in ‘em’ modo in ‘im’ conversa...”. — «Аккузатив упомянутого выше склонения получается преобразованием ‘is’ генетива то в ‘em’, то в ‘im’».

¹⁷⁷ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De vocativo casu singulari tertiae declinationis* (GL II. P. 330, v. 17): “Vocativus in tertia declinatione **similis est suo nominativo**”. — «Вокатив третьего склонения подобен своему номинативу». Это тоже прямая цитата из Присциана, см.: [Дмитрий Герасимов]. «Донат» (*Ягич. С. 545*): «...звательное подобно естъ именователю...».

¹⁷⁸ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De ablativo casu singulari tertiae declinationis* (GL II. P. 331, vv. 12-13): “Ablativus tertiae declinationis in aliis per e correptam, in aliis per i, in aliis et per e et per i profertur”. — «Аблатив третьего склонения у одних [имен] получается посредством сокращения -e, у других — сокращением -i, у третьих — сокращением и -e, и -i».

¹⁷⁹ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De nominativo plurali tertiae declinationis* (GL II. P. 331, vv. 12-13): “Nominativus pluralis fit a genetivo singulari mutata ultima ‘is’ in ‘es’ productam in masculinis et femininis et communibus...”. — «Номинатив множественного числа получается от генетива единственного числа изменением конечного -is на -es [с] долгой [-e] в [именах] мужского и женского, и общего родов...».

¹⁸⁰ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo plurali tertiae declinationis* (GL II. P. 331, vv. 12-13): “Accusativus pluralis tertiae declinationis similis est proprio

на *a* сокращенное, родственное [падение] во множественном числе — на *ŷm*¹⁸¹ или на *иѡмъ* сокращенное¹⁸² [оканчиваются], дательное и отрицательное [падения] — на *вѣсѣ* сокращенное¹⁸³.

В этом разделе дан лишь перечень русских букв, транслитерирующих конечные буквы латинских имен в форме Nom. Sing.: *a* — роема, *atis* (n) [греч.], стихотворение; *e* — *monile*, *is* (n), ожерелье; *o* — *virgo*, *inis* (f), дева; *κ* — *lac*, *lactis* (n; t. Sing.), молоко; *л* — *meI*, *mellis* (n), мед; *н* — *po-мен*, *inis* (n), имя; *p* — *pater*, *tris* (m), отец; *с* — *civitas*, *tatis* (f), гражданство; *т* — *caput*, *pitis* (n), голова; *кс* — *felix*, *icis* — счастливый. Латинские окончания для имен мужского, женского и среднего родов в русском «Донате» приведены достаточно полно. Они показаны в таблице (3):

Таблица 3

ОКОНЧАНИЯ ЛАТИНСКИХ ИМЕН ТРЕТЬЕГО СКЛОНЕНИЯ

Casus	Sing.	Pl.
Nom.	=Voc.	-ēs, -ă
Им.		[-ѣс, -ă]
Gen.	-is	-um, -iŷm
Род.	[-иѣс]	[-ѡмъ, -иѡмъ]
Dat.	-i	-bŷs
Дат.	[-и]	[-вѣсѣ]

nominativo, sicut et vocativus”. — «Аккузатив множественного числа третьего склонения схож с собственно номинативом, как и с вокативом».

¹⁸¹ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo plurali tertiae declinationis* (GL II. P. 355, vv. 21-22): “Cetera vero omnia ablativum in e solam terminantia mutant eam in ‘um’ et faciunt genetivum pluralem...”. — «Все же остальные [имена] аблатив, оканчивающийся только на -e, заменяют [-e] на ‘um’ и производят генетив множественного числа...».

¹⁸² Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo plurali tertiae declinationis* (GL II. P. 351, vv. 10-13): “Genetivus pluralis tertiae declinationis nascitur ab ablativo singulari hoc modo: cum in i vel et in e et in i desinit, correpta i assumit ‘um’...”. — «Генетив множественного числа третьего склонения получается от аблатива единственного числа таким образом: когда он оканчивается на -i или и на -i и на -e, краткая -i добавляется к ‘um’...».

¹⁸³ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo et ablativo plurali tertiae declinationis* (GL II. P. 356, vv. 21-22): “Dativus et ablativus pluralis tertiae declinationis nascitur a singulari genetivo interiecta ‘bu’...”. — «Датив и аблатив множественного числа третьего склонения происходит от генетива единственного числа, посредством включения в него ‘bu’...».

Асс.	-ēt, -īm	-ēs, -ā
Вин.	[-īмъ, -īmъ]	[-ēs, -ā]
Аbl.	-ē, -ī	-būs
Тв.	[-ī, -ī]	[-вѣсъ]
Вос.	=Nom.	-ēs, -ā
Зв.		[-ēs, -ā]

Затем приводятся сведения об изменении латинских имен четвертого склонения.

[XII.] *Вопросы и ответы*

[по четвертому склонению латинских имен]

[Вопрос]: Сколько конечных букв и сколько окончаний в четвертом уклонении у латинских имен?

[Ответ]: В четвертом уклонении у всех латинских имен две [конечные буквы], то есть с и ſ, и окончаний только два, то есть ſс и ſ¹⁸⁴. Им же обоем подобники в этом списке приведены, а именно, для ſсъ — манſс; ſ — корнſ¹⁸⁵. На эти два окончания многие имена латинские четвертого уклонения завершаются.

[В.]: Сколько [конечных букв у] слов азбучных в четвертом уклонении?

О.: Две.

В.: Какие?

О.: с и ſ.

В.: Сколько окончаний?

О.: Также два.

В.: Какие?

О.: ſс и ſ.

В.: Дай образец.

О.: ſсъ, как манſс; ſ, как корнſ.

В.: Как распознать четвертое уклонение?

¹⁸⁴ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De nominativo singulari quartae declinationis* (GL II. P. 362, vv. 4-5): "Quarta declinatio terminationes habet in nominativo duas, in 'us' cognitam et in 'u' ". — «Четвертое склонение в номинативе имеет два окончания, на 'us' [с] краткой [-u] и на 'u'».

¹⁸⁵ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De nominativo singulari quartae declinationis* (GL II. P. 362, vv. 5-8): "In 'us' masculinorum et feminorum tantummodo Latinorum, ut... 'haec manus huius manus'. In 'u' neutrorum... ut... 'hoc cornu huius cornu'... ". — «На 'us' [завершаются имена] мужского и женского родов латинского происхождения, как 'haec manus — huius manus'. На 'u' — среднего рода... как... 'hoc cornu — huius cornu'...».

О.: В нем родственное [падение] в единственном числе¹⁸⁶ и именовательное, и виновное, и звательное во множественном числе¹⁸⁷ оканчиваются на *us* продолжное, дательное на — *us* продолжное¹⁸⁸, виновное на — *us* сокращенное¹⁸⁹; звательное [падение] подобно именовательному¹⁹⁰, отрицательное — [оканчивается] на *us* продолжное¹⁹¹; родственное [падение] во множественном числе — на *us* сокращенное¹⁹², дательное и отрицательное — на *us* сокращенное¹⁹³.

Изложение материала, относящегося к склонению латинских имен четвертого склонения в русском «Донате» то же, что и описано выше. Примеры даны для имен женского рода — manus, us (рука) и среднего рода — cornu, us (рог). В таблице (4) показаны изменения окончаний.

¹⁸⁶ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo singulari quartae declinationis (GL II. P. 362, vv. 22-23): “Genetivus igitur in ‘us’ desinentium fit producta ‘us’...”. — «Следовательно, генетив, оканчивающийся на ‘us’, производит долгое ‘us’».

¹⁸⁷ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De nominativo plurali quartae declinationis (GL II. P. 363, v. 27): “Nominativus et accusativus et vocativus pluralis in hac declinatione similis est genetivo singulari...”. — «Номинатив, аккузатив и вокатив множественного числа в этом склонении схож с генетивом единственного числа».

¹⁸⁸ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo singulari quartae declinationis (GL II. P. 363, vv. 7-8): “Dativus eius declinationis fit a genetivo abiecta s et addita i, sed corripitur paenultima...”. — «Датив же этого склонения происходит от генетива посредством отбрасывания -s и добавления -i, но предпоследний слог укорачивается...».

¹⁸⁹ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo singulari quartae declinationis (GL II. P. 363, v. 18): “Accusativus quartae declinationis a nominativo fit mutata s in m...”. — «Аккузатив четвертого склонения происходит от номинатива, посредством изменения -s на -m...».

¹⁹⁰ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De vocativo singulari quartae declinationis (GL II. P. 363, v. 21): “Vocativus similis est nominativo...”. — «Вокатив подобен номинативу...». См. также: [Дмитрий Герасимов]. «Донат» (Ягич. С. 546): «... звательное подобно *est* именовательному...», — вновь встречается цитата из Прициана (ср. выше, Примеч. 166; 177 [с. 352-353]).

¹⁹¹ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De ablativo singulari quartae declinationis (GL II. P. 363, v. 24): “Ablativus a genetivo fit abiecta s, producit enim u...”. — «Аблатив происходит от генетива, посредством отбрасывания -s он производит -u...».

¹⁹² Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo plurali quartae declinationis (GL II. P. 364, vv. 5-6): “Genetivus pluralis a nominativo fit singulari abiecta s et assumpta ‘um’...”. — «Генетив множественного числа происходит от номинатива единственного числа посредством отбрасывания -s и добавления -um».

¹⁹³ Ср.: Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo et ablativo plurali quartae declinationis (GL II. P. 364, vv. 21-22): “Dativus et ablativus pluralis quartae declinationis fit a nominativo singulari mutata u in i et interposita ‘bu’...”. — «Датив и аблатив множественного числа четвертого склонения происходит от номинатива единственного числа посредством замены -u на -i и включения в него ‘bu’».

Таблица 4

ОКОНЧАНИЯ ЛАТИНСКИХ ИМЕН ЧЕТВЕРТОГО СКЛОНЕНИЯ

Падеж / Число	Sing.	Pl.
Nom.	=Voc.	-ūs
Им.		[-ŷcъ]
Gen.	-ūs	[-u]um
Род.	[-ŷcъ]	[-ŷmъ]
Dat.	-uī	-būs
Дат.	[-ŷī]	[-вѣcъ]
Асс.	-ūm	-ūs
Вин.	[-ŷmъ]	[-ŷcъ]
Abl.	-ū	-bus
Тв.	[-ŷ]	[-вѣcъ]
Voc.	=Nom.	-ūs
Зв.		[-ŷcъ]

Записи окончаний имен среднего рода отсутствуют, вероятно, из-за того, что о них было сказано ранее (применительно к именам второго и третьего склонений). Далее следует раздел о последнем, пятом склонении латинских имен.

[XIII.] *Вопросы и ответы [по пятому склонению латинских имен]*

[Вопрос]: Сколько конечных букв и сколько окончаний в пятом уклонении?

[Ответ]: [В пятом уклонении] только одна [конечная] буква, то есть *c*, и окончание у всех латинских имен также одно, то есть *esъ*. Ему же подобник приведен в этом списке — *дѣесъ*¹⁹⁴. И на это окончание и [по такому] подобнику завершаются многие латинские имена пятого склонения.

В.: Сколько [конечных букв у слов] азбучных в пятом уклонении?

О.: Одна.

¹⁹⁴ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De nominativo casu singulari quartae declinationis* (GL II. P. 365, vv. 13-15): "Quinta declinatio terminationem habet nominativi unam in 'es' productam, et sunt omnia feminini generis et Latina. Excipitur unum, 'diēs', quod in singulari numero tam masculini quam feminini generis invenitur..." — «У пятого склонения в номинативе одно окончание на '-es' [c] долгой [-e], и все эти имена женского рода и латинские. Кроме одного, 'diēs', которое в единственном числе может быть как мужского, так и женского рода...».

- В.: Какая?
 О.: Только с.
 В.: Сколько окончаний?
 О.: Также одно.
 В.: Какое?
 О.: **ѣсь** продолжное, как **диѣсь**.
 В.: Как распознать пятого склонение?
 О.: В нем родственное и дательное [падения] в единственном числе оканчиваются на **ѣ** с раздельными складами¹⁹⁵, а виновное — на **ѣмъ** сокращенное¹⁹⁶, а звательное подобно именова- тельному¹⁹⁷; отрицательное — на **ѣ** продолжное [оканчивается]¹⁹⁸. Именовательное же, виновное и звательное [падения] во множественном числе [оканчиваются] на **ѣсь** продолжное¹⁹⁹, родственное же во множественном числе — на **ѣрѣмъ** сокра- щенное²⁰⁰, дательное же и отрицательное [падения] — на **ѣсь** сокращенное²⁰¹.

¹⁹⁵ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De genetivo et dativo casu singulari quintae declinationis* (GL II. P. 366, vv. 3-4): “Genetivus et dativus eius declinationis sunt similes; fiunt enim extrema s nominativi abiecta et assumpta i...”. — «Генетив и датив единственного числа пятого склонения схожи, ведь они образуются благодаря удалению крайней -s номинатива и присоединением -i...».

¹⁹⁶ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De accusativo singulari quintae declinationis* (GL II. P. 366, vv. 20-21): “Accusativus a nominativo fit mutata s in m et necessario correpta e. Numquam enim ante m terminalem longa invenitur vocalis...”. — «Аккузатив происходит от номинатива посредством замены -s на -m с обязательным сокращением -e. Ведь никогда перед последней -m не встречается долгая гласной...».

¹⁹⁷ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De vocativo casu singulari quintae declinationis* (GL II. P. 366, v. 24): “**Vocativus similis est nominativo...**”. — «Вокатив схож с номинативом...». Ср.: [Дмитрий Герасимов]. «Донат» (*Ягич*. С. 546): “...а звательное подобное **ѣсть** именователноѣ...” (ср. *выше*, Примеч. 187 [с. 356]).

¹⁹⁸ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De ablativo singulari quintae declinationis* (GL II. P. 367, v. 2): “Ablativus quoque fit a nominativo abiecta s...”. — «Аблатив также происходит посредством отбрасывания -s от номинатива...».

¹⁹⁹ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De pluralibus casibus quintae declinationis* (GL II. P. 367, vv. 12-13): “Nominativus pluralis et accusativus et vocativus similis est nominativo singulari...”. — «Номинатив множественного числа, аккузатив и вокатив подобны номинативу единственного».

²⁰⁰ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De pluralibus casibus quintae declinationis* (GL II. P. 367, v. 14): “Genetivus fit addita ablativo singulari ‘rum’...”. — «Генетив образуется добавлением к аблативу единственного числа [окончания] ‘rum’...».

²⁰¹ Ср.: *Prisc. Inst. gramm. Lib. VII: De dativo et ablativo pluralibus quintae declinationis* (GL II. P. 368, vv. 5-6): “Dativus quoque et ablativus plurales ab ablativo fiunt singulari adiecta ‘bus’...”. — «Датив, также как и аблатив множественного числа, образуется от аблатива единственного присоединением ‘bus’...».

В качестве примера приведено лишь одно имя — *dies, ei* (день). Окончания имен приведены в таблице (5).

Таблица 5

ОКОНЧАНИЯ ЛАТИНСКИХ ИМЕН ПЯТОГО СКЛОНЕНИЯ

Падеж / Число	Sing.	Pl.
Nom.	=Voc.	-ēs
Им.		[-ĕсь]
Gen.	-ēi	-erūm
Род.	[-ĕi]	[-ерѹмь]
Dat.	-ēi	-būs
Дат.	[-ĕi]	[-вѹсь]
Acc.	-ēm	-ēs
Вин.	[-ĕmь]	[-ĕсь]
Abl.	-ē	-būs
Тв.	[-ē]	[-вѹсь]
Voc.	=Nom.	-ēs
Зв.		[-ĕсь]

На этом заканчивается раздел, отведенный в русском «Донате» рассуждению о склонении латинских имен. Заметим, что в Казанской рукописи приведены полностью падежные окончания всех пяти склонений имен, и по такому изложению (в отличие от Донатова) их можно было бы выучить²⁰².

За диалогами ученика и учителя о склонениях латинских имен следует раздел, посвященный разъяснению второй части речи — «проимени», т.е. местоимения (его анализ выходит за рамки нашего исследования).

Что касается методики обучения как русскому, так и латинскому²⁰³ языкам, то она легко реконструируется по рассмотренным нами фрагментам и сводится к вопросам и ответам. Кроме того, ряд методических указаний изложен и в «Предисловии»²⁰⁴ (I.) к русскому «Донатту». В самом его начале говорится о том, что «Донат» предназначен

²⁰² О возможности обучения по *Arg minor* см. *Петрова* (1999). С. 299-300.

²⁰³ О методах обучения латинскому языку в раннее Средневековье на территории Западной Европы, см. *Петрова* (1999). С. 301-302 и Примеч. 24. О нравственном наставлении в России XVII в. см. *Мордовцев* (1862).

²⁰⁴ Несмотря на то, что «Предисловие» подписано именем «Дмитрий Толмач» отечественными исследователями высказывались сомнения в его авторстве. См. *Ягич*. С. 526-527.

для юношей, приступающих к изучению русского языка²⁰⁵. Сам процесс начального обучения грамматической науке сводится к освоению азбуки, слогов и «Малого Доната». После того как ученики осваивали чтение, они переходили к изучению склонений, общих для всех частей речи, за исключением служебных²⁰⁶. Задача учителя состояла не только в наставлении учеников, но и в их опросе, по мере освоения ими материала²⁰⁷. Отвечал же ученик урок в той последовательности и в том порядке, в которых он был записан в учебнике; и до тех пор, пока не выучивал пройденное наизусть²⁰⁸.

²⁰⁵ Заметим, что подобные формулировки встречаются и у латинских авторов. Например, у Кассиодора (487–578), составившего для учеников своей школы «Наставления в науках божественных и светских» — см. *Кассиодор*. Ук. соч. Кн. I. О грамматике 1-3 / Пер. П. С. Карамитти [Бродской] // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 1. С. 250-252. Сравнение с Кассиодором интересно еще и тем, что Дмитрий примерно в 1530-е гг. переводил с латинского языка составленное Бруно (XI в.), епископом Вюрцбурга, собрание толкований на Псалтирь отцов и учителей церкви (в числе которых были Иероним, Августин, Григорий Великий, Беда и Кассиодор, написавший *Expositio Psalmorum*). В этой связи можно предположить, что Дмитрий был знаком и с другими работами Кассиодора, которые могли оказать на него влияние.

²⁰⁶ В «Предисловии» отмечено, что после «Доната» ученикам надлежит перейти к четырем книгам учителя Александра и других грамматистов. То есть сначала следует изучить «Доната» (это первая книга, соответствующая Донатовой *Ars minor*); затем вторую книгу о грамматике (возможно, более углубленное изложение частей речи, вроде того, что дает Донат в *Ars maior*), далее — третью, посвященную синтаксису и, наконец, четвертую, в которой речь идет о просодии. Эта последовательность традиционна для грамматики XVI–XVII вв., в состав которой входили четыре части: 1) «орфография» (включающая в себя и сведения фонетического характера); 2) «этимология» (учение о восьми частях речи, т.е. морфология); 3) «синтаксис», включающий в себя и правила «сочинения осми частей слова», и учение о тропах и фигурах; 4) «просодия» (учение о разных видах ударения и его обозначении на письме, или учение о стихотворных размерах). Подробнее см. *Мечковская* (1984). С. 34-35. О композиции «Предисловия» и его связи со средневековой традицией латинско-немецких грамматик, см. *Захарьин* (1991). С. 16-17. В таком «ступенчатом» изучении грамматической науки (от частей речи к синтаксису, просодии и стихосложению) проявляется влияние античной образовательной традиции.

²⁰⁷ Весь процесс обучения автор «Предисловия» сравнивает с кормящей матерью, «питающей младенца собственным молоком, а не жесткой снесью, поскольку у того еще нет зубов — так и учитель; в той мере, в которой могут ученики, наставляет и спрашивает» (*Ягич*. С. 529).

²⁰⁸ В «Предисловии» упомянуты и другие, написанные для обучения книги, предназначенные для тех, кто желает больше знать различных пословиц, заимствованных из чужих языков. Возможно, не случайно после текста русского «Доната» дан ряд латинских пословиц (см. *Ягич*. С. 619-623).

Рассматривая русского «Доната» в контексте современного языкознания, сложно ответить на вопрос, для чего автору потребовалось включить в учебник сведения, относящиеся одновременно и к русскому, и к латинскому языкам. Впрочем, с точки зрения грамматистов XVI века, этому есть некоторое объяснение. Оно содержится в следующих фрагментах «Предисловия».

Первый фрагмент таков²⁰⁹.

Сие же вѣдомо да естъ ꙗже причастїи сиѣ написаныѣ в книзе сѣи, никїи оучитель, ꙗще и вельми хїгръ бѣдетъ и вѣдѣцъ ꙗзвѣстно латыньскѣю рѣчь ꙗ рѣскѣю, не бѣдетъ мѡщѣ написати слѡво в слѡво по сѣщему латыньскомѣ на рѣскїи ꙗзѣкъ в настоꙗщей сеѣ книзѣ, беѣ прибавленна нѣкиѣ речѣи ꙗли убавленна. сїце ꙗ здѣ, еже ꙗзъ переведоѣ на рѣское, пиша поверхъ латыньскаго, не бѣде никтѡ полно разумѣти, чтучи рѣскїи ꙗзѣкомѣ, ꙗ не учївса по латыньскїи. ꙗще ли кто хѡщѣ сѣ причастна ꙗзвѣстно разумѣти, чтучи рѣскою рѣчию, то подобаѣ емѣ написати ꙗхъ подобно латыньскому, а не по сѣщемѣ латыньскомѣ, написати же иѣ токмо едїнымѣ рѣскїимъ ꙗзѣкомѣ беѣ латыньскаго, ꙗ прилагати нѣкиа прибавленна разумѣнна ради. ꙗ сїце бѣде в лѣпотѣ ꙗ всѣмъ чтущимъ разумно. но болѣе сѣи причастна подобаѣтъ честїи ꙗ разумѣвати по латыньскїи, а на рѣскїи ꙗзѣкъ не трѣбе естъ, того ради занеже не станѣ в лѣпотѣ в рѣскомѣ ꙗзѣщѣ.

Слова: «...этого не поймет тот, кто учится только русскому языку и не знает латинского», — позволяют предположить, что учащийся, приступая к изучению одного из языков, должен был знать основы другого. Эта фраза напоминает ту, что содержится в подписи Дмитрия к переводу «Доната» о его собственном обучении одновременно и немецкому, и латинскому языкам²¹⁰. Если это так, то становится понятным, почему далее говорится об особенностях изучения причастий в двух языках и бегло разбираются «проблемные» примеры, среди которых *sacerdos* (sacerdos), *аквіла* (aquila) и *мильвѣсъ* (milvus).

Второй фрагмент²¹¹.

²⁰⁹ См. *Ягич*. С. 531-532.

²¹⁰ См. *выше*, С. 320.

²¹¹ См. *Ягич*. С. 530.

Спе же да естъ вѣдомо, ꙗже сїи слова ꙗ концы словннї превѣше на словѣньскѣю рѣ^ѣ в сѣщѣ^ѣ сирѣ^ѣ в радѣ^ѣ неудобѣ^ѣ возмѣжнї бѣдѣ^ѣ в лѣпотѣ^ѣ поставитиса. сегѣ радї ꙗ непреведени сѣтъ на словѣньскїи ꙗзыкѣ в радѣ^ѣ, во на поле^ѣ. ꙗще ли же вѣкнї разѣмннї ꙗ мѣдрнї му* восхѣщѣ^ѣ ѡ снѣ^ѣ неленївъ бѣгнї ꙗ бѣлїи трѣ^ѣ приложїтнї, ꙗ ѡнѣ прочѣ^ѣ ввѣтнѣ сїю кнїгѣ^ѣ ѡ начѣла ꙗ до коца, ꙗ извѣстнѣ ѡразѣмѣ^ѣ еѣ, ꙗ ꙗкн снѣ^ѣ вѣкнѣ в вѣщаннїи воспрїемѣ, мнѣ, еже тѣи мѣщѣнѣ бѣдѣ^ѣ сѣ бѣжнѣю пѣмощнѣю, начѣ^ѣ ѡ начѣла пѣрвннѣ частнї вѣщанннн дѣже до конца ѡсмыѣ, ꙗже естъ послѣдннн, всѣю снѣю кнїгѣ^ѣ поставннн в лѣпотѣ^ѣ по ѡбѣчѣю словѣньскѣю ꙗзыка.

Текст свидетельствует о том, что отдельные латинские слова переводились на русский язык из практических соображений. При этом они записывались кириллицей на полях или между строк, поверх латинских слов. Вполне возможно, что с течением времени при копировании русского «Доната» такие интерлинейрные и маргинальные записи попадали в основной текст, делая его не столько более ясным, сколько более странным.

* * *

В целом, на основании сравнительного анализа фрагментов о буквах, частях речи и, собственно, имени, а также примеров имен из русского «Доната» Казанской рукописи и Донатовой *Ars grammatica*, можно сделать ряд выводов.

- Во-первых, к оригинальному тексту Доната русский «Донат» имеет лишь косвенное (лучше сказать, весьма отдаленное) отношение, несмотря на то, что в основе отдельных его абзацев об имени лежат соответствующие отрывки из *Ars grammatica* (в большей степени из *Ars minor*; в меньшей — из *Ars maior*). Однако вопросо-ответная форма подачи грамматического материала несомненно восходит к Донатовой *Ars minor*.

- Во-вторых, несмотря на заявленную во «Введении» цель создать учебник по русскому и латинскому языкам, у автора могла быть и другая, не декларируемая цель — попытаться приспособить латинский грамматический инструментарий к выработке понятийной системы и грамматической теории русского (славянского) языка.

- В-третьих, работа Дмитрия (и его редакторов-продолжателей) представляет собой оригинальный филологический труд, в основе которого лежит не только некая, сильно переработанная средневековая компиляция *Ars grammatica* Доната, но и другие латинские тексты, например, Присциана²¹².

²¹² Обнаружение параллелей с грамматикой Присциана, не отмечавшееся ра-

• В-четвертых, сравнительный анализ соответствующих фрагментов из *Ars grammatica* Доната и Казанской рукописи, позволяет реконструировать конкретный случай усвоения латинского грамматического знания — пусть в весьма опосредованном виде — русской ученостью в XVI–XVII вв. и его приспособления к педагогическим нуждам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания текста, приписываемого Дмитрию Герасимову

Ягич И. В. Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1896.

Ягич И. В. Изследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1895–1895. С. 812-911.

Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri. Köln – Weimar – Wien: Böhlau, 2002. 511 S.

Издания Ars grammatica Доната

Donati ars grammatica / Ed. H. Keil // Grammatici Latini. Lipsiae, 1864. Vol. IV.

Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981.

Издание Institutionum grammaticarum Присциана

Prisciani Institutionum grammaticarum libri XVIII / Ed. H. Keil // Grammatici Latini. Lipsiae, 1855. Vol. II.

Перевод на русский язык Ars Minor Доната

Донат. Краткая наука о частях речи / Пер. с лат., примеч. М. С. Петровой // Диалог со временем 1 (1999).

Исследования

Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1: XIII в. – 1825 г. СПб., 1904.

Гаманович [иеромонах Алий]. Грамматика церковно-славянского языка. М.: Худож. литерат., 1991.

Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник (О книге D. S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus. 1983. 176 p.) // Russian Linguistics 10 (1986).

Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков профессора А. И. Соболевского. СПб.: Синодальная Типография, 1899.

Захарьин Д. Б. О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // Russian Linguistics 15/3 (1991).

Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972; или <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3816> (февраль, 2010).

нее, представляет собой важное открытие, позволяющее по иному понять природу и композиционную структуру русского «Доната», как сложного, многослойного текста, вобравшего в себя различные латинские грамматики, а также их современные Дмитрию западно-европейские (немецкие) переработки.

- Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: АН СССР, ИРЛИ, 1988. Т. 2. Вып. 1.
- Ковтун Л. С., Симицына Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973.
- Колесов В. В. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб., 1991.
- Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: УРСС, 2004 (¹1953).
- Макарий (Веретенников). Толмач Дмитрий Герасимов // Макарий (Веретенников). Святая Русь: агнография, история, иерархия. М.: Индрик, 2005.
- Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского. В 3-х тт. СПб., 1893. Томъ Второй [Л-П].
- Мечковская Н. Б. Ранние восточно-славянские грамматики / Ред. А. Е. Супрун. Минск: Изд. Университетское, 1984.
- Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII в. М., 1862.
- Петрова М. С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: "Ars minor" Доната // Диалог со временем 1 (1999).
- Петрова М. С. Марциан Капелла: просопографический очерк // Диалог со временем (2000).
- Петрова М. С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008).
- Петрова М. С. Рецепция Донатовой Ars grammatica Кассиодором Сенатором // Диалог со временем 28 (2009).
- Ромодановская В. А. Рецензия. Новая книга о «Русском Донате» // Русский язык в научном освещении 2 [8] (2004).
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. // Библиографические материалы № 1. СПб., 1903.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект-Пресс, 2002; 1-е изд. — München, 1987.
- Ягич И. В. История Славянской филологии. СПб., 1910; репринт М.: Индрик, 2003.
- Berkov, P. N. Ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen in der vorpetrinischen Zeit // Zeitschrift für slavische Philologie 30 (1962).
- Chase W. J. [Preface] // Ars minor of Donatus. Madison: University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History, 1926.
- Ising, G. Zur Worigeographie spatmittelalterlicher deutscher Schriftdialekte I–II. Akademie-Verlag, Berlin. 1968.
- Schwenke, P. Die Donat- und Kalendartype. Mainz, 1903.
- Stahl, W. G. Introduction // Macrobius. Commentary on the 'Dream of Scipio'. N. Y., 1990 (¹1952).
- Петрова Майя Станиславовна**, д.и.н., доц., ведущий научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; beio-nyu@mail.ru

С. Б. КРИХ

О «БРИТВЕ ОККАМА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ПО ПОВОДУ «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ЭПОХ» А. В. ЮДИНА*

Статья посвящена анализу и критике концепции развития исторической науки, предложенной А. В. Юдиным. Выдвижение такой концепции свидетельствует о скрыто марксистском характере развития отечественной историографии.

Ключевые слова: историография античности, методология, критика эволюционизма, тенденции развития отечественной науки.

Предлагая читателям следующие соображения, оговоримся, что их целью является не спор с точкой зрения А. В. Юдина, а размышление о тенденциях в современной отечественной историографии. Дискуссионность предложенной А. В. Юдиным схемы очевидна для любого специалиста по историографии античности, но использованные при ее построении методы и образцы мышления требуют отдельного внимания и анализа, поскольку свидетельствуют об определённом состоянии умов и о перспективах гуманитарного знания в нашей стране.

Речь пойдёт о трёх статьях¹. Все они излагают одну и ту же идею и частично совпадают по содержанию. Идея эта вкратце такова. История антиковедения может быть разделена на три историографические эпохи (доклассическую, классическую, постклассическую²), каждая из эпох делится на периоды, а между периодами и эпохами лежат переходные промежутки, называемые интервалами (они же «разрывы» или «переломы»³) или интервалами-кризисами («кризисы упадка» и «креативные кризисы»)⁴. Далее к этой теоретической основе прилагается несколько общих соображений и схема развития науки. Создаётся впечатление, что концепция у автора вполне сложилась, и он подаёт её со всё большей детализацией и увлечением. Изложение подчас навеивает параллели

* Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, ГК № 02.740. 11.0350.

¹ Юдин. 2009в.; Он же. 2009а; Он же 2009б.

² Однажды она названа «постнеклассической». Юдин. 2009а. С. 260.

³ Там же. С. 244.

⁴ Юдин. 2009б. С. 61.

с неостановимым напором шпенглеровского метанарратива: как только автор доходит до деталей, возражать по большому счёту уже нечего, глаза разбегаются от обилия странно совпадающих датировок, неоднозначных характеристик научных работ, смелых обобщений и захватывающего ощущения связанного сюжета, длящегося несколько столетий⁵. Так что основные замечания уместно делать, пока автор не устремился к деталям, а только проводит обоснование своих идей.

Обратимся к более подробному анализу используемых основных понятий: эпохи, периода, интервала. Под эпохой А. В. Юдин предлагает понимать «длительный, наиболее протяжённый этап развития научных знаний о древности, отличающийся спецификой мировоззренческих подходов большинства исследователей древности к оценке и интерпретации античности и соотношением этих подходов между собой»⁶. Кроме некоторых странностей в формулировке («отличающийся спецификой», т.е. «отличающийся особенностью»; «большинства исследователей» – т.е. остаётся ещё какое-то выведенное за скобки меньшинство), ничего, кроме того, что «эпоха» – это самый большой из этапов, мы не узнаём. Правда, автор старается конкретизировать свою мысль о сущности термина рядом пунктов: 1) это наиболее длительный этап, предполагающий деление на меньшие этапы; 2) у каждой эпохи есть собственные закономерности развития исторической науки; 3) и свой господствующий подход к изучению прошлого, зависящий от типа историзма⁷. Понимая, вероятно, что всё это мало проясняет суть дела (нам вновь сказано о специфике каждой эпохи, присовокуплён уводящий мысли от конкретики термин «историзм»), А. В. Юдин добавляет пять «устойчивых характеристик» (и одновременно критериев выделения⁸) историографической эпохи: 1) наличие определённого варианта историзма; 2) особая организация исторических исследований и преемственность их проведения (отдельные исследователи, научные школы, течения); 3) собственный комплекс подходов (надо полагать, речь идёт об исследовательской методике) к работе с источниками; 4) разная степень дисциплинарной определённости антиковедения; 5) особый тип учёного⁹.

⁵ Особенно этому ощущению способствуют хронологические таблицы. Ср.: Юдин. 2009в. С. 363-370; Шпенглер. 2006. С. 228-239.

⁶ Юдин. 2009а. С. 248; Юдин. 2009в. С. 362; Юдин. 2009б. С. 59.

⁷ Юдин. 2009а. С. 249.

⁸ Не будем даже пытаться размышлять на тему, могут ли устойчивые характеристики объекта являться критериями для его выделения: ведь получается, что мы отождествляем начало изучения (критерии) и его результат (характеристики).

⁹ Там же. С. 249-251.

Отметим сразу, что, на наш взгляд, пользуясь такими критериями, выделить историографические эпохи в принципе невозможно – а вот выделив заранее эти эпохи, под них потом можно «подогнать» указанные критерии. В неявной форме проблему с выверенностью своих критериев признаёт и сам автор: например, когда уточняет, что применительно к доклассической эпохе (XV–XVIII вв.) первые два критерия исследователи почему-то упускали из виду¹⁰ (надо полагать, не случайно). Но раз эпоха удобно названа «доклассической», то и характеристики её могут быть реализованы не полностью... так название маскирует первые же несоответствия между теорией и материалом.

Не имея возможности (и необходимости) высказать все сомнения касательно выделения трёх «историографических эпох», укажем на центральную, на наш взгляд, проблему: на самом деле, исходя из характеристик автора, речь должна идти не о *трёх* эпохах, а об *одной*. Нам ведь говорили о специфике подходов для каждой эпохи, подразумевая, что эта специфика основывается на типе мышления, несводимом к типу мышления другой эпохи. Но сами названия эпох выдают их полную несамостоятельность: первая из них – доклассическая, третья – постклассическая. Вся их «специфика» раскрывается именно на сравнении с классической эпохой. Увы, подробное описание каждой из эпох только утвердит нас в этом мнении: в доклассическую эпоху используется пока мало источников, пока нет научных школ, методы только складываются, преподавание античности в отдельную сферу ещё не выделилось¹¹. Не будем утомлять читателя последовательным перечислением того, как постепенно менялись и развивались эти характеристики от эпохи к эпохе¹². Перед нами именно эволюционная схема, а в эволюционизме, как известно, преемственность важнее своеобразия.

Рассмотрим вкратце также периоды и интервалы. Критерии выделения периода: 1) доминирование «тех или иных философских учений, определявших парадигмы мышления больших групп интеллектуалов»¹³; 2) господство в науке (страны или региона) нескольких ведущих научных направлений; 3) результативная деятельность научных школ. Не говоря о том, что критерии выделения периода не очень подходят к вы-

¹⁰ Там же. С. 250; 252.

¹¹ Там же. С. 252-254.

¹² Характеристика классической эпохи и вовсе сводится к бессильной констатации того, что в это время появились классические труды, «которые стали фундаментом профессионального образования любого специалиста по древней истории». Там же. С. 255.

¹³ Там же. С. 241-242.

деленным автором эпохам (какое, в самом деле, господство «ведущих научных направлений» в XVIII в.?), проблемы возникают при осмыслении уже первого (признанного автором главным) критерия.

Прежде всего, нам не объяснили, почему именно философские учения должны определять парадигмы мышления (а не наоборот). Конечно, философия, как и математика, основа всех наук и т.д., но всё же реальные и всегда однонаправленные связи между философией и историей начиная с XIX в. проследить достаточно сложно¹⁴. А. В. Юдин, скажем, полагает, что в классическую эпоху (1810–1910-е гг.) научные школы образуются и развиваются «при господстве гегельянства в самом широком смысле этого слова (включая все его методологические ответвления и варианты)»¹⁵, но насколько широкий смысл он готов придать гегельянству, чтобы всё подошло под такую схему? Большинство известных мне исследователей античного общества в XIX в. относились к теории Гегеля, мягко говоря, скептически, а значительная часть и вовсе не была с ней подробно знакома (вот и всплыла проблема «большинства»; разве «большинство» определяет характер науки и перемены в ней?). Конечно, можно заявить, что если и не все исследователи тех лет были гегельянцами, то все находились под влиянием гегельянства, были вынуждены так или иначе реагировать на него... но за такой широтой трактовок, боюсь, исчезнет любая определённости, и можно будет доказать вообще всё что угодно. А. В. Юдин, правда, обоснованно уточняет, что интерес к Гегелю возрос в 1844–1855 гг. (переходный период, «IV интервал» в его терминологии), но неужели он искренне верит, что появление «Римской истории» (1–3 тт.) Моммзена в 1856 г. имело какую-то существенную связь с переосмыслением гегельянского наследия? Конечно, определённые представления о мире, об эволюции свободы и проч. у Гегеля и Моммзена совпадают, поскольку это люди, грубо говоря, одной эпохи, но различие конкретных воззрений, обертон высказывания мысли, самого понимания нерва истории настолько различно, что вывести Моммзена из Гегеля можно только совершенно игнорируя то, что написано как у Гегеля, так и у Моммзена!..

Что касается второго и третьего критериев, то они слишком зависят от субъективных оценок историка науки. Далеко не всегда «господ-

¹⁴ Такое понимание парадигмы, кстати, противоречит и Т. Куну, на которого, ничтоже сумняшеся, ссылается А. В. Юдин. См. *Кун*. 2001. С. 17; 129. Автор вообще любит «перевербовывать» других учёных в свой лагерь. Таким же образом он ссылается на Г. П. Мягкова, чьи взгляды на научную школу мало согласуются с предлагаемой нам трактовкой. См.: *Мягков*. 2000. С. 133–157.

¹⁵ *Юдин*. 2009а. С. 255.

ство» научного направления бывает чётко выраженным, и довольно сложно оценить результативность деятельности научных школ; А. В. Юдин использует количественные характеристики (число издаваемых работ)¹⁶, но количество и качество редко связаны напрямую. Сомневаюсь, что, скажем, итальянское антиковедение второй половины XX в. представлено меньшим объёмом трудов, чем англо-американское, что, тем не менее, не сделало первое столь же влиятельным, как второе.

Примерно то же самое можно сказать и об обосновании термина «интервал». Кроме самой идеи, что один период напрямую не перетекает в другой, и между ними должен быть некоторый «зазор» смены методов и образцов мышления – мысли полезной, хотя и не новой¹⁷ – трудно представить, чтобы в своём нынешнем воплощении эта идея сколько-нибудь помогла труду историографа. Автор, судя по формулировкам, серьёзно полагает, что за 6, 8, 12 или ещё какое-то определённое число лет меняются основные характеристики антиковедческой науки во *всех* странах, где она существует, а следовательно, специфика национальных историографий им в значительной степени нивелируется. Собственно, это формулируется как историографический факт¹⁸. Мне это совсем не кажется очевидным, но тут мы уже подходим к той части рассуждений А. В. Юдина, где перед нами, с использованием немалого числа фактов, развёрнута связанная схема эволюции историографии античности, то есть то, что очень трудно оспорить целиком и полностью.

По крайней мере, мне трудно дать квалифицированный комментарий к каждому из выделенных А. В. Юдиным периодов и интервалов, во-первых, потому что развитие, нет сомнений, происходило, как происходили и «разрывы», во-вторых, потому что я не обладаю достаточными знаниями, чтобы оценить реальное значение каждого десятилетия в изучении античности на протяжении почти половины тысячелетия. Но в тех отделах историографии античной истории, в которых мои представления до некоторой степени надёжно подкреплены знакомством с материалом, у меня есть существенные замечания и недоумения.

¹⁶ Там же. С. 243.

¹⁷ См.: Савельева, Полетаев. 1997. С. 448 сл.; Они же. 2006. С. 296.

¹⁸ При этом нельзя сказать, что А. В. Юдин сам до конца определился с датами. В статье «Кризисы в исторической науке об античности (XVII – начало XX вв.)» один из кризисов (V интервал) датирован 1886–1890 гг. (С. 59, а на С. 62 период «нормального развития» датирован 1856–1887 гг.), в статье «О преподавании историографии...» тот же V интервал обозначен 1888–1900 гг. (С. 368); в этой же статье VI интервал обозначен под 1928–1934 гг. (С. 368–369), а в «Историографических эпохах...» даты – 1928–1935 гг. (С. 260). И всё это богатство трактовок – в статьях одного автора, вышедших в один год!..

Первое. Наряду с трудами по античной истории, А. В. Юдин упоминает (и вносит в таблицы) работы, затрагивающие античную проблематику отчасти или в своеобразном ключе. О гегелевской «Философии истории» уже сказано. В 1861 г. было опубликовано «Материнское право» (Das Mutterrecht) Я. Бахофена, охарактеризованное автором концепции как «начало сравнительного изучения правовых норм различных народов разных стадий истории древнего мира»¹⁹. Конечно, у Бахофена есть сравнения правового характера, но историком права его назвать чрезвычайно трудно, скорее историком мифа²⁰. Опять А. В. Юдин делает спасительную оговорку («начало»), и если даже Бахофен почти ничего или совсем ничего не внёс в правовую сторону вопроса, его теперь можно поставить в один ряд с Н. Д. Фюстель-де-Куланжем и Т. Моммзеном! В тот же классический этап истории антиковедения включено и вышедшее в 1884 г. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Но работа эта (кстати, открыто популяризаторского характера) не оказала *никакого* влияния на развитие антиковедения в XIX в. Только после канонизации в советский период она была растащена на цитаты и стала фактом историографии. В общем, при внимательном рассмотрении, в схеме А. В. Юдина можно найти достаточно факторов развития, которые не играли в развитии почти никакой роли. При этом упущено и кое-что безусловно важное – на месте Бахофена и Энгельса должны были бы стоять К. Родбертус и К. Бюхер²¹.

Второе. А. В. Юдин очень прямолинейно трактует связь между развитием историографии и появлением в ней ключевых трудов. Практически каждому труду (даже многотомному, как у Э. Гиббона) в его схеме соответствует один конкретный год выхода, а многолетний труд какого-либо учёного часто сводится также к одной-единственной моно-

¹⁹ Юдин. 2009в. С. 367.

²⁰ Чтобы не быть в одиночестве, приведу слова этнолога А. Н. Максимова, написанные в начале XX в. – его как раз отличало умение вчитываться в работы и давать им меткие характеристики: «Книга Бахофена в момент её появления мало обратила на себя внимания, да и до сих пор даже многие специалисты предпочитают знакомиться с нею из вторых рук. Написана она чрезвычайно тяжело, в общих научных взглядах автора чувствуется какое-то влечение к мистике и символике, следить за его аргументацией чрезвычайно трудно, и, наконец, главный материал, положенный в основу его выводов, – древние мифы, которые он анализирует очень детально, но не всегда достаточно научно». Максимов. 1997. С. 236-237.

²¹ То, что поднятая ими проблематика очерчивает проблемное поле антиковедения и в XX в., кажется, общепринято, но, ради доказательности, сошлёмся на следующее пособие: Ляпустина. 2002. С. 9. Тем более что Бюхера А. В. Юдин всё же упоминает в другой работе, без таблиц. Юдин. 2009б. 2009. С. 62.

графии (часто выбранной произвольно), которая должна символизировать все его достижения в науке. Вот лишь немногие примеры. Цитата из схемы: «1902. “История древности” Э. Мейера. Появление нового методологического направления – “философии истории” Э. Мейера».²² Смущает ли автора тот факт, что 1-е издание «Истории древности» выходило в 1884–1902 гг.²³, и первые попытки сформулировать теоретические основания своих взглядов Мейер предпринял (что логично) в I томе, вышедшем в 1884 г.? Корректно ли вообще считать «Историю древности» источником по мейеровской «философии истории» (Мейер, кстати, тоже не принимал Гегеля²⁴), когда сам Мейер написал отдельный теоретический труд на эту тему, и только во втором издании «Истории древности» сформулировал эти размышления в I томе? Упомянутая следом «Аграрная история древнего мира» (1909) М. Вебера также не оказала почти никакого влияния на умы тогдашних антиковедов – и только потом, спустя полвека, послужила основой для теоретических построений М. Финли. Так бывает в историографии²⁵ – труд появляется, и лежит без внимания до поры до времени – так что дата его выхода, первого или второго издания – совсем не показатель²⁶.

С этим разделом таблицы (1900 – конец 1920-х гг.) и вовсе беда. Автор пишет об «У. Вилламовице-Меллендорфе»²⁷ – речь идёт об У. фон Вилламовиц-Меллендорфе (U. von Wilamowitz-Moellendorff)²⁸. «Общество и хозяйство в Римской империи» М. И. Ростовцева помечено в таблице 1928 г.²⁹ Судя по названию, речь идёт о переводе на немецкий язык «Социально-экономической истории Римской империи»

²² Юдин. 2009в. С. 368.

²³ Также в 1902 г. было только закончено (уже посмертно) издание работ по греческой культуре Я. Буркхардта. Там же.

²⁴ Мейер. 1904. С. 7, прим. 1.

²⁵ О существовании промежутка между изданием труда и восприятием в научной среде см.: Савельева. 2009. С. 302.

²⁶ Опять же, А. В. Юдин указывает на 1-е издание «Размышлений о причинах величия и падения римлян» (1734) Ш. Л. Монтескье, но в исторической науке все пользуются вторым исправленным изданием 1748 г. Юдин. 2009в. С. 364.

²⁷ Там же. С. 368; ошибка повторена: Юдин. 2009а. С. 256.

²⁸ Может быть, двойное «л» в «Вилламовиц» появилось благодаря двойной же опечатке в учебнике по историографии античности? См.: Историография античной истории. С. 145. На С. 211 и 212 того же издания – правильно.

²⁹ Юдин. 2009в. С. 368. В другой статье указан 1929 г. Юдин. 2009а. С. 256. Изначально вина лежит на русских переводчиках с немецкого издания, перепутавших сроки окончания работы над книгой (1925 г. – над английским изданием, 1928 г. – над немецким) со сроками её выхода. См.: Тыжсов. 2000. С. 12. Этот недосмотр уже закрепился в литературе. См.: Савельева, Полетаев. 2006. С. 550, 551.

Ростовцева, который вышел в 1931 г. Между тем, совершенно непонятно, почему указано именно это издание: первое, английское («Социально-экономическая история Римской империи»), вышло в 1926 г., сам Ростовцев считал лучшим итальянское, вышедшее в 1933 г. Есть и другие ошибки или опечатки³⁰... Напомню: всё это мы встретим в программе преподавания, предложенной студентам-историкам!

Третье. Сами пояснения к работам несколько обескураживают. Кроме того, что любой хороший исторический труд вряд ли может быть охарактеризован одним-двумя простыми предложениями, сами эти характеристики нередко кажутся мне необоснованными и тенденциозными. Трудно понять, почему «Социально-экономическая история Римской империи» Ростовцева отнесена к концу «позднего классического периода», а «История Рима» (1928) Т. Франка – к «интервалу» (1928–1934 гг.) перед новым этапом развития, на основании того, что там появился некий «умеренный релятивизм». Тем самым, как ни крути, получается, что труд Ростовцева подвёл итоги позитивистского этапа, а том Т. Франка – отразил поиски новых возможностей. Но обратимся к самой «Истории Рима», что мы найдём? Франк по-прежнему уделяет роль расовому фактору в древней истории³¹ (правда, реагируя на критику, он несколько смягчает свои неосторожные формулировки, высказанные в 1910-е гг.³²), из оригинальных мыслей добавляется соображение, что если б Рим не захватывал Азию, то, возможно, избежал бы упадка³³.

Что из этого относится к «умеренному релятивизму»? Почему работа Франка символизирует поиск нового³⁴, а труды Ростовцева, на которых выросло целое поколение исследователей, и который в 1928–1934 гг. был как раз на пике популярности – отвергаемое прошлое³⁵? И

³⁰ Нет никакой возможности приводить их все, но вот то, что Г. Шлиман открыл Трою в конце 1880-х, думаю, должно стать отдельной новостью в мире археологии. *Юдин*. 2009б. С. 62.

³¹ *Frank*. 1928. P. 566-567.

³² Прежде всего, вызвала известный резонанс следующая работа: *Idem*. 1916.

³³ *Idem*. 1928. P. 566.

³⁴ Что вообще принципиально нового в этой работе Франка по сравнению, скажем, с его же «Римским империализмом» (1914)? Работа эта прекрасно известна А. В. Юдину, судя по его диссертации. Правда, специально Франком у нас не занимались, кажется, с 70-х гг. См.: *Михайлов*. 1977.

³⁵ Само возвеличивание понятия «релятивизм» до некоей сущностной характеристики исторического труда напоминает страшилки поздней советской историографии: только для неё в XX в. было необычным признание имманентной относительности знания. См.: *Историография античной истории*. С. 185. Но пусть так. Просто «умеренный релятивизм» при желании можно найти где угодно. Вот

если Ростовцев уже отправляется «на покой», то как быть с «Социально-экономической историей эллинистического мира» (1941), конечно, в таблицах не отражённой? По таблицам, с 1935 г. начинается современная эпоха, с новыми характеристиками, так что Ростовцев здесь должен выглядеть анахронизмом. Беда лишь в том, что «Социально-экономическая история...» – самый признанный из трудов Ростовцева. Вероятно, он записан в то самое неудобное меньшинство.

Дальше в таблицах увидим, что «расцвет умеренного релятивизма» – это «Римская экономика» (1974) А. Х. М. Джонса и «Античная экономика» (1973) М. Финли³⁶. Боюсь, что между Т. Франком и этими двумя исследователями нет никакой преемственности. И неужели получить клеймо «умеренного релятивиста» – это всё, чего удостоился учёный уровня Финли, всё, что должны знать о нём студенты?! Можно потратить минуты, сэкономленные на расписывании приведённой таблицы, и рассказать о споре Бюхера и Мейера, о том, как это понимал Финли, об интересе этого уникального учёного к Веберу и марксизму, о связях с франкфуртской школой, о его вкладе в осмысление проблем рабства, демократии, земельной собственности в Афинах...³⁷, и всё это можно внести в последовательный рассказ о достижениях историографии.

Примерно та же высота мысли отличает отечественные примеры. Как символ «утверждения концепции единой рабовладельческой формации со специфическими законами развития»³⁸ взята «История античных рабовладельческих обществ» (1935) А. И. Тюменева, несмотря на то, что претендентов на это место более чем достаточно, и на то, что именно работа Тюменева, несмотря на известные достоинства, в итоге затерялась среди других³⁹. А с 1956 г. в СССР происходит «становление «умеренного» марксизма и распространение его идей в мировом антиковедении»⁴⁰. Прекрасно, что «умеренный» дано в кавычках, что автор

пример (написано в 1921 г.): «Необходимо уяснить себе раз и навсегда, что идея непрерывного и бесконечного прогресса принадлежит к области тех же идей, что и идея Бога, т.е. не доказана и недоказуема, хотя и облекается современной наукой и философией в одежды научной истины». *Ростовцев*. 2004. С. 48-49.

³⁶ Юдин. 2009в. С. 370.

³⁷ Можно воспользоваться неплохой книгой: *Жарков*. 2008.

³⁸ Юдин. 2009в. С. 369.

³⁹ Возможно, всё проще: согласно учебнику, после 1934 г. завершается становление антиковедения в СССР (и очередной интервал А. В. Юдина), а первая из крупных работ по античности, появившаяся после 1934 г. – Тюменева... См.: *Историография античной истории*. С. 335.

⁴⁰ Юдин. 2009в. С. 370.

сознаёт условность характеристики, но хотелось бы знать – какой именно смысл здесь подразумевается? А какой был марксизм до 1956 г.?..

Трудно примирить все эти конкретные соображения с абстрактной схемой, уверенно прочерченной А. В. Юдиным. Более того, автор концепции, не приводя никаких доводов в пользу своих поверхностных наблюдений, ставит в тяжёлое положение именно тех, кто погружён в конкретный материал: теперь *вы* должны доказать, что это не так. Действительно, сколько мне нужно сопоставить цитат или идей из «Истории Рима» Т. Франка и «Античной экономики» М. Финли, чтобы показать, что их нельзя сопрягать как начало умеренного релятивизма и его апогей, особенно если учесть, что оба автора даже не догадывались о том, что их будут оценивать в таких терминах? Нам предлагают принять на веру и выдают за общее мнение (которое, соответственно, не требует ни проверки, ни сомнения) столько в принципе непроверяемых положений, что сама попытка их оценить требует энциклопедических знаний.

Полагаю, особенности разбираемой концепции очерчены нами теперь вполне явственно. Добавим лишь, что сам автор, признавая её возможные недостатки и отказываясь от претензий на исключительность именно такой схемы⁴¹, тем не менее считает её объективной и верит, что вскрыл суть ряда историографических процессов⁴². Кроме того, он не без оснований говорит о возможности использования этой концепции в преподавании курса историографии античной истории в вузах⁴³.

Действительно, преподавать по этой концепции можно; другое дело, что нежизнеспособность схемы и её полное несоответствие реальным проблемам историографии только запутают студентов, особенно если они потом попробуют обратиться к реальным исследованиям. На мой взгляд, концепция «историографических эпох» А. В. Юдина не помогает познавать историю исторической науки, а сама обыгрывает уже полученные знания, подогнанные ради обоснования концепции в нужном количестве и концентрации. Что нам даёт введение новой терминологии, особенно поданное на таком уровне? Мы могли увидеть, что основные понятия собственной теории не вполне ясны даже её автору (или он не умеет их ясно выразить, плодя критерии и характеристики, но мало говоря по сути дела), они мыслятся скорее интуитивно. Но есть ещё и группа «второстепенных» понятий (таких, как «классика», «умеренный релятивизм/марксизм»), без которых теория совершенно не-

⁴¹ Там же. С. 359; Юдин. 2009а. С. 248; 262.

⁴² Напр.: Юдин. 2009в. С. 362.

⁴³ Там же. С. 359; Юдин. 2009а. С. 241.

жизнеспособна – и которые, тем не менее, полностью темны для читателя. Почему это должно заменить нам понятия парадигм, моделей исследования, образа, представлений о том, что есть классическая работа, – когда над этим всем ведётся работа на совсем другом, несопоставимом уровне⁴⁴? Очевидно, что специальные труды по методологии истории совсем нелегко в адекватном виде представить в процессе преподавания, а примитивную схему – легче. Но ведь применять в образовании нужно лишь то, что можно применить в науке, не наоборот.

Но и это всё ещё частный момент. Гораздо интереснее теперь рассмотреть концепцию А. В. Юдина с некоторого расстояния. И мы увидим родовые черты, которые трудно перепутать. Сама эта концепция – то, что А. В. Юдин называет «гегельянством в широком смысле слова», а с учётом отечественных традиций и некоторых вторичных признаков – это марксизм. Конечно, не в чистом виде, но, давайте присмотримся, что же это ещё? Тотальная периодизация, пронизанная эволюционизмом, которая доказывает себя из своих же внутренних оснований, используя факты лишь как иллюстрацию; акцент сделан на особых переходных периодах⁴⁵; автор верит в реальность открытых им терминов и тенденций развития, они для него не просто конструкты, а объективная данность. Это марксистская методология, только в скрытом виде, возможно, скрытом даже от автора концепции. Не случайно автор не решился сказать ни о *своеобразии* своих «историографических эпох», ни об особой *сущности*, а выбрал невнятное «специфика» – что вполне по-марксистски, когда признаётся особенность, но только ради того, чтобы встать в ряд всеобщего прогресса, принести себя ему в жертву.

Но есть и отличия от «чистой» гегелевской линии. Самое заметное из них, пожалуй, состоит в том, что концепция А. В. Юдина предлагает логичное развитие... ничего; в смысле, что в ней всё происходит без какого-либо итога, она устремлена в будущее и одновременно в никуда. Монизм хорош тем, что в нём есть интрига, драматический подтекст. Если у Гегеля – диалектическое развитие, у Маркса – борьба избранных и обречённых, то в данной концепции – послушное перетекание одних школ и направлений в другие; здесь ничто не противостоит друг другу, а становится в один длинный ряд с общим выражением лица.

В одном из выпусков альманаха «Время мира», посвящённом проблеме периодизации в истории, Н. С. Розов призывал: периодизации –

⁴⁴ Корзун. 2000; Лубский. 2005; Савельева. 2009. Работы И. М. Савельевой неоднократно цитируются А. В. Юдиным, но скорее в ритуальных целях.

⁴⁵ Савельева, Полетаев. 1997. С. 450.

относительны, и мы предлагаем всем поиграть в их выдвижение⁴⁶. Может даже показаться, что это соответствует эпохе постмодерна. В самом деле, прежние периодизации изжили себя, их относительность очевидна. Так не забыть ли принцип «бритвы Оккама» и не начать ли плодить сущности без необходимости – сначала предложить как можно больше вариантов, а потом под них найдётся достаточное основание?..

Нет, ни в коем случае. Сам Н. С. Розов создал нечто очень похожее на «историографические эпохи» А. В. Юдина и на перетолкованную под влиянием А. Дж. Тойнби «пятичленку» одновременно. Всё это доказывает только одно. Сто пустых схем ничуть не лучше десятка пустых схем – среди них никогда не появится ничего полезного. Науке, зашедшей в тупик, нужны новые образцы мышления, иначе она будет плодить ложные выходы, вышивая по одной и той же канве. Прежде чем вводить новые понятия, нужно убедиться, что они действительно помогут, а не помешают... наверное, это казалось столь важным Оккаму? «Но таково уже наше время: оно одержимо страстью к терминам и в наивном самообольщении мнит, что сыпать словами – равносильно знанию»⁴⁷. Я не хочу сказать, что в предложенной концепции совсем нет полезных наблюдений и сопоставлений; не хочу сказать, что в историографии античной истории не было развития через кризисы и достижений в результате этого развития; не хочу сказать и того, что вообще не нужно пытаться составлять периодизаций и обобщений. Вопрос в качестве такой работы, а новое качество приходит только при новых и корректно согласованных подходах. Здесь же мы видим лишь новую периодизацию, но прежнюю систему мысли. Эта система мысли даже не может похвастаться своей традиционностью, поскольку уже полностью утратила то, ради чего некогда появилась на свет. Воистину, Гегелю есть от чего перевернуться в гробу: потеряна не только его цель эволюции, но и цель вообще – а эволюционизм остался.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Время мира. Вып. 2. Структуры истории / Под ред. проф. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 520 с.
- Жарков И. А. М. Финли и советская историография античной истории. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2008. 211 с.
- Историография античной истории / Под ред. проф. В. И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1980. 416 с.

⁴⁶ Время мира. 2001.

⁴⁷ Мейер. 1904. С. 10.

- Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX веков. Анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург: Изд-во УрГУ; Омск: ОмГУ, 2000. 226 с.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Аст, 2001. 605 с.
- Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 352 с.
- Ляпустина Е. В. История Римской империи: подходы и перспективы. Методические материалы к спецкурсу. М., 2002. 13 с.
- Максимов А. Н. Избранные труды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 543 с.
- Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1904. 60 с.
- Михайлов В. В. Проблемы аграрной истории Древнего Рима в исторической концепции Тенни Франка. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 1977. 24 с.
- Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Издательство Казанского университета, 2000. 298 с.
- Ростовцев М. И. Идея прогресса и её историческое обоснование // Ростовцев М. И. Miscellanea: Из журналов Русского зарубежья (1920–1939). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 44–58.
- Савельева И. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 294–331.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. 750 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Тыжов А. Я. Михаил Иванович Ростовцев // Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I. СПб.: Наука, 2000. С. 5–12.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
- Юдин А. В. «Историографические эпохи» в истории изучения античности // Диалог со временем. М., 2009а. Вып. 28. С. 240–262.
- Юдин А. В. Кризисы в исторической науке об античности (XVII – начало XX вв.) // Наука и школа. М., 2009б. № 4. С. 59–62.
- Юдин А. В. О преподавании историографии истории античности на исторических факультетах // Диалог со временем. М., 2009в. Вып. 26. С. 355–373.
- Frank T. A History of Rome. New York, 1928. 614 p.
- Frank T. Race Mixture in the Roman Empire // American Historical Review . 1916. Vol. XXI. P. 689–708.

Крих Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; krikh@rambler.ru.

А. В. Юдин

ЕЩЕ РАЗ О ВОПРОСАХ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ С. Б. КРИХА

Являясь особым методом исследования истории наук, периодизация развития научных знаний всегда носит неоднозначный характер и вызывает дискуссии. К наиболее актуальным вопросам периодизации истории антиковедения можно отнести типологизацию его этапов, установление их хронологических рамок, выявление соотношения «эволюционного» и «скачкообразного», смену философско-методологических направлений.

Ключевые слова: антиковедение, история науки, историография, периодизация, типологизация.

*Nihil est quin male narrando
possit depravari*

Проблемы периодизации истории исторической науки всегда остаются актуальными, поскольку периодизация представляет собой один из методов исследования, в нашем случае – истории науки об античности. Понимая, что любая периодизация обладает некоторой степенью условности и является в определенной мере абстракцией, мы, тем не менее, признаем и право на ее существование, и необходимость ее разработки при проведении исследований по истории антиковедения. Необходимо сразу же отметить, что периодизация – это в первую очередь метод систематизации уже полученных наукой фактов; она сама по себе не является средством познания исторической действительности; поэтому исследователи вовсе не стремятся «подгонять факты» под какую-либо хронологическую схему, а лишь предлагают подходы к периодизации истории антиковедения, которые открыты для *конструктивной* критики и вполне могут подвергаться существенным корректировкам.

О типологизации этапов развития антиковедения. Ни в коей мере не претендуя на однозначность подходов к периодизации истории антиковедения и не отрицая необходимость дискуссий по поднятым в них и связанным с ними вопросам¹, мы, тем не менее, не отказываемся от це-

¹ См.: Юдин. 2009. С. 59-62; Юдин. 2009в. С. 355-373; Юдин. 2009а. С. 240-262; Юдин. 2010. С. 115-121.

лесообразности выделения нескольких типов этапов в развитии научных знаний об античности – «историографических эпох», периодов и «кризисов-интервалов», а равно и от критериев их определения и выделения (опять же, и здесь не может не быть необходимости в уточнениях и коррективах). Не отказываемся и от целесообразности разработки терминологии, связанной с периодизацией истории антиковедения, поскольку одна из основных задач науки состоит в «преодолении бесконечного разнообразия бытия путем переработки его в понятия»².

Термин «эпоха» применительно к большим этапам развития исторической науки нами употреблен отнюдь не впервые. Так, еще в 1852 г. вышла в свет книга Ф. Бауэра «Эпохи церковного историописания», в которой в качестве критерия выделения этих эпох выступают специфика исторического познания наиболее видных ученых, занимавшихся историческими исследованиями³. При этом «эпоха» названа термином *Hauptperiode*, что подчеркивает возможность выделения входящих в нее меньших периодов. Мы также предлагаем в качестве одного (но вовсе не единственного) из критериев выделения периодов истории антиковедения специфику исследовательских подходов больших групп ученых, занимавшихся античностью, и результативность их деятельности.

Предлагая выделение доклассической, классической и постклассической «историографических эпох», мы вполне сознательно сравнивали первую и третью эпоху со второй – классической, что, однако, не есть доказательство «несамостоятельности их названий». Во-первых, подобное наименование этапов является общепринятым, например, в истории римского права⁴, и никто из специалистов-правоведов не сделал упрека в «несамостоятельности» доклассического и постклассического периодов римского права. Кроме того, представляется невозможным, следуя логике С. Б. Криха, рассматривать их как одну эпоху. Действительно, можно назвать доклассическую и постклассическую эпохи в истории антиковедения иными терминами, но это будут фигуры речи, но не сущностные дефиниции, поскольку, если осуществляется выделение каких-либо периодов в чем-либо вообще, а не только в истории той или иной области исторической науки, то исследователь руководствуется некими едиными критериями, сопоставимыми друг с другом, а не разными критериями для выделения каждого отдельного временного промежутка. Во-вторых, в литературе, посвященной истории исторической

² Петрушевский. 1915. С. 1.

³ *Vaur.* 1852. S. V, 252.

⁴ Напр.: Франчози. 2004. С. 14-16; Гарсия Гаррида. 2005. С. 40.

науки, вовсе не единожды употреблялись эти термины по отношению к большим этапам ее развития. Например, Хорст Вальтер Бланке совершенно четко отделяет классический историзм (*der klassischen Historismus*) от постклассического (*der nachklassischen Historismus*), понимая под термином «историзм» не только исследовательский принцип, но и эпоху в истории науки⁵. Кроме того, эпоху в истории научных знаний именовали по названию исследовательского подхода или, в более широком смысле, мировоззренческого подхода, уже, по крайней мере, за полтора столетия до нашего времени. Так, еще В. И. Герье, как и его современники, считал вполне возможным употреблять термин «эпоха рационализма» и иные подобные термины⁶. В своих лекциях по истории исторической науки, ориентированных, подчеркиваем, на студенческую аудиторию, Герье четко выделял эпохи развития научных знаний о прошлом, принимая за основу подход к их изучению и интерпретации⁷.

О соотношении «эволюционного» и «скачкообразного» в развитии антиковедения. Выделяя «кризисы-интервалы», отделяющие периоды в истории антиковедения, мы подчеркиваем, что развитие дисциплины носило не только эволюционный, но и скачкообразный характер, что будет предложено на обсуждение в наших дальнейших исследованиях. Излишне обсуждать, что любой кризис противоположен эволюции. Таким образом, представляется затруднительным в полной мере принять

⁵ *Blanke*. S. 354-355. Правда, время, предшествующее «классическому историзму», Бланке называет термином “*Aufklärungshistorie*“, поскольку, согласно его точке зрения, основанной на взглядах многих ученых, появление историзма происходит только в начале XIX в. и связано с Нибуром и Ранке. Такой подход, в частности, сформулирован Ульрихом Мулаком, считающим историческое знание гуманистов и просветителей «предысторией» историзма (*Muhlack*. 1991. S. 7). Мы же, предлагая более широкое понимание термина «историзм», считаем возможным выделять его донаучные формы, в том числе и «доклассический» историзм, которому соответствует доклассическая эпоха в истории антиковедения. Разные типы историзма можно выделять не только по их отношению к историзму XIX в., называемому классическим. Так, например, Франческо Бранкато выделяет «консервативно-романтический историзм», ярким представителем которого он считает Эдмунда Бёрка, «диалектический историзм», основателем которого он называет Гегеля, «социальный историзм», основоположником которого он считает Сен-Симона. (*Brancato*. 1969. P. 31, 57, 117).

⁶ *Герье*. Обзор историографии и археологии... ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 4. Л.д. 147.

⁷ *Герье*. Пропилеи римской истории. ОР РГБ. Ф. 70. К. 2. Ед. хр. 3. Л.д. 2, 20б. Так, говоря о донаучном изучении истории, Герье выделяет «первую эпоху – время изучения со стороны языка, слова, художественных форм...» (начиная с античных авторов), «вторую эпоху – эпоху комментаторов» (начиная с Л. Валлы и К. Сигония) и «третью эпоху – эпоху монографических исследований» (начиная со Скалигера).

замечание относительно «эволюционизма» предлагаемого нами подхода к периодизации истории антиковедения. Также вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что в эволюционизме преемственность важнее своеобразия (тем более что мы не рассматриваем предложенный нами подход к периодизации антиковедения как сугубо эволюционный).

О конкретности термина «историзм». Выделяя эпохи в истории антиковедения, мы дали вполне конкретное его определение (хотя, подчеркиваем, что оно не является всеобъемлющим), необходимое для выявления названных эпох, и потому не имеем никакого намерения «уводить мысли вдаль от конкретики», избегая в то же время приведения в качестве примеров множества частных (ведь именно излишние частности могут «увести вдаль от конкретики» в вопросах периодизации истории науки об античности).

О датировке хронологических рамок отдельных этапов истории антиковедения. Уже было отмечено, что, на наш взгляд, представляется некорректным встречающееся в ряде учебников и исследований отделение одного периода развития науки от другой каким-либо научным открытием (добавим здесь: а также публикацией труда, отличающего новыми идеями и подходами к изучению древности), поскольку оно не меняет тотчас концептуальных подходов ученых-современников к осмыслению прошлого⁸. Поэтому приводимые нами даты публикации тех или иных трудов не рассматриваются как *четкие границы* между этапами истории антиковедения, но являются некими «реперными точками», или яркими фактами, феноменами, представляющими собой факты, доказывающие смену одних этапов другими. Не выделяя их, мы не сможем установить отличия между этапами истории изучения античности и соответственно отделить одни из них от других. Приводимые же нами в 26-м номере «Диалога со временем» хронологические таблицы лишь упорядочивают фактологический материал, рекомендованный к лекциям для преподавателей, читающих историографический курс в условиях ограниченного количества академических часов, а точные годы начала и конца отдельных этапов истории антиковедения указаны для удобства структурирования лекционного материала и восприятия его студентами. Хотя надо согласиться, что это – некая условность, отчасти упрощающая более сложную реальность (перегружать же студентов научными спорами вряд ли целесообразно). Разумеется, необходимо оговаривать и даже подчеркивать, что грани между этапами истории антиковедения не

⁸ Там же. С. 242.

ограничиваются одним лишь годом – границы между ними вряд ли можно с подобной четкостью дифференцировать. Думается, что при проведении дальнейших исследований по истории антиковедения нам следует избегать выделения этапов его истории с точностью до года. Отчасти это уже реализовано в нашей статье в 28-м номере «Диалога со временем», где начальный и конечный рубежи «историографических эпох» датируются несколькими годами.

Периодизация, помимо теоретических аспектов, имеет еще одну важную, практическую составляющую – структурирование лекционных курсов по истории исторической науки для студентов и аспирантов, а также и для самого исследователя той или иной конкретной проблемы истории античности или истории науки об античности. Особенно актуальным представляется использование периодизации при преподавании историографических курсов в вузах. Студентов крайне нецелесообразно перегружать излишним набором фактов ввиду ряда причин, прежде всего – ввиду малого бюджета времени, отводимого на изучение историографии истории античности, и ввиду того, что далеко не все студенты пишут выпускные квалификационные работы по антиковедческим проблемам; и это практикующему преподавателю необходимо понимать.

О гегельянстве и антиковедении XIX в. Поскольку любой ученый позапрошлого столетия, занимавшийся античностью, имел университетское образование (за редчайшими исключениями, касавшимися выпускников религиозных учебных заведений, среди которых, впрочем, крайне трудно найти видного специалиста в области античной истории), он должен был изучать работы Гегеля, по крайней мере, занимаясь философией и правом. Поэтому практически никто из историков того времени не мог не быть в той или иной степени под влиянием гегельянства и не был полностью свободен от его рецепции в той или иной степени. И вряд ли можно утверждать, как полагает С. Б. Крих, что многие исследователи античности не были подробно знакомы с теорией Гегеля; обучаясь в университетах и получив университетский диплом (причем нередко философского или юридического факультета), подчеркнем это еще раз, не быть знакомым с философией Гегеля, по крайней мере с 1830-х гг., было практически невозможно. Поэтому представляется затруднительным присоединиться к мнению С. Б. Криха о том, что значительная часть исследователей античного общества XIX в. «вовсе не была подробно знакома» с теорией Гегеля. Возникает вопрос: что означает «подробное знакомство» в этом случае? И какова должна быть, по мнению С. Б. Криха, мера такой подробности?

О специфике национальных историографий. Следует подчеркнуть, что у нас не было никакого намерения нивелировать специфику национальных антиковедческих историографий, и мы не останавливались на рассмотрении специфики национальных историографий только ввиду ограниченного объема текста, отводимого на рецензируемые публикации. Разумеется, на любом этапе истории антиковедения каждая национальная историография обладала своими уникальными характеристиками, которые никто из специалистов в сфере античной истории и в области истории исторической науки не отрицает. Вместе с тем, мы не считаем возможным напрямую увязывать какой-либо этап в истории антиковедения с господством в области исторического знания ученых какой-либо определенной страны или исторической и философской «школы» в течение того или иного промежутка времени. Отметим, что подобный подход, выделяющий периоды истории науки в зависимости от преобладающего влияния ученых той или иной страны на данную науку, принят некоторыми исследователями в отношении классической филологии и фактически касается истории литературы⁹.

О соотношении понятий «специфика», «сущность», «своеобразие». С. Б. Крих в своей рецензии противопоставляет «невнятное», по его мнению, слово «специфика» понятиям «своеобразие» и «особая сущность», хотя и не конкретизирует предложенное им противопоставление. Если обратиться к языковым словарям, то там мы найдем частичное совпадение значений этих терминов (напр., нем. *Besonderheit*, *Eigenart*, которые на русский язык переводятся и как «специфика», и как «особенность»). Если обратиться к философским словарям, то в них мы найдем разные точки зрения на соотношение перечисленных понятий в зависимости от философско-методологической основы мировоззрения их авторов. Поэтому, чтобы избежать двусмысленностей, необходимо в историографических исследованиях четко обозначать, что, по мнению исследователя, входит в значение слов «сущность», «особенность», «специфика» и т.д. *именно в контексте данного исследования.*

Об отборе фактологического материала для лекционных курсов по истории антиковедения. Не вызывает сомнения принцип авторского подхода к чтению лекций вузовскими преподавателями; главное для лектора – соответствие отобранного им материала, с которым он знако-

⁹ См.: Мищенко. 1893. С. 16-17, 19, 23-26, 33-35, 44; Нагуевский. 1884. С. 14-15, 17-18, 20, 24; Gudeman. 1909. S. 167-168. (Вместе с тем, Альфред Гудеман отмечает, что для выделения эпох развития классической филологии не достаточно применять только географические критерии. – Gudeman. Op. cit. S. 168.)

мит аудиторию, требованиям государственного образовательного стандарта. К счастью, в стандарте не названа ни одна персоналия, и потому выбор фигур антиковедов вместе с их концепциями и монографиями остается целиком за преподавателем. Нам представляется вполне корректным осветить на лекциях и основные положения труда Бахофена «Материнское право», поскольку он оказал весьма заметное влияние на Маркса и Энгельса, и взгляды Маркса и Энгельса на античность, потому что они оказали решающее влияние на советских антиковедов и на многих исследователей послевоенной Италии, а также заметное (хотя и не решающее) влияние на ученых других стран, в том числе в известной мере и на М. Финли. Приведение в качестве необходимых для лекционного материала историографических фактов, которыми являются публикации трудов ученых в тот или иной год, нам также представляется целесообразным, хотя мы далеки от приписываемого нам С. Б. Крихом стремления «сводить многолетний труд какого-либо ученого к одной-единственной монографии». Отметим, что в большей мере именно по монографиям составляется у современников и у читателей последующих поколений представление о научном портрете ученого. Вместе с тем, мы признаем некоторые неточности в проведенном нами отборе историографических фактов, в т.ч. и изданий работ М. И. Ростовцева, и прокрававшиеся досадные опечатки. Но что касается Ш. Л. Монтескье, то мы считаем целесообразным не игнорировать первое издание «Размышлений о причинах величия и падения римлян» 1734 г., и не можем с полной уверенностью утверждать, что «в исторической науке *все* пользуются вторым исправленным изданием» этого труда 1748 г.

Относительно фигуры Генриха Шлимана и особого, можно сказать, непрофессионального, характера совершенных им раскопок, в результате которых Троя конца II тыс. до н.э. была фактически скрыта, мы употребили слово «открытие», поскольку эти раскопки, пусть даже непрофессиональные, все-таки стали научной сенсацией и предшествовали появлению профессиональных раскопок Артура Эванса и становлению микенологии. Однако согласимся, что термин «открытие» применительно к раскопкам Шлимана следует употреблять с известными оговорками.

«О тенденциях в современной отечественной историографии», на наш взгляд, делать хотя бы некоторые обобщающие суждения и тем более выводы можно только на основе анализа мнений, по крайней мере, нескольких исследователей, занимающихся изучением той или иной проблемы (в нашем случае периодизации истории антиковедения). Кроме того, подобные выводы могут носить только предварительный

характер, поскольку для того, чтобы оценить любой этап в истории науки, необходимо пережить его и перестать быть современником описываемых событий. Поэтому делать выводы «об определенном состоянии умов и о перспективах гуманитарного знания в нашей стране» только на основе трех наших статей вряд ли возможно. Также вряд ли возможно принять упрек в стремлении к «метанарративу», поскольку большинство лекционных курсов по профильным дисциплинам учебного плана программ бакалавриата и магистратуры, и пока еще действующих специальностей «История», предусматривают рассмотрение исторических процессов и фактов в довольно широких хронологических рамках. Преподавателю необходимо иметь в виду, что государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования в частях, касающихся дисциплин по истории исторической науки, предусматривают необходимость освещения *процессов и основных этапов* возникновения и развития исторических знаний, превращения их в науку, что возможно рассмотреть на лекциях и на практических занятиях только определив значительные хронологические рамки читаемого курса.

Также хотелось бы отметить, что разного рода риторические характеристики и ярлыки по отношению к автору настоящей статьи со стороны уважаемого рецензента представляются неуместными (по крайней мере, на страницах научного издания), поскольку ожидается критика *по существу вопроса*, а не формулировка характеристик с позиций предубежденности. Кроме того, нам интересно было бы уяснить, что понимает С. Б. Крих под словами «обертон высказывания мысли», «понимание нерва истории», «страшилки поздней советской историографии», «ритуальные цели» (о ссылках на работы И. М. Савельевой). Удивляет и стремление С. Б. Криха к применению в историографических исследованиях «корректно согласованных подходов». С кем же их следует согласовывать? Или это призыв к самоцензуре? Тон рецензента оставим без комментариев¹⁰.

Отметим также, что прослеживаемое в рецензии негативное отношение к марксизму воспринимается как проявление личного негативного опыта и отношения С. Б. Криха к этой методологии. Однако, несмот-

¹⁰ Как не вспомнить слова министра народного просвещения А. С. Шишкова, сказанные еще в 1824 г.: «...не отнимая отнюдь свободы критических сочинений, основанных на беспристрастных суждениях, ...я почитаю за должное.., чтобы ...статьи заключались в пределах благопристойной критики, отнюдь не похожие на так называемые пасквили, содержащие в себе... порывы колкие и не принадлежащие к делу выражения...» (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2412. Л.д. 1-1об.).

ря на все «перегибы» в советской исторической науке, касавшиеся абсолютизации и догматизации марксизма в целом и его отдельных положений, нам представляется, что при известной модернизации марксизм вовсе не исчерпал своих возможностей познания истории, тем более, что многие наши современники не отказываются от применения в той или иной степени марксистской философии истории. При этом остается непонятным суждение С. Б. Криха о том, что в наших исследованиях есть «прежняя система мысли». Что имел в виду критик – отсутствие (к его, очевидно, сожалению) полного отказа от методов и подходов марксистской исторической науки или что-либо другое? Также неясно, что такое «новая система мысли». Ответ на вопрос о том, какой марксизм предшествовал «умеренному» марксизму, становление которого в СССР пришлось на вторую половину 1950-х – первую половину 1960-х гг., представляется очевидным – «догматический» «идеологизированный», «ортодоксальный»¹¹.

Таким образом, рассматриваемый нами вопрос о периодизации истории антиковедения демонстрирует свою актуальность появлением критической рецензии, что от радно. Вместе с тем, мы ожидаем новых суждений и подходов к исследованию истории антиковедения, одним из достоинств которых была бы корректная полемика с предложенными их авторами концепциями по поставленным нами вопросам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гарсия Гаррида М. Х.* Римское частное право: Казусы, иски, институты / Пер. с исп.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005.
- Герье В. И.* Обзор историографии и археологии. Лекции по римской истории заслуженного ординарного профессора В. И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895–96 ак. году – ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 4.
- Герье В. И.* Прописи римской истории – ОР РГБ. Ф. 70. К. 2. Ед. хр. 3.
- Историография истории Древнего Востока. Иран. Средняя Азия. Индия. Китай / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2002.
- Мищенко Ф. Г.* Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения. Казань, 1893.
- Нагуевский Д. И.* О главнейших эпохах в развитии древнеклассической филологии. Казань: Типография М. А. Гладышевой, 1884.

¹¹ Примеров мнений ученых на сей счет можно привести достаточно. Сошлемся лишь на некоторые из них: *Фролов*. 1999. С. 401, 404, 406 (по отношению к антиковедению, переставшему, по мнению Э. Д. Фролова, быть самостоятельной научной дисциплиной в 1930-е гг., употреблен термин «филиал марксистской политэкономии», «полигон для марксистских политэкономических упражнений»); *Семенов*. 2003. С. 136, 139, 143; *Историография истории Древнего Востока...* 2002. С. 12.

- Петрушевский Д. М.* К вопросу о логическом стиле в исторической науке. Пг., 1915.
- Семенов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003.
- Франчози Дж.* Институционный курс римского права / Пер. с ит.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2004.
- Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999.
- Юдин А. В.* «Историографические эпохи» в истории изучения античности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 28. М.: КРАСАНД, 2009а. С. 240-262.
- Юдин А. В.* Кризисы в исторической науке об античности (XVII – начало XX вв.) // Наука и школа. М., 2009б. № 4. С. 59-62.
- Юдин А. В.* О преподавании историографии истории античности на исторических факультетах вузов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 26. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009в. С. 355-373.
- Юдин А. В.* Развитие антиковедения в начале XX века: конец классической или начало современной науки о Древней Греции и Древнем Риме? // Наука и школа. М., 2010. № 1. С. 115-121.
- Baur F. Ch.* Die Epochen der Kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen: Druck und Verlag von Ludwig Friederich Fues, 1852.
- Blanke H. W.* Historiographiegeschichte als Historik. Stuttgart: Bad Cannstatt, 1991.
- Brancato F.* Storia e storiografia nell'età del Romanticismo. Palermo, 1969.
- Gudeman A.* Grundriss der Geschichte der Klassischen Philologie. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1909.
- Muhlack U.* Geschichtswissenschaft im Humanismus und in der Aufklärung. Der Vorgesichte des Historismus. München: Verlag C. H. Beck, 1991.

Юдин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета; alexjudin@bk.ru.

Рец.: Таран Л. В. Французька, російська і українська історіографія (70-ті рр. XIX поч. XX ст.). Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя. Ніжин, 2009. 247 с.

Ключевые слова: русско-украинская историческая школа, И. В. Лучицкий, французская, российская и украинская историография.

Рецензируемая монография является дополненной почти на пять печатных листов книгой автора «Историческая мысль Франции и России (70-е гг. XIX нач. 40-х гг. XX ст.)», вышедшей в 1994 г. Уже тогда известные украинские историки В. Г. Сарбей и Г. В. Павленко писали в своих рецензиях на книгу¹, что автор напрасно не решилась говорить об украинской школе в изучении проблем Французской революции, хотя достаточно много пишет об изучавших ее украинских историках как дореволюционного, так и послереволюционного периода².

В новой книге автор ввела в научный оборот новое название школы, занимавшейся аграрными проблемами переходного периода. В России и СССР школа называлась (в России и сейчас называется) «русской школой». В начале XX в. Ж. Жорес называл её «l'école française et russe», включая при этом двух украинцев И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского, одного русского – Н. И. Кареева и одного француза – Ф. Саньяка. Автор называет школу «русско-украинская историческая школа», и название это вошло в украинскую историографию. Такое наименование школы оправдано, хотя известный российский историк Г. П. Мягков отказывает И. В. Лучицкому в праве считаться учёным этой школы на том основании, что последний 30 лет преподавал в Киевском университете³. Но ведь из трёх составляющих понятие «научная школа» – центр, лидер(ы), набор научных парадигм – главной всё же является третья.

Во-вторых, автором учтены накопившиеся за полтора десятилетия украинские научные материалы о хронологических рамках переходной эпохи от средневековья к капитализму, а особенно о её содержании. Здесь выделяется аргументация таких специалистов, как Я. Д. Исаевич, Н. Н. Яковенко, И. Лысяк-Рудницкий, которые разрабатывают культурологический подход к истории. Ими чётко аргументированы верхние границы переходной эпохи для Украины – 70-80-е годы XVI в. Сама же автор, которая давно ведёт полемику с уважаемым украинским учёным

¹ Сарбей В. Г., Павленко Г. В. 2007. Рецензия Г. В. Павленко была также напечатана в журнале «Новая и новейшая история». 2007. № 2.

² Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 170.

³ Мягков. 2000.

А. П. Реентом, считающим, что «установить хронологические рамки эпохи в принципе невозможно, потому что это процесс»⁴, называет нижними границами эпохи для России и Украины 1880-е годы – начало XX в. и убедительно аргументирует этот тезис.

Автор более подробно, чем в 1994 г., останавливается на работах И. В. Лучицкого по истории украинского землевладения и землепользования. В 2007 г. С. И. Лучицкой и Л. В. Таран была опубликована статья⁵ по указанным проблемам. В своё время В. Г. Сарбей отметил, что автор монографии «Историческая мысль Франции и России...» лишь упоминает о полемике И. В. Лучицкого с А. Я. Эфименко по этому вопросу; в статье в целом рассматривается полемика учёного не только с А. Я. Эфименко, но и с Д. И. Багалеем, И. П. Новицким⁶. На страницах рецензируемой книги, в которую вошли материалы этой статьи, показано, что И. В. Лучицкий, вовлечённый в общественно-политическую борьбу своего времени, пытался втиснуть богатый архивный материал в рамки общинной теории. Интерес к последней, что общеизвестно, подогревался ситуацией пореформенной эпохи, полемикой народников и марксистов, а также появлением марковой теории (Markgenossenschaft), виднейшим представителем которой был Л. Г. Маурер. Последний считал, что из древнегерманской общины-марки выросли раннефеодальные отношения в Европе. В рецензируемой монографии отмечено, что, несмотря на серьёзную научную оппозицию этой теории, её горячим сторонником выступил К. Маркс; теория помогала ему обосновывать исконность существования общины в древности и неизбежность коммунистического строя в будущем.

Страницы книги, посвященные эволюции аграрных отношений в средневековой Украине, содержат ценную аргументацию в пользу решения вопроса о характере национального движения на Украине в XVI в. После восстания Богдана Хмельницкого прежние социально-экономические порядки были «скасованы казацкой саблею». Дела решались народным самоуправлением, громадою, которая объявила всю землю собственностью казацкого войска и делила её между членами громады. Как В. А. Смолий и В. Степанков, Л. В. Таран считает украинское движение XVI в. ранней буржуазной революцией.

И всё же главное внимание автора рецензируемой книги привлечено не к концептуальным (хотя и очень важным) проблемам истории

⁴ Реент. 2003. С. 6.

⁵ Лучицкая С. И., Таран Л. В. 2007. № 3.

⁶ Там же. С. 156-158.

Французской революции и истории Украины, но к исследованию теоретико-методологической эволюции исторической науки от позитивизма до пост-постмодернизма. Убедительно показано, что до 1929 г. в исторической науке СССР, господствовал методологический плюрализм, а после первого съезда историков-марксистов, марксизм был объявлен единственной научной методологией истории, марксизм упрощённый, вульгаризированный. Из пяти парадигм исторической теории К. Маркса, были отброшены две – системность и объектно-субъектный подход к историческим реалиям. Советская историография с 1929 г. занималась макроисторией – историей экономических, социальных, политических и других процессов, а человек как субъект истории и составляющая теории познания внимания не удостоивался.

С понятной горечью автор пишет, что Украина оказалась гуманитарной провинцией. Были прикрыты все научные центры, которым руководил М. Грушевский. И в книге от 1994 г., и в последующих работах Л. В. Таран пишет, что этот учёный не был ни «народником», ни «державником», как пытались его представить историки независимой Украины. Он был – в соответствии с современными ему идейными течениями исторической мысли – последовательно романтиком, позитивистом, неокантианцем и применял социологические методы изучения истории. В украинские библиотеки с 1929 г. перестала поступать зарубежная историческая литература и историческая периодика.

Не отбрасывая марксизм как методологию, но и не абсолютизируя его теоретико-методологические принципы, Л. В. Таран широко использует междисциплинарный подход, данные исторической географии, психологии, антропологии, экономической науки.

В третьей и четвёртой главах рецензируемой книги показано, что французская историография, взявшая на вооружение парадигмы неокантианства, а также, сохраняя преемственность историографической традиции – усвоив лучшее из позитивизма и марксизма, явила научному миру такой значительный научный феномен, как школа «Анналов», сосредоточив своё внимание на человеке как субъекте истории. Тысячи томов написаны в мире о проблеме ментальности, лингвистическом повороте; разворачивается археологическая революция. Об этом пишет в своей книге Л. В. Таран. И везде, где позволял материал, автор удачно и к месту сопоставляет развитие проблем теории и методологии истории во Франции, России, СССР, на постсоветском научном пространстве, прежде всего – русском и украинском (с. 100-102, 105-108, 115-120, 125-126, 127, 129, 137-138, 144-157, 166-176). В книге Л. Таран сформулирован парадоксальный в сравнении с общим её научным дискурсом вывод

о живучести позитивизма (с. 168): несмотря на всю силу и резкость критики, которую в своё время обрушили на него Ф. Симиан, А. Берр, Л. Февр, интерес к позитивистским парадигмам в мире не угасает, а в Украине тем более. В книге изложение позитивистских принципов ограничено первой главой. Главное внимание исследовательницы уделяется последующему развитию историографии.

В последней, пятой главе Л. В. Таран исследует постмодернизм и пост-постмодернизм, опираясь на достижения мировой историографии – английской, немецкой, итальянской, американской. Страницы 166-176 целиком посвящены историографии украинской. Автор отмечает, что, хотя в плане концептуального переосмысления своей истории она за годы независимости совершила прорыв, тем не менее, украинское историки в массе своей остаются на позициях позитивистско-марксистских (зачастую не упоминая самого К. Маркса). И всё же в сложных условиях институционального кризиса, ими предпринимаются большие усилия для овладения новыми методологическими подходами. Вполне обоснован вывод (с. 176) о том, что украинская историография имеет догоняющий характер. Всё изложенное автор не относит однозначно ко всем украинским академическим институтам и университетским центрам.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемая книга ценна – и это главное – тем, что её первый вариант, книга 1994 г., и новая дополненная, доработанная книга, была и будет действенной помощью украинским историкам для разворачивания широкого фронта актуальных исторических исследований на плюралистической методологической основе и для переосмысления концепции М. Грушевского об украинском историческом процессе, как линейном, закономерном пути Украины к независимости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лучицкая С. И., Таран Л. В. Иван Васильевич Лучицкий – исследователь истории Украины // Вопросы истории 2007. № 3.

Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

Реент О. Україна в імперську добу (XIX – поч. XX ст.) Київ. 2003.

Сарбей В. Г., Павленко Г. В. Рец. на кн.: *Таран Л. В.* Историческая мысль Франции и России (70-е гг. XIX – нач. 70-х гг. XX в.) Историческая мысль Франции и России // Український історичний журнал. 2007. № 2.

Кульчицкий Станислав Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом Института истории Украины НАН Украины.

SUMMARIES

*CHIKALOVA I. R. Professor Pavel G. Mizhuev:
a specialist in British studies and a Russian liberal*

The author analyses the impact of the work by P. G. Mizhuev (1861–1932) on the British Studies in Russia, the scholar's contribution to the studies of the British society, especially of parliamentarianism and separation of powers, the rise of civil rights, the development of public education system, approaches to town building, and to the problems of poverty, the rise of public welfare, the relationship between Britain and its settler colonies. The article pays a good deal of attention to Mizhuev's attempts to translate progressive experiences of Britain and its dominions into Russian intellectual circles and into mass culture.

Keywords: *P. G. Mizhuev, Britain, dominions, British Studies in Russia.*

NIKOLAI F. V., KOBYLIN I. I. The intellectual history of D. LaCapra: context and method

The article deals with the evolution of the views of Dominick LaCapra, a well-known American intellectual historian. A comparative study of his works demonstrates that for all changes in research topics, LaCapra's aspiration for 'transitive' dialogue both with the past and its most powerful interpretations – Derrida's deconstruction in 1970s, new social history in 1980s, and studies of trauma in 1990s – early 2000s – was preserved throughout all periods of his work.

Keywords: *intellectual history, context, studies of trauma, limits of representation, dialogue, examination.*

*KUKARTSEVA M. A. The brink of possibility, or some thoughts
on the new book by D. LaCapra*

The article presents a review of the book 'History and its Limits. Human, Animal, Violence'. It considers LaCapra's correlation between intellectual history, cultural history and critical theory in the context of the studies of the phenomenon of trauma. The author shows pros and contras of his position on such questions as historical studies of biopolitics, distinction human – non-human, post-secular society, and also points out some characteristics of LaCapra's research methodology.

Keywords: *trauma, biopolitics, intellectual history, victimization, cruelty.*

*SEREGINA A. YU. Englishmen or Catholics? Catholic pamphleteers of the 16 – early 17th
centuries in the history of English political thought*

The article analyses the history of interpretation of Catholic texts in the context of the history of English political thought. It is shown that until last decades the works by Catholic pamphleteers, influential as they were in their own time, have been all but ignored by scholars who had trouble overcoming confessional and ideological stereotypes.

Keywords: *political thought, English Catholics, Counter-Reformation, the Society of Jesus, Robert Persons, history of historiography, history of ideas.*

BELOV M. V., VITALIEVA A. I. Edmund Burke – an early ideologist of the British Empire

The article clarifies certain points of the old debate over the evolution of Edmund Burke's views. The authors interpret the texts by Burke with the focus on the analysis of their language. They look at three periods of crisis in the history of Great Britain and Burke's

political actions during each of them. The main task of the article was to make a dictionary of Burke's concepts and to find what he meant by them in particular contexts. In accordance with English legal and 'constitutional' traditions Burke searched for correlations with accepted rules of politics and the principles of the Enlightenment.

Keywords: *British Empire, crisis of the Empire, English law, the political language of Edmund Burke, conservatism.*

MINAKOVA YU. *The Russian Conservatism of the early 19th century*

The article is focused in the particular features of early Russian conservatism that emerged during the first quarter of the 19th c. As a reaction to the programme of radical modernization adopted by the Russian government in the 18th – early 19th cc. The author analyses main aspects of the activities of early Russian conservatives: their centres, ideological movements, and their impact on the internal policy of the government.

Keywords: *Russian conservatism, westernization, Gallomania, nationalism.*

TEREKHOV O. E. *Oswald Spengler and the 'conservative revolution' in the historiography of Western Germany*

The article is focused on the concepts of 'Russian socialism', Caesarism and the Spengler's criticism of democracy. It is shown how German historians interpreted and evaluated the role of the social and political ideas of Spengler in the development of the ideology of 'conservative revolution'.

Keywords: *Oswald Spengler, 'conservative revolution', Western Germany.*

RODIGINA N. N., SABUROVA T. A. *Generations in the social and cultural history of Russia in the 19th century: continuity and breaks*

The article is focused on the problem of generations that is of importance for the contemporary historical discipline. The article shows the dynamics of the concept 'generation', and the interpretations of the breaks and continuity of generation by Russian intellectuals, as well as the specific features of the discourse of generations in the 19th-century Russia.

Keywords: *generation, intellectuals, continuity and the conflict of generation, identity.*

SERYKH A. A. *The generation of the '1880s' and the generation identity of the Russian historians of the late 19th – early 20th centuries*

The article deals with the problem of generations in the Russian society of the late 19th – early 20th cc. The research is focused on the generation self-identification of the historians who entered the Russian academic community in 1880s. The author defines the main components of the image of '1880s' and its role in the shaping of generation identities of Russian historians.

Keywords: *generation, identity, 'the generation of 1880s', academic community, Russian historians of the late 19th – early 20th cc.*

MAGARIL S. A. *The Russian intelligentsia: the limits of rationality*

The article analyses the peculiar features of the worldview of the Russian intelligentsia. During the period between the late 19th and the early 21st centuries it has twice initiated grand-scale social transformations, and in both cases the Russian intelligentsia was marginalized. Reality had nothing to do with the dreams of Russia's educated classes, both

at the beginning and at the end of the 20th c. One has to admit: Russian intelligentsia's basic views of Russian society do not correlate to realities of its functioning and its historical trajectory.

Keywords: *intelligentsia, public conscience, social transformations, irrational views.*

GATINA M. R., MIKHEL D. V. *Contemporary historians of science on the early history of the London royal society*

The article analyses the approaches of the three generations of contemporary scholars on the early history of the London Royal Society. The authors point out that the focus had been gradually shifted from the analysis of the social factors that influenced the natural sciences in the early modern England, in particularly, religious and political ones, to the studies of social norms in the structure of knowledge.

Keywords: *London Royal Society, Merton thesis, Puritanism, experimentalism.*

MYAGKOV G. P. *The academic community of historians in pre-revolutionary Russia in the context of 'old' and 'new' models of historiographical studies*

The article is focused on the models of studies of the history of historical discipline in the pre-revolutionary Russia. The first one, shaped in 1920-30s saw this academic community in class terms and viewed it as an 'object of repression'. The second one was developed in the late 20th – early 21st cc. It places the studies of the academic community into anthropological paradigm. Heuristic potential of the 'new' model is emphasized.

Keywords: *academic community, institutional and communicative network, the field of a discipline, Soviet historiography, academic school, anthropological paradigm in historiography.*

BELYAEVA O. M. *The academic community of the university of St Petersburg under the rector E. D. Grimm: conflicts among the professors*

The author analyses the conflicts within the academic community of the University of St Petersburg that resulted from the personnel policy initiated by L. A. Kasso, the Minister of education: relocation of professors from metropolitan universities to provincial ones, and vice versa. The article is focused on the following problems: relations between groups of professors under the rector E. D. Grimm, and his position within the academic community, whose interests he protected and in what way, how the conflict was resolved, and how it influenced the both sides.

Keywords: *conflicts, academic community, the University of St Petersburg, L. A. Kasso, the minister of education, E. D. Grimm, the rector, metropolitan professor, appointed professors.*

IVANOVA T. N., ZARUBIN A. N. *N. I. Kareev and P. N. Ardashev: a publication of a forgotten obituary*

The article deals with the relations between the two historians – N. I. Kareev and P. N. Ardashev. The authors conclude that Kareev influenced the first steps of Ardashev's academic career. The authors publish the obituary of Ardashev written by Kareev.

Keywords: *P. N. Ardashev, N. I. Kareev, obituary, Russian historiography of World history.*

KLJUEVA I. A. *A history of a book: N. P. Ottokar and his book 'the commune of Florence at the end of Ducento' in the context of its time*

This is a publication of the report of an academic trip of N. P. Ottokar (1884–1957) – a St Petersburg medievalist, a disciple of I. M. Grevs, and later, a professor of the University of Florence. The text could be viewed in connection with the institutional structure of Russian education system but also as a theoretical introduction to the historian's monograph on social and political history of Florence, unpublished in Russia.

Keywords: N. P. Ottokar, Italy, Florence, report of academic trip, St Petersburg school of medieval studies, magnates and popolans.

DENISSOV S. A. *The image of authority in the epistles of John Apokaukos, the Metropolitan of Nafpaktos, to Theodore I Doukas (1215-1230)*

The article analyses the image of authority in the epistles by Byzantine intellectuals of the 13th c. and is focused on the epistles of John Apokaukos, the Metropolitan of Nafpaktos (1155–1233) to the ruler of Epirus Theodore I Dukas. One could find a group of epistles dedicated to war theme. It points to the preservation of the traditional image of emperor-warrior in the Western Balkans as an important motif in the political context of the 13th c.

Keywords: encomium, formulare, apangelia, motif, the kingdom Epirus.

SELUNSKAYA N. A. *Evidence of crisis and desire for salvation: prohibited luxury, holy poverty, redemptive jubilee in medieval Italy*

The idea of a 'crisis of epoch' suggests the analysis of specific models of behaviour, moral and religious norms that mark the epoch even better than wars or changes of dynasties, rebellions or famines, epidemics and climate anomalies. The introduction of Christian jubilees – a novelty that opens Trecento – could be classified both as a revolutionary change, and as a moment of crisis. Moreover, since contemporaries did not have statistical material available to historians, did not work with some economic and demographic markers, the reliance on 'data' in any known pre-industrial and even pre-informational historical community is inferior to the chances of using basic stereotypes – traditional or attractive in a particular situation or fashionable ideas and modes of behaviour.

Keywords: Medieval Studies, civitas, civic community, intellectual history, history of law, history of church, religious mentality, crisis, transitional periods, historical memory, jubilees.

PETROVA M. S. *The reception of Latin grammatical knowledge by Russian scholars in the 16th century: Dmitry Gerassimov and others*

The article presents a study of the text ascribed to Dmitry Gerassimov (16th c.) that could be traced back to the *Ars grammatica* by Donatus (4th c.). It was published by I. V. Yagich who used Kazan MS and the variant reading from the St Petersburg MS (Public Library). The author compares grammatical sections on letters, parts of speech, and names in both texts, finds common and specific features, points to the similarities in the method of teaching Latin and Russian languages. It is concluded that the text by Dmitry Gerassimov is related indirectly to the *Ars grammatica* by Donatus that itself depended on Priscian.

Keywords: grammar, text, source, grammatical tradition, method, education, teaching, similarity, specifics.

СОДЕРЖАНИЕ

К 150-летию со дня рождения

- И. Р. Чикалова*
Профессор Павел Григорьевич Мижув: российский англовед и либерал 5

Интеллектуальная история сегодня

- Ф. В. Николаи, И. И. Кобылин*
Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод..... 31
М. А. Кукарцева
Край возможного, или размышления о новой книге Д. ЛаКапры..... 45

Из истории политической мысли

- А. Ю. Серегина*
Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI – начала XVII вв. в истории английской политической мысли..... 61
М. В. Белов, А. И. Витальева
Эдмунд Бёрк – ранний идеолог британской империи..... 74
А. Ю. Минаков
Особенности русского консерватизма в первой четверти XIX века..... 100
О. Э. Терехов. Освальд Шпенглер и «консервативная революция» в историографии ФРГ..... 118

Российская интеллигенция: прошлое и настоящее

- Н. Н. Родигина, Т. А. Сабурова*
Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы..... 138
А. А. Серых
Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX–XX вв..... 158
С. А. Магарил
Российская интеллигенция: пределы рациональности..... 172

Из истории интеллектуальных сообществ

- М. Р. Гатина, Д. В. Михель*
Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки..... 191
Г. П. Мяжков
Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования..... 206

<i>О. М. Беляева</i> Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э. Д. Гримма: конфликты в профессорской среде.....	215
<i>Т. Н. Иванова, А. Н. Зарубин</i> Н. И. Кареев и П. Н. Ардашев: к публикации забытого некролога.....	236
<i>А. И. Клюев</i> Из истории одной книги: Н. П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи.....	249

История образов и представлений

<i>С. А. Денисов</i> Образ власти в письмах Навпактского митрополита Иоанна Апокавка Феодору I Дукe (1215–1230).....	271
<i>Н. А. Селунская</i> Свидетельства кризиса и жажда спасения: запрещенная роскошь, святая бедность, искупительный юбилей в средневековой Италии.....	290

Публикации

<i>М. С. Петрова</i> «Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке: на примере Дмитрия Герасимова и других.....	311
--	-----

Дискуссионный клуб

<i>С. Б. Крих</i> О «Бритве Оккама» в современной историографии: по поводу «историографических эпох» А. В. Юдина.....	365
<i>А. В. Юдин</i> Еще раз о вопросах периодизации истории антиковедения: По поводу рецензии С. Б. Криха.....	378

Читая книги

Рец.: Таран Л. В. Французька, російська і українська історіографія (70-ті рр. XIX поч. XX ст.). Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя. Ніжин, 2009. 247 с (С. В. Кульчицкий).....	388
Summaries.....	392
Contents.....	398

CONTENTS

150th anniversary

- I. R. Chikalova*
Professor Pavel G. Mizhuev – a specialist in British Studies
and a Russian liberal..... 5

Intellectual history today

- F. V. Nikolai, I. I. Kobylin*
The intellectual history of D. LaCapra: context and method..... 31
M. A. Kukartseva
The brink of possibility, a some thoughts on a new book by D. LaCapra... 45

History of political thought

- A. Yu. Seregina*
Englishmen or Catholics? Catholic pamphleteers of the 16th – early 17th cc
in the history of English political thought..... 61
M. V. Belov, A. I. Vitalieva
Edmund Burke – an early ideologist of the British Empire..... 74
A. Yu. Minakov
The Russian conservatism of the early 19th c. 100
O. E. Terekhov. Oswald Spengler and the 'conservative revolution'
in the historiography of Western Germany..... 118

Russian intelligentsia: the past and the future

- N. N. Rodigina, T. A. Saburova*
Generations in the social and cultural history of Russia in the 19th c.:
continuity and breaks..... 138
A. A. Serykh
The generations of '1880s' and generation identity of the Russian historians
of the late 19th – early 20th cc..... 158
S. A. Magaril
Russian intelligentsia: limits of rationality..... 172

History of the communities of intellectuals

- M. R. Gatina, D. V. Mikhel*
Contemporary historians of science on the early history
of the London Royal Society..... 191
G. P. Myagkov
The academic community of historians in pre-revolutionary Russia
in the context of 'old' and 'new' models of historiographical studies..... 206

<i>O. M. Belyaeva</i>	
The academic community of the University of St Petersburg under the rector E. D. Grimm: conflicts among professors.....	215
<i>T. N. Ivanova, A. N. Zarubin</i>	
N. I. Kareev and P. N. Ardashev: a publication of a forgotten obituary.....	236
<i>A. I. Kyuev</i>	
A history of a book: N. P. Ottokar and his book ‘The commune of Florence at the end of Ducento’ in the context of its time.....	249

History of images and representations

<i>S. A. Denissov</i>	
The image of authority in the epistles of John Apokaukos, the Metropolitan of Nafpaktos, to Theodore I Doukas (1215–1230).....	271
<i>N. A. Selunskaya</i>	
Evidence of crisis and desire for salvation: prohibited luxury, holy poverty, redemptive jubilee in medieval Italy.....	290

Publications

<i>M. S. Petrova</i>	
The reception of Latin grammatical knowledge by Russian scholars in the 16 th c.: Dmitry Gerassimov and others	311

Discussion Club

<i>S. B. Krikkh</i>	
The ‘Occam’s razor’ in contemporary historiography: on the ‘historiographical epochs’ by A. V. Yudin.....	365
<i>A. V. Yudin</i>	
One the problems of the periodization of Antiquity: the response to the review by S. B. Krikkh.....	378

Reading books

Review: Таран Л. В. Французька, російська і українська історіографія (70-ті рр. XIX поч. XX ст.). Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя. Ніжин, 2009. 247 с. [Taran L. V. French, Russian and Ukrainian Historiography, 1870s – early 20 th c. Nezhin, 2009. 247 p.] (<i>S. V. Kulchitsky</i>)...	388
Summaries.....	392
Contents.....	396